

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

ВЫПУСК

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S

ORIENTAL COMMISSION
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the General Editorship
of corresponding Member
of the Academy of Sciences of the USSR
D. A. OLDEROGGE

VOL. XVI

P A M I R

Editor
A. N. Zelinsky

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1975

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

ПА М И Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Ответственный редактор
А. Н. ЗЕЛИНСКИЙ

Книга посвящена малоизученным и актуальным проблемам истории и этнографии Памира. Большой интерес представляют статьи, касающиеся проблемы древнейшего заселения высокогорья Памира человеком, вопросов этнолингвогеографии страны и сопредельных районов, работы по памирским этнонимам, а также ряд исследований, связанных с геолого-географической характеристикой Памира.

С $\frac{20901-108}{013(02)-75}$ 135-75

Л. Ф. Сидоров

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ НАЗЫВАТЬ ПАМИРОМ?

«Что называть Памиром» — таков заголовок статьи одного из первых исследователей легендарной горной страны Д. Л. Иванова [37]. «Еще раз о том, что называть Памиром» — название появившейся почти через семьдесят лет заметки советского исследователя К. В. Станюковича [96], посвятившего изучению высокогорных районов нашей страны большую часть жизни. Позже вышла в свет монография «Основные проблемы физической географии Памира» О. Е. Агаханянца [5; 6]. Сведения о природе Памира содержатся в тысячах публикаций. Однако понятие «Памир» и пределы природного региона, к которому оно применимо, трактуются и по сей день различными учеными по-разному. В этом плане, по справедливому замечанию рецензентов [24, 124], и в последнем обобщающем издании [5; 6] не решены многие спорные вопросы. На окончательное решение этих проблем автор предлагаемой статьи, естественно, не претендует.

Цель настоящей работы — рассмотреть сформулированный в заголовке вопрос с позиций, определяемых накопленным автором за двадцатилетний период полевых и камеральных работ фактическим материалом. Постановка такой задачи актуальна потому, что интерес к Памиру в наше время продолжает расти.

Чем объяснить не ослабевающий, а, наоборот, возрастающий начинающая с прошлого века интерес к Памиру у исследователей самых различных специальностей?

Одна из причин этого — особое положение данной области на континенте. Памир находится в глубинной части материка между Передней, Средней, Центральной Азией и Индостаном.

Исключительным следует признать и его место в Альпийско-Гималайском орогеническом комплексе. Памир является своего рода фокусом [99, 129], к которому радиально сходятся с запада, северо-востока и юго-востока высочайшие горные системы планеты: Гиндукуш, Тянь-Шань, Куньлунь, Каракорум и Гималаи. Он вместе с тем представляет собой узел сгущения [99, 134] поясов гор, обрамляющих с севера и юга срединные массивы Иранского и Тибетского нагорий.

Немаловажным представляется и то обстоятельство, что в пределах территории нашей страны Памир является самой высокогорной ее частью.

Особый интерес представляет Памир для историков и этнографов. Здесь обнаружены многочисленные памятники каменного века на абсолютных высотах в 4 тыс. м и более [74]. В сопоставимых условиях доисторические люди проживали, по-видимому, только в Тибете, хотя там пока не найдены стоянки, подобные памирским. «Известно, что в неприступных тибетских горах время от времени укрывались различные племена и даже народы Центральной Азии, бежавшие сюда от тех или иных политических событий, происходивших во внутренней Азии» [76, 7]. Эти слова крупнейшего исследователя и знатока Внутренней Азии Ю. Н. Рериха вполне справедливы и для Памира. Тут тоже имеются следы различных культур и крупных караванных магистралей древности [36]. Очевидно также, что Памирское нагорье в отдельные периоды прошлого находилось в сфере довольно интенсивного взаимодействия между народами Передней, Средней, Центральной Азии и Индии [10; 15; 36; 52; 57; 74 и др.]. Последнее обстоятельство во многом обусловлено особым географическим положением и природными особенностями Памира.

Все это, вместе взятое, показывает, насколько большим и глубоким может быть интерес к Памиру как уникальному природному региону. Здесь действительно «зарыты ключи» к решению многих научных проблем, и исключительное внимание к Памиру вполне оправдано. Очевидно, попытки отрицать самостоятельность и самобытность этой области несостоятельны¹.

По традиции Памиром принято именовать всю территорию Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР и делить ее на Западный и Восточный Памир. При этом нередко восточную границу относят на Кашгарский хребет, а южную на Гиндукуш [12; 22; 23; 35; 47; 58; 65; 83; 103 и многие др.]. Н. А. Гвоздецкий в недавно вышедшей в свет книге указал на условность такого деления Памира [23, 38]. Как и все предыдущие исследователи данной области, он подчеркивает резкие различия рельефа западных и восточных районов ГБАО. Примечательно высказывание по этому поводу Д. В. Наливкина [61, 68]: «Нередко считают, что Памир представляет однородную географическую область. Это мнение является глубоко ошибочным. На самом деле резко обособляются две области. Одна характеризуется ледниковым ландшафтом и населена киргизами. Она и называется Памиром, вернее, Памирами. Другая область эрозионного ландшафта и населена только таджиками. Ее удобнее всего называть Горным Бадахшаном».

Понятие о Памире закономерно связывается большинством исследователей прежде всего с Памирским нагорьем, окруженным со всех сторон горами, значительно возвышающимися над его внутренней, сравнительно пологой частью [23; 26; 27; 37; 42; 44; 47; 54; 59; 60; 61; 69; 96; 97; 98 и др.]². Это хорошо было известно первым русским исследо-

---

¹ В заключительной части своей монографии О. Е. Агаханянц [6, 215] утверждает: «Прежде всего следует указать, что Памир не представляет собой региона в каком-либо отношении исключительного, выделяющегося на континенте специфическими природными чертами». Изложенные выше общеизвестные выводы об особом положении Памира на континенте и в Альпийско-Гималайской системе гор не подтверждают этот взгляд.

² Необходимо особо отметить абсолютно объективную позицию в этом вопросе редакции советских атласов. В Географических атласах мира, 1954 г. издания, и СССР, 1955 г. издания, название «Памир» расположено только на восточной половине Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР.

вателям географии района Памира Н. А. Северцову, М. В. Певцову, О. А. и Б. А. Федченко [67; 81; 82; 99; 100] и другим еще в прошлом столетии.

Впервые современную трактовку термину «нагорье» дал Л. С. Берг [14], причем Памир фигурирует в его статье как классический пример нагорья. Такое представление о Памире подкреплялось и позднее [46]. Понятие о нагорье несовместимо с глубоко расчлененным рельефом западных районов ГБАО (здесь молодые врезы рек достигают 3,5 км) и их, естественно, к Памиру Л. С. Берг не относил.

Ознакомление с литературой показывает, что с прошлого века и до тридцатых годов нашего столетия Памир трактовался большинством исследователей в «узких» границах. Границы эти не включали в себя западные районы ГБАО и Кохилал, обобщенно называвшиеся Горным Бадахшаном, отчего закономерным представляется и наименование автономной области. Подтверждение тому, что такое мнение было господствующим, можно найти в работах С. И. Коржинского [45], Г. Е. Грумм-Гржимайло [28], Б. А. Федченко [68], Н. Л. Корженевского [43; 44], Д. В. Наливкина [61; 62], И. А. Райковой [73] и многих других [26; 37; 69; 99; 100 и т. д.]. Да и сейчас значительное число специалистов или, как утверждает О. Е. Агаханянц [5, 37], подавляющее их большинство, причем посвятивших многие годы углубленному изучению этих и сопредельных высокогорий, считают собственно Памиром только Памирское нагорье [38; 61; 62; 71; 88; 96; 97 и др.]. И дело тут не только в рельефе. На существенные отличия других составляющих природных комплексов Памира («Восточного Памира») и Бадахшана («Западного Памира»), не раз указывалось в литературе [11; 12; 27; 31; 32; 35; 38; 41; 42; 47; 49; 53; 54; 55; 56; 58; 59; 60; 61; 62; 65; 69; 71; 74; 81; 82; 86; 92; 96; 97; 98; 103 и др.]. Мы тоже имели возможность обратить внимание географов на то, сколь крупный природный рубеж разделяет данные области, относящиеся к Центральной и Передней Азии [88].

Поскольку положение границ Памирского нагорья на севере, востоке и юге, проходящих соответственно по Заалайскому, Кашгарскому хребтам и Гиндукушу, в настоящее время особых споров не вызывает, то остается рассмотреть вопрос о его западных пределах, т. е. о границе с Бадахшаном. При этом нет необходимости обсуждать границу, сводимую иногда по Пянджу [22; 23; 35]. Справедливое и хорошо аргументированное суждение высказано на этот счет О. Е. Агаханянцем [5, 19].

Природные особенности правого и левого берега этой реки совершенно идентичны; и реальные природные рубежи высокого ранга проходят здесь по гребням хребтов, а не по долинам или вдоль склонов. В этом плане термин «большой Памир», пропагандируемый Н. А. Гвоздецким [22, 139; 23, 56], может представлять собой лишь «традиционный» географический регион в понимании В. И. Прокаева [72, 361]. Представление о нем могло сложиться на первых порах по недоразумению, а затем благодаря малой изученности Горно-Бадахшанской автономной области и некритическому отношению к терминологии со стороны многих специалистов вошло в обиход.

Указанные расхождения во взглядах имеют и некоторые предпосылки. Последователи традиционных представлений [5; 6; 7; 22; 23] ссылаются на приоритетное мнение Н. А. Северцова [82], который якобы трактовал понятие «Памир» очень широко.

В книге «Орографический очерк Памирской горной системы» действительно речь идет о регионе, вмещающем значительную часть Вы-

сокой Азии — Памиро-Алай, Гиндукуш, Северный Каракорум и ряд других горных районов. Мы пытались в очень краткой заметке [89] показать, однако, что в самом очерке Н. А. Северцова [82] Памир и «Памирская горная система» не одно и то же. Название «Памир» чаще упоминается там в узком, общепринятом современниками Н. А. Северцова смысле.

Тем не менее некоторые авторы продолжают приписывать первому русскому исследователю Памирского нагорья приоритет в утверждении понятия «большой Памир» [7]. Поэтому мы хотели бы напомнить о некоторых немаловажных деталях.

Обширный «Орографический очерк Памирской горной системы» Н. А. Северцова издан после смерти автора (1886 г.), и при жизни не был им отредактирован, о чем сказано в предисловии к разделу «От редакции», написанном И. В. Мушкетовым. Вот последняя фраза этого раздела: «Вышеприведенные объяснения, указывая на затруднения при издании настоящего труда, вместе с тем, мне кажется, послужат вполне уважительной причиной для снисходительного отношения критики к посмертному труду нашего знаменитого исследователя Средней Азии — Н. А. Северцова». В принципе, учитывая указанные обстоятельства, при выяснении мнения Н. А. Северцова о Памире нельзя опираться только на этот труд, а чтобы не составить превратного мнения о его взглядах, необходимо обратиться к прижизненным публикациям.

В опубликованной за пять лет до смерти работе Н. А. Северцова под «Памиром» подразумевается высокогорная страна с широкими плоскими долинами, обрамленная скалистыми горами, «из которых высочайшие... расположены по окраинам Памира: на северной — Заалайский хребет, на западной — снежные горы к З от Кара-Куля, на восточной две группы снежных пиков восточнее Рангуля» [81, 59]. Аналогичные описания собственно Памира находим и в последнем труде Н. А. Северцова с той только разницей, что Памир автор в этом издании называет «внутренним Памиром». Это положение лишней раз подкрепляется обширной подборкой цитат, которую приводит О. Е. Агаханянц [7].

Приводим еще одну со стр. 145 того же труда: «Не менее чем на указанной Петерманном восточной окраине внутреннего Памира развиты приблизительно меридиональные хребты и на его западной окраине — от западно-Каракульских до Шугнанских включительно». Кроме того, автор пишет: «Взаимные отношения абсолютных высот гор и долин, представляемые Памиром, общи ему с Тяньшанскими сыртами и с Тибетом; но в обеих последних местностях многие долины расширяются в настоящие плоскогорья» [82, 19]. По всей вероятности, здесь идет речь только о собственно Памире («Восточном Памире»). К Бадахшану («Западному Памиру») с его резко расчлененным рельефом представление сколько-нибудь сопоставимое с плоскогорьем, очевидно, не подходит. Соответственно на карте, прилагаемой к последнему неоконченному труду Н. А. Северцова [82], обобщающего названия «Памир» в применении к Бадахшану и другим горным областям нет. Памир в узком смысле выступает в указанной работе как бы орографическим «ядром» обширной горной территории и описание ее [82, 38—118] начинается именно с Памира.

Это описание и карта, его сопровождающая, являются первыми материалами по природному районированию интересующего нас региона. В этом плане посмертно изданная работа Н. А. Северцова [82] не утратила своего значения и по сей день.

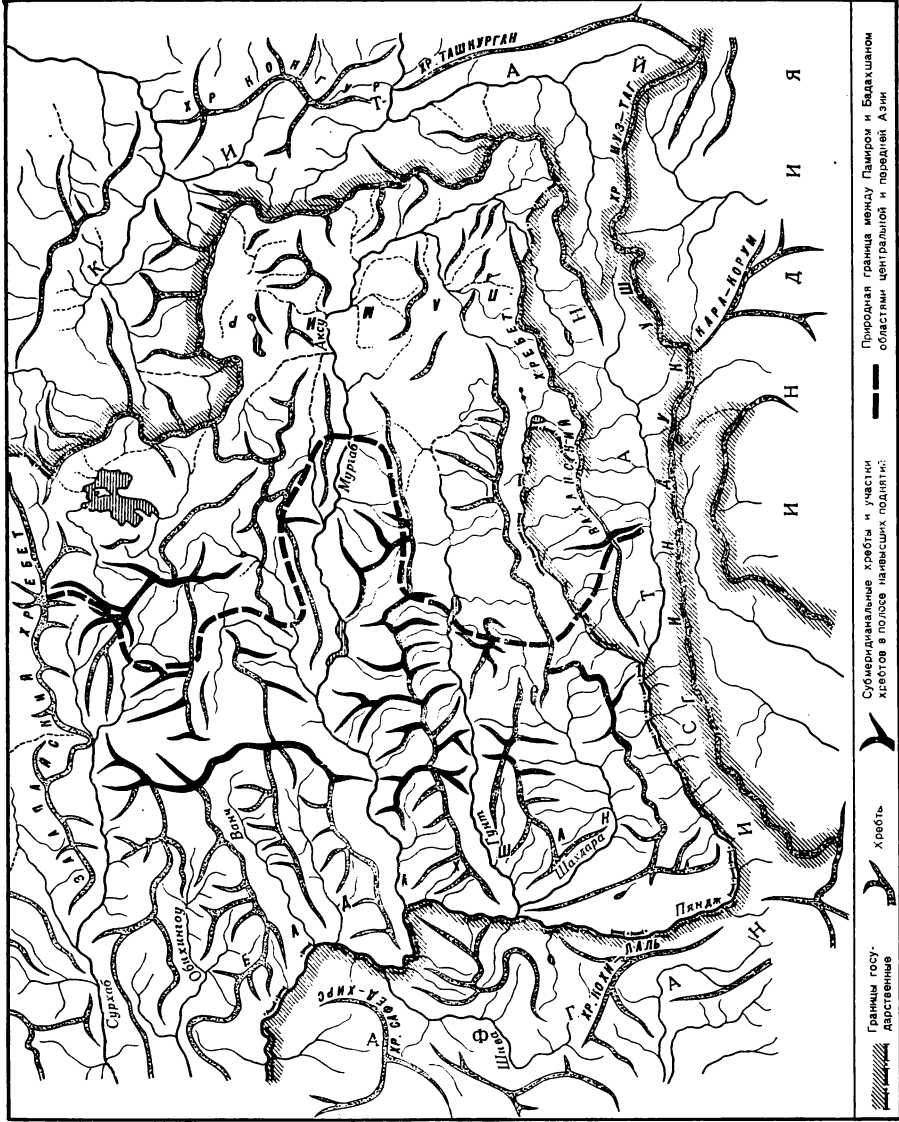

Схема орографии Памира и Бадхашана

Итак, изучение научного наследия выдающегося русского исследователя Н. А. Северцова, казалось бы, не оставляет сомнения о его взглядах на проблему трактовки термина «Памир». Тем большее недоумение вызывают попытки защитников «большого Памира» ссылаться [7] на гораздо более раннюю публикацию 1872 г. и на карту, приложенную к ней [80]. Последняя чрезвычайно неточна, но в этом Н. А. Северцов неповинен. На Памире он еще тогда не был и предпринял одну из первых попыток обобщения разрозненных материалов маршрутных съемок, расспросных данных и описаний А. П. Федченко, что особо оговорено в статье. Приведем несколько примеров ошибок карто-схемы. Набранная на ней крупным шрифтом надпись «Памирское нагорье» перекрывает весь Памиро-Алай. Как бы под ней находятся надписи более мелкие: Гиссар, Каратегин, Вахия, Дарваз, Шугнан (подпись помещена вдоль реки Муксу). Из Каракуля показан сток в бассейн Тарима (река Яман-яр) и Амударьи (река Муксу) и т. п. Очевидно, нет надобности перечислять все недочеты карты, равно как и ссылаться на нее для уточнения представлений Н. А. Северцова о Памире (последнее, конечно, требует объективного подхода к его трудам).

Из сказанного напрашивается только один вывод. Поскольку природные рубежи не совпадают с условными границами традиционного «большого Памира» и сама традиция не имеет солидной давности и не опирается на приоритетное мнение первых исследователей, то от нее лучше отказаться, исправив тем самым допущенную в тридцатых годах ошибку. Первым призвал к этому один из лучших знатоков Памира К. В. Станюкович [65], и его авторитетное высказывание нашло положительный резонанс [3; 31; 32; 38; 55; 71 и т. д.]. А. И. Толмачев [98] очень справедливо заметил, что «Западный Памир» — дезориентирующее название. Мы присоединяемся к этому мнению и считаем своевременным поддержать инициативу К. В. Станюковича, так как, обсуждая вопрос об объеме и границах Памира, некоторые исследователи в последние годы совершенно упустили из поля зрения «судьбу» Бадахшана.

Так, на территории «большого Памира» по правобережью верхнего Пянджа место восточной части Бадахшана занял «Западный Памир». О. Е. Агаханянц [5, 17] «выселил» Бадахшан за пределы СССР на левый берег Пянджа. Западный рубеж Памира он проводит по гребню Кохилаля, однако на восточных склонах последнего (по левобережью меридионально ориентированного отрезка реки Пяндж) им помещен «Восточный Бадахшан» [5, 17]. Получается, что последний является частью Памира, хотя обычно Бадахшан всегда считали находящимся к западу от самого Памирского нагорья [3; 31; 32; 55; 61; 62; 88; 97 и др.].

Первое яркое описание именно так взаимно расположенных Бадахшана и Памира можно найти в книге Марко Поло [42а, 74—76], где Пяндж упоминается как «большая река Бадасиана» (стр. 76).

Еще одна причина разногласий в понимании термина «Памир» — недостаточно четкое представление о положении природных рубежей Передней, Средней и Центральной Азии в Памиро-Алае и Тянь-шане. Вопрос этот довольно подробно разобран в труде О. Е. Агаханянца [6, 30—41]. Однако его попытку «внести ясность» в решение данной проблемы нельзя признать удачной. Стремясь определенно обозначить западные пределы Центральной Азии, автор использует понятие о по-лосе «динамического контакта, которую в отличие от Передней и глу-бинных частей Центральной Азии предварительно предлагается назы-

вать Внутренней Азией» [6, 41]. Более конкретного определения последней не приводится. Западной частью «Внутренней Азии», по О. Е. Агаханяну, и является Памир. Сама же «Внутренняя Азия» представляет собой нечто внешнее по отношению к значительной части Тибета, Таримской депрессии, Гоби [см. 6, рис. 6, 40]. Таким образом, одно недостаточно четкое понятие предлагается заменить другим, еще менее определенным, отчего наше представление о Памире отнюдь не выигрывает.

Наиболее точное, по нашему мнению, понятие о Памире как части Центральной Азии содержится в приведенном выше высказывании Н. А. Северцова [82, 19]. В соответствии с его взглядами, Памир — одно из высоких нагорий Центральной Азии. Нагорья эти весьма характерны для данного региона. Среди них наиболее сопоставимы с Памиром Тибет и сырты Тянь-Шаня. В такой интерпретации термина Памир в пределах Центральной Азии выступает как западный форпост ее высоких нагорий.

Бадахшан — примыкающая с запада к собственно горному Памиру область, с преобладанием резкого расчлененного рельефа и с очень древним оседлым земледельческим населением сложного этнического состава (рушанцы, язгулемцы, бартангцы, ишкашимцы, ваханцы, шугнанцы и др.). Население Горного Бадахшана называют обобщенно «горные таджики» или «припамирские таджики» [1].

В отличие от него Памирское нагорье до недавнего прошлого (до сороковых годов нашего столетия) оседлого коренного населения не имело. Здесь кочевали со своими стадами сравнительно немногочисленные роды киргизов (хадырша, теиты и т. д.).

Отстаивать понятие о собственно Памире, соответствующее только Памирскому нагорью, заставляют нас и палеогеографические данные. Опираясь на эти данные при анализе современного рельефа, мы считаем представление об орографическом единстве «большого Памира» и особой приподнятости его западной окраины, которую помещают на Кохилале [5], в корне ошибочным. Н. П. Костенко [47] и другими авторами [19] хорошо показано, что Памирское нагорье является неогеновым ядром обширного сводового поднятия, Кохилала же как орографической единицы и водораздела до среднего плейстоцена не существовало. До этого сток Пянджа, Гунта, Бартанга, Язгулема и Ванча был направлен на запад через пространство, ныне занятое Колхилалем [18; 47; 102 и др.].

Как мы уже указывали [88], рубежом между Памиром и Бадахшаном, а значит, и между Центральной и Передней Азией, служит мощное мслодое субмеридиональное поднятие, протянувшееся от пиков Ленина и Октябрьской революции в Заалайском хребте на юг к Гиндукушу. Оно в среднем значительно выше Кохилала (его средняя высота 5000 м) [35]. Поднятие это не монолитно, состоит из системы гребней и горных узлов, представляющих собой полосу различной ширины. Высшие ее части с севера на юг: хребет Академии наук (средняя высота гребня 5757 м) с пиками Коммунизма (7482 м) и Гармо (6595 м); хребет Зулумарт (средняя высота субмеридиональных гребней 5500 м) [35] с пиками Володарского (5567 м), Фрунзе (5790 м) и Веры Слуцкой (5910 м), пик Революции (6987 м) в Язгулемском хребте (в истоках ледника Федченко); пики Советских офицеров (6230 м) и Северный Зорташкол (6100 м) в Музкольском хребте (средняя высота субмеридионального отрога Зарташкол 5671 м [35]); пик Патхор (6080 м) в Рушанском хребте: отроги хребта Базардара — субмеридиональный гребень Караджилга (средняя высота 5600 м) с пиком Базартепе

(5880 м) и Сарезский с одноименным пиком (5980 м) и вершиной Черный шпиль (5800 м); пик Скалистый (5700 м) в Шугнанском хребте; массив Бакчигир (средняя высота 5240 м [35], высшая точка 5800 м) южнее оз. Яшилькуль; пики Карла Маркса (6726 м) и Фридриха Энгельса (6510 м) в Шахдаринском хребте; гора Кызылданга (5706 м) в Южно-Аличурском хребте; пик Снежная глыба (6504 м) в Ваханском хребте, и, наконец, вершины гребня Гиндукуша (средняя высота южного обрамления Памира и Бадахшана более 6000 м [5], высшая точка Тирчимир — 7690 м).

К западу от рассмотренной полосы наивысших поднятий³, в правобережной по отношению к Пянджу части Бадахшана («Западный Памир»), находится довольно много вершин с абсолютными высотами более 6000 м (например, пики Москва — 6785 м, Арнавад — 6083 м, Вудор — 6132 м, Маяковского — 6096 м, Берга — 6093 м и т. д.). В Кохилале же единственная вершина Вид-Газ имеет отметку 6010 м. Кроме того, значительное число гребней Восточного Бадахшана обладает средними уровнями более 5000 м (средняя высота Кохилала), тогда как днища его долин лежат на 2500—3500 м ниже.

В востoku от субмеридиональной полосы поднятий, на Памирском нагорье (средний уровень днищ долин которого около 4000 м), вплоть до его внешнего горного обрамления — Кашгарского хребта — таких высоких гребней мало. Встречаются единичные вершины обычно с пологими склонами, достигающие 5200—5300 м, а в Сарыколе есть две точки, имеющие отметки около 5500 и 5900 м, но они превышают днища широких основных долин только на 1000—1500 м, вполне вписываются в памирский пейзаж и столь грандиозного впечатления, как бадахшанские пики, не производят. Величина превышения горных массивов над дслинами, как правило, не более 800 м. И только в Кашгарском хребте (Западном Куньлуэ) вновь поднимаются «семитысячники» (Конгур — 7719 и Мустагата — 7546 м).

На существование меридиональных хребтов на Памире впервые обратил внимание Н. А. Северцов [82]. Он и впоследствии Д. В. Наливкин [61] называли их орографическими хребтами в отличие от основных тектонических широтного простирания. Оба исследователя связывали их происхождение с речной эрозией. В настоящее время о тектоническом, а не эрозионном происхождении субмеридиональных поднятий можно говорить с полной уверенностью [79]. Эта полоса со времени своего образования стремительно поднимается на пути стремящейся вверх к истокам эрозии бадахшанских рек. При этом преградой ей служат завалы, надолго перекрывающие русла крупнейших водотоков и образующие местные базисы эрозии. На это указывал в свое время Д. В. Наливкин [63].

Ярким примером остановки глубинной эрозии крупной реки служит Ирхтский завал, подпрудивший после землетрясения 1911 г. Мургаб и послуживший причиной образования Сарезского озера [104]. Исследования последних лет показали, что завалы в этом районе повторялись неоднократно и происходили еще в среднечетвертичное время [34]. Подобная остановка эрозионного вреза Гунта наблюдается у завального озера Яшилькуль [33] и у Чартымского завала. Завалы в полосе поднятий отмечены и на Кударе [101].

Д. В. Наливкин, всесторонне изучивший рельеф Памира и Бадахшана [61; 62], писал о промежуточной переходной зоне, расположенной

---

³ Возраст ее, как и Кохилала, следует считать среднечетвертичным [102].

между ними. И. А. Райкова [73, 1] отмечала «совпадение с этой пограничной полосой климатической, ботанической и зоогеографической границ Памира».

Естественно, что между двумя соседними природными областями существует переходная полоса. Однако области эти относятся к различным физико-географическим странам или субконтинентам и переходная полоса имеет, учитывая это обстоятельство, характер природного рубежа самого высокого ранга и заслуживает детального изучения. Несмотря на большую сложность рельефа, в полосе контакта Центральной и Передней Азии можно проследить ряд интересных особенностей.

Наиболее приподнятые участки данной полосы приурочены к западной ее периферии, а восточнее, как бы под их прикрытием, находится ряд водоразделов, разделяющих бассейны Памира, Каракуля, Амударьи (хребет Зулумарт); затем, в бассейне Амударьи, водоразделы второго порядка между системами Западного Пшарта и Акбайтала (персвал Акташ), Токузбулака и Аличура (перевал Койтезек), Шахдарьи и Памира (перевал Мац).

Поднятия прорезают реки Кудара, Мургаб, Гунт, Памир и Вахандарья. Долины Кудары и Мургаба узки и извилисты там, где они пересекают зону поднятия. Их русла огибают многочисленные высокие отроги основных хребтов, как бы сочленяющихся между собой подобно зубьям гигантских шестерен. По образному выражению местных жителей, реки эти протекают «между зубами дракона». Воздушные массы не могут свободно проникать на Памир по таким долинам с запада на восток.

Долины рек Гунт и Памир в этом отношении несколько более доступны. Однако в первом случае значительная часть воздушных масс устремляется, по нашим наблюдениям, вверх по долине левого притока Гунта Токузбулака к перевалу Койтезек. Во втором — основной воздушный поток направляется на восток, вверх по долине основного истока Пянджа — Вахандарьи, а склоны подступающих к руслу Памира хребтов оказываются в «дождевой тени». Русло Вахандарьи представляет собой достаточно широкий проход, продолжающийся вплоть до верховьев Аксу.

Указанные особенности строения долин и горно-долинной циркуляции воздушных масс во многом определяют своеобразие климата, оледенения, стока, растительного и почвенного покрова, животного мира Северного и Южного Памира.

По генезису типичные для Памирского нагорья долины и котловины представляют собой нередко «широкие аккумулятивные равнины» [55, 208], под поверхностными рыхлыми молодыми наносами которых в большинстве случаев погребены террасы раннечетвертичного возраста [53, 209].

Таким образом, на Памире в обширных долинах и котловинах в течение значительной финальной части квартера благодаря относительному оставанию поднятий нагорья от «обогнавших» его в ходе воздымания обрамляющих хребтов [102, 236] шла аккумуляция продуктов разрушения невысоких «внутренних» массивов нагорья.

В Бадахшане и полосе поднятий непрерывно с конца раннечетвертичного этапа происходила активнейшая денудация, вызванная молодыми поднятиями большой амплитуды [53, 208—209; 102, 236].

Следовательно, различия тектонического развития рассматриваемых областей обусловили прямо противоположные пути формирования рельефа Памира и Бадахшана.

Особенности развития рельефа данных районов усугублялись тем обстоятельством, что полоса молодых поднятий стала климаторазделом, преградившим дорогу почти всем осадкам, проникавшим ранее в пределы Памирского нагорья. Нагорье в голоцене лишилось сомкнутого растительного покрова [87]. Не менее 2—3 последних тысячелетий в долинах и котловинах собственно Памира универсальный характер имеет дефляция [90]. Продукты развевания — пыль и песок — оседают на склонах гор. Их плавные очертания в пределах нагорья во многом обязаны этим эоловым отложениям, которые в условиях аридного климата и соответственно при слабой поверхностной эрозии «консервируются» здесь, обволакивая и смягчая все перегибы склонов. Наиболее яркие свидетельства эоловой аккумуляции — барханные пески — представлены локально, но они довольно обычное явление для собственно Памира [90]. То незначительное количество осадков, которое получает нагорье (60—100 мм), выпадает весной и летом [11; 55].

В полосе поднятий и к западу от нее, в Бадахшане, атмосферное увлажнение в высокогорьях (или на сравнимых высотах) больше, чем на Памире при зимне-весеннем максимуме осадков [11; 55; 103]. Это значительно благоприятнее для накопления снегов и формирования ледников [35]. Модуль стока в Бадахшане и летом и зимой выражается величинами во много раз большими, чем на Памире. В этом одна из основных причин энергичного вреза бадахшанских рек в днища долин.

Горно-долинная циркуляция воздушных масс в Бадахшане так же активна, как и на Памирском нагорье. Однако дефляции подвержены ограниченные наиболее молодые среднегорные участки пойм крупных рек, лишенные сомкнутого растительного покрова [2; 29]. В высокогорном ярусе значение дефляции несравненно меньше, чем на Памире на тех же уровнях. Причина тому — более сомкнутой растительный покров, в частности, субальпийского пояса Бадахшана, надежно защищающий мелкзем от выдувания.

Рассмотрим генезис рельефа Памира и Бадахшана еще в одном аспекте. Некоторые исследователи пытаются поставить знак равенства между поверхностями выравнивания этих областей [5; 42; 83; 105]. В Бадахшане они весьма разнородны: «Это уровни, уступы, перегибы склонов, ступени, террасы, крупные плоские поверхности („дашты“» [5; 90]. Имеются тут и отдельные участки дочетвертичных и, возможно, ранчетвертичных поверхностей выравнивания [42; 53; 83]. На Памирском нагорье древних, дочетвертичных поверхностей выравнивания практически нет. Есть лишь небольшие останцы, фрагменты и признаки, указывающие на их бывшее существование [75]. Это объясняется тем, что такие поверхности в значительной степени уничтожены в период ранчетвертичного оледенения. В тот период ледники с нагорья стекали в Алайскую долину, занимали всю долину Аксу и Аличура, двигаясь оттуда в верховья Шахары и далее в Бадахшан, по долине Пянджа спускались от верховьев Вахандарь почти до его современного поворота на север, а может быть, и далее за современный Кохилал [61; 69; 77; 78; 91]. Такой размах оледенения в начале плейстоцена можно объяснить только отсутствием на пути воздушных масс, приносящих на собственно Памир влагу Кохилала, Заалайского хребта [91], и меньшими высотами Гиндукуша, который не был тогда столь непреодолимым препятствием для индийского муссона, как теперь. Ранчетвертичные террасы на Памире в ряде случаев погребены под самыми молодыми наносами [53].

Учитывая это и наибольшую активизацию новейшей тектоники в

полосе субмеридиональных поднятий в среднем квартере, а также высокие скорости поднятий в дальнейшем, сравнимых одновозрастных поверхностей на Памире и в Бадахшане должно быть очень мало и их сопоставление не может быть достаточно обоснованным [78, 66].

Относительно хорошая сохранность близ западной периферии Памирского нагорья останцов пенеplена (например, в верховьях Шахдары [86]), уничтоженных в рамках Памира раннечетвертичным оледенением, говорит о том, что Бадахшан был несколько ниже Памира. С последнего в те времена стекали глетчеры, расчленившие на отдельные «острова» древнюю поверхность выравнивания [91].

В настоящее время основные различия природных комплексов Памира и Бадахшана определяются наличием субмеридионального сложного поднятия, разделяющего их со среднего квартера; Кохилал, уступая ему по высоте, не является, кроме того, монолитной горной системой, и воздушные массы, как правильно подметил Р. Д. Забиров [35, 29], широко проникают в пределы Горного Бадахшана, обтекая с севера и юга крупнейший из его хребтов — горы Мадут. Влияние воздушных масс на все составляющие природного комплекса Бадахшана затухает в «частоколе» описанной выше полосы наивысших поднятий. На Памир через нее они проникают иссушенными и окончательно здесь трансформируются. Поэтому Памирское нагорье отличается преобладанием в течение всего года местного воздуха, особенно зимой (с октября по май), когда над Памиром формируется местный антициклон⁴. Подобное явление, как известно, обычно также для Тибета и Армянского нагорья [9].

О. Е. Агаханянц совершенно прав, настаивая на обязательном учете максимально большего круга элементов природной среды при «установлении таких реально существующих границ, пересечение которых неизменно приводило бы в принципиально иную природную обстановку» [5, 166]. С этих позиций мы попытаемся уточнить положение природного рубежа между Памиром и Бадахшаном, который одновременно разделяет Центральную и Переднюю Азию [88].

Однако предварительно следует отметить, что при решении вопросов природного районирования интересующих нас областей в большинстве случаев из поля зрения географов почти полностью выпадает животный мир [5; 6; 22; 23; 35; 92; 103 и др.]. Зоологами же территория Горно-Бадахшанской автономной области изучена довольно детально и соответственно подразделена в зоогеографическом отношении [40; 41; 49; 58; 59; 71 и др.]. В развитие имевших место ранее взглядов в последней обобщающей работе [49, 360, рис. 24] Памир и Бадахшан отнесены к различным надпровинциям: первый к Центральноазиатской, второй к Ирано-Туранской.

Аналогичное мнение о флоре Памира и Бадахшана неоднократно высказывалось ботаниками [27; 38; 65; 73; 97; 98; 100 и др.]. Однако имеется высказывание и в пользу их флористической общности [6]. Сравниваются при этом, как нам представляется, несравнимые величины: «досконально» [6, 8] установленный С. С. Иконниковым [38] видовой

---

⁴ Исключением является только один район Кызылрабата на юго-востоке нагорья, куда по долине Пянджа и Вахандары зимой проникают воздушные массы, перевалившие невысокий перевал в Кохилале у северного подножия Гиндукуша [56]. Этот перевал — часть древней долины пра-Пянджа. Летом в долину Вахандары и на Кызылрабат через перевал Барогиль в Гиндукуше проникают отголоски индийского муссона [35]. Таким образом, район истоков р. Аксу представляет собой ловушку для атмосферных осадков [56].

состав советской части собственно Памира и далеко не полный перечень растений Бадахшана («Западного Памира»). По мнению О. Е. Агаханянца, он располагал при сравнении всего 60% видового состава «западнопамирской флоры» [6, 18], но от сравнения почему-то не отказался. Неоправданным кажется и утверждение о наличии общих черт в растительном покрове рассматриваемых областей, основанное на явно устаревшей в принципиальном отношении классификации, согласно которой, например, вся многообразная растительность альпийского пояса отнесена к одному безликому типу «криофильной» [6, 39]. Это было допустимо на заре изучения растительного покрова Памира и Бадахшана [64; 65; 73; 94]. К настоящему времени описаны альпийские сазы (болота), луга, степи, подушечники [55; 84; 86; 95; 97 и др.] и даже спорные альпийские пустыни [55; 95].

Еще одно предварительное замечание. В ходе многолетней дискуссии геологов о северных пределах Памира была признана методически неверной постановка вопроса о геологической границе «между современными географическими понятиями, между горными системами Памира и Тяньшаня» [50, 7]. При этом справедливо указано на возможность отсутствия геологических различий и границ между самостоятельными природными регионами высокого таксономического ранга, каковыми являются Алай и Памир [50, 7].

А вот что пишет О. Е. Агаханянец: «Работами целого ряда видных геологов было доказано, что геологический рубеж между Передней и Центральной Азией отсутствует, поскольку главные тектонические структуры имеют широтное или субширотное простирание и Центральная Азия оказывается геологически тесно связанной как с Юго-Западной Азией и Индо-Синидами юго-востока континента (В. Сеницын, 1945, 1955; Муратов и Архипов, 1961; Наливкин, 1963, и др.), так и с платформой Индостана (Петрушевский, 1961). В геологической литературе понятие Центральная Азия всегда обосновывалось негеологическими „признаками“» [5, 32]. Однако затем автор использует «единый структурно-тектонический план» Памира и Бадахшана («Западного Памира») для обоснования их природной общности. Мы не можем следовать этому примеру. Для нас важнейшим критерием при установлении природных границ являются характерные черты рельефа, формирование которых обусловлено не только геологическим строением и тектоникой, но и специфическими климатическими особенностями настоящей и минувших эпох.

Поэтому попытки объединения в пределах одного природного региона, пусть даже самого высокого ранга, Памира и Бадахшана [5; 6; 22; 23 и др.] представляются нам неправомерными. И если при этом указывается цифра площади выработанных длительной эрозией долин Бадахшана в процентах от всей его площади и плюс к этому площади всего Памирского нагорья (т. е. в рамках, принятых для Памира О. Е. Агаханянцем), равная всего 0,7% [5, 26 и 92], то это, естественно, вызывает у нас сомнения и заставляет проверять, так ли это. Наши подсчеты площади одной только главной долины Пянджа дали величину в десять раз большую. При подсчетах (в границах, принятых О. Е. Агаханянцем [5, 6]) мы исключали любые плоские поверхности, кроме тальвега, и относили к долине только половину высоты каждого ее склона.

Все сказанное выше о характерных чертах рубежа между Центральной и Передней Азией, простирающегося на большом протяжении перпендикулярно основному широтному направлению хребтов Памира и Бадахшана, показывает, как сложно могут переплетаться в переходной

полосе различные физико-географические особенности. Однако при достаточно глубоком анализе всей совокупности составляющих природных комплексов в полосе контакта она может быть сужена до условной линии, по одну сторону которой преобладают черты, характерные для Памира, по другую — для Бадахшана.

Примерами всестороннего рассмотрения характерных черт природы, в том числе и растительного покрова северной части переходной полосы на основе детальных картографических данных, может служить работа В. К. Луканенковой [54].

Автор настоящей публикации также участвовал в крупномасштабном картировании растительного покрова всей переходной полосы между Памиром и Бадахшаном и располагает соответствующими материалами для детальной ее характеристики. Объем сборника не позволяет разбирать подробно всю переходную полосу между рассматриваемыми областями, но на отдельных ее характерных чертах следует особо остановиться.

Утверждение О. Е. Агаханянца о «многоплановости» границы между Памиром и Бадахшаном в связи со взаимным проникновением элементов их растительности на соседние территории и о ее неопределенности, так как полоса контакта занимает якобы $\frac{2}{3}$ Горно-Бадахшанской автономной области [6, 28], мы не можем считать справедливым. На деле при ближайшем знакомстве с этой переходной полосой достаточно ясно обнаруживается условная линия, по одну сторону которой преобладают памирские фитоценозы, по другую — бадахшанские. Фрагменты «памирской» растительности в Бадахшане, по нашим многолетним наблюдениям, существенной роли в растительном покрове высокогорий не играют. Это очень мелкие пятна и вкрапления криоксерофитов, связанные с малоснежными, обдуваемыми перегибами склонов южной ориентации, т. е. произрастающих в приближенных к памирским условиях. По западной окраине Памира, особенно Южного, влияние бадахшанских элементов выражено довольно значительно, но опять-таки не они определяют «лицо» растительного покрова [55].

В переходной полосе изменяется соответственно и состав поясов растительности. Достаточно широко освещен вопрос о поясности в книге В. К. Луканенковой [55], где показана ошибочность мнения О. Е. Агаханянца о том, что растительность Памира и Бадахшана однородна. В этой работе подчеркнута также важность объективного и методологически выдержанного подхода к решению вопросов поясного подразделения горной растительности.

Наконец, несколько частных, но существенных замечаний.

Относительно «памирских» элементов в растительном покрове Бадахшана имеется немало высказываний [4, 105; 32, 402 и др.]. Чаще всего в этом плане речь идет о терескене (*Krascheninnikovia ceratoides* (L.) Gueldens s. i.). О нем нужно сказать, что хотя он и является характернейшим растением Памира, однако служить индикатором типично памирских условий не может. Преобладание формации терескена в растительном покрове действительно свойственно субальпийской ступени Памирского и Тибетского нагорий [27; 65; 94; 95; 97]. Вместе с тем терескенники — довольно обычный элемент растительного покрова в Бадахшане [3; 4; 31; 32; 65]. Там он неоднократно отмечен в травянисто-полукустарничковом ярусе под пологом древесных пород в тугаях [30]. О. С. Гребенщиков [25, 104] отмечает «ведущую роль» *Krascheninnikovia ceratoides* s. l. наряду с другими ксерофитами в полупустынных сообществах, произрастающих по долинам Югославской Македонии в близком соседстве с древесной растительностью, в частности с дубо-

выми лесами. Терескенники встречаются и среди степной растительности Алайской долины [20], в Тянь-Шане [20; 94], в песчаных пустынях Южного Казахстана и реже Туркмении [21; 94], в Кашгарии, Цайдаме, Монголии [27]. Вообще, ареал этого растения простирается от Пиренейского полуострова и Северной Африки до Северного Китая, и терескен является типичным представителем «флоры Тетиса» М. М. Ильина [39].

Поэтому, прежде чем оценивать терескен как типично высокогорный элемент и индикатор природных условий Памира, следует учесть, что его экологическая пластичность позволяет ему выступать в роли доминанта в растительном покрове весьма отдаленных и отнюдь невысокогорных стран. Следовательно, формальная констатация его произрастания в Бадахшане еще не дает оснований говорить о нем как о «памирском» элементе в растительном покрове этой области. Здесь необходим более широкий подход к определению его синэкологической принадлежности.

Нельзя также безоговорочно причислять к мезофильным растениям шиповник *Rosa webbiana* Wall. aff., жимолость *Lonicera pamirica* Pojark., крушину *Rhamnus minuta* Grub., барбарис *Berberis caschega rica* Rupr., селитрянку *Nitraria schoberi* L., которые имеют ярко выраженную ксероморфную структуру. Селитрянка, в частности, представляет собой безусловно очень древний элемент пустынной азиатской флоры [17; 39; 48; 70 и мн. др.].

По окраинам Памира в отдельных укрытых долинах имеются очень небольшие участки ивняков, связанные исключительно с грунтовым увлажнением. При правильном определении природной границы между Бадахшаном и Памирским нагорьем совершенно невозможно будет утверждать, что «по долинам рек леса и пойменные луга Западного Памира заходят далеко на восток...» [6, 28]. При этом нужно еще учесть, что в действительности самобытные пойменные луга Памирского нагорья [84; 96] скорее «спускаются» и идут на запад по речным долинам Бадахшана в связи со сносом водой семян вниз по течению.

Почвенный покров ГБАО изучен еще недостаточно и преждевременно давать решительные его определения. Однако предварительно можно констатировать, что почвы высокогорий, прежде всего субальпийского пояса Бадахшана, по нашим наблюдениям, богаче и имеют более темную окраску, чем памирские. Это объясняется более богатым и сомкнутым, сильно оstepненным растительным покровом субальпийки Бадахшана в сравнении с разреженными пустынями и полупустынями Памира, что обусловлено в свою очередь особенностями атмосферного увлажнения рассматриваемых территорий, о чем сказано ранее.

Все изложенное достаточно, как нам представляется, освещает наши взгляды на оценку составляющих природного комплекса при уточнении положения рубежа между Передней и Центральной Азией, разделяющего их пограничные области — Бадахшан и Памир.

Границу между ними проводят нередко приблизительно от хребта Академии наук или Зулумарта через Сарезское озеро (Усойский завал), оз. Яшилкуль к слиянию рек Памир и Вахандарья, дающих начало Пянджу, или через перевал Мац. Несколько детальнее рассмотрен вопрос о пограничной линии К. В. Станюковичем [96] и Р. Д. Забиновым [95]. В монографии О. Е. Агаханянца [5; 6] о положении этого рубежа ничего определенного не говорится, а на схеме природного районирования [6, 173, рис. 4] он показан как природная граница подчиненного третьего ранга. Проведена эта граница в довольно близком соответствии с нашими прежними описаниями [85, 5; 88, 496—497]. Однако имеются и отклонения. Так, она слишком далеко смещена к востоку по

р. Мургаб. Незначительные площади редкостойной ивы в устье Карасу (урочище Джамантал, в переводе «плохая ива») вряд ли могут служить для этого основанием.

Многолетние наблюдения автора позволяют уточнить положение природного рубежа между Памиром и Бадахшаном по сравнению с предлагавшимися вариантами [35; 95; 96 и др.].

Уточнения сводятся к следующему. По характеру рельефа, растительного и почвенного покрова, а также животного мира к Памиру относятся бассейны верхнего Беляндкиика, до слияния его с Зулумартом (не включая долину последнего, представляющую собой ловушку атмосферных осадков), верховьев Кокуйбельсу до слияния с Бозбайталом (включая его долину), верховьев Западного Пшарта до слияния с Сасыком (включая эту долину). Исходя из основных природных особенностей и учитывая данные метеостанции Джаушангоз, к Бадахшану следует отнести бассейн верховьев Шахдары. Несмотря на большое распространение в рельефе этого района выравненных пространств, они совсем не «по-памирски» расчленены реками, прорезавшими себе в нижнем течении, перед слиянием с основной водной артерией Джаушангазом, глубокие ущелья (например, истоки этой реки и ее верхние притоки). Кроме того, в растительном покрове верховьев Шахдары очень широко представлены субальпийские колючеподушечники с господством *Acantholimon pamiricum Czerniak. et Lincz.*, альпийские степи из *Nepeta pamirensis Frauch.*, весьма характерные для высокогорий восточной периферии Бадахшана и представленные лишь небольшими пятнами на юге, а также по западным окраинам Памира. Несомненно, бадахшанскими выступают здесь в растительном покрове степные ценозы *Leucosora olgae Krecz et Bobr (Rgl.)*, занимающие промежуточное положение между степями и лугами сообщества лука Федченко (*Allium fedtschenkoanum*), луга с преобладанием *Kobresia persica Kük et Bornm.* и другие элементы [86].

В соответствии с изложенным границу между Памиром и Бадахшаном необходимо проводить от пика Октябрьского в Заалайском хребте на юг по гребню хребта Зулумарт и его отрогу, разделяющему долины рек Беляндкиик и Зулумарт, до слияния последних; затем, оконтуривая бассейн р. Джейлякумса, по гребню хребта Северный Тынымас до перевала Тахтакорум; далее на перевал Карабулак и по Музкольскому хребту до истоков Сасыка; по гребню отрога Музкола, разделяющего бассейны Сасыка и Саукса, на юг до гребня Пшартского хребта и по нему, оконтуривая бассейн Западного Пшарта, до перевала Акташ; далее на юг, через долину Мургаба, на перевал Акархар в хребте Базардара; по его гребню до верховьев р. Малый Марджанай, оконтуривая бассейн последнего, на массив Бакчигир (через оз. Яшилкуль); через перевал Койтезек до слияния Харгуша с р. Памир и далее на юг до гребня Гиндукуша.

Для уяснения наиболее существенных особенностей природы Памира и окружающих его территорий интересно проследить основные моменты ее формирования с древнейших времен.

Многочисленные отпечатки архегониагов триасового периода в углистых сланцах Бердыша и Западного Пшарта⁵ свидетельствуют о существовании на месте Северного Памира суши, омывавшейся теплым морем, на побережье которой в лагунах произрастали влажные леса. Подобный режим сохраняется и в юре. В это время угленакопление присходит юго-западнее, в районе Куртеке, где найдены залежи угля.

А. Н. Криштофович [48, 49—50] указывает на сохранение кордаитов на Памире до юры в качестве «последних могикиан» для территории

Евразии и отмечает широкое распространение здесь и в соседних областях саговниковых и хвойных.

В пределах основной части современного нагорья морской режим завершился к концу мела. В это время здесь сформировались обширные, подвергавшиеся перефлоризации, участки суши [19; 75 и др.]. Однако заливы моря, простиравшегося на западе и юге, глубоко расчленили эту невысокую сушу и сохранялись почти до неогена в районе Заалайского [16; 77 и др.] и Музкольского хребтов [13; 51 и др.]. Периодически, до олигоцена включительно, они превращались в проливы, соединяющие Кашгарский озерно-морской бассейн с морями, существовавшими на месте нынешней Таджикской депрессии и Ферганы [93, 151].

Это позволяет говорить о возможности преемственности развития кайнозойской растительности приморского Памира тех времен из мезозойской.

К концу олигоцена относятся первые проявления поднятий, не изменившие существенно рельефа рассматриваемой территории [47].

В соседнем Бадахшане Б. П. Бархатов [13] отмечает наличие в олигоцене отдельных хребтов высотой до 2000 м. Берега обширного палеогенового моря у подножия невысоких еще гор Тянь-шаня, Памира и Гиндукуша были сильно изрезанными и представляли чередование заливов и гористых мысов [93, 161]. В самом конце палеогена к Памиру на юго-востоке примкнул обширный массив суши с довольно крупными (до 2 км) глыбовыми горами Куньлуня и Наньшаня [93].

К этой эпохе следует, по-видимому, отнести начало формирования на обширной гористой суше горной, прежде всего лесной, растительности. Существование здесь лесов представляется вполне естественным, так как на западе и юге простирались обширные моря и значительных горных преград на пути воздушных масс, несших с них влагу, не существовало. Вместе с тем в локальных, укрытых от влияния морского воздуха горных местообитаниях могли, вероятно, произрастать исходные формы ксерофилизированных растений.

Следующий, неоген — четвертичный, этап геологического развития Памира и его окружения — грандиозное сводово-глыбовое воздымание, охватившее большие пространства и достигшее к настоящему моменту размаха более 8 км [12; 68].

В плиоценовых отложениях у перевала Кокбай (юго-западная окраина Памирского нагорья) М. М. Пахомов [66] обнаружил большое количество спор и пыльцы. Пыльцевые диаграммы, составленные указанным исследователем, свидетельствуют о существовании здесь горнотажных лесов с преобладанием ели и пихты, которые позднее сменили более теплолюбивые леса гималайского типа из кедра, дуба, сосны, и затем господство вновь перешло к темнохвойным породам пихтово-еловой тайги. У Кокбая флороносной оказалась тридцатиметровая пачка озерных глин, заключенная в толщу аллювия, перекрытого раннечетвертичными ледниковыми отложениями. Если возраст последних определен правильно, в чем у нас нет уверенности, то время захоронения пыльцы следует оценить как Ng_2-Q_1 . После детального изучения вопроса эта дата может оказаться и иной — Q_1 , а ледниковые отложения будут рассматриваться как среднечетвертичные.

В любом случае бесспорным является непрерывное развитие в пределах нагорья и на окружающих территориях лесной растительности по крайней мере с палеогена и, возможно, до среднечетвертичного времени.

---

⁵ Позднетриасовый возраст этой флоры подтвержден определениями Т. А. Сикстель образцов из новой коллекции, собранной геологами.

Сложно дифференцированные поднятия большой амплитуды в сочетании с оледенениями определяли особенности природного комплекса Памира и прилегающих областей в плейстоцене. Этого мы касались уже выше. Кроме того, четвертичная история растительного покрова Памира рассмотрена нами в ряде публикаций [см. 76; 87]. Важно подчеркнуть, что со среднего квартера развитие природы Памирского нагорья шло по линии похолодания в результате увеличения абсолютных высот и иссушения, обусловленного нарастанием барьерной роли обрамляющих гор, перехватывавших все более атмосферные осадки. Показательно в этом плане и последовательное уменьшение размеров древних оледенений Памира в результате иссушения. Уменьшение атмосферного увлажнения оказалось здесь решающим, а общее поднятие изолированного горным обрамлением нагорья второстепенным фактором.

ВЫВОДЫ

1. Памир — уникальный природный регион. Этим и объясняется все возрастающий интерес к нему со стороны исследователей различных специальностей.

2. Понятие о Памире закономерно связывается только с Памирским нагорьем, окруженным со всех сторон горами, значительно возвышающимися над его внутренней, сравнительно пологой частью. Это мнение является приоритетным и восходит к Н. А. Северцову — первому исследователю Памира.

3. К западу от Памира находится Горный Бадахшан, часть которого неправомочно включают нередко в состав Памирского природного региона под названием «Западный Памир». Памир и Бадахшан — природные области соседних, но глубоко различных физико-географических стран Центральной и Передней Азии.

4. Рубежом между Памиром и Бадахшаном и, следовательно, между Центральной и Передней Азией является крупное молодое субмеридиональное поднятие, протягивающееся от хребта Академии наук и Зулумарта на юг к Гиндукушу. Оно значительно выше Кохилала, на который иногда ошибочно перемещают западную природную границу Памира. Поднятие стало климаторазделом и природным рубежом со среднего квартера.

5. Памирское нагорье — неогеновое ядро обширного сводового поднятия. Со среднего квартера его горное обрамление превышает все более это древнее «ядро» и к настоящему времени перехватило почти все атмосферные осадки, приносившиеся сюда ранее воздушными массами с запада, северо-запада и юга.

6. Различия тектонического развития Памира и Бадахшана обусловили прямо противоположные пути формирования рельефа и всего природного комплекса этих областей. На Памире, благодаря отставанию поднятий нагорья от «обогнавших» его в ходе воздымания обрамляющих хребтов, шла аккумуляция продуктов разрушения невысоких «внутренних» массивов нагорья. В Бадахшане и полосе субмеридиональных поднятий, отделивших его от Памира, непрерывно с конца ранне-четвертичного этапа происходила активнейшая денудация, вызванная молодыми поднятиями большой амплитуды.

7. Все компоненты природного комплекса Памира и Бадахшана различаются достаточно четко. Различия эти носят принципиальный характер, попытки их преуменьшить и объединить эти области, относящиеся к различным физико-географическим странам, в рамках одного «большого Памира» несостоятельны.

8. При ближайшем знакомстве с переходной полосой между Памиром и Бадахшаном достаточно четко выделяется условная линия, по одну сторону которой преобладают памирские элементы, по другую — бадахшанские.

9. Анализ формирования особенностей природы Памира с древнейших времен показывает непрерывность развития здесь с мезозоя и до среднего квартера включительно лесной растительности. Дальнейшее развитие среды Памирского нагорья шло под знаком похолодания и аридизации, обусловленных особенностями новейшей тектоники.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Т. Г., Очерки истории Бадахшана, Ташкент, 1964.
2. Агаханянц О. Е., Формы аккумуляции песков в Вахане,— «Доклады АН ТаджССР», 1956, № 16.
3. Агаханянц О. Е., Краткий обзор растительности Бадахшана,— «Труды АН ТаджССР», т. 99, Сталинабад, 1958.
4. Агаханянц О. Е., К познанию растительности окрестностей Сырезского озера,— «Известия отделения сельскохозяйственных и биологических наук АН ТаджССР», вып. I, 1959.
5. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, ч. I, Душанбе, 1965.
6. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, ч. 2, Душанбе, 1966.
7. Агаханянц О. Е., Против искажения представлений Н. А. Северцова о Памире,— «Известия ВГО», № 3, 1969.
8. «Агро-климатический справочник по Таджикской ССР», Л., 1959.
9. Александровская Н. В., Ефимов Р. А., Игнатъев Г. М., Лукашова Е. Н., Марков К. К., Михайлова Л. А., Рябчиков А. М., Физическая география частей света, М., 1963.
10. Аристов А. А., Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям,— «Русский антропологический журнал», 1900, № 3.
11. Балашова Е. Н., Житомирская О. М., Семенова О. А., Климатическое описание республик Средней Азии, Л., 1960.
12. Баранов П. А., Памир и его земледельческое освоение, М., 1940.
13. Бархатов Б. П., Тектоника Памира, Л., 1963.
14. Берг Л. С., О значении термина «нагорье»,— «Землеведение», 1915, т. 22, вып. 3.
15. Бернштам А. Н., Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— «Известия ВГО», 1955, т. 87, № 1.
16. Бобкова Н. Н., Третичные отложения Юго-Восточного Таджикистана,— «Геология СССР», М.—Л., 1959, т. 24, ч. I.
17. Бобров Е. Т., Об азиатских видах рода *Nitraria* L.,— «Советская ботаника», 1946, № 1.
18. Васильев В. А., Кайнозой Памира, Душанбе, 1966.
19. Вонгаз Л. Б., Некоторые закономерности развития подвижного пояса Средней и Высокой Азии,— «Известия АН СССР», серия геологическая, 1963, № 4.
20. Выходцев И. В., Вертикальная поясность растительности Киргизии (Тянь-Шань и Алай), М., 1956.
21. Гаель А. Г., Коликова М. С., Мамогин Е. А., Останин Е. С., Песчаные пустыни Северного Приаралья и пути их освоения,— «Труды института пустынь», Алма-Ата, 1950.
22. Гвоздецкий Н. А., О географическом понятии «Памиро-Алай» и расчленении гор Средней Азии на горные системы,— «Вопросы физической географии СССР», М., 1959.
23. Гвоздецкий Н. А., Памир, М., 1968.
24. Гвоздецкий Н. А., Звонкова Г. В., Капитальный труд по физической географии Памира,— «Вестник МГУ», серия географическая, 1967, № 5.
25. Гребенчиков О. С., О растительности высокогорий Югославской (Вардарской) Македонии,— «Проблемы ботаники», М.—Л., 1960, т. 5.
26. Григорьев С. Г., Крыша мира (Памир), М., 1922.
27. Грубов В. И., Растения Центральной Азии, М.—Л., 1963, вып. I.
28. Грумм-Гржимайло Г. Е., Очерк при-Памирских стран,— «Известия РГО», СПб., 1887, т. 22.

29. Гурский А. В., Пески Ишкашима, их укрепление и использование, — «Известия отделения естественных наук АН ТаджССР», 1955, вып. 10.
30. Гусев Ю. Д., Травяной покров в тугаях Центральной части Горно-Бадахшанской автономной области, — «Ботанический журнал», 1962, т. 13.
31. Гусев Ю. Д., Флора Сарезского района Бадахшана и ее связь с флорой Памира, — «Ботанический журнал», 1966, т. 51, № 1.
32. Гусев Ю. Д. и Иконников С. С., Ботаническое обследование района Сарезского озера (Восточный Бадахшан), — «Ботанический журнал», 1959, т. 44, № 3.
33. Демидчик В. П., Лоскутов В. В., Чедия О. К., К вопросу о времени образования озера Яшилькуль на Памире, — «Труды Таджикского филиала ВГО», вып. 2, Душанбе, 1961.
34. Деникаев Ш. Ш., О древнем завале в районе Сарезского озера, — «Доклады АН ТаджССР», 1970, т. 13, № 3.
35. Забиров Р. Д., Оледенение Памира, М., 1955.
36. Зелинский А. Н., Древние пути Памира, — сб. «Страны и народы Востока», вып. 3, М., 1964.
37. Иванов Д. Л., Что называть Памиром? — «Известия РГО», 1885, т. 21 вып. 2.
38. Иконников С. С., Определитель растений Памира, Душанбе, 1963.
39. Ильин М. М., Флора пустынь Центральной Азии, ее происхождение и этапы развития, — «Материалы по истории флоры и растительности СССР», вып. 3, 1958.
40. Кашкар Д. Н., Животный мир Таджикистана, — «Таджикистан», Ташкент, 1925.
41. Кистяковский А. Б., Материалы по зоогеографии Памира, — «Труды зоологического музея Киевского гос. университета», т. 2, Киев, 1950.
42. Клуников С. И., Геоморфологическая характеристика Памира, — «Тезисы Конференции по сельскохозяйственному освоению Памира», Л., 1936.
- 42а. «Книга Марко Поло», М., 1956.
43. Корженевский Н. Л., Поездка на Памир, Вахан и Шугнан в 1903 г. — «Труды общества земледения при СПб университете», СПб., 1905, т. 1.
44. Корженевский Н. Л., Природа Средней Азии, Ташкент, 1960.
45. Коржинский С. Т., Отчет о командировке в Дарваз, Шугнан и Рошан, — «Известия АН», СПб., 1897, сер. 5, т. 7.
46. Коржув С. С. и Тимофеев Д. А., О геоморфологической терминологии, — «Вопросы географии», сб. 46, М., 1959.
47. Костенко Н. П., Развитие рельефа горных стран, М., 1970.
48. Криштофович А. Н., Эволюция растительного покрова в геологическом прошлом и ее основные факторы, — «Материалы по истории флоры и растительности СССР», вып. 2, М.—Л., 1946.
49. Крыжановский О. Л., Состав и происхождение наземной фауны Средней Азии, М.—Л., 1965.
50. Кухтиков М. М., О так называемой геологической границе между Памиром и Алаем — Тянь-Шанем, — «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. 6. Труды факультета естественных наук, вып. 1, 1955.
51. Левен Э. Я., Романько Е. Ф., О палеогеновых отложениях на Памире, — «ДАН СССР», т. 134, № 3, 1960.
52. Литвинский Б. А., Археологические исследования на Восточном Памире и проблемы связей между Центральной Азией, Китаем и Индией в древности, — «XXV Всемирный конгресс востоковедов», М., 1960.
53. Лоскутов В. В., Геоморфология Таджикистана, — «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
54. Луканенкова В. К., Особенности растительного покрова на контакте природных областей Бадахшана, Памира и Алая (бассейн р. Белянджик), — «Ботанический журнал», 1963, т. 48, № 4.
55. Луканенкова В. К., Природные особенности и растительный покров Южного Памира, Л., 1971.
56. Луканенкова В. К. и Сидоров Л. Ф., О наивысших пределах произрастания кустарников в горах СССР, — «Ботанический журнал», 1961, т. 46, № 2.
57. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, — «Труды АН ТаджССР», т. 53, 1957.
58. Мекленбурцев Р. Н., Об орнитологических взаимоотношениях между Восточным и Западным Памиром, — «Труды САГУ», Ташкент, 1949, вып. 28.
59. Мензбир М. А., Зоологические участки Туркестанского края и вероятное происхождение фауны последнего, М., 1914.
60. Мурзаев Э. М. (отв. ред.), Средняя Азия, М., 1968.
61. Наливкин Д. В., Обзор геологии Памира и Бадахшана, — «Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения НКТП СССР», М.—Л., 1932, вып. 182.
62. Наливкин Д. В., Памир — крыша мира, М., 1948.
63. Наливкин Д. В., Учение о фациях, т. 2, М.—Л., 1956.

64. Овчинников П. Н., О типологическом расчленении травянистой растительности Таджикистана,— «Сообщения ТФАН СССР», вып. 10, 1948.
65. Овчинников П. Н., Основные черты растительности и районы флоры Таджикистана,— «Флора ТаджССР», т. I, М.—Л., 1957.
66. Пахомов М. М., Ископаемая плиоцен-древнечетвертичная флора Юго-западного Памира,— «ДАН СССР», 1964, т. 158, № 2.
67. Певцов М. В., Путешествие по Восточному Туркестану, Куньлуню, Северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—90 гг. Путешествия в Кашгарии и Куньлуне, М., 1949.
68. Петрушевский Б. А., Некоторые особенности тектоники Памира,— «Бюллетень МОИП», серия геологическая, М., 1961, № 4.
69. Попов В. И., Материалы по истории древнего оледенения Памира, Бадахшана и Дарваза,— «Труды Всесоюзного геолого-разведывательного объединения НКТП СССР», М.—Л., 1932, вып. 242.
70. Попов М. Г., Основные черты истории развития флоры Средней Азии, Избранные сочинения, Ашхабад, 1958.
71. Потапов Р. Л., Птицы Памира,— «Труды ЗИН АН СССР», М.—Л., 1966, т. 39.
72. Прокаев В. И., Еще раз о границе между Европой и Азией в связи с вопросом о крупных единицах физико-географической характеристики,— «Известия ВГО», М.—Л., 1960, т. 92, № 4.
73. Райкова И. А., Климат и растительность Памира,— «Тезисы докладов на Конференции по сельскохозяйственному освоению Памира», Л., 1936.
74. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Развитие природы Памира как среды существования человека,— «Страны и народы Востока», М.—Л., 1965, вып. 4.
75. Рейман В. М., Сидоров Л. Ф., О древнем оледенении Юго-Восточного Памира,— «ДАН СССР», 1962, т. 147, № 2.
76. Рерих Ю. Н., Кочевые племена Тибета,— «Страны и народы Востока», М., 1961, вып. 2.
77. Сапов О. П., Альпийская тектоника зоны сочленения Памира и Тянь-Шаня (Заалайский хребет),— «Известия АН ТаджССР», 1968, № 4.
78. Сапов О. П., Файзиев Р. Р., Основные этапы развития оледенения Юго-Восточного Памира,— «Доклады АН ТаджССР», 1968, т. 11, № 11.
79. Сваричевская З. А., О меридиональных хребтах Памира,— «Вестник ЛГУ», 1958, № 24.
80. Северцов Н. А., Краткий очерк орографии высокой Азии по новейшим исследованиям с картой распределения высот свыше 9000 футов,— «Известия РГО», СПб., 1872, т. 8.
81. Северцов Н. А., Заметки о фауне позвоночных Памира,— «Записки Туркестанского отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1879, т. I, вып. 1.
82. Северцов Н. А., Орографический очерк Памирской горной системы,— «Записки РГО по общей географии», СПб., 1886, т. 13.
83. Селиванов Р. И., Поверхности выравнивания и рельеф Памира,— «Доклады АН ТаджССР», 1957, вып. 20.
84. Сидоров Л. Ф., Материалы к характеристике луговой растительности Памира,— «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», Л., 1959, т. 205.
85. Сидоров Л. Ф., Луга Памира, Л., 1960.
86. Сидоров Л. Ф., К характеристике лугов верховьев Шахдары,— «Известия отделения сельскохозяйственных и биологических наук АН ТаджССР», 1961, вып. 1 (4).
87. Сидоров Л. Ф., Развитие растительного покрова Памира в послеледниковое время,— «Ботанический журнал», 1963, т. 48, № 5.
88. Сидоров Л. Ф., О границе между Передней и Центральной Азией,— «Известия ВГО», 1964, т. 96, № 6.
89. Сидоров Л. Ф., В защиту представлений Н. А. Северцова о Памире,— «XX Герценовские чтения. География и геология», Л., 1967.
90. Сидоров Л. Ф., Эоловые процессы и формирование поверхности Памирского нагорья в голоцене,— «Известия ВГО», 1968, т. 100, № 2.
91. Сидоров Л. Ф., Сапов О. П., Новейшие поднятия Памира и Заалайского хребта и особенности их древних оледенений,— «Доклады ГО СССР», Л., 1970, вып. 16.
92. Синицын В. М., Центральная Азия. География, М., 1959.
93. Синицын В. М., Палеогеография Азии, М.—Л., 1962.
94. Советкина М. М., Пастбища и сенокосы Средней Азии, Ташкент, 1938.
95. Станюкович К. В., Растительный покров Восточного Памира, М., 1949.
96. Станюкович К. В., Еще раз о том, что называть Памиром,— «Известия ВГО», 1952, т. 84, вып. 4.
97. Станюкович К. В., Растительность высокогорий СССР, Душанбе, 1960.
98. Толмачев А. И., Об альпийской флоре Гиссарского хребта,— «Землеведение», т. 4, новая серия, М., 1957.

99. Федченко Б. А., Сообщение об экспедиции на Памир летом 1901 г.,— «Землеведение», т. 9, кн. 1, М., 1902.
100. Федченко О. А., Флора Памира,— «Труды Санкт-Петербургского Ботанического сада», СПб., 1903—1904, т. 21, вып. 3.
101. Храпов А. А., О некоторых спорных вопросах древнего оледенения Памиро-Алая.
102. Чедия О. К., Трофимов А. К., Особенности новейшего развития структурных форм Таджикистана,— «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
103. Четыркин В. М., Средняя Азия (опыт комплексной географической характеристики и районирования), М.—Л., 1958.
104. Чуенко П. П., Сарезское озеро,— «Гаджикско-Памирская экспедиция, 1934 г.», М.—Л., 1935.
105. Юдин Г. Л., К истории развития поверхности на Памире,— «Известия РГО», 1932, т. XIV, вып. I.

О. Е. Агаханянц, А. Юсуфбеков

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРИРОДЫ ПАМИРА

Задача данной статьи — анализ новейшей литературы по проблемам, связанным с природой Памира, сопоставленный с материалами многолетних полевых исследований авторов, что дает, как нам представляется, возможность конспективно изложить главные черты природы Памира с учетом последних достижений географических наук.

I

Памир расположен на юге советской Средней Азии. В его пределах проходит государственная граница: на востоке — с Китайской Народной Республикой (на протяжении 430 км), на юге и западе — с Афганистаном (более 600 км). Координаты Памира в пределах советской территории: 36°41' и 39°4' с. ш., 70°59' и 75°10' в. д. Памир лежит в области сближения высочайших на континенте хребтов и горных стран — Куньлуня, Тянь-Шаня и Гиндукуша.

Природными границами Памира являются гребни хребтов: на севере Заалайского, на юге — Гиндукуша, на востоке — Кашгарского (Западный Куньлунь), на западе — хребта Кохи-Ляль (Северо-Восточный Афганистан). Северо-западная граница Памира проводится по гребню Ванчского хребта и хребту Академии наук [3; 8].

Указанные границы оконтуривают высокогорную аридную территорию и отделяют ее от семиаридных горных и аридных депрессионных регионов Азии. Эти границы, судя по обзорной [20; 91] и специальной [19; 3; 8; 9] литературе, принимаются не всеми исследователями. В соответствии с представлениями ряда авторов [77; 57], Памиром является лишь нагорная его часть, известная под названием Восточный Памир. Советский Памир — Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) — занимает территорию площадью в 63 тыс. кв. км, что составляет около половины площади Таджикской ССР. В более широких природных границах площадь Памира составляет 91945 кв. км¹.

Памир, как известно, находится в значительном отдалении от океанов и крупных водоемов. Положение в глубине континента и за значительными орографическими препятствиями накладывает отпечаток на весь природный комплекс рассматриваемой территории, о чем подробнее будет сказано ниже. Следует отметить две особенности географического положения Памира на континенте. Первое — его расположение между крупнейшими регионами континента — Центральной и Средней (Перед-

---

¹ См. статью Л. Ф. Сидорова в настоящем сборнике.

ней) Азией. Второе — роль Памира как континентального водораздела, лежащего между бассейнами Аму, Инда и Тарима и дренируемого реками этих бассейнов с запада, юга и востока. Оба эти обстоятельства, как будет видно из дальнейшего, играют первостепенную роль в формировании природной обстановки на Памире.

II

Памир не является изолированной складчатой областью. Его складчатые структуры представляют собой либо непосредственное продолжение, либо одно из окончаний крупнейших тектонических структур Куньлуня, Каракорума и Гиндукуша [60; 62; 56]. Каждое из этих сооружений формирует на Памире свои, присущие ему структурно-тектонические зоны. Памир не представляет собой и тектонического узла, в котором складчатые сооружения достигли бы наивысшей кульминации: в Куньлуне и Гиндукуше они выражены сильнее, чем на Памире [66]. Дугообразный (выпуклостью к северу) изгиб складчатых сооружений Памира имеет в основе дугообразное же очертание геосинклинальных доскладчатых зон, определенное очертаниями платформ Гиндукуша и Сериндии [27; 73; 74].

Каждое из имеющихся на Памире складчатых образований, заключенных между тектоническими швами — разломами, сформировалось в разное время и имеет свою особую историю становления, определившую его индивидуальность. Памир, таким образом, возникал гетерохронно. В соответствии с этим на Памире выделяется четыре тектонических зоны [14]: Северный Памир, построенный в палеозое герцинской складчатостью; Центральный Памир, сложившийся в результате движений киммерийской и альпийской складчатости; Юго-Восточный Памир, построенный теми же движениями, но сложенный только породами перми, мезозоя и кайнозоя; Юго-Западный Памир, имеющий докембрийский возраст и сложенный метаморфическими толщами. Указанные зоны отражают современную тектоническую структуру Памира. Тектонические зоны пересекают всю территорию Памира. Каждая зона характеризуется большой сложностью стратиграфического и структурно-тектонического строения. Нормальная стратиграфическая схема часто нарушается шарьяжами и выходами интрузивных штоков. Характерно повсеместное проявление магматизма [55; 14].

Приводим конспективную характеристику тектонических зон, в соответствии со сводкой [14].

Северный Памир. К этой зоне относятся хребты Заалайский, Дарвазский, восточная часть хребта Петра Первого, бассейн р. Муксу и оз. Кара-Куль (кроме верховьев его южных притоков). За пределами государственных границ СССР эта зона продолжается на восток — юго-восток, охватывая горы Кинг-Тау и часть Кашгарского хребта (Западный Куньлунь).

Северный Памир в структурном отношении представлен антиклинорием, образованным герцинским и альпийским тектогенезом. Киммерийские движения были здесь весьма слабыми [62, 549]. Особенно сильными в этой зоне были альпийские движения, в результате чего морской мел и неоген в Заалайском хребте оказались поднятыми на высоту более 5000 м, а в Дарвазском хребте неогеновые конгломераты встречаются в некоторых местах выше снеговой линии.

Зона Северного Памира подразделяется на три разновозрастных подзоны. Преобладающими отложениями в этой зоне являются ниже-

и среднепалеозойские. Немалую площадь занимают и верхнепалеозойские отложения, состоящие из осадочных, метаморфических и изверженных пород. Мезозойские и третичные отложения занимают здесь незначительную площадь и встречаются лишь в виде отдельных пятен и узких полос. Четвертичные отложения также слабо развиты, и в основном состоят из моренных, аллювиальных, пролювиальных, озерных, ледниковых и гравитационных отложений [15].

Центральный Памир. К этой тектонической зоне относятся хребты Ванчский, Язгулемский, Музкольский, Базардаринский и часть бассейна рек Мургаб — Аксу. Продолжением этой зоны на юго-восток являются западные хребты Каракорума. В этой зоне наиболее сильные тектонические движения проявились в киммерийско-альпийское время. Проявления герцинской складчатости были установлены только в северной части зоны. В пределах зоны преобладают палеозойские и мезозойские отложения. Докембрийские отложения до сих пор достоверно не установлены. Среди юрских отложений в южной части зоны встречаются кислые эффузивы и их туфы. Палеозойды в основном представлены гранитами, порфиритами и диабазами [14]. Верхнемеловые и третичные отложения развиты слабо. Четвертичные отложения, по сравнению с третичными, распространены шире. Они здесь также представлены ледниковыми, аллювиальными, пролювиальными, озерными, гравитационными и золовыми образованиями [15]. Все указанные отложения распространены почти повсеместно, но наибольшую роль играют ледниковые отложения, главную роль в образовании которых сыграло древнее оледенение: в долине Мургаба ледник имел длину до 240 км, он принимал в себя более 55 боковых ледников общей протяженностью до 80—90 км [30].

Зона Юго-Восточного Памира. В нее включаются гребень Рушанского хребта с частью долины Гунта и бассейн Мургаба — Аксу со всеми хребтами. На востоке зона через Каракорум уходит за пределы Памира через Центральную и Юго-Восточную Азию [73; 16]. Территория этой зоны также сложилась в результате киммерийской и альпийской складчатостей, но в ее строении принимают участие только породы перми, мезозоя и кайнозоя. На юго-западе зона граничит с докембрийским массивом Юго-Западного Памира. На западе зона узкой полосой пересекает хребет Кохи-Ляль в районе Чоснударьи и уходит в пределы таврид Иранского структурного комплекса [56].

В генетическом отношении эта зона рассматривается Б. П. Бархатовым [14] как верхнепалеозойско-мезозойский геосинклиальный прогиб внутри складчатого пояса Каракорума. В структурном отношении эта зона — сложный асимметричный синклиниарий.

Зона Юго-Западного Памира имеет предположительно докембрийский возраст и сложена метаморфическими толщами. Включает Шахдаринский, Шугнанский и Ваханский хребты. Зона вытянута в общем на юго-запад и охватывает за пределами государственной границы СССР территорию Гиндукуша. В тектоническом отношении эта зона — срединный массив в мезозойдах Памира. В геологическом отношении граница зоны намечается достаточно условно: на севере она окаймлена интрузиями кислого состава, на востоке глыба погружается, на юго-востоке она ограничена небольшими разрывами между докембрийскими, триасовыми и верхнепалеозойскими отложениями. До Б. П. Бархатова [13] последние две зоны рассматривались как единое тектоническое целое.

По отношению к крупным складчатым образованиям континента современные тектонические зоны Памира являются структурными единицами второго порядка [29]. Альпийские движения на Памире были

наиболее интенсивными, именно ими и был сформирован современный рельеф Памира.

Таким образом, Памир — геологически молодая горная страна, формирование которой еще далеко не завершено. Свидетельством тому могут служить многочисленные сейсмические проявления [26]. По сейсмической активности территория Таджикистана занимает второе место в СССР после Курильских островов: на нее приходится не менее 70% всех среднеазиатских очагов землетрясений. С 1927 г. для Таджикистана определено большое количество эпицентров, составляющее 15% от числа всех зарегистрированных в Советском Союзе подземных толчков. Зарегистрированные за 50 лет подземные толчки распределяются по районам Таджикистана таким образом, что на Памир приходится вчетверо меньше землетрясений, чем на территорию Южно-Таджикской депрессии [26, 573]. Вся территория Памира по схеме сейсмического районирования Таджикистана отнесена к 9-балльной зоне, в которую включаются также хребет Петра Первого и Центральный Тянь-Шань [26, 582—583].

В целом сейсмичность именно Памира изучена пока слабо. Данных инструментальной статистики не хватает, а сведения неинструментального характера поступают оттуда весьма нерегулярно. Ни одно крупное землетрясение Памира, кроме Сарезского, не стало объектом специального изучения. Предполагается, что Сарезское землетрясение 1911 г. было вызвано тектоническими причинами [26]. Тектонический характер носило и Шивское землетрясение 1932 г. с очагом в Восточно-афганском Бѣдахшане в 50 км от Хорога. Сильные землетрясения были зарегистрированы в 1932 г. в районе ледника Федченко, а в 1937 г. в Афганском Бадахшане (7—8 баллов). Из всех известных землетрясений Памира большая часть приходится на Хорог — Мургаб [26]. Эпицентральный фокус глубоких землетрясений совпадает с районом Афганского Бадахшана [17] между меридианами 69° и 72° к югу от 37 параллели.

III

Памир представляет собой высокогорную страну с максимальными на территории Советского Союза высотами. Особенно высоки окраинные памирские хребты с высотами более 7 тыс. м (пики Ленина — 7134 м, Конгур — 7719 м, Конгуртубетаг — 7595 м, Мустагата — 7546 м, пик Коммунизма — 7495 м и др.). Всю территорию Памира занимают горные хребты, в основном широтного направления, по простираанию главных тектонических структур: Заалайский, Ванчский, Язгулемский, Рушанский, Северо-Аличурский (Базардара), Шугнанский, Бакчигир, Ваханский, Южно-Аличурский, Музкол, Пшартский, Белеули, Северный Танымас, Гиндукуш и др. Одновременно имеются и хребты меридионального (или субмеридионального) направления: хребты Академии наук, Зулумартский, Каракульский, Шахдаринский, Сырыкольский, Кохи-Ляль, Шашгарский (последние два, равно как и Гиндукуш из широтной группы хребтов, находятся за пределами ГБАО).

Существование меридиональных хребтов, секущих основные тектонические структуры, объяснялось различными эрозийными [39; 61] и тектоническими [59; 69; 70; 76; 87; 88] процессами.

Подробное орографическое описание Памира приведено в многочисленных сводках [50; 30; 61] и повторять его здесь нет необходимости.

Между указанными выше, почти параллельными хребтами расположены долины Памира, в западной части глубоко врезаемые (до 1740 м), узкие, а к востоку высоко приподнятые (3600—4600 м) и ши-

рокие, над которыми возвышаются еще на 1,5—2 км хребты. Еще точнее, между Сарыкольским и Кашгарским хребтами, долины снова углубляются и эрозия усиливается. Усиление эрозионных процессов происходит также в направлениях к северу и к югу, т. е. к Алаю и Гиндукушу. Таким образом, общее географическое строение Памира в плане концентрическое: центральное нагорье (Восточный или Центральный Памир) окаймлено областями, в которых врез, денудация и снос выражены значительно ярче, чем в центре. Именно это обстоятельство дало основание К. К. Маркову [50, 286] установить для Советского Памира области развития «окраинно-памирского» (т. е. эрозионно-тектонического) и «памирского» (т. е. аккумулятивно-тектонического) типов высокогорного рельефа, Н. П. Костенко [41] — выделить геоморфологические зоны Памира, а В. В. Лоскутову [41] — произвести геоморфологическое районирование этой горной страны.

Между «ядром» древнего аккумулятивного рельефа, поднятого на огромную высоту, и областями размыва имеются переходные полосы с ослабленными, завуалированными глубинно-эрозионными процессами. Области размыва особенно широко представлены на западе от Центрального (Восточного) Памира, несколько уже — на востоке от него, еще уже — на юге, а на севере они выходят за пределы Памирского региона в Алайскую долину, которую Н. А. Гвоздецкий считает возможным включить в состав Памира [21; 22].

Это сложное геоморфологическое строение Памира и привело к тому, что еще во 2-й половине XIX в. о Памире сложилось двойное представление. С одной стороны, Памир воспринимался как высокое нагорье [32; 83]. Эта точка зрения получила преемственное развитие в трудах ряда современных исследователей [77; 57; 61]. С другой стороны, Н. А. Северцов [71] принимает Памир в более широких границах и считал, что расчлененная эрозией западная часть страны составляет единое географическое целое с центральной нагорной частью. Взгляды Н. А. Северцова получили развитие в трудах другой, довольно многочисленной группы современных географов [50; 91; 40, 19—22; 3; 8; 9]. В широких географических пределах Памир оценивается и в настоящей работе.

Различные черты орографии Памира оказывают совокупное влияние на формирование природных комплексов, а контрасты высот приводят к качественным сменам природных комплексов на определенных реперных уровнях. На этом базируется ландшафтная определенность вертикально-поясных границ и региональных рубежей. Достаточно указать, что такие мощные хребты, как Кохи-Ляль на западе и Гиндукуш на юге Памира играют колоссальную экранирующую роль, перехватывают значительную часть поступающей в сторону Памира с запада и юга атмосферной влаги. В итоге — аридный климатический режим, отличающий Памир от лежащих к западу, югу и северу от него полугумидных и гумидных горных территорий Гиссаро-Дарваза, Нуристана и Алая.

Взаимоотношения между аккумулятивным древним ядром и эрозионным окаймлением осложнены ярусностью рельефа на разных гипсометрических уровнях. Ярусность — важная особенность рельефа Памира. Она является следствием двух противоречивых циклов развития поверхности. Один цикл — восходящего развития. Он характеризуется усилением тектонического подъема страны, а следовательно, — активизацией денудации, глубинного вреза, сноса и т. п. Другой цикл — нисходящего развития. Во время этого этапа развития горное окружение поднималось быстрее, чем сам Памир, становившийся областью аккумуля-

ции. Денудация в это время ослабевала. Указанные циклы неоднократно сменяли друг друга [49; 45; 72; 48; 8]. Каждый цикл имел разную продолжительность и привел к разной степени территориальной выраженности ярусов в различных округах Памира, чем и вызваны геоморфологические различия между центральной и периферическими частями страны. В каждом самостоятельном природном регионе имеется 4 яруса рельефа, выражающих в статике сменяющиеся циклы развития поверхности — два яруса денудационных и два аккумулятивных. Из двух ярусов одинакового цикла один всегда древнее другого и поставлен в более холодные и влажные условия. Это обстоятельство определяет степень и направленность влияния ярусности на осадкообразование, формы рельефа, топографию растительности и почв, на экологические условия и условия почвообразования [8].

Чаще всего аккумулятивные ярусы рельефа выражены в виде совокупности ступеней выравнивания, которые проявляются в виде уровней, уступов террас, крупных плоских поверхностей (даштов), современных плоских пойм. Поверхности выравнивания складываются в разновозрастные ярусы, повторяющиеся как в эрозионном окаймлении, так и в центральной нагорной части Памира. Но в пределах последней аккумулятивные ярусы представлены значительно более широко, в то время как на западе они выражены фрагментарно. И наоборот, эрозионно-денудационные ярусы ярче представлены по окраинам Памира, особенно на западе. Отсюда — различия в формах рельефа. С аккумулятивными ярусами связан аккумулятивный тип рельефа, с денудационными — тип эрозионно-денудационного рельефа. Аккумулятивный тип рельефа преобладает в центре Памира, а денудационный — по окраинам, хотя во всех частях Памира представлены формы рельефа, относящиеся к обоим типам. Аккумулятивный тип рельефа представлен плоскими террасовидными поверхностями, плоскими долинами, цокольными террасами, аллювиальными террасами, поймами, моренами, конусами выноса, пролювиальными шлейфами, гравитационными завалами, озерными террасами, дюнами и барханами. Эрозионно-денудационный тип рельефа представлен гребнями хребтов, крутосклонными долинами, каньонами, трогами, карами, многочисленными криогенными формами [49; 52; 37; 38; 81; 48; 86; 41; 8; 15].

IV

В рамках настоящей статьи целесообразно лишь отметить общую аридность и континентальность климата Памира, поясные изменения климатических режимов, региональные изменения климатической обстановки внутри Памира в пределах общего аридно-континентального горного и высокогорного типа климата, значительные климатические контрасты между долинными участками Западного и высокогорными территориями Восточного (Центрального) Памира. Годовые суммы осадков нигде на Памире не превосходят 300 мм; сумма осадков уменьшается с севера на юг и испытывает сложную динамику по профилю с запада на восток, сначала возрастая к верховьям западно-памирских рек, а затем резко снижаясь в пределах Центрального Памира. Максимум осадков во всех районах Памира приходится на весеннее время (март — май) и запаздывает по мере продвижения в выссогорья. Колебания средних многолетних сумм осадков происходит в пределах от 62 до 300 мм, за исключением Ванчского и Калай-Хумбского районов, входящих в состав ГБАО и Памирской горной страны, но по природным условиям относящимся не столько к Памирскому

региону, сколько к Гиссаро-Дарвазу [4; 5; 8]. Влагооборот на Памире формируется под влиянием зонального западно-восточного воздушного переноса (циклоны) при эпизодическом влиянии тропического (муссоны) и полярного воздуха [8]. Коэффициент континентальности климата на Памире — более 214% [33]. Отмечаются значительные температурные контрасты и снизу вверх, благодаря поясности: в нижних районах Западного Памира средняя годовая температура около +10°, а выше 4000 м она падает ниже —3°.

Характерны высокие уровни инсоляции [47; 31; 82] и большая доля ультрафиолета в радиационном балансе [18].

На Памире сильно развито современное оледенение. Общая площадь современного оледенения на территории Советского Памира достигает 8041 кв. км, а количество ледников — 1085 [30]. Эта огромная площадь современного оледенения и обуславливает пульсирующий режим рек на Памире. Реки Памира относятся к бассейнам Амударьи и Тарима. Верховья Инда тоже начинаются с южных склонов Памира, но не входят в пределы самой горной страны. Таким образом, видна водораздельная роль Памира по отношению к рекам крупных бассейнов континента.

Бассейн Амударьи в пределах Памира занимает 70345 кв. км, или 76,8% общей площади, включая бессточную котловину оз. Кара-Куль. Водосборная площадь рек бассейна Тарима исчисляется на Памире в 21600 кв. км и занимает целиком территорию Кашгарского Памира. В пределах ГБАО к этому бассейну относится только верхняя часть долины Маркансу. Распределение речной сети по территории Памира (в км на 100 кв. км) отражено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение гидросети по площади Памира

Округа [9]	Площадь округов, кв. км	Площадь округов, %	Бассейн	Густота гидросети	
				км на 100 кв. км	%
Западный Памир . . .	29 670	32,7	Аму	18,9	28,4
Центральный Памир . .	27 135	29,8	Аму	15,4	23,1
Гиндукушский Памир . .	13 540	14,3	Аму	18,4	27,7
Кашгарский Памир . .	21 600	23,2	Тарим	13,7	20,8
Всего . . .	91 945	100,0		16,6	100,0

Основные реки бассейна Аму: Пяндж, Памир, Вахандарья, Гунт с Аличуром, Шахдара, Бартанг с Мургабом, Язгулем, Ванч и Шива (находится на территории афганской части Памира). К бассейну Тарима относятся: Маркансу, Гездарья с составляющими Муджису и Кеншибер, Ташкургандарья с притоком Тагармасу и составляющим Хунджерраб и Кара-Чокур. Из более мелких рек на Памире можно отметить правые притоки Пянджа — Абхарв, Мульводж, Биджон, Гарм-Чашма, Баджу-Пасдив, Хуф, Шипад и левые притоки Пянджа — Гоун-дару, Арахт, Криндж и Чоснуд. Всего в Пяндж в пределах Памира впадает свыше сотни притоков различной длины. Следует отметить и значительное количество термальных источников Памира, играющих огромную роль в формировании стока рек, но имеющих большое лечебное значение. Наиболее известные из них — Гарм-Чашма [85; 1], Джиланды, Лянгар. Подавляющая часть термальных и минеральных источников ювени-

ального происхождения сосредоточена вдоль структурной долины Пянджа и на контактах тектонических зон Юго-Западного и Центрального Памира.

Ванны озер Памира имеют самое различное происхождение — тектоническое, ледниковое, завальное. Наиболее крупные озера расположены в Восточном и Кашгарском Памире, либо на рубеже Восточного Памира с Западным Памиром. Это — озера Кара-Куль, озеро Сарезское, Зор-Куль, Шор-Куль, Ранг-Куль, Турумтай-Куль, Сассык-Куль. Следует упомянуть и ряд более мелких, но широко известных озер Памира: Булун-Куль, Друм-Куль, Ой-Куль, Зарош-Куль, Туз-Куль, Уч-Куль и др. Режим озер достаточно подробно освещен в литературе [54; 68]. Суммарная площадь озер Памира составляет более 500 кв. км.

Все реки Памира имеют ледниково-снеговой тип питания. Это определяет главную особенность их режима — совпадение максимальных уровней расхода и слоя стока с наиболее теплыми сухими месяцами [11]. Атмосферные осадки в питании рек Памира играют крайне ограниченную роль: максимум осадков приходится на март — май, а наибольший расход воды в реках — на июль — август. Поскольку таяние ледников определяется температурными условиями, а изменчивость этих условий по годам значительно меньше, чем изменчивость осадков, годовой сток рек Памира отличается достаточной стабильностью. Рассчитанный коэффициент вариации годового стока для рек Памира показал, что наибольшие значения коэффициента имеют реки Восточного и Юго-Западного Памира, бассейны которых лежат в районах с более высоким положением снеговой линии [25, 74]. Таким образом, ледники играют не только питающую, но и регулирующую роль в отношении годового стока рек. Именно поэтому сток горных рек характеризуется меньшей изменчивостью по сравнению со стоком рек прилегающих равнин.

Питающая роль ледников доказана не только совпадением пиков температур и максимального расхода воды в реках, но и прямой зависимостью между коэффициентом оледенения основных бассейнов (отношение площади оледенения к площади бассейна) и слоем стока [25]. С севера на юг коэффициент оледенения бассейна уменьшается, и прямо пропорционально ему в том же направлении уменьшается и слой стока. Более того, рассчитано, что слой стока значительно превышает слой осадков, что считается доказательством сокращения площади ледников Памира [25, 76].

Величина и годовой ход стока зависят не только от типа питания, но и от ряда региональных особенностей: характера рельефа, высоты водосборной площади, степени загрязненности поверхности ледников т. п. Чем выше лежит снеговая линия, тем меньше засорены ледники, тем ниже температуры и тем медленнее эти ледники тают [89]. В соответствии с этим обстоятельством, наибольший слой стока имеют реки Северо-Западного Памира, минимальный — реки Восточного и Юго-Западного Памира. Последние имеют и наибольшую средневзвешенную высоту водосбора, и наибольшую водосборную площадь. Доказано, что чем больше площадь бассейна, тем ниже и уровень среднего стока [28, 79], и годовой слой стока [25]. В то же время установлено отсутствие какой-либо зависимости между высотой местности и уровнем осадков, а следовательно, и величиной стока рек Памира [90; 80, 44].

На теплый период (с мая по октябрь) приходится 80—90% годового стока рек Памира. Это обстоятельство имеет первостепенную важность для развития сельскохозяйственного производства на Памире, целиком базирующегося на поливном земледелии. Сумма твердого стока в памирских реках изменяется очень сильно. Количество взвешенных на-

носов в меньшей степени зависит от площади водосбора, его высоты и расхода, чем от состава слагающих пород и падения рек. Табл. 2 [25; 80; 24] показывает, что при большей водосборной площади Мургаб, например, выносит меньше наносов, чем Язгулем; последний отличается большим падением и протекает по территории, сложенной толщами осадочных пород [24]. В целом реки Памира отличаются сравнительно небольшой мутностью: 100—250 г/м³ по сравнению с 2500—5000 г/м³ в системе Сурхоб — Хингоу — Вахш [46]. Абсолютные показатели твердого стока за год могут быть довольно значительными. Так, по отрывочным материалам [24; 46; 23] средняя сумма твердого стока по Пянджу в створе Калай — Хумба может быть принята в $2 \cdot 10^6$ т. Вообще же имеющиеся данные довольно противоречивы. Судя по одним данным [65],

Таблица 2

**Зависимость годового стока рек Памира
от площади и высоты водосбора**

Река	Пост	Площадь водосбора, кв. км	Средняя взвешенная высота водосбора, м	Годовой слой стока, мм	Годовая сумма осадков, мм	Средний модуль стока, л/сек. на кв. км
Гунт	Хорог	15 800	4227	213	259,9	6,8
Шахдара	Хабоз	4 620	4076	240	210,0	7,6
Шарипдара	Устье	147	3895	724	230,0	22,9
Анджондара	Анджан	37,6	4133	854	225,0	29,6
Мургаб	Мургаб	10 300	4317	53	78	1,6
Бартанг	Барчадив	18 700	4362	76	70,1	2,4
Бартанг	Нисур	22 900	4379	106	—	3,3
Бартанг	Шуджанд	24 000	4328	169	281,0	5,3
Кудара	Устье	4 170	4454	252	—	8,2
Вамар	Рушан	92,4	3671	757	2438	23,6
Язгулем	Мотравн	1 940	3897	601	193,0	19,3
Лянгар	Устье	325	4627	813	132,0	10,2

сток взвешенных наносов Пянджа составляет 1034 т в год с 1 кв. км водосборной площади, что должно составить с одной только площади Западного Памира $34 \cdot 10^6$ т. В то же время другие материалы [23; 24] для одного лишь Бартанга дают сумму, не превышающую $4 \cdot 10^6$ т, а в отдельные годы она составляет всего $1,4 \cdot 10^6$ т. Для Гунта по одним данным [46, 353] сумма твердого стока составляет $35 \cdot 10^6$ т, а по другим [23] — всего $0,4 \cdot 10^6$ т, т. е. почти на два порядка меньше. Такие расхождения не могут быть результатом только колебаний твердого стока от года к году: такой изменчивости твердого стока в памирских реках быть не может. По-видимому, причина кроется в разных методах расчета, часто неверных в своей основе (например, расчет по среднему расходу наносов в кг/сек за год). По достоверным данным [23], в одном только 1950 г. Бартанг вынес 4802930 т наносов. На следующий же год эта сумма оказалась в 4 раза меньше. Такие значительные колебания и заставляют принять для Пянджа среднюю многолетнюю сумму наносов всего в $2 \cdot 10^6$ т. Но и эта сумма достаточно велика. Не исключено, что, помимо применения сомнительных материалов при расчетах, значительные расхождения в показателях вызваны недостоверностью первичных наблюдений, часто производимых неквалифицированными людьми.

Почвы — наименее изученный объект природной среды Памира. Изучение и картирование почв Памира вышло за рамки чисто маршрутных описаний и грубых экстраполяций лишь за последние годы. Этим объясняется неразработанность классификации почв Памира, номенклатурный разноречивый и невыясненность многих узловых вопросов их генезиса. Попытки подменить выяснение вопроса о месте памирских почв в общей классификационной схеме путем поисков аналогов в равнинных и горных областях Средней Азии или путем объявления памирских почв уникальными, эндемичными, оказались малопродуктивными. Анализ имеющихся сопоставимых материалов показывает, что почвы Памира не имеют аналогов ни на равнинах, ни в горных системах Средней Азии, но они и не являются эндемичными. Сопоставление независимо сделанных описаний памирских [35, 43] и куньлуньских [63] почв убеждает в том, что не на западе, а на востоке, в пределах аридных гор Центральной Азии следует искать аналоги памирским почвам [8].

В пределах Западного Памира выделяются в автоморфном ряду сероземы (нижний Ванч), светло-коричневые и высокогорные (занговые) почвы, а на Восточном Памире — высокогорные пустынные, высокогорные пустынно-степные и примитивные рухляковые почвы [35; 36; 43; 44].

Огромные площади заняты непочвенными образованиями. На Восточном Памире до 76% площади занято галечниками, россыпями щебня, осыпями, скалами [43; 44]. На Западном Памире доля непочвенных образований сильно колеблется: в Язгулеме они занимают 58,4% площади, по Бартангу — 76,2%, в Шугнани — 29,5%, по Шахдаре — 49,7% [8, 65].

Как и в других горных странах, на Памире отмечается активное участие низших организмов и споровых растений в первичном разрушении горных пород, накоплении органических веществ и дисперсных продуктов выветривания; отмечается также слабая дифференциация воднорастворимых солей по пути их миграции, сильный каменистый и слабый химический сток. Характерно накопление солей в аккумулятивных ярусах рельефа [12; 64]. Следует отметить слабое развитие почв, подавленность биологических факторов почвообразования, замедленность темпов почвообразования по сравнению с темипами развития наземной растительности в условиях аридного и экстрааридного природных комплексов. В связи с этим наблюдается упрощение поясной структуры. Почвы Памира рассматриваются в пределах единого типа пояности на всей территории ГБАО [8; 44].

VI

Растительность. В советской части Памира (за исключением Ванчского и Калай-Хумбского районов) по предварительным данным насчитывается 83 семейства и 382 рода флоры. Количество видов (1142) высших растений пока определяется крайне предварительно. Во всех округах самые крупные семейства — злаки и сложноцветные [9].

На Восточном (Центральном) Памире 55 семейств (91%) и 195 родов (78%) являются общими с Западным Памиром. При почти полной изученности центральнопамирской флоры (639 видов [34]) и весьма предварительной изученности флоры Западного Памира (896 видов [9]) уже сейчас насчитывается 403 вида общих для этих округов, что составляет 63% от численности флоры Центрального Памира. По мере

дальнейшего изучения флоры Западного Памира этот показатель должен увеличиться.

Ареалогический анализ показывает, что флористический состав как Западного, так и Восточного Памира определяют не собственно центральноазиатские ареалы (12,4 и 20,6%) а виды, относящиеся к Памиро-Тяньшанскому классу ареалов (43,1 и 44,0%), что эндемы на Памире составляют 9,6% всех видов, что переднеазиатский класс ареалов охватывает на Памире в целом большее число видов (23,1%), нежели центральноазиатский (14,6%). В то же время центральноазиатские виды в Центральном Памире (20,6%) преобладают над переднеазиатскими (17,0%). Памир во флористическом отношении (как, впрочем, и в климатическом) расценивается как переходный регион между Центральной и Передней Азией. [9].

В ботанико-географическом отношении Памир изучен достаточно хорошо [67; 76; 78; 2; 9; 10]. Он отличается следующими фито-географическими чертами:

а) преобладанием ксерофитных поясно выраженных типов растительности (пустынь, нагорных ксерофитов, подушечников, степей) и высшим их гипсометрическим положением (одновременно следует заметить, что и границы земледелия на Памире достигают 3500—3600 м абсолютной высоты);

б) отсутствием поясов древесной и кустарниковой, а также луговой растительности, локализацией этой растительности лишь на участках грунтового и ключевого увлажнения;

в) существованием территориально-смежных, но экологически разнородных поясных рядов [6];

г) общей разреженностью растительного покрова, крайней пестротой его структурного сложения под влиянием сложных поясных и региональных условий.

Памирский тип высотной поясности характеризуется следующими поясными сменами растительности [8; 9; 10]:

1. Пояс горных пустынь на Западном Памире (от 1700—2000 до 3400—4200 м) из полыней ваханской и Коржинского, равно как и из других видов, а на Восточном Памире (до 4000—4500 м) — из полыни розовоцветковой, пижмы памирской и терескена серого, встречающегося также по Шахдаре на Западном Памире. В Вахане и в устье Ванча встречается узкая полоса гаммадовых (саксаульчиковых) пустынь. На песках по Пянджу отмечаются псаммофитные пустынные группировки. В нижней части пояса обильны остепненные ковылями и рисовидками вторичные колючетравные группировки из кузинии красно-бурой. На мелкоземистых шлейфах — пятна низкотравного осочково-мятличкового эфемеретума. На осыпях — разреженные группировки из зонтичного (юганники) и другого (таранники) высокотравья. В долинах рек обычны узкие ленты горных тугаев из ив, тополей, березы, мирикарии, поднимающихся в горы по ущельям до 3500—3900 м (Западный Памир).

2. Пояс нагорных ксерофитов связан с деструктивными грунтами денудационного яруса рельефа. Поэтому он лучше выражен на Западном, нежели в Центральном Памире. Сложен формациями подушечных растений: многочисленных акантолимонов, эспарцета колючего, песчанки Гриффитца, колючих астрагалов. Растительность пояса часто остепнена. Встречаются (на Западном Памире) пятна колючетравяй. Высотные пределы: на Западном Памире — от 3000 (3400) до 3600 (4000) м, на Восточном — от 3700 (4000) до 4200 (4500) м.

3. Пояс горных степей выражен фрагментарно и представлен не во всех районах Памира. На Западном Памире этот пояс лучше выра-

жен в Бартанг-Язгулемской части и верховьях Шахдары, на Восточном — в районе Кзыл-Рабата, лучше увлажненном. Высотные пределы пояса варьируются на Западном Памире от 3600 (3800) до 4000 (4200) м, на Восточном — от 3600—4000 до 4300—4600 м. Пояс сложен преимущественно типчаковыми, ковыльными, рисовидковыми, регнериевыми, костровыми группировками, на Восточном Памире — редкотравными ассоциациями ковылей галечного и восточного, и изредка — сомкнутыми цензами типчака степного (Кзыл-Рабат). На участках усиленного стравливания на Западном Памире часты колючетравные степи из красно-бурой кузины, на Восточном — ключеподушечники. В Язгулеме и долине Бартанга часты томилляровые степи из котовников и змееголовников, в переходной полосе между Западным и Восточным Памиром — степи из полыни беловолосой. В этом поясе, как и в предыдущем, на участках грунтового и ключевого увлажнения обычны осоковые и разнотравные луга и участки кобрезиевых луго-болот.

4. Пояс криофильной растительности (выше 4300 м на Западном и выше 4700 м — на Восточном Памире) отличается крайней разреженностью и преобладанием холодостойких ксерофилизированных группировок и агрегаций остролодок, крупок, лапчаток, лаготисов, бескильницы, мятликов. На севере Западного Памира встречаются олуговелье участки этого пояса. На Восточном Памире часты ассоциации из подушечных форм. На участках грунтового увлажнения обычны кобрезники.

В целом флора и растительность Памира обнаруживают географические связи с Центральной Азией [34; 7; 8; 9; 10]. В то же время флора и фауна Памира резко контрастируют с соседними среднеазиатскими (Гиссаро-Дарваз) и загиндукушскими (Нуристан) территориями, для которых характерны пояса древесной, кустарниковой и луговой растительности [4]. Под влиянием региональных различий в разных районах Памира в пределах общего типа поясаности проявляются различные ее варианты, отличающиеся выпадением или сохранением некоторых поясов, а также появлением на ограниченных площадях фрагментов колючетравий и арчовых редколесий. Мезофильные типы растительности (луга, леса, эфемеретум) либо локализованы в специфических местобитаниях (осыпи) и вкраплены в фоновую растительность ксерофильного ряда, либо образуют на отдельных профилях самостоятельный мезофильный поясной ряд, особенности которого связаны с высотным положением и пространственным размещением [6, 10].

Выражена общая тенденция к повышению границ поясов от периферии Памира к его центральным частям [9; 10].

Естественные кормовые угодья Памира, за исключением ограниченных по площади луговых и болотных участков, отличаются слабой продуктивностью, плохой поедаемостью и низким кормовым качеством фоновых растений. При поливе, однако, ксерофильные фоновые группировки поддаются фитомелиорации, и довольно быстро могут быть превращены в высокоурожайные сенокосные угодья [92].

Фауна Памира обнаруживает географические связи как с Центральной, так и с Передней (Средней) Азией, и в зоогеографическом отношении Памир также занимает промежуточное положение между этими крупными региональными подразделениями континента. Из-за недостатка фактических материалов рубеж между областями распространения среднеазиатской и центральноазиатской фаун с достаточной точностью пока не определен. Одни авторы [53] проводят эту границу почти по меридиональному отрезку Пянджа, включая в переднеазиатский фаунистический участок только речные врезы Западного Памира до 72% в. д., и таким образом, почти вся Горно-Бадахшанская авто-

номная область оказывается занятой центральноазиатским зоогеографическим участком [53, 244—245]. Другие авторы отодвигают эту границу к востоку до окраины памирского нагорья, но Вахан на Западном Памире относят к центральноазиатскому участку [42]. Со временем, безусловно, положение этого рубежа определится точнее. Здесь же важно отметить глубокое взаимное проникновение представителей обеих фаун в пределы Памира. Достаточно напомнить, что переднеазиатские фаунистические элементы отмечены значительно восточнее Памира — в Кашгарии [58].

Фауна Памира в целом обеднена по сравнению с фауной окружающих территорий [42]. Из наземных млекопитающих здесь следует отметить длиннохвостого сурка, сибирского горного козла, снежного барса, архара (горного барана), волка, лисицу, зайца. Из птиц нужно упомянуть тибетского улара (горную индейку), тибетскую саджу, куропаток, жаворонков, снежного грифа. В долинах Западного Памира встречаются также змеи, ящерицы, земноводные. Обилен мир насекомых и других беспозвоночных. В реках и озерах обильно представлены два вида рыб — маринка и осман.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агаханянц О. Е., Термальные источники Гарм-Чашма, — «Природа», 1957, № 4.
2. Агаханянц О. Е., Краткий обзор растительности Бадахшана, — «Труды АН ТаджССР», т. 99, Душанбе, 1958.
3. Агаханянц О. Е., О природных границах Памира, — «Известия ВГО», 1961, № 5.
4. Агаханянц О. Е., Растительность Северо-Восточного Афганистана, — Сборник статей Таджикского филиала Географического общества СССР, 1961, № 2.
5. Агаханянц О. Е., Вертикальная поясность Язгулема и северная граница Западного Памира, — «Доклады АН ТаджССР», 1961, т. IV, вып. 3.
6. Агаханянц О. Е., О поясных рядах аридных горных стран, — «Известия отделения биологических наук АН ТаджССР», 1963, № 1.
7. Агаханянц О. Е., Памир и Центральная Азия, — «Известия ВГО», 1964, т. 96, вып. 2.
8. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, ч. I, Душанбе, 1965.
9. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, ч. II, Душанбе, 1968.
10. Агаханянц О. Е., Основные особенности растительного покрова Западного Памира, — «Растительный мир высокогорий и вопросы его использования», проблемы ботаники, т. IX, Фрунзе, 1967.
11. «Агроклиматический справочник по Таджикской ССР», Л., 1959.
12. Антипов-Каратаев И. Н., Выветривание и почвообразование на Восточном Памире, — «Труды АН ТаджССР», т. I, 1951.
13. Бархатов Б. П., Схема структурно-тектонического районирования Памира, — «Ученые записки ЛГУ», серия геологических наук, 1959, № 268, вып. 10.
14. Бархатов Б. П., Тектоника Памира, 1963.
15. Васильев В. А., Кайнозой Памира (континентальные отложения), Душанбе, 1966.
16. Вонгаз Л. Б., Некоторые закономерности развития подвижного пояса Средней и Восточной Азии, — «Известия АН СССР», серия геологическая, 1963, № 4.
17. Гайский В. Н., Катов А. П., Некоторые вопросы, связанные с изучением сейсмического режима, на примере землетрясений Памиро-Гиндукушской зоны, — «Труды Института сейсмостойкого строительства и сейсмологии АН ТаджССР», 1960, т. V.
18. Гараджа М. П., Некоторые результаты наблюдений прямой ультрафиолетовой радиации на Восточном Памире, — «Информационное сообщение о работе географического факультета МГУ по МГГ», 1960, № 6.
19. Гвоздецкий Н. А., О географическом понятии «Памиро-Алай» и расчленении гор Средней Азии на горные системы, — «Вопросы физической географии СССР», М., 1959.
20. Гвоздецкий Н. А., Памир, — «Краткая географическая энциклопедия», т. III, М., 1962.

21. Гвоздецкий Н. А., К вопросу о физико-географическом районировании гор востока Средней Азии и Казахстана, — В кн. «Географические проблемы освоения пустынных и горных районов Казахстана», Алма-Ата, 1965.
22. Гвоздецкий Н. А., Памир, М., 1968.
23. Гидрологический ежегодник, т. 9, в. в. 0, 4, 9, 1936—1953.
24. Головин В. В., Механический состав наносов рек Таджикской ССР, — «Труды АН ТаджССР», т. 99, Душанбе, 1958.
25. Головин В. В., Изменчивость годового стока рек Памира и его внутригодовое распределение, — «Труды Таджикского СХИ», 1958, т. 2.
26. Горшков Г. П., Сейсмичность территории Таджикской ССР, — «Геология СССР», т. XXIV, М., 1959.
27. Губин И. Е., Закономерности сейсмических проявлений на территории Таджикистана, М., 1960.
28. Гулямин Э. М., Гордон С. М., Определение модулей стока в неизученных створах рек Таджикистана, — «Известия отделения естественных наук АН ТаджССР», 1958, № 2(26).
29. Дюфур М. С., О границе структур Куэнь-Луня и Каракорума на Памире (О главной тектонической линии Памира), — «Геология Средней Азии», Л., 1961.
30. Забиров Р. Д., Оледенение Памира, М., 1955.
31. Зувев М. В., О тепловом балансе долины озера Кара-Куль, — «Проблемы метеорологии приземного слоя воздуха», Л., 1958.
32. Иванов Д. Л., Что называть Памиром? — «Известия РГО», т. XXI, 1885.
33. Иванов Н. Н., Пояса континентальности земного шара, — «Известия ВГО», 1959, т. 91, вып. 5.
34. Иконников С. С., Определитель растений Памира, Душанбе, 1963.
35. Канн И. А., Почвы Юго-Западного Памира, — «Тезисы докладов 3-го Сталинабадского совещания по проблеме биоконплексов аридной зоны СССР», 1961, вып. I.
36. Канн И. А., О почвах высокогорий Западного Памира, — «Почвоведение», 1965, № 9.
37. Клунников С. И., Юго-Западный Памир, Хорогский район, — «Сборник Таджикской памирской экспедиции», 1935.
38. Клунников С. И., Геоморфологическая характеристика Памира, — «Тезисы докладов конференции по сельскохозяйственному освоению Памира», М.—Л., 1936.
39. Корженевский Н. Л., О морфологии и гипсометрии хребта Академии наук СССР, — «Труды института геологии АН УзССР», вып. 2, Ташкент, 1948.
40. Корженевский Н. Л., Природа Средней Азии, — «Труды Ташкентского ГУ», нов. серия, вып. 183, географические науки, кн. 20, Ташкент, 1960.
41. Костенко Н. П., Главнейшие закономерности расчленения горного сооружения Памира, — «Материалы по геологии Памира», вып. I, Душанбе, 1963.
42. Крыжановский О. Л., Состав и происхождение наземной фауны Средней Азии, М.—Л., 1965.
43. Кутеминский В. Я., О почвах Памира, — «Известия отделения сельскохозяйственных и биологических наук», вып. I(2), 1960.
44. Кутеминский В. Я., Леонтьева Р. С., Почвы Таджикистана, Душанбе, 1968.
45. Личков Б. Л., О горных денудационных поверхностях и их происхождении, — «Известия ВГО», т. 77, вып. 4, 1945.
46. Лопатин Г. В., Наносы рек СССР, М., 1952.
47. Лопухин Е. А., Некоторые результаты актинометрических наблюдений на Памире, — «Труды Ташкентской геофизической обсерватории», вып. 13, Л., 1957.
48. Лоскутов В. В., Геоморфология Таджикистана, — В кн.: «Новый этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
49. Марков К. К., Геоморфологический очерк Памира, — «Труды Геоморфологического института АН СССР», вып. XVII, 1935.
50. Марков К. К., Геоморфологический очерк Северного Памира и Вахи по наблюдениям 1932—1933 гг., — «Труды ледниковых экспедиций», вып. 1, Л., 1936.
51. Марков К. К., О горных денудационных поверхностях и их происхождении, — «Вопросы географии», сб. 3, 1947.
52. Марков К. К., Основные проблемы геоморфологии, М., 1948.
53. Мекленбурцев Р., Материалы по млекопитающим и птицам Памира, — «Труды САГУ», серия VIII-а, зоология, вып. 22, Ташкент, 1938.
54. Молчанов Л. А., Озера Средней Азии, — «Труды САГУ», сер. XII-а, география, № 3, Ташкент, 1929.
55. Морозенко Н. К., Магматизм Юго-Восточного Таджикистана, — В кн.: «Геология СССР», т. XXIV, М., 1959.
56. Муратов М. В., Архипов И. В., О тектоническом положении Памира в системе складчатых горных сооружений Юго-Западной и Центральной Азии, — «Бюллетень МОИП», отделение геологии, 1961, т. XXXVI, № 4.
57. Мурзаев Э. М., Схема физико-географического районирования Средней Азии, — «Известия АН СССР», серия географии, вып. 6, 1953.

58. Мурзаев Э. М., Палеогеография Центральной Азии и средиземноморские элементы в ее пустынях,— «Известия АН СССР», серия географии, № 4, 1962.
59. Наливкин Д. В., Предварительный отчет о поездке летом 1915 года в Горную Бухару на Западный Памир,— «Известия РГО», 1916, т. 52, вып. 3.
60. Наливкин Д. В., Обзор геологии Памира и Бадахшана,— «Труды Всесоюзного геологоразведочного управления», вып. 182, 1932.
61. Наливкин Д. В., Физико-географическое описание Таджикской ССР,— «Геология СССР», т. XXIV, 1959.
62. Наливкин Д. В. и Виноградов П. Д., Тектоника Юго-Восточного Таджикистана,— «Геология СССР», т. XXIV, 1959.
63. Носин В. А., О почвах южной окраины Таримской впадины и Западного Куньлуня.
64. Орлов М. А., Почвы Памира,— «Труды САГУ», вып. XXV, кн. 10, почвоведение, Ташкент, 1951.
65. Очерки по гидрогеографии рек СССР, М., 1953.
66. Петрушевский В. А., Некоторые особенности тектоники Памира,— «Бюллетень МОИП», отделение геологии, 1961, т. 36, вып. 4.
67. Райкова И. А., Климат и растительность Памира,— Тезисы Конференции по сельскохозяйственному освоению Памира, вып. 1, М.—Л., 1936.
68. Рейзвих В., Водный баланс Сарезского озера,— «Известия Узбекского филиала Географического общества ССР», т. VI, Ташкент, 1962.
69. Сваричевская З. А., О меридиональных хребтах Памира,— «Вестник ЛГУ», № 24, серия геологии и географии, вып. 4, Л., 1958.
70. Сваричевская З. А., Геоморфология Казахстана и Средней Азии, Л., 1965.
71. Северцов Н. А., Орографический очерк Памирской горной системы,— «Записки Русского географического общества по общей географии», т. 13, 1838.
72. Селиванов Р. И., Поверхности выравнивания и рельеф Памира,— «Доклады АН ТаджССР», 1957, № 20.
73. Синицын В. М., Общая схема тектоники Высокой Азии,— «Бюллетень МОИП», общество испытателей природы, отделение геологии, № 2, 1955.
74. Синицын В. М., Центральная Азия, М., 1959.
75. «Справочник по климату СССР», вып. 31, ч. I и II, Л., 1966.
76. Станюкович К. В., Растительный покров Восточного Памира, М., 1949.
77. Станюкович К. В., Еще раз о том, что называется Памиром,— «Известия ВГО», вып. 4, 1952.
78. Станюкович К. В., Растительность высокогорий СССР,— «Труды СОПС-а АН ТаджССР», т. I, Душанбе, 1960.
79. Трестман А. Г., О гидрологическом районировании и характере распределения годового стока рек по территории Таджикистана,— «Известия отделения геолого-химических и технических наук АН ТаджССР», вып. 1, 1959.
80. Трестман А. Г., Определение годового стока в неизученных створах рек Памира,— «Доклады АН ТаджССР», т. II, № 4, 1959.
81. Трофимов А. К., О возрасте и истории развития древних оледенений Западного и Юго-Восточного Памира,— «Новый этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
82. Ун Ду-Мин, Радиационный режим высокогорья Восточного Памира,— «Информационные сообщения о работе географического факультета МГУ по МГГ», № 6, 1960.
83. Федченко О. А., Флора Памира,— «Труды императорского СПб. ботанического сада», т. 21, вып. III, СПб., 1903.
84. Физико-географический атлас мира, М., 1964.
85. Хрисанфов Н. Е. и Жуков Г. И., Лечебные местности Таджикистана, Л., 1933.
86. Чедия О. К., История геологического развития Таджикистана в кайнозое,— в кн.: «Новый этап геологической разведки территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
87. Чедия О. К., Новейшие поперечные поднятия, их типы и практическое значение,— «Материалы по геологии Памира», вып. 2, Душанбе, 1964.
88. Чедия О. К. и Трофимов А. К., Особенности новейшего развития структурных форм Таджикистана,— в кн.: «Новый этап геологического развития территории Таджикистана».
89. Шалатова Л. И., Влияние абсолютной высоты на таяние снежников в горных районах Средней Азии,— «Известия Узбекского филиала Географического общества СССР», № 1, 1955.
90. Шульц В. Л., Средний сток рек Средней Азии, Метеорология и гидрология в Узбекистане, Ташкент, 1955.
91. Щукин И. С., Щукина О. Е., Жизнь гор, М., 1959.
92. Усуфбеков Х. Ю., Улучшение пастбищ и сенокосов Памира и Алайской долины, Душанбе, 1968.

Д. И. Эдельман

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ПАМИРА

Невозможно представить себе даже приблизительно то огромное число, которое получилось бы, если попробовать подсчитать количество географических названий на Памире. Здесь собственные имена имеются не только у каждой долины, горного хребта, озера или селения. Свои наименования имеют отдельные горы, осыпи на горе, пещеры в ней, каньоны, расселины, скалы, ручьи, водопады, летовки, кварталы в селении, посевные участки и даже отдельные примечательные чем-либо камни и деревья. Изучение этих названий дает большой материал для исследования истории памирских языков, а также истории и этнографии самих народов Памира.

Как известно, под названием «Памир» понимается обычно юго-восточная часть Таджикской ССР, объединяющая высокогорное плато — Восточный Памир — и окаймляющие его с запада и юга узкие долины и ущелья, называемые Западным и Южным Памиром соответственно (в трудах XIX — начала XX в. их называли также Припамирьем). К Памиру же обычно относят и примыкающие с юга и запада горные районы Афганистана и восточные отроги Сарыкольского хребта.

Высокогорное плато населено в основном киргизами, долины Западного и Южного Памира и отроги Сарыкольского хребта — малыми народностями, говорящими на так называемых памирских языках, принадлежащих к иранской группе. В отдельных местностях на Западном Памире родным языком населения является таджикский¹. Эти два фактора — характер рельефа и язык, на котором названы различные географические объекты, и являются определяющими в характеристике географических названий.

Так, например, в восточной, высокогорной, но сравнительно ровной части Памира имеется ряд озер. На Западном Памире, изобилующем узкими ущельями, каньонами, быстрыми реками и водопадами, озер, естественно, значительно меньше. Поэтому, если мы сравним удельный вес топонимов — названий этих природных объектов — по разным языкам, то окажется, что подавляющее большинство названий озер на Памире — тюркского — киргизского происхождения; названия же ущелий, водопадов, горных вершин будут в большинстве иранскими.

Поскольку на Памире живет множество различных народностей, говорящих на разных языках, то система географических названий

---

¹ Сведения о языках Памира см. в статье Т. Н. Пахалиной.

(топонимия) очень своеобразна: один и тот же объект может иметь не одно, а два и даже более наименований, в зависимости от того, какой народ его называет. Так, например, долина реки Ванч известна у местных жителей как Вандж, у соседей — жителей Язгулемской долины как Вауз; в свою очередь, долина Язгулема именуется местными жителями Юздом, соседями-ванчцами Язгулом (yazgúlóm)², шугнанцами — Язгилум (yazgilúm) и т. д. Центральный населенный пункт Сарыкола известен и под тюркским названием Ташкурган, и под иранским Варшиде [7, 3]. Ряд населенных пунктов Орошора (Рошорва) имеет по два названия: местное и киргизское.

Иногда различные названия одного и того же пункта отражают различные исторические обстоятельства. Так, населенный пункт — административный центр Ванча имеет два названия. Первое — официальное, значащееся на картах — «Ванч» является редакцией старого названия находившейся здесь когда-то крепости, которая именовалась просто Кала (qalá) 'крепость' или Кала-и Вандж 'Ванджская крепость'. Второе — название самого кишлака, которое до сих пор остается в обиходе у местного населения и жителей соседних долин — «Рохарв». Иногда у местного населения сохраняется старое, историческое обозначение населенного пункта, который на официальных картах получает новое имя по местности или району, административным центром которого он является. Так, например, обстоит дело с рушанским кишлаком Вамар (официально «Рушан»), ишкашимским кишлаком Нют (официально «Ишкашим»).

Особенно характерны в смысле многоименности памирские реки и долины, имеющие часто различные названия даже в разных своих отрезках. Например, река, именуемая в истоках Оксу, далее известна как Мургаб, затем, пройдя через образованное ею же Сарезское озеро, получает имя Бартанг. В низовье она же называется еще и Рушан, а у самого устья долины той же реки именуется также Дертанг (dër-tāng), а реку часто называют Вамар-оу (vâmar-ow).

Административно территория Советского Памира объединена в Горно-Бадахшанскую автономную область (столица — г. Хорог) и делится на отдельные районы, сельсоветы, колхозы. Названия районов обычно совпадают с именами исторически сложившихся на Памире местностей (хотя фактически могут объединять две или несколько «местностей»; объяснение этого термина см. ниже, стр. 47), например, Рушанский, Ванчский, Мургабский районы. Названия сельсоветов обычно образуются от наименований исторических местностей или населенных пунктов, например, сельсовет Язгулем — по названию местности, сельсовет Водхуд — по имени кишлака. Колхозы, как и во многих других местах Советского Союза, названы, как правило, в честь выдающихся людей или событий.

Административные наименования, особенно районов, сельсоветов и колхозов, более новые и ввиду происходящих время от времени объединений и разделений менее устойчивы. Поэтому здесь мы основное внимание уделим названиям объектов физической географии, населенных пунктов и местностей, как наиболее характерным для истории языков народов Памира и для истории этих народов в более широком плане.

О происхождении и первоначальном значении самого слова «Памир» высказывались разные точки зрения — от совершенно фантасти-

---

² Здесь и далее для более точной передачи названий будет использована международная иранская транскрипция на латинской основе.

ческого толкования его как «Крыша мира», не вытекающего ни из одного известного языка, до более или менее правдоподобного «Подножие Солнца». Последнее, правда, тоже может быть принято с очень большими допущениями: в том произношении, в котором это слово бытует в памирских языках — Помёр, оно может означать «Подножие Солнца» только в том случае, если мы признаем его заимствованием из таджикского — *пóйи меҳр* (*pó-yi mehr*), где *пó* 'нога', 'подножье' из др.-иранск. *pāda-*; -и или -йи — изафетный показатель, стоящий при определяемом, и *mehr* из др.-иранск. *mitra-* 'божество солнца' (*h*, отсутствующее в памирских языках, при заимствовании могло легко выпасть). Однако при этом необъяснимым остается опущение изафетного показателя -йи, который в других аналогичных случаях сохраняется (например: *пойтахт* 'столица' из *пóйи тахт* 'подножие трона'). На материале самих памирских языков такое объяснение слова «Помёр» невозможно, так как в них грамматическое определение предшествует определяемому и порядок компонентов был бы обратным; к тому же здесь и слова с соответствующими значениями имеют иной фонетический облик. Не помогает в этой трактовке и обращение к сакскому языку или санскриту. Более перспективным является, по-видимому, возведение второй части к индоевропейскому *toi-g и трактовка ее как «граница», «пограничная область» [2 а, 48], ср. современный термин «сархад» (см. ниже). Однако убедительного объяснения первой части пока не найдено.

НАЗВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Реки и долины

Во многих случаях название реки и название долины, по которой эта река протекает, на Памире совпадают; однако это происходит далеко не всегда, и случаи совпадения или несовпадения названий представляют большой интерес.

Как известно, территория Советского Памира с юга и запада описана рекой, называемой официально Пяндж (*rapj*). Этот гидроним по традиции возводится к обозначению числа 'пять' (ав. *rapša-*, тадж. *rapj*, язг. *repj*, шугн. *ripz*, ишк. *ripz*, вахан. *rapz*) и именно так рассматривается в трудах многих исследователей. Однако до сих пор остается неясным, почему название реки связано именно с этим числительным. Неудовлетворительны в этом плане попытки объяснить название как «река с пятью притоками» (поскольку их значительно больше), или как «слившаяся из пяти рек» (поскольку истоками Пянджа служат только две реки), и попытки связать это имя с исмаилитской священной «пятерницей» (поскольку оно упоминается раньше, чем на Памире появился исмаилизм; очевидно, оно относится к доисламскому периоду [12, 175—177]).

Р. Пяндж возникает при слиянии двух других — Памир и Вахандарья. Следует отметить, что последняя известна у местного населения Советского Вахана чаще как *Оби сархад* 'река сархада', поскольку она течет по долине, называемой ими «сархад» (*sarhád*). Само слово «сархад» (букв. 'граница') употребляется во многих местах Южного и Западного Памира для обозначения верхней части долины — более холодной и суровой в климатическом отношении (а в прежние времена и более отсталой по культурному уровню населе-

ния), чем нижняя, называемая обычно «пойтахт» (такое деление наблюдается, например, в Вандже, Шугнани, Баджуве, Язгулеме и других долинах). Таким образом, наименование «сархад» является промежуточным между нарицательным словом и собственным именем места в каждом конкретном случае. При этом Вахандарья 'река Вахан' или 'река Вахана' (по названию долины Вахан) и Оби сархад — не единственные названия этой реки. У истока она именуется Вахджир.

Образовавшаяся из слияния рек Памир и Вахандарья р. Пяндж дальше, вплоть до впадения в нее реки Вахш, не изменяет официального имени (ниже впадения Вахша она называется Амударьей; она же — Оксус в трудах греческих и Джейхун в трудах арабских географов). Однако имя Пяндж употребляется далеко не всегда жителями Южного и Западного Памира. Во многих местах ее называют просто таджикским словом «дарьё», обозначающим большую реку и море, в отличие от притоков, имеющих свои имена. Название же долины Пянджа изменяется в зависимости от имени местности, через которую она проходит. Так, на юге, сразу после слияния Памира и Вахандарьи и почти до самой излучины — «поворота» Пянджа на север, долина Пянджа относится к местности Вахан и носит это наименование. На излучине долина Пянджа пересекает местность Ишканим и данный участок долины принимает это имя. Далее к северу участок долины именуется Горон и т. д.

В случае с р. Бартанг изменяется и название реки и название долины. То же происходит и с р. Гунт (гунд), известной в верхнем течении, до впадения в оз. Яшилкуль, как Аличур.

Следует отметить, что причина такого различия топонимов, особенно названий разных участков долины одной реки, не незнание имен соседних участков, а именно стремление различить их, поскольку это желание связано было с различным этническим составом местного населения, а в прежние времена иногда и с границами мелких феодальных земель. Такую преднамеренность членения долины можно проследить на уже упоминавшемся примере Бартанга. Название Бартанг (Bārtāng, т. е. 'верхний Танг' или 'верхняя теснина') часть долины ниже Сарезского озера могла получить только одновременно с названием Дертанг (dērtāng 'нижний, долинный Танг' или 'нижняя теснина'), полученным низовьем этой долины и реки. Поэтому местное название «Бартанг» могло поначалу относиться только к верхней части реки и долины, и дальнейшее официальное распространение его на всю реку является актом явно вторичным, стирающим исторические границы и нарушающим в некотором смысле симметрию наименований: на картах остается «верхний» без «нижнего».

Встречаются и случаи полного несовпадения названий реки и долины. Пример тому — названия Язгулема. Официальное название реки и долины «Язгулем» является передачей таджикского yāzūlóm — под этим именем знают долину и реку соседи-таджики. Исконные же язгулемские обозначения долины и реки отличаются и от таджикского и друг от друга: долина известна как Юздом (yūzdom), река — как Згамэндж (zǧamēñj). Именно с корнем, образовавшим название реки, связано самоназвание язгулемцев — згамигь (zǧamíǧ), переделанное соседями-таджиками на yāzūlómí и переосмысленное как «происходящий из местности yāzūlóm» (подобно другим многим терминам «происходящий из такого-то города или местности», образованным таджикским суффиксом -й, типа шерозй 'ширазский' от названия местности Шираз, хужандй 'ходжентский' от названия горо-

да — Ходжент³). Кроме того, р. Згамендж носит и ряд других, описательных, названий, связанных с местной легендой. Согласно этой легенде, в верховьях реки был похоронен «поччо Скандар Зыркарнай», т. е. падишах Искандар Зулькарнайн — Александр Македонский. В самой верхней части долины есть мазар, который читается как могила Искандара, являющегося, по поверьям, старцем — покровителем истока реки. Отсюда происходят местные гидронимы: Пйри сáри óби хех 'старца истока реки (тадж.) река (язг.)'; Мазэри хех 'мазара река'. Часто же река Згамендж именуется просто хех 'вода', 'река' или qatól(i) хех, хéхи qatól, qəlxəx 'большая река' в отличие от ее боковых притоков, называемых хырывдег (хəɣəvdeɣ 'приток реки', 'горный поток', 'ручей'). Таким образом, и эта река, как и Вахандарья, имеет другие наименования, часть из которых занимают промежуточное положение между собственно названием реки и нарицательным обозначением.

В ряде случаев названия долины и реки полностью совпадают. Так случилось, например, в Вандже, Шахдаре и многих других местах. Возникает вопрос: что здесь первично — наименование реки или долины? По-видимому, однозначный ответ здесь невозможен; судя по названиям, возможны и те и другие случаи. Однако некоторую закономерность, как представляется, все же можно отметить.

На высокогорных равнинах Восточного Памира, где нет узких ущелий и теснин и где река имеет значение сама по себе, отмечается большой процент двусоставных речных названий, имеющих в своем составе второй элемент -су (тюрк.) или -аб, -об, -оу (иран.-тадж.), обозначающий 'вода', 'река', типа Оксу, Мургаб (тадж. муғоб). Это — названия, обозначающие собственно реку (Ок-река, т. е. «Белая река», Мург-река) или другие природные объекты, названные по имени реки (например, пустыня Маркансу).

На Западном Памире, где ущелья, долины являются более заметными объектами, чем реки, названия долин становятся определяющими по отношению к названиям рек в большинстве случаев, т. е. реки в основном называются по именам тех долин, по которым они протекают. Отсюда и частые «совпадения» в названиях долины и реки, отсюда и такие странные на первый взгляд речные имена со вторым компонентом -дара (тадж.), -дур (-dūr яzg.) и др., означающим ущелье. Здесь река явно носит название долины, а не наоборот. Характерен в этом плане пример топонима Шахдара (тадж. Шох-дара, шугн. хōḫ-darā), официально общего для долины и реки и обозначающего по-шугнански 'боковая долина' (хōḫ 'рог', 'ветвь', dara 'долина', 'ущелье'), что вполне соответствует ее положению, поскольку р. Шахдара впадает в Гунт и поэтому, если смотреть снизу, ее долина является как бы боковым ответвлением долины Гунта. Местное население называет реку хōḫ-dara-šarvidōj 'Шах-дары приток'.

Прежде речные названия могли, по-видимому, возникать от названий долин и населенных пунктов с помощью специальных суффиксов: тадж. -оу, -ов (из об 'вода'), которые мы наблюдаем в названиях рек Ванджоу, Вамароу, и собственно памирскими типа язг. -ендж. шугн. — руш. -ендз, -индз, прослеживаемыми в названиях Згамендж (от утраченного ныне корня zǵam-), Хуфиндз (от названия долины Хуф) и др. В настоящее время наиболее характерно наименование рек либо по названию долины (полное совпадение), либо по типу: «такой-то долины река/вода», «такого-то места река/вода» (в качестве назва-

³ Нынешний Ленинабад.

ния места может служить имя кишлака, горы, мазара или другого объекта, мимо которых течет река). Особенно хорошо такая зависимость прослеживается по названиям мелких боковых долин и притоков рек.

Обычно каждая боковая долина и ущелье имеет свое имя. В одних случаях это собственное название долины (часто совпадающее с названием перевала, находящимся в верхней части этой долины) типа *adəd* и *aħe* в Язгулеме, формы с добавлением компонентов, обозначающих долину, ущелье, типа *đam-điŋ* 'Дам-ущелье'; *qətoč-dara* 'Кумоч-ущелье' в Язгулеме, *šar-dara* 'Чап-ущелье' или 'Левое ущелье' в Хуфе и т. д. В других случаях — их большинство — долина получает название по тому кишлаку, летовке или приметному природному объекту, которые находятся в долине или в месте ее «впадения» в большую долину: *maŋđini-điŋ* 'Мотраунское ущелье' (оно же *adəd*) у кишлака Мотраун, *báŋni-điŋ* 'Багнское ущелье' у кишлака Багн в Язгулеме, Башурв-дара 'Башурв-ущелье' у кишлака Башурв в Хуфе, Бадом-дара по названию кишлака Бадом, Мун-дара по названию кишлака Мун, Ладжуар-дара по месторождению лазурита (*lođwár*) в Шугнанае. Хевдж-дара по названию летовки Хевдж в Гороне и многие другие. В любом случае название долины — это всегда четкий топоним, обозначающий именно эту долину или ущелье.

Боковые же притоки, текущие по этим долинам, часто вообще не имеют своего имени. В Язгулеме большинство из них называется просто хырывдег 'приток', 'ручей' или хех 'вода', 'река' и только в случае необходимости добавляется какое-то конкретизирующее название: по названию ущелья (*qətoč-dara* *l* *xəgəvdég* 'Кумоч-дары ручей'), кишлака (*maŋđini xəgəvdég* 'Мотрауна ручей') или даже части кишлака (*pəskarāw(i)-xəgəvdég* 'Пыскярау-ручей' от названия части кишлака Джамак). Исключения представляют только два притока, протекающих через кишлак Джамак. По-видимому, наличие в одном кишлаке сразу трех притоков (третий — уже упоминавшийся Пыскярау-хырывдег) заставило создать для них какие-то отличающие их названия: это — *ŋāg-xeh* 'камень-река' и *darōw-xəgəvdég* 'лекарство-ручей'. (Приток, текущий по Кумоч-даре значится на картах под названием Вану, которое местному населению не известно. Очевидно, это искаженное *waŋaw* — название урочища и летовки в верхней части Кумоч-дары.) Аналогичная зависимость наименования притока от имени долины отмечается и в других местах, сравним хуфские названия *bašurv-dara-ħas* 'Башурв-ущелья-река', *šar-dara-ħas* 'Чап-ущелья (или левого ущелья)-река', шугнанский *mün-dara-šarvidōj* и т. п.

Очевидно, старые гидронимы на -ендж, -индз постепенно уходят из обихода, заменяясь оборотами «такой-то долины река вода» или «такого-то места река/вода»; отсюда появление описательных названий р. Згамендж в Язгулеме (к ним следует добавить еще одно: Юздоми хех 'Язгулемской долины река', полностью укладающееся в этот новый тип гидронимов), другие описательные обозначения рек типа *sauegi ŋāgi* хех буквально 'Тенево́й горы река' — по названию горы. В Хуфе отмечен еще более интересный пример — гидроним *Ajirħenz-ħas* 'Аджирхендз-река', где само имя Аджирхендз уже являлось, очевидно, прежде гидронимом на -ендз, образовавшимся от названия местности Аджирх (*Ajirħ*), возле которой эта речка впадает в Хуфиндз. Однако в современном языке значение показателя -ендз как «речного» форманта уже настолько ослаблено, что понадобилось добавление слова *ħas* 'река', 'вода', чтобы подчеркнуть, что речь здесь идет именно о реке.

Иногда при совпадении названия реки и долины у жителей данной местности они имеют различные обозначения у их соседей. Так, например, язгулемцы долину Вандж называют Вáуз, а реку — Ванджóу.

При общей тенденции названия реки по названию долины встречаются и отдельные случаи прямо противоположного характера. К таким относятся, например, имена типа Дуб (тадж. 'двуречье'), Хехáк (язг. 'водичка'), принадлежащие явно водным объектам и только затем уже долинам, по которым эти реки протекают. Однако и такие «водные» названия долины и река получают иногда не прямо, а косвенно, через названия других объектов: так, название Гарм-чашма 'горячий источник' получил прежде всего кишлак, расположенный непосредственно возле природных горячих источников, а уже по имени кишлака названа была долина и река Гарм-чашма — правый приток Пянджа.

Озера

Как уже отмечалось, наибольшее число озер на Памире находится в его восточной, более плоской части. Поскольку Восточный Памир населен в основном киргизами, естественно, что большинство названий озер — тюркского происхождения с характерным вторым компонентом -куль (кирг. кёл) 'озеро'. Таковы Кара-куль, Ранг-куль, Зор-куль, Шор-куль, Яшиль-куль, Газ-куль, Сасык-куль, Чукур-куль и т. п. На Западном Памире озер значительно меньше. Единственное крупное озеро здесь — Сарезское, образовавшееся в результате завала на р. Мургаб-Бартанг. Его название образовано от имени затопленного кишлака Сарез и, таким образом, никакой гидронимической системы не представляет.

Более характерны озерные гидронимы в микропонимии Западного Памира. Здесь обычно вторым компонентом выступает либо заимствованный тюркский -куль, либо слово «озеро» на местном языке (типа бáр-йóу 'Бар-озеро' в Язгулеме). Для маленьких родниковых озер используется второй компонент -чашма 'источник', 'родник'.

Хребты, горы, ледники

Названия хребтов в исконной топонимии не прослеживаются. Те наименования, которые мы видим сейчас на географических картах, — позднейшие. Они даны исследователями в основном по принципу смежности с той или иной долиной. Ванчский хребет отделяет Ванч от Язгулема, Язгулемский хребет — Язгулем от Рушана-Бартанга, Рушанский — долину Рушана от Гунта; Шугнанский хребет разделяет две долины Шугнана — Гунт и Шах-дару, а Ваханский окаймляет Вахан с севера (с юга Вахан окаймлен Гиндукушем). Заалайский хребет на севере Памира назван так потому, что лежит за Алайской долиной, расположенной севернее, Южно-Аличурский и Северо-Аличурский хребты получили названия от Аличурской долины, находящейся между ними, а Сарыкольский хребет отгораживает местность Сарыкол, которой он обязан своим названием, от остальной части Памира.

Таким образом, материала, интересного для языковедов и историков, названия хребтов не дают.

Значительно интереснее обстоит дело с обозначениями гор и пиков. В принципе, как мы уже говорили выше, практически всякая гора, которую можно увидеть хотя бы издалека, даже каждая скала или осыпь на этой горе имеют в памирских языках свои собственные имена, подчас очень древние. Однако официально приняты очень немногие из них. Таковы, например, пики Патхор, Вудор, Гармо, Амбарку, Бобило, гора Кызылданги и некоторые другие. В основном же крупные вершины сейчас известны под новыми названиями, данными в честь выдающихся людей (пики Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина, Фрунзе, Маяковского, Дзержинского и др.), событий (пики Революции, Коммунизма и др.) или русскими названиями-характеристиками (пик Снеговой, пик Скалистый и т.п.). Местные имена гор и пиков в основном остаются в микропонимии (Цокжир, Науджирасбанд в Бартанге, Сех, Сайеги гар — Sayégiḡar в Язгулеме и т. п.). Сохраняются в местной традиции и старые названия некоторых вновь поименованных пиков, например, Лагарсед — ныне пик Дзержинского.

Названия ледников, известные по картам и описаниям, созданы в основном исследователями Памира и являются очень недавними. Они даны, как правило, в честь ученых (ледники Федченко, Грумм-Гржимайло, Наливкина и др.) или фактов, связанных с изучением ледника (ледники Бивачный, Медвежий), соседних объектов (Малый Танымас) и т. п. Собственно памирские имена ледников практически еще очень мало изучены. Фиксация их — задача будущих исследований по топонимии Памира. В качестве примеров описательных названий ледников можно привести Ку́лйнлоза́р 'Ку́лйн-ледник' или 'озерный ледник' (от урочища Ку́лйн 'озерное') в Хуфе, ледник га́хтп 'лавиновый' (от язг. гахт 'снеговая лавина') в Язгулеме.

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТНОСТЕЙ И ПУНКТОВ

Слово «местность» употребляется здесь очень условно — такого термина в топонимике не существует. Под ним понимается в данном случае исторически сложившееся объединение ряда населенных пунктов, занимающее в одних случаях — часть долины, в других — целую долину, в третьих — две соседние долины, заселенные одной и той же народностью, говорящей на одном языке и единой в этническом плане. Такие объединения на Памире очень устойчивы. Они сложились уже давно; некоторые из них были в свое время мелкими феодальными независимыми или зависимыми землями. В настоящее время эти объединения существуют постольку, поскольку они имеют собственные наименования и поскольку они населены представителями того или иного языка, что отражается непосредственно на самой системе топонимов внутри них. Здесь мы приняли для обозначения такого географического, этнического и лингвистического единства термин «местность», поскольку ни областью, ни районом его невозможно обозначить: последние два термина уже используются на Памире в значении административных единиц, не совпадающих с данными понятиями.

Мы рассмотрим здесь названия местностей и расположенных в них кишлаков, чтобы затем выявить основные типы названий и принципы их построения. Начнем с верховьев реки Пяндж.

Местность Вахан (собственное *wix*, тадж. Вахон) объединяет обе стороны долины по Вахандарье и верхнему течению реки Пяндж

почти до самой излучины. Население ее говорит на ваханском языке. Основные кишлаки на территории Советского Вахана (снизу вверх по долине): Намадгути поён — нижний Намадгут, Намадгути боло — верхний Намадгут (тадж., собственно ваханское — *nūmū'gut*), Бойбур, Раманит, Даршай, Шитхарв (*šetxarv*), Змудг, Птуп, Тухгоз (*tu'ggoz*), Вичкуд, Ямчун (*yetčün*), Ямч, Внукут (*vənukut*), Вранг, Йиниф, Нижгар, Дыреж (*dəgəž*), Ширгин (*šərgin*), Зугванд (*zəgwənd*) Дирч (*dirč*), Зунг (*zūng*), Хисор (*asōr*), Лангар-Кишн [6, 75].

Местность Ишкашим (*škošm*) охватывает часть Афганского Бадахшана и небольшой отрезок прилегающей к ней территории Советского Памира на самой излучине Пянджа. Основные населенные пункты: Рын, Нют (официально Ишкашим), Сумджан, Мальводж.

В Афганском Бадахшане к Ишкашиму с юго-запада примыкают местности Санглич и Зебак, где распространен ишкашимский язык (у нас он сохранился только в Рыне), и местности Мунджан и Йидга, где распространены диалекты мунджанского языка. Однако эти местности, хотя и связаны с Памиром исторически, в собственно Памир уже не входят.

Севернее Ишкашима по обеим сторонам Пянджа лежит местность под названием Горон (*γoron*), население которой говорит по-таджикски. Имена основных кишлаков (сверху вниз по течению реки): по правому берегу: Баршор, Козде (*qozde*), Быгыш (*bəgəš*), Шамбеде, Вогз, Сист, Куйлал, Хосгуни, Гордж (*γorj*), Жынд (*žənd*), Сюниб, Девлох, Шоиндара, Андароб, Хасхараг (*xasxaraγ*); по левому берегу: Андодж, Зеч, Науобод (*nawobod*), Шехбек, Гыльбог (*gəlboγ*), Чуксанг, Будорбунд; Йифч, Вануд, Козде (*qozde*). Западнее, в глубь афганской территории находится местность, называемая *γorōni boló* 'Верхний Горон', с кишлаками Унед (*ūneδ/d*), Дорумадор, Сафедсанг, Сунд, Жорвах, Тиршоре, Безлиндж [2, 278—281].

К северу от Горона располагается довольно обширная местность под названием Шугнан (*ху'пнпн*). Она охватывает долины Гунта (до озера Яшиль-куль), Шах-дары и часть долины р. Пяндж к северу и югу от устья Гунта. Население ее говорит на шугнанском языке. Основные населенные пункты: город Хорог (*хагаγ*), центр Горно-Бадахшанской автономной области, и селения: по р. Пяндж (сверху вниз по течению на советской стороне): Дарморахт, Тем, Поршнив, Воозм, Бовед, Кушк, Барчив, Иомч, Сохчарв (*soxčarv*); на афганской стороне — Калаи-Бар-Пянджа (*Vāgranja-kalā*), Дишор; по Гунту (снизу вверх): Бедурд (*bədurδ*), Манем, Сучан (*хичпн*), Колхозабад (прежде — *wiyib*), Танг, Шашвоз, Ривак, Сижд, Турбат, Зуворак, Шарик-хуна, Кулив, Мун, Гурджвин (*γorjwīn*), Тирев, Дебаста, Сад, Гуристанив, Демиюна, Вибист, Зувор, Шитам, Чартем (*čarθəm*), Вож, Вир, Ванкала, Миюншар, Вархедз, Мордж, Шадзуд, Джелюнди [4, 109]; по Шах-даре: Реджист, Паригет, Тавдем, Тир, Тусион, Цордж, Медыншор, Чакар, Парзуд, Заниц, Бедист, Рошт-кала, Сендив, Трай, Медынвед, Вез, Барвоз, Бадом, Сендж, Джаушангоз.

К северу от Шугнана отмечаются две небольшие местности, охватывающие каждая по небольшой боковой долине с правой стороны Пянджа. Первая — Баджув (*Вајуw*), где население говорит на диалекте шугнанского языка, с двумя кишлаками: верхним, находящимся в верховье боковой долины и носящим то же название — Баджув, и нижним на берегу Пянджа, имеющим три названия — Пастев, Баджув-Пастев и Паст-Баджув [5, 5—6]. Севернее Баджува находится местность Хуф (*xuf*), население которой говорит на диалекте,

близком к рушанскому. Эта местность подразделяется на три части: собственно Хуф, Бар-Хуф 'Верхний Хуф' и Паст-Хуф 'Нижний Хуф'. В Нижний Хуф входят селения Пастив (оно же Паст-Хуф, Пас-Хуф), Шерез, Башурв; Верхний Хуф не населен. В собственно Хуфе отмечаются два больших селения, или две группы мелких селений: Дер-де (d̄er-de 'нижнее село') и Бар-де (Bār-de 'верхнее село'). Они делятся на более мелкие селения или кварталы (см. ниже, стр. 54), соответственно Дер-де на: Реджист, Диш-чод, Лангар Вистудж, Шер (xer), Аххец (ax̄hes), Бисчиф (/Бисчеф). Адар-чод, Вáуд-зимцэн, или Шиша-чод; Бар-де на: Шар-джод (šar-jod), Винист (winist), Тор-чод, Касорак (kasōrak), Парджуг, Чеунáк-чод (čewnák-čod), Пичув (ričūw), Руж (rūž), Банай [1, 10—18].

Местность ниже по Пянджу называется Рушан (rišān). Она охватывает оба берега Пянджа и низовье Бартанга; делится на Верхний Рушан и Нижний Рушан. Население говорит на рушанском языке. Основные кишлаки Советского Рушана: Яхдзев (yahzēw), Шуджанд (šūjānd), Вамар (vamār), он же на картах значится как Рушан, Барзуд (bārzūd), Дерзуд (d̄erzūd), Барушан (bārašūn), Дерушан (d̄erašūn), Вамд (wāmd), Шидз (šiz), Вознауд (vaznāwd), Равхарв (rāwšārv), Де, Шипад (šipōd) [13, 3—5]. Наиболее крупные кишлаки Афганского Рушана — Часнут, Вознауд, Пишарв [4, 109].

Вверх от Рушана по р. Бартанг примерно в среднем ее течении находится местность называемая Бартанг. Ее население говорит на бартангском языке. Имена основных кишлаков снизу вверх по Бартангу: Имц, Багу, Рид, Падруз, Каруц, Раумед, Хиджис, Усавн, Равивд, Дашт, Сипандж, Дарджомц, Разудж, Биджравд, Аджирх, Басит, Чадуд, Нукбист [4, 109].

Верхнее течение Бартанга вплоть до Сарезского озера известно обычно как Орошор, практически это часть Бартанга. Население здесь говорит на диалекте, близком к бартангскому. Названия кишлаков: Явшор, Орошор (Rōšorv), Нисур, Барчидиф, Сауноб (Таш-курган), Рухч (Кара-курган), Пасор (Агач-курган), Бопасор (Янги-курган) [4, 109]. Последние четыре кишлака, как видно, имеют вторые тюркские названия, данные им киргизским населением. Выше них раньше была группа кишлаков, погибших в 1911 г., когда под гигантским завалом был погребен кишлак Усой, а образовавшееся выше него в результате накопления вод Бартанга Сарезское озеро поглотило селения Сарез (sarēz, sariz, Нисор-дашт, Ирхт (жители последнего впоследствии построили новый кишлак Ирхт выше по притоку Мургаба, в устье которого был старый Ирхт).

К северо-западу от Бартанга находится местность «Язгулем (yūzdom). Население говорит на язгулемском языке. Названия кишлаков (снизу вверх по долине): Мотраун (marđūn) с выселком Шававд (šawavd), Будун (bēdōn), выселок Хванéук (x'ənévúg), Вашхарв (waššārv), выселок Лянгар (lāngār), Андарбаг (əndərbāg), Джамак (žamāg), Зайч, Джафак (žafāg), Бугуз (bužuz), Багн (baḡn), Барнавад (bānpawad).

Ванджская долина, находящаяся северо-западнее Язгулема, образует местность Вандж (wanj). К ней относится также группа кишлаков, находящихся на побережье Пянджа ниже впадения в него Ванджа. Население Ванджа ныне говорит по-таджикски, хотя сравнительно недавно здесь еще бытовал ванджский язык, принадлежавший к памирской группе языков. Названия кишлаков по течению Пянджа: Даштак, Узбай, Лахш, Варавз, Лангарак, Бараун, Водхуд; по Ванджу: Бич-харвак, Рог, Лангар, Гишхун, Рохарв (официально Ванч), Гумаяк, Одешт, Бунай, Потоу, Жовид, Чихох, Сед,

Техарв, Гуджовас, Шир говат, Доршир, Гумаст, Сетарг, Рованд, Мургытга (murr̥ətgá), Сунгад, Ван-Ван, Поймазор [11, 148].

Восточный Памир, значительно менее населенный (к тому же местные жители — носители единого — киргизского — языка), не имеет такого резкого деления на этнические «местности». Названий населенных пунктов здесь меньше, и они более однородны: Каракуль, Музкол, Рангкуль, Мургаб, Аличур, Акджар и др. — в большинстве случаев недавнего происхождения; они производятся в основном по названиям рек, озер и других природных объектов, по соседству с которыми они находятся, либо связаны с определенными символами (Кызыл-Рабат — Красный Рабат).

Местность Сарыкол, лежащая к востоку от хребта, носящего ее название, населена представителями разных народностей, в основном здесь живут сарыкольцы, ваханцы, уйгуры. Названия основных селений: Варшиде (центр Сарыкола; оно же — Таш-курган), Тизнеф, Чушмон, Бальдир, Вача, Марьёнг, Тунг, Кичиктунг, Бурунгсоль [7, 3].

Уже из этого, очень суммарного и неполного, перечня топонимов Памира можно получить некоторые сведения, интересные для языковедов и историков.

Названия большинства этнических местностей и населенных пунктов Западного и Южного Памира не могут быть объяснены или расшифрованы с помощью современных языков; это указывает на архаичность этих названий, которая еще раз свидетельствует о давности заселения Памира. Не исключено, что какие-то из памирских названий могут быть субстратными, унаследованными пришедшими сюда иранцами — предками нынешних памирцев — от неизвестного нам, но возможного автохтонного населения; другие — явно иранского происхождения, как это видно из их построения (см. ниже). Однако и в том, и в другом случае их древность говорит о давности заселения Памира.

В именах населенных пунктов Западного и Южного Памира, как и в названиях частей долин и местностей, а иногда и других объектов, отчетливо прослеживаются «вертикальные» характеристики: «верхний — нижний» (в отдельных случаях также «верхний — простой» или «нижний — простой»). Характеристики такого рода обычно выражены различными средствами, в зависимости от местного языка или традиций: с таджикскими компонентами болó 'верхний' — поён 'нижний' (Намадгúти болó, Намадгúти поён в Вахане, Ван-Ван болó, Ван-Ван поён в Вандже, Горон-Горони болó и т. д.); с местным корнем паст «нижний» в области распространения языков шугнано-рушанской группы (Пастев 'нижний' в Хуфе и Баджуве, Паст-Хуф 'Нижний Хуф', Пас-Баджув 'Нижний Баджув') — в противоположность всему остальному, что находится выше, но не имеет особого форманта со значением 'верхний'; с местными компонентами Бар- (bār-) 'верхний' — Дер- (ðēr-) 'нижний', 'долинный' там же: bār-de — ðēr-de (Хуф), bār-zūd — ðēr-zūd, bāgaħīp — ðēgaħīp (Рушан). Иногда одно из таких названий отмирает или остается в сфере микротопонимии (см. ниже), тогда мы встречаем наличие «верхнего» без «нижнего» или наоборот. Так в Орошоре есть кишлак Барчидиф (буквально 'верхне-дом-ский'), но соответствующего ему ðērcidiv на картах не значится; в Шугнани название Хагаḡ — Хорог отмечено на всех картах, а bāg-ħaḡaḡ 'Верхний Хорог', ðīg-ħaḡaḡ 'нижний Хорог' остались в микротопонимии как названия частей Хорога. Возможно, эти форманты были когда-то и в Язгулеме, о чем свидетельствует название Барнавад. В ряде мест

имеются и другие компоненты со значением «верхний» и «нижний»: Тирев в Шугнана, Торчод в Хуфе, Тур-рухч и Бер-рухч в Бартанге (ср. Тур-куд верхний дом в Язгулеме). Отдельные названия кишлаков прослеживают компоненты со значением «средний»: Де-миюна, Миюн-шар по Гунту, Медын-шор, Медын-вед (wēb 'канал', 'арык') по Шах-даре и др.

Ряд населенных пунктов, где когда-то были крепости, сохранял до недавнего времени (а некоторые сохраняют и теперь) в своих именах компонент Калá (qalá < qal'á 'крепость'): Калáи Вандж//Вандж //Рохарв, Калáи Вамар//Рушан//Вамар, Калáи Хумб, Рошт-Кала, Ван-кала.

Одним из самых распространенных компонентов, утративших ныне свое лексическое значение, в названиях кишлаков и небольших долин и урочищ является формант -харв, распространенный не только на Памире, но и в соседних с ним частях Дарваза, в местах, где раньше говорили на языках, близко родственных памирским. В Шугнана, Рушана, Бартанге, Орошоре, а также Хуфе и Баджуве, где распространены языки шугнано-рушанской группы, характеризующиеся исторической палатализацией ряда древнеиранских согласных, этот компонент звучит соответственно -шарв, -шорв, -шор. Таковы, например, названия кишлаков Шитхарв (Вахан), Вашхарв (Язгулем), Рохарв, Техарв, Бичхарвак, Вишхарвак//Ушхарвак (Вандж), Равшорв или Равшарв, Пишарв (Рушан), Рошорв, Явшор (Орошор), Сохчарв (Шугнан), Баршор (Горон) и др., а также долины Апхарв на Южном Памире, Пшихарв — ниже Ванджа и кишлаки Ушхарв, Висхарви — в Дарвазе.

Значение этого компонента пока неясно. А. З. Розенфельд [10, 70] усматривает в нем отражение слова, обозначающего приток второго порядка, ручей: язг. хэрəvdég, руш. šarvidūrj, хуф. šarvidó], ишк. хагав (ср. вахан. jəgav), однако это утверждение требует дальнейшего исследования. С одной стороны, такое толкование представляется удобным: в самом деле, по всему земному шару имеется огромное количество населенных пунктов, названных по имени реки, на которой они стоят. Имеются местности, названия которых характеризуют специфику их вод (Двуречье, Кисловодск и т. д.). В этом смысле и памирское Апхарв (Абхарв) уместно было бы, как предлагает А. З. Розенфельд [12, 180], трактовать как 'Семиречье' (если только принять, что аб < вахан. ыб 'семь'), параллельно формам типа Дуоб 'двуречье'. Однако здесь смущает то обстоятельство, что сами названия рек на Западном Памире, как мы убедились выше, в большинстве не самостоятельны, а связаны с названием долин. Последние, в свою очередь, часто повторяют названия сел, летовок и других объектов. Получается заколдованный круг, разорвать который мы можем только двумя способами: либо признать, что раньше притоки и ручьи имели особые названия, отличные от современных, либо искать компоненту -харв какое-то иное объяснение. Следует обратить внимание еще на один факт: ряд топонимов с компонентом -харв является практически тождественным (с небольшими фонетическими расхождениями) и в первой своей части: Вашхарв — Висхарвак — Ушхарвак — Ушхарв — Висхарви и Рохарв — Равшорв/Равшарв — Рошорв. Трактовать их значение можно различно: А. З. Розенфельд предполагает значение 'трава' для элемента Ваш-, Вис-, Уш-; можно предположить значение 'зеленые уголья' для элемента Рав-, Рау-(gaw), Ро-, поскольку именно gaw называются во многих частях Памира «уголья с покосами, посевными (часто богарными) площадями вне

сел»⁴. Можно было бы предложить и другие объяснения. Важно то, что самый факт их совпадения указывает на то, что первоначально они, возможно, были не собственными именами, а нарицательными, которыми назывались сходные в чем-то местности или населенные пункты.

В названиях отдельных мелких кишлаков (в других местах — кварталов кишлаков, см. стр. 54) отчетливо прослеживается компонент со значением 'дом': Барчидиф (чид) в Орошоре, Диш-чод, Адар-чод, Шар-джод (с озвончением $\check{c} > j$), Тор-чод (чод) и др. в Хуфе. В Вахане с этим же корнем, но обозначающим здесь 'крыша', возможно, связаны топонимы Внукут, Вичкуд и Намадгут (с озвончением), В Язгулеме этот компонент (*kúđ*) употребляется в названиях кварталов в кишлаках (см. ниже). Не исключено, что отражением этого же компонента в форме куд является вторая часть названия кишлака Водхуд (ниже Ванджа) и — в форме -кад, -гад (с озвончением $k > g$) в названиях ванджских кишлаков Сикад, Сунгад, Харгад и даже Мадынгад в Дарвазе (ср., однако, [2 б]).

В названиях ряда населенных пунктов или их частей прослеживается основа де 'село': кишлаки Де в Рушане и Хуфе, часть кишлака Ди в Баджуве, кишлаки Бар-де, Дер-де в Хуфе, Козде, Шамбеде, в Гороне, Демиена в Шугнани и т. д.

Большое число топонимов, особенно в месте распространения языков шугнано-рушанской группы, имеет суффиксальный показатель -ив, -иф, -еф: Тизнеф, Яхдзев, Бисчеф, Пастев, Пастив, Поршнив, Тирев, Кулив, Барчидиф, Богив и т. п. Этот же суффикс, продолжающий древний показатель аблатива-дativa множественного числа [2 б], а в отдельных случаях (при согласном *w*) в ряде языков, по-видимому, локатива множественного числа, имеют и многие микротопонимы.

В ряде мест, особенно в районах, находящихся под большим влиянием таджикского языка, широкое распространение получил уменьшительный суффикс -ак: Бичхарвак, Даштак, Лангарак, Касорак, Ривак, Висхарвак и др.

Более узкое распространение и менее частое употребление отмечено у таких суффиксов, как шугн. -руш. -uĵ, -uĉ < *aka, -uĵ < *ataka (Вистудж, ряд микротопонимов, например, Nawūĵ в Баджуве) — язг. -ġg, -ĥk < *ataka (микротопонимы wəzwūġg, əndəraĥk); язгулемские суффиксы -āġ < *aka (Žamāġ, Žafāġ), -ad < *at (bārnawad и многие микротопонимы) и др.

Таким образом, древняя топонимика Западного и Южного Памира в целом довольно единообразна, хотя и с определенными различиями (иногда явно позднего характера), связанными с различием в языках местных жителей.

Относительно более понятными и, следовательно, сравнительно недавними являются тюркские и таджикские топонимы. При этом обращает на себя внимание их распространение: тюркские названия распространены на Восточном Памире, частично в Сарыколе и — параллельно с местными — в Орошоре. Это свидетельствует об относительно компактном размещении тюркских народов на Памире и о слабом влиянии тюркских языков на топонимику не соседствующих с ними местностей. Таджикские же названия показывают совсем иную картину. Они тоже сравнительно недавнего происхождения и

⁴ Предложенное А. З. Розенфельд толкование ро- 'лицо' [9, 403] не подходит по историко-фонетическим соображениям: в язгулемском гġ 'лицо' происходит из дифтонга, а в названии Рохарва — Рехарв — е — из *ā, следовательно, эти слова не могли восходить к одному корню.

многие из них хорошо объясняются из современного таджикского языка: По́ймазор 'подножие мазара', Гарм-чашма 'горячий источник', Куйлал (<kúhi la'l) 'гора рубинов', Нау-обод 'новый город', 'новое село', Сафедсанг 'белокаменный', Калаи Хумб 'крепость низины' — из хумб < хамб 'низменное ровное место' (крепость находилась внизу у перевала) и очень недавние образования типа Колхозабад или Шуро-абад (от шуро 'совет' — так называют иногда кишлак Вринджав, построенный в Бартанге в годы советской власти). Однако они в отличие от тюркских не образуют компактного ареала. Даже в Вандже и Гороне, где сейчас говорят по-таджикски, сохраняются старые формы памирского типа, например, Жынд, Хасхараг, Унед, Баршор в Гороне, Водхуд, Бичхарвак, Рохарв, Техарв, Чихох и др. в Вандже, причем их фонетический облик указывает довольно отчетливо на то, к языкам какого типа они принадлежат: названия хас — хагаг (связанное с хагаг — Хорог), ипе^д (в современном таджикском языке звук ^д отсутствует) и в особенности Баршор (bār-šor) указывают, что они были даны людьми, говорившими на диалекте или языке, близком к шугнанскому. Элемент -харв в названиях ванджских кишлаков указывает на то, что язык, бытовавший здесь до таджикского, был памирского типа, а формы Водхуд и Чихох указывают на близость его к язгулемскому: элемент -хох закономерно соответствует язгулемскому хех 'вода' (ср. ванчское название Рохарв и язгулемское Рехарв административного центра Ванджа); о топониме Водхуд см. ниже (стр. 55).

Такое унаследование старых названий населением, говорящим на новом для Памира таджикском языке может свидетельствовать только об одном: таджикоязычное население появилось здесь не в результате завоевания и вытеснения местных жителей — это повлекло бы полное исчезновение старой топонимии. Очевидно, здесь имело место мирное переселение отдельных семей и родов, их постепенная «диффузия» и постепенный переход местного населения на таджикский язык. Топонимия же, как и субстратные явления в фонетике, лексике и грамматике таджикских диалектов этих мест, сохраняет нам элементы более старых языков, на которых говорило местное население: ванджского языка в Вандже и диалекта шугнанского языка в Гороне.

НАЗВАНИЯ МЕЛКИХ ОБЪЕКТОВ (МИКРОТОПОНИМИЯ)

Как уже говорилось выше, на Памире имеют названия не только крупные объекты. Собственные названия имеются также у более мелких объектов — названия имеют отдельные кварталы кишлаков, полевые участки, летовки и пастбища, отдельные участки склонов горы, овраги и т. п. Даже чем-либо знаменательные дома, камни и деревья тоже имеют собственные имена. Эта так называемая микро-топонимия дает очень важный материал и для изучения общих законов топонимии, и для изучения истории языка и этнографии народов Памира. К сожалению, микро-топонимия Памира изучена пока слабо. Имеются подробные публикации лишь по долинам Ванча [11, 142 и сл.] и Хуфа [1, 10—18] и — менее подробно — Баджува [5, 342; 1, 337].

Автору этой статьи за время поездок в Язгулем удалось собрать некоторый материал по топонимии и микро-топонимии этой долины. Поскольку он нигде еще не был опубликован, думается, будет уместным привести его здесь, тем более что он представляет немалую

ценность для понимания общих законов образования географических названий на Памире.

Как отмечалось и для других местностей Памира, кишлаки и уголья на Памире нередко делятся на две части. Иногда это отражается в названиях «верхний — нижний» (не только в именах кишлаков, но и в названиях частей одного кишлака), иногда — особенно если кишлак разделен на две части рекой или большим боковым притоком — в названиях «тот» — «этот». В Язгулеме отмечен именно второй тип такого «двоичного» деления: кишлаки Мотраун и Джамак, уголья Рау и др. делятся на две части, называемые соответственно уйи́риуа 'эта сторона' и дү́риуа 'та сторона'. Аналогичная картина наблюдается в Хуфе (ср. май Башурв 'этот Башурв' и вай Башурв 'тот Башурв'), Вандже (ср. го́гі і баг 'эта сторона Рога', го́гі и баг 'та сторона Рога') и, возможно, в других местностях. Деления же кишлаков на две противопоставленные друг другу части — «верхнюю» и «нижнюю» в настоящее время в Язгулеме не отмечается. Возможно, оно было когда-то прежде, о чем свидетельствуют имена «кварталов» wóbat/t (от wob 'низ', 'нижний') и túrat (от túr 'верх', 'верхний'), существующие в некоторых кишлаках. Однако в тех же кишлаках имеется сейчас и целый ряд других «кварталов», поэтому противопоставления «верхней» и «нижней» частей нет.

Каждый кишлак Язгулемской долины делится на несколько частей, имеющих собственные обозначения. Это так называемые «кварталы», т. е. группы домов типа хуторков, окруженные посевными участками, и нежилые части села, либо занятые под сады, посеы, либо находящиеся на непригодных для обработки участках (обрыв берега, участок гальки у самой реки и т. п.). Особые названия имеют также отдельные крупные камни, возвышения и низины, отдельно стоящие деревья, арыки и т. п. Ниже мы приводим список такой микропонимии трех самых крупных кишлаков: Мотраун (Marǰún); части кишлака — ǰadwǎn, rāw, xǰdwurǰ, qǰlá-ǰe, wóbi qǰl^há, bǰstaǰ-kúǰ, sex-kúǰ, ríwač-kúǰ, bǰǰr, túr-kúǰ, wob-xǰǰǰá, wat-kúǰ, ǰiyangǰ, feš-kawn, lǰš-kúǰ, wob-wǰǰ; окружающие кишлак уголья и другие объекты: bǰčǰǰǰǰǰǰǰ, šini kǰr ('синий/зеленый камень', 'синяя скала'), ovaǰaǰt, bǰǰri šad 'осыпь у Бугура', ǰadwǎni ǰǰr 'гора у Тадвана' (скала и песчаная осыпь напротив кишлака), tana-wǰǰ 'туловище-канал' и др.; А н д р б а г (ǰǰǰǰǰǰǰ); населенные «кварталы»: wóbat, túrat, wob-wǰǰ, túr-wǰǰ, čǰǰǰǰǰǰǰ, qǰlá-ǰe, mazǰr-ǰe; посевные участки и другие объекты: šinkú, rǰǰǰi ǰom, wǰǰičakǰl, rǰǰi daǰt, sǰǰǰǰǰ, laǰmǰn xǰǰ, tagǰǰǰǰi xǰǰ (прибрежные участки, от xǰǰ 'берег'), ǰǰǰǰ (осыпь, от ǰǰǰ 'волочить', 'тащить') kǰwi ǰǰr (букв. 'пестрый камень'), xǰwúr kúǰ (большой камень у осыпи, букв. 'солнечный дом' от xǰwúr 'солнце', kúǰ 'дом'); sǰǰǰǰǰi taw, wobadi taw — названия мостов (taw 'мост') у участков sǰǰǰǰǰ и wóbat); Дж а м а к (ǰǰǰǰǰǰǰ): жилые «кварталы»: xǰwúys, cacǰrn, zǰǰǰǰǰ, túrat, wóbat, wanǰǰ-wiláy, šǰǰǰǰǰ bǰǰqabǰǰǰ, masil, néw-ǰǰǰǰǰ, pǰškarǰw, rewšt, pǰškrewšt; посевные участки: k^oǰǰ-kúǰ, ǰonád, túr-x^oayǰǰǰ, čúši waǰtǰn, túš, pǰǰmi xǰǰ, merǰ, wazǰ, nǰmozǰǰ, pask, šini ǰǰǰǰǰǰǰ, paǰ.

Даже из названия частей этих трех кишлаков можно увидеть некоторые закономерности их образования: часть из них являются явно описательными, типа kǰwi ǰǰr 'пестрый камень', šini kǰr 'синий/зеленый камень', šini ǰǰǰǰǰǰǰ 'зеленые заросли', при этом некоторые из них представляют собой как бы названия-прозвища: xǰwúr kúǰ

‘солнечный дом’ — название камня, *gérsci dom* ‘лисий хвост’ — название вытянутого вдоль реки узкого посевного участка, *čúši waχtán* ‘горький сенник’ — название одного из угодий в Джамаке. Названия мостов (*taw*), осыпей (*šad*), берега (*χəd*), реке — *γāg* ‘гора’, ‘камень’, часто составляют сочетания, определяющие, к какому участку кишлака данный объект примыкает (*səngévi taw*, *wobadi taw* в Андарбаге, *bəγūri šad*, *θadwáni γāg* в Мотрауне). Характерны формы типа *qəlá-je*, *mazér-je* ‘у крепости’, ‘у мазара’, ставшие собственными наименованиями участков.

Ряд названий кварталов Мотрауна включает в качестве второго компонента слово *kúd* ‘дом’. Первый компонент исторически, очевидно, всегда должен был служить определением, хотя в настоящее время его значение не везде прослеживается. Так, название *túr=kúd* ‘верхний дом’ — вполне прозрачно, о значении остальных можно только догадываться: *bəstáθ=kúd* может быть связано с *bestəθ* — глиняные нары в доме, на краю которых встроены очаг, *sex=kúd* — с *sex* ‘палочка’, ‘спица’, остальные же названия еще менее ясны. Интересно сравнить их с именами кишлаков в разных местностях Памира (см. стр. 52, особенно напрашивается сопоставление *vat-kúd* с названием кишлака Вотхуд//Водхуд) и отдельных кварталов (ср. ванджские Брегод, Ганьгод, Торгод ‘верхний дом’). Из этого сравнения можно сделать вывод, что формы с компонентом ‘дом’, по-видимому, довольно старые и, возможно, ведут свое начало на Памире от того времени, когда расселение было не таким дробным и когда квартал или населенный пункт состоял из одного большого дома, где жил целый род, и окружающих его угодий (такой «большой дом» был весьма характерен для Памира в не столь уж отдаленное время).

Определенный процент обозначений в микротопонимии кишлаков связан с понятиями «верх» и «низ». Это не только термины *wobat* и *túr-at*, о которых говорилось выше. Понятия «верхний» и «нижний», как мы убедились выше, вообще характерны на Памире для любого вида топонимии, поэтому многие объекты определяются именно по этой соотнесенности, в том числе и объекты микротопонимии кишлаков (ср. название верхней части кишлака Баджув — Пати и язгулемское *ratúr* — полунарицательное название совокупности кишлаков верхней части долины и обозначение верхней части кишлака вообще). О такой соотнесенности говорят, например, имена участков *wóbi qəl^há* ‘ниже крепости’, *wob-χaθgá* ‘ниже двора’ или ‘нижний двор’, *wob-wāδ* ‘нижний арык’, ‘у нижнего арыка’, *túr-wāδ* ‘верхний арык’, ‘у верхнего арыка’, *túr-x^oayérg* ‘у верхней мельницы’ и т. п.

Ряд микропонимов представляет собой единичные типы образований (например, отглагольное *χijék* ‘волочение’ от *χij-* ‘волочить’ — название осыпи, на которой собирают и затем волокут вниз хворост: ср. баджувское *χas-paχtíd*, букв. ‘воды-выход’) или образования, в которых ясна только одна обычно определяющая часть, обозначающая объект *feš-kawp* от *kawp* ‘обрыв’, ‘каньон’, *vəziča-kāl* от *kāl* ‘голова’, ‘верхове’, реже ясна служебная часть, но неизвестна основная: *pāskrewšt* ‘за Реуштом’ и т. п.

Можно отметить также некоторые микропонимы, не ставшие еще собственными именами, но уже — в каждом конкретном случае — обозначающие именно данный объект и находящиеся как бы на половине пути от нарицательных имен к собственным. Наблюдаются разные ступени такого перерастания. Так, например, формы типа *mazér-je*, букв. ‘у мазара’, *qəlá-je*, букв. ‘у крепости’ в некоторых кишлаках стали уже собственными названиями кварталов по объек-

там, которые были для этих кварталов определяющими. Однако в Андарбаге, например, только название *qəlá-je* позволяет узнать, что когда-то здесь была крепость (по преданию, с подземными помещениями и подземными ходами). После победы Советской власти крепость была разрушена, однако название квартала *qəlá-je* сохраняется, поскольку оно стало уже собственным именем. Наполовину собственными именами являются названия мостов по названию тех частей кишлака, где эти мосты находятся (*səngévi taw*, *wobadi taw* 'сангевский мост', 'вобадский мост'). Иногда такие полуназвания в микротопонимии появляются буквально на глазах: *táw-je* 'место) у моста' — в Андарбаге, *mirimásti wād* 'арык (у дома) Миримаста' — в Андарбаге, *čordará* 'четверодверный' — дом с очень большой дверью и воротами в Джамаке и др. При надлежащих условиях такого типа названия могут закрепиться и стать собственными именами, даже при последующем изменении породившей их ситуации (как, например, в случае с названием «у крепости»), в других случаях с изменением ситуации эти названия исчезают: так, после смерти Миримаста и перестройки большого дома в Джамаке последние два названия постепенно выходят из обихода.

Микротопонимия весьма характерна и в названиях различных объектов вне села — посевных участков в горах и долинах, летовок, осыпей, пещер, каньонов, камней, участков дороги и т. п.

Здесь мы приведем названия некоторых таких объектов по боковой долине Оудуи (язг. *adəd*): *rəxtín* (ледник, букв. 'лавинный' от *gaht* 'снеговая лавина'), *bār—γūu* (озеро, букв. 'Бар-озеро'), *maftál*, *wəščéwδ* (летовка), *xaníl* (летовка), *woxčii čəxtá* (родниковое озеро, букв. 'Вохчиев родник'), *dədarǵáu* (песчаная осыпь), *xəǵáz* (посевы и летовка), *vaǵági gəǵāp* (участок дороги у водопада Кагобег, вьющийся вверх по широкому месту, букв. 'лошадиная шея'), *qagobégi wəv* (водопад, букв. 'Кагобег-водопад'), *gerebəstán* (посевы), *səǵád* (посевы и фруктовые деревья), *zong* (посевы и фруктовые деревья). По Кумоч-даре: *šərnág* (гора), *wǵnpi šərnág* (черная осыпь на этой горе; *wǵnp* 'черный'), *góxni šərnág* (светлая осыпь там же; *goxp* 'белый'), *Nawǵúz-kəp* камень там же, букв. 'Науруз-камень'), *wárgi řaz* (гора, букв. 'волчье логово'), *xəwáwp* (летовка и посевы), *wəzwúδǵ* (летовка и посевы), *ǵúz-δǵr* (ущелье и летовка, букв. 'ǵúz-ущелье'), *wapáwd* (летовка), *čařxex* (лес, букв. 'полюнь-вода')¹ *səltoidári řaδǵā* (поле); летовки: *pāspaǵə*, *woynāp*, *maǵéžg*, *əndəráδk*, *wəžóm*, *sarwinoz*, *alaxčóni ǵúv* (букв. 'Алайхона кладовая'), *řabág*, *wəndór*, *tǵr-δǵr* (букв. 'верхнее ущелье'); *maǵéžgi taw* (мост у летовки Маргежг).

Далее в алфавитном порядке и с комментариями приводятся микротопонимы по долине Язгулем и отдельным боковым долинам:

adej-δǵri xəǵəvdég 'Адедж-ущелья-ручей' — ручей в небольшой ложине у летовки возле угодья Рау.

ǵr nawad — выселки и летовка ниже Барнавада.

astúr — посевы у Будуна.

ařé — ущелье в Джамаке.

babr-əmbis 'барс-арча' — арча в Барнаваде.

baǵp-δǵr 'Багн-ущелье' — ущелье у Багна.

basid — посевы, выселки выше Джафака по правому берегу Язгулема (далее — ПБЯ).

basidi rəǵuāp 'Басида-овринг' — овринг⁵ напротив Басида.

ber — место на горе выше Андарбага ПБЯ.

⁵ Овринг — искусственный карниз из бревен в непроходимых местах.

béri sil 'Бера силь' — след сила на Бере.
 béri taw 'Бера мост' — мост у Бера.
 bədanégi roq 'Будуновский кругляш' — земляная осыпь возле Будуна.
 bəʔúzi roq 'Бугуза кругляш' — место угодий и мельницы выше Бугуза.
 bəŋqabdól — выселки выше Андарбага.
 čilimák 'кальянчик' — нижний берег под Рау.
 daħt — 1) широкая часть долины у устья Язгулема; 2) выселки между
 Зайчем и Джафаком; 3) Matadxoní daħt место в верховьях Яз-
 гулема.
 dām — ущелье (также dām-đŭg) и летовка у Джамака.
 đŭgi ʔəl 'ущелья углубление' — промоина ПБЯ выше Андарбага.
 əndəŋʔáz — мазар у устья Язгулема.
 ǵanāš-reʔ — богарные посевы на земляной осыпи выше Андарбага.
 ǵ°ol-ayət 'цветок-сад (т. е. цветник)' — место кладбища ниже Джа-
 мака (ПБЯ).
 ʔarín-taw 'каменный мост' — место в верховье Язгулема.
 ʔəlík-ʔəlíki ʔāg 'камень с дырочками' (он же — fəŋəxǵ°ós mazér — ка-
 менная плита с дырочками ПБЯ).
 ʔéwi roq 'бычий кругляш' — земляная осыпь, с которой, по легенде,
 свалился бык.
 ʔ°oθ-bawəp 'навоз-пещера' — расселина возле Андарбага, левый берег
 Язгулема (далее — ЛБЯ).
 ʔəlaʔúl — место выше Будуна.
 jōmi jingál 'чаши-лес' — участок ниже Андарбага.
 kəp-ʔúv 'камень-кладовая' — большой камень.
 káwsad — место ниже Бугуза.
 lúq-əmbís 'тряпка-арча' — священная арча, на которую вешают тряп-
 ки — в верховьях Язгулема.
 masadəqi kará — каменистый выступ выше Андарбага ПБЯ.
 mirzomatadí ʔond 'Мирзомамада разветвление' — верхняя часть горы
 выше Андарбага ЛБЯ.
 nahálm — место над Рау.
 pavp — летовка и урочище в верховье Язгулема.
 pətozǵá 'молитвенное место' — возвышенность между Андарбагом и
 Джамаком ПБЯ; pətozǵái bawəp 'Н.пещера' — пещера в ней; pə-
 tozǵai đŭg 'Н.ущелье' — лощина там же; pətozǵái šad 'Н.осыпь' —
 осыпь там же.
 pašk — гора у кишлака Мотраун.
 pašasér — место на горе под waʔnišad (см.)
 pašmá-rəyánp 'Пашма-овринг' — овринг выше Джамака ЛБЯ.
 paš-xəd 'Паш-берег' — часть ЛБЯ у Андарбага.
 rəyuanāg 'овринговое' — кладбище у Мотрауна, возле бывшего оврин-
 га (rəyánp) ЛБЯ.
 rəyúaní roq 'овринга кругляш' — высокогорная круглая лужайка выше
 Андарбага возле бывшего овринга ПБЯ.
 rəyúaní šad 'овринга осыпь' — земляная осыпь за бывшим оврингом
 там же.
 p(ə)ŋəǵəd — летовка выше Андарбага.
 piʔəp — летовка у Будуна.
 qoziʔār 'судья-камень' — каменная глыба внизу кишлака Вашхарв.
 qabál-mazóg 'Кабаль-мазар' посевы в верхнем Язгулема.
 ʔaʔzów — место вверх по Язгулему от Андарбага.
 rā-šad 'Ра-осыпь' — красноватая земляная осыпь на горе Сех (см.).
 rāw — угодья (травы, богарные посевы) выше Андарбага ЛБЯ; wópa-
 lowi rāw 'нижний Рау', dúriyai rāw 'той стороны Рау', yúriyai

gāw 'этой стороны Рау', qatól gāw 'большой Рау', сэгáг gāw 'малый Рау' — отдельные участки Рау, рассеченные каньоном.
геу — угожья и летовка выше Андарбага ЛБЯ, соответствует тадж. гоу.

гéуі wəw 'Рега водопад' — большая каменная глыба с вертикальными пластами.

гóхпí šad 'белая осыпь' — осыпь на горе Сех, ниже по реке, чем гā-šad.

safári bawəp 'Сафара пещера' или 'путешествия пещера' — пещера в горе ниже Андарбага.

sauéги γāг 'тенивая гора', 'тени гора' — снеговая гора возле Андарбага.

sex 'палочка', 'спица' — пик напротив Андарбага ПБЯ.

šabug — ущелье в верховье Язгулема.

šeš — гора на реке Язгулем.

šəškán — земляная осыпь в верховье Язгулема.

tūgađar — ущелье в верховье Язгулема.

wəpnišat/d 'черная осыпь' — черная осыпь выше Андарбага ПБЯ.

wanéги kəp//wanéги γāг 'ивы камень' — камень, похожий на дерево выше Мотрауна.

wáski taw 'высокий мост' — мост у верхнего конца Джамака.

wazǵ — летовка ниже Джамака ПБЯ; túr-wazǵ//túr-pālów wazǵ 'Верхний Вазгь', wob-wazǵ, wópālow wazǵ 'Нижний Вазгь' — части летовки; wazǵ-đúr 'Вазгь-ущелье' — лощина в верхней части летовки.

wəvi gāw 'Водопада Рау' — гора, с которой падает водопад.

wigúg — посевы выше Андарбага.

wúpni q°əgóm 'черная каменная осыпь'.

wúnpətrud 'черный Пытпуд' — земляная осыпь выше Барнавада.

xūxrá-xamék 'похлебки-хлебание' — местность в устье Язгулема (см. daxt-1), где прежде путешественники останавливались для отдыха и еды.

xəsrígi zamč 'крупного песка-поле' — песчаная осыпь с участками земли выше Андарбага ПБЯ.

xəwəstíg — земляная осыпь.

x°ázmi šad 'глинистая осыпь' — красноватая осыпь выше Андарбага ЛБЯ.

yaхсéw — летовка выше Андарбага.

yaus — летовка в верховье Язгулема.

zərdáđ 'желтые' — желтый участок на горе Сех, выше осыпей.

ziyodáyí kawn 'Зиёдай-обрыв' — каньон.

žafági rəgyán 'Джафака овринг' — овринг выше Джафака ЛБЯ.

žaməgi lalm 'Джамака богарное поле' — богарное поле возле Джамака.

žarázgi gāw 'горной куропатки Рау' — угожья ниже Зайча ЛБЯ.

Как видно из этого материала, микропонимия более связана с современным языком данной местности, чем «макропонимия», хотя и здесь многие названия уже стали непонятными.

В микропонимии природных объектов и угожий, как и в микропонимии кишлаков, много описательных названий, из которых одни определяют конкретный объект: basídi rəgyán, góхпí šad, ср. gūš-juw-wíđǵ 'красно-пестрый холм' в Баджуве и т. д., другие являются названиями-прозвищами: xūxrá-xamék, varági gərdān, wárgi žaz. Многие формы описательного характера включают в себя название самого объекта: kəp, γāг 'камень', 'гора', šad 'осыпь', jəngál, jingál 'заросли', 'лес', bawəp 'пещера', kawn 'обрыв', 'каньон', đúr, daǵá 'ущелье', daxt 'ровная площадка', wəw 'водопад' и другие, иногда в той или иной

мере видоизмененные. В качестве определительной части в отличие от собственно топонимии могут употребляться собственные имена или титулы людей — владельцев объектов или так или иначе связанных с ними: *Мамадхони дахт* 'Мамадхона дашт', *Навруз-кэр* и т. д. Иногда при надлежащих условиях такого типа микротопонимы становятся общеизвестными, как, например, *Ишан-дашт* возле *Хорога*, где находится *Ботанический сад*.

Из суффиксальных показателей микротопонимов *Язгулема* наиболее характерны: безударный суффикс *-ad/-at: wōbad/t, tūrat, ārnawad, kāwsad* (ср. название кишлака *Барнавад*); суффиксы *-ig/ǵ, -eg/ǵ, -āǵ, -in*, указывающие на относительность: *bədanǵ, rəyanǵ, xəwəstǵ, ǵəxtin* и др.; реже *-ev, -ew: səngév, uaxsév* (ср. микротопонимы *Джизив* в *Бартанге*, *Роштив* в *Баджуве*, канал *Ханив* в *Шугнани*, канал *Ходаржив* в *Бартанге* — от *хадордж* 'мельница' — и др.); показатели множественного числа: *-áð (zingáð, zərdáð)*, реже *-en, -eǵ (marǵeǵ)*, ср. широкое распространение показателя мн. числа *-en* в микротопонимии других долин Западного Памира, вплоть до новейших образований типа отмеченного *Р. Х. Додыхудоевым* *абагүнеп* (участок, урожай с которого шел во время Отечественной войны в фонд обороны) [3, 2—4]; уменьшительный суффикс *-ak (čilimák)*, распространенный и в других местах Памира, например, *kasōrak, rǵzak* в *Хуфе*, *ðūndak* в *Баджуве*, *xufak* в *Хороге*; непродуктивные суффиксы *-ǵ, -ðk, -vǵ: wəzwǵ, əndəǵðk, xʰənévǵ* (ср. баджувские *Nawǵj, Saǵnəwǵj*) и др. В других долинах Памира в микротопонимии, распространены также показатели *-харв, -шарв, -зор* 'заросли', *-джой, -га* 'место' и др. [14, 72].

Обращает на себя внимание сравнительно большое — для такой небольшой и разноязычной области, как Памир, — количество повторений названий. Кроме отмечавшихся уже повторений в названиях кишлаков можно отметить ряд случаев совпадений микротопонимов или «макротопонима» в одном месте с микротопонимом в другом: *Аджирх* в *Бартанге* и *Хуфе*, *Руж* в *Хуфе* и *Баджуве*, *Басид, Басит* в *Бартанге* и *Язгулема*, *Дзонг* в *Язгулема* и *Зунг* в *Вахане*, *Хуф* — долина и *Хуфак* — часть *Хорога* и место в *Орошоре*. *Башурв* в *Хуфе* и *Башур* в *Бартанге*; название местностей, летовок или кишлаков *Дашт* — практически в каждой долине; *Лангар, Лангарак* — почти в каждой и т. д. Это говорит о том, что данные наименования когда-то были нарицательными, имевшими определенное значение, названия *Дашт*, собственно, его и не утратили — значение ровного места в горах, сухого, но пригодного для орошения и обработки, здесь сохраняется даже в том случае, если на этом месте вырастает летовка или кишлак (например, кишлак *Дашт* в *Бартанге*), названный так по характеристике данного места. Значение слова *Лангар* уже в значительной мере утеряно [8].

Древность рассмотренной здесь системы топонимии и микротопонимии показывает, что Памир — особенно его западная и южная части — заселен очень давно и что население его в целом мало изменилось этнически за последние тысячелетия, так как резкое изменение этнического состава населения повлекло бы и значительное обновление топонимии. Это опровергает бытующие в некоторых местностях Памира легенды о недавнем заселении его пришельцами из других областей. Собственно, уже само наличие в данных местностях Памира большого числа значительно обособленных друг от друга языков и диалектов говорит о древности его населения. Топонимия является вторым фактом, доказывающим его древность. Очевидно,

недавние переселения (4—5 поколений назад), о которых говорят старики на Памире, носили характер переселения не народностей, а отдельных родов и семей или даже глав семей и не были столь уж частыми, так что переселенцы быстро ассимилировались.

Памирские топонимы не являются однозременными по происхождению. Одни носят очень древний характер и, очевидно, были созданы тогда, когда памирские языки еще не так сильно различались между собой. Эти наименования бывают иногда сходны в разных областях Памира и уже непонятны нынешнему населению. В отдельных случаях слово, употребляемое в одном языке только как топоним и не понятное уже населению, продолжает жить в другом языке (ср. топоним *ġūu*, употребляемый, по сведениям Х. Курбанова, в Оршоре только как название отдельных озер, и нарицательное слово *ġūu* 'озеро', 'пруд' в Язгулеме). Другие названия, мотивированные в современных языках, являются более поздними. При этом, как и во всем мире, местное население, уже не понимая старого значения топонимов, придумывает для них различные объяснения (часто самые фантастические), ассоциируя их по звучанию со сходными словами современного языка, своего или чужого (так называемая «народная этимология»).

Именно такими, например, представляются нам попытки объяснения местным населением названия Баджув как происходящего от *boġ* 'блюдо из гороха и пшеницы' и *ġaw* 'ячмень' или *bo-ġūu* 'с-арыками' или *bad-ġūu* 'с плохими арыками', подмеченные Д. Карамшоевым [5, 6]. *Yūzdom* старики в Язгулеме пытались объяснить то как 'сто домов': *yūz-* тюрк. 'сто', *-dom* — русск. 'дом', то как «узкая сеть» (*yūz* < русск. 'узко', *dom* — тадж. 'сеть'). Название кишлака Джамак (язг. *ġamaġ*) объясняется двояко: либо по имени некоего Джумабека, который мог его основать, либо по глаголу *ġam pad* 'собрался', 'собрались', поскольку здесь как бы остановились силы и осыпи с окружающих гор и т. д. Таких легенд много о самых разных долинах и населенных пунктах. Они, как правило (а в приведенных примерах это несомненно), не имеют ничего общего с действительным происхождением данных названий. Но они очень важны для нас постольку, поскольку являются свидетельством попытки осмыслить название. А такие осмысления ведут часто и к изменению фонетического облика названия, что еще больше затрудняет понимание его происхождения.

Поэтому сейчас очень важна точная фонетическая фиксация всех топонимов и микротопонимов Памира. В этом плане наши географические карты и другие источники, к сожалению, очень несовершенны: они изобилуют искажениями, в которых иногда трудно узнать даже знакомые имена, и изобретенными новыми названиями в тех случаях, когда имеются собственные местные, уходящие корнями в глубокую древность.

Следует приветствовать большую работу по сбору и обработке материала всей топонимии и микротопонимии Памира, которую ведет в настоящее время доцент Таджикского государственного Университета Р. Х. Додыхудоев. Думается, неплохо было бы, если и кадры местной интеллигенции на Памире, и географы — исследователи Памира обратили внимание на сбор и максимально точную в фонетическом плане фиксацию всех географических названий (в том числе и микротопонимов) на местных языках. Это помогло бы пролить свет на многие неясные пока вопросы истории памирских языков, истории народов Памира и его исторической географии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958.
2. Болдырев А. Н., Бадахшанский фольклор,— «Советское востоковедение», т. V, М.—Л., 1948.
- 2а. Герценберг Л. Г., Морфологическая структура слова в древних индонранских языках, Л., 1972.
- 2б. Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М., Заметки по бадахшанской топонимике (Доклад на семинаре ленинградских иранистов, V Фреймановские чтения, 30 мая 1972 г.).
3. Додыхудоев Р. Х., К вопросу о топонимии Памира,— «Известия АН ТаджССР», Отд. общ. наук, Душанбе, 1969, № 3.
4. Зарубин И. И., Орошорские тексты и словарь,— «Труды Памирской экспедиции 1928 г.», вып. VI, Лингвистика, Л., 1930.
5. Карамшоев Д., Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963.
6. Климчицкий С. И., Ваханские тексты,— «Труды Таджикстанской базы АН СССР», т. III, Лингвистика, М.—Л., 1936.
7. Пахалина Т. Н., Сарыкольский язык, М., 1966.
8. Розенфельд А. З., Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана,— «Известия ВГО», М., 1940, т. 72, вып. 6.
9. Розенфельд А. З., Материалы по этнографии и топонимике Ванча,— «Известия ВГО», М., 1953, т. 85, вып. 4.
10. Розенфельд А. З., Топонимика Ванджа,— «Топонимика Востока», М., 1962.
11. Розенфельд А. З., Ванчские говоры таджикского языка, Л., 1964.
12. Розенфельд А. З., Заметки по гидронимии Юго-Восточного Таджикистана,— «Топонимика Востока», М., 1964.
13. Файзов М., Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966.
14. Хромов А. Л., Некоторые проблемы топонимического исследования Таджикистана,— «Известия АН ТаджССР», Отд. общ. наук, Душанбе, 1968, № 1(51).

Е. В. Максимов

МАСШТАБЫ НОВЕЙШИХ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ПАМИРО-АЛАЯ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ГОРНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЗЕМНОГО ШАРА

В ходе изучения следов, оставленных последним горным оледенением, выяснилось, что имеются определенные основания говорить о планетарном единстве проявления гляциальных процессов [10; 11; 13; 28]. На протяжении голоцена горные ледники земного шара повсеместно сокращались; вертикальный размах этого сокращения (т. е. подъем ледников) при достаточной абсолютной и относительной высоте гор был более или менее равновеликим. На общем фоне сокращения площади ледников проявлялась их возвратно-поступательная стадияльная изменчивость, отражающая 1850-летний ритм изменчивости общей увлажненности, открытый А. В. Шнитниковым [28]. Эта изменчивость оледенения фиксирована системами стадияльных конечных морен, включающими при достаточной абсолютной и относительной высоте гор по восемь последовательно залегающих конечно-моренных комплексов. На рис. 2 показаны типовые кривые дегляциации (т. е. графики связи высот стадияльных конечных морен с 1850-летними ритмами) для гор Советского Союза и для гор зарубежных стран. Обе кривые фактически тождественны. Интересно заметить, что типовые кривые дегляциации могут быть представлены двумя пересекающимися прямыми. Одна прямая может быть проведена через четыре верхние точки, отвечающие моренам VII, VI, V и IV стадий, а вторая прямая — через пять нижних точек, отвечающих максимальной, I, II, III и IV стадиям. Обе прямые пересекаются примерно на участке, отвечающем положению конечных морен IV стадии. Образование конечных морен этой стадии связано с процессами, имевшими место 5800 лет назад.

Приведенный факт может означать, что процесс, регулирующий сокращение горных ледников в голоцене, изменил свой темп почти в два раза в момент формирования конечных морен IV стадии. Важно подчеркнуть, что изменение темпа указанного процесса фактически произошло скачкообразно.

Статистическая обработка данных о высоте залегания каров и цирков в горах позволила выяснить характер ритмических процессов, регулирующих оледенение [13]. Выяснилось, что помимо 1850-летнего ритма, формирующего стадии оледенения, проявляется ритм, формирующий сами оледенения. Продолжительность последнего составляет 40700 лет и в точности совпадает с периодом изменения наклона эклиптики.

Макропроцесс формально является процессом синусоидального ти-

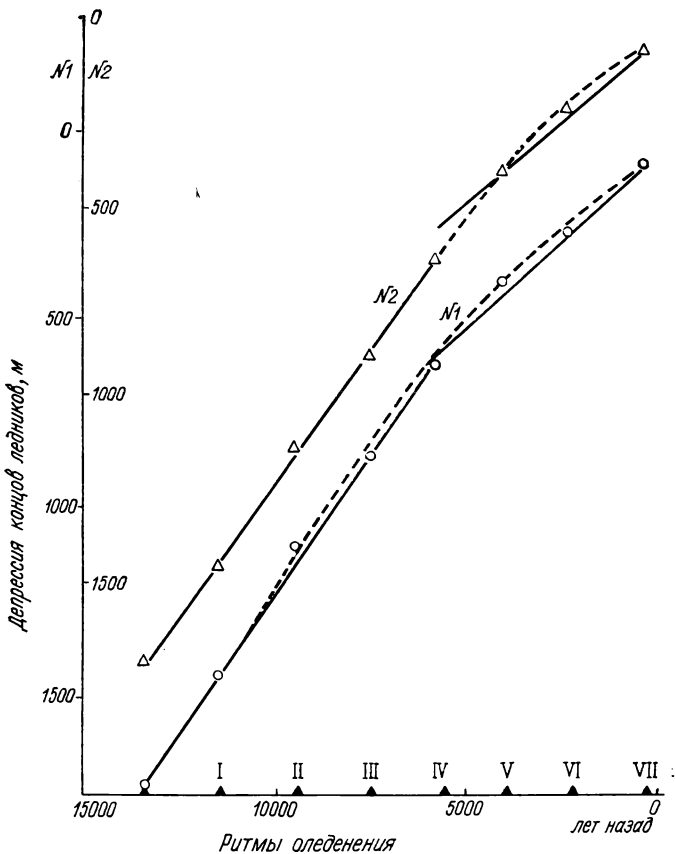

Рис. 1. Типовые кривые дегляциации: № 1 — гор СССР, № 2 — гор зарубежных стран

па. Однако в отличие от мезопроцесса это процесс ломаный — в экстремальных положениях, а также в точках перехода процесса из области положительного баланса в область отрицательного баланса и обратно, — темп процесса скачком меняется примерно в два раза. Последний переход макропроцесса из области положительного баланса в отрицательную область имел место 13200 лет назад и соответствовал максимальному распространению горных ледников последнего оледенения; последний экстремум (отрицательный) макропроцесса имел место 5800 лет назад и совпал с формированием конечных морен IV стадии [13] (табл. 1).

На рис. 2 показана кривая связи стадияльных депрессий концов ледников и снеговой линии.

Сталкиваясь с почти полной идентичностью стадияльных систем распада древних ледников (число конечных морен, их относительная выраженность, размеры депрессии концов ледников и снеговой линии) в разных горных системах, можно прийти к мысли о единообразии тектонического режима различных горных сооружений в последнем отрезке времени. Следует либо вообще отвергнуть сколько-нибудь заметные тектонические движения на протяжении последних 13000 лет, либо признать их единый размах и единую направленность чуть ли не в планетарных масштабах. Однако картина распада ледников последнего оледенения не во всех случаях бывает полностью одинакова. Это наводит на мысль

Характеристики стадий последнего оледенения

Стадия	Депрессия концов ледников, м	Депрессия снеговой линии, м		Абсолютный возраст, лет назад	
		по сводному каровому графику	по формуле Л. А. Варданянца	по А. В. Шнитникову	по Е. В. Максимоу
VII	Около 100	60	60	100—300	100—300
VI	250—280	150	130—140	Около 2000	2400—2500
V	410	240	240—250	3900	Около 4000
IV	625—650	350	370—380	5700	5000—6000
III	870—900	540	550	7600—7700	7000—8000
II	1110—1115	760	Около 700	9300—9400	Около 10000
I	1450—1460	970	Около 900	11100—11200	Около 12000
Max.	1710—1740	1160	Около 1100	13100	Более 13000

о существовании тектонических возмущений, нарушающих закономерный характер распада ледников.

Прежде чем обратиться к анализу этих возмущений, необходимо остановиться на одном принципиально важном вопросе. Это вопрос об общих воздыманиях горных систем, испытавших последнее оледенение, за время распада ледников, т. е. за последние 13 000 лет. Большинство исследователей склоняется к мнению, что многие горные сооружения в современную эпоху испытывают восходящие движения.

Судя по сорванным зандрям максимальной стадии последнего оледенения в Киргизском Алатау и на Арагаце, общий подъем этих горных сооружений за голоцен не превзошел 50—100 м. Эти сведения, конечно, слишком случайны, чтобы их можно было рассматривать как планетарные. Однако есть некоторые другие данные более общего характера, подтверждающие их. Так, осредненное значение депрессий снеговой линии максимальной стадии, подсчитанных по формуле Варданянца, составляет 1100 м (см. табл. 1); по каровому графику эта величина определена в 1160 м. Очевидно, эта разница в 60 м и характеризует общий подъем горных районов, испытавших оледенение. Некоторое расхождение (на 70—80 м) кривых связи стадийальных депрессий концов ледников и депрессий снеговой линии (рис. 2), вычисленных по формуле Варданянца и снятых с карового графика, говорит о том же самом. Наконец, средняя высота аллювиально-зандровых террас, связанных с моренами максимальной стадии, во многих горных странах равна 70—80 м. Приведенные данные позволяют сравнительно надежно оценить среднюю величину подъема горных стран за голоцен в 70 м.

Таким образом, можно с известной степенью приближения принять, что горные страны, испытавшие последнее горное оледенение и показывающие более или менее нормальные условия дегляциации, поднялись за время дегляциации, т. е. за 13000 лет, в среднем на 70 м.

Теперь можно обратиться к горным системам, показывающим очевидные признаки инверсионности в своем тектоническом развитии.

ПАМИРО-АЛАЙ

Широко распространено мнение, что Памир испытал на протяжении четвертичного периода интенсивные поднятия [8; 19; 21; 24; 25 и др.]. Предполагается, что эти поднятия продолжаются вплоть до современ-

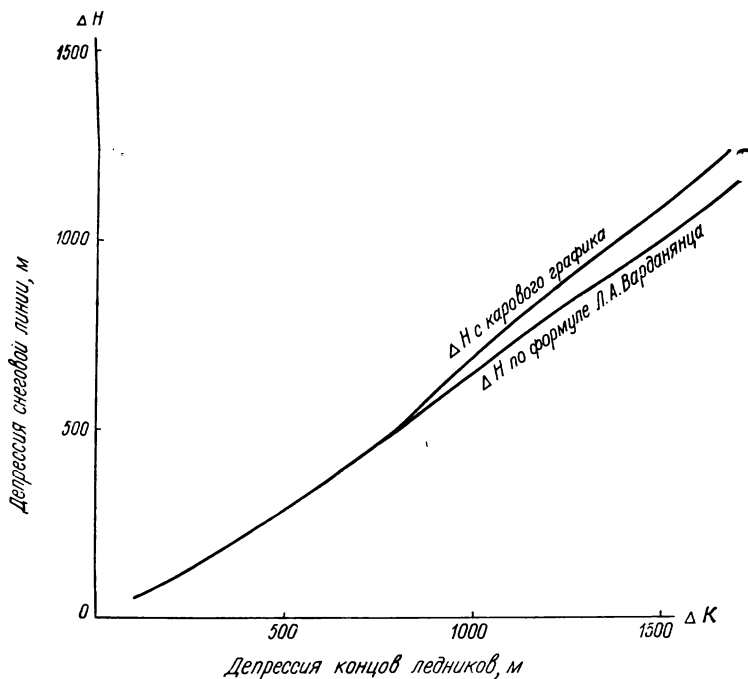

Рис. 2. Кривая связи стадийных депрессий концов ледников и снеговой линии

ности. Однако ясности об их масштабах, особенно на протяжении современного отдела четвертичного периода — голоцена, нет. В решении этого вопроса наметились две линии. Основываясь на ботанических, археологических и геоморфологических данных, К. В. Станюкович [26; 27], В. А. Ранов и Л. Ф. Сидоров [18], Л. Ф. Сидоров [22] и некоторые другие пришли к мысли, что Памир испытал на протяжении голоцена исключительное по своим масштабам восходящее движение, выражающееся амплитудами в 600—700 и даже 1200 м. Фактически названные исследователи развивают взгляды В. М. Синицына [23] о почти современных гигантских поднятиях, охвативших Центральную Азию. Другая группа исследователей (О. Е. Агаханянц, А. К. Трофимов и др. [1; 2]), не отрицающая продолжавшегося в голоцене общего подъема Памира, считают, что масштаб этих движений был несравненно меньшим и не превышал 100—200 м. О. Е. Агаханянц [2] отвергает также мнение П. Н. Овчинникова [17] о буквально современном процессе пустынизации Памира.

Несомненно, дискуссия о масштабах голоценовых поднятий Памира имеет глубокое принципиальное значение. Окончательно проблема может быть сформулирована так: действительно ли на земном шаре имеются области стремительного современного подъема и относится ли к этим областям Памир.

Учитывая принципиальную однозначность дегляциации в различных горных системах земного шара, мы поставили перед собой задачу: выяснить характер стадийного распада ледников Памиро-Алая и попытаться установить соотношение общеклиматического и регионально-тектонического факторов оледенения. В том случае, если бы оказалось, что стадийный распад ледников Памиро-Алая существенно не отличался от приведенных выше планетарных характеристик дегляциации,

пришлось бы признать, что Памиро-Алай за голоцен существенных подъемов не претерпел. Напротив, значительные подъемы этой территории должны были нарушить или даже совсем уничтожить следы стадияльной закономерности распада оледенения.

Вопросы стадияльного распада ледников последнего оледенения Памиро-Алая остались вне поля зрения большинства исследователей. Н. Л. Корженевский [7] для северного склона Заалайского хребта выделил 4 стадии отступления древнего ледника с депрессией снеговой линии в 500—540, 310—400, 270—300 и 150—200 м, подсчитанной им по методу Куровского. Для южного склона Алайского хребта наиболее низкое положение конечных морен и концов трогов соответствует высоте 3417 м. Депрессия снеговой линии при указанном положении границ ледников составляет 1297 м. Р. Д. Забиров считает, что «метод характеристики интенсивности древнего оледенения по величине депрессии снеговой линии в целом для Памира неприемлем» [5, 262]. Вместе с тем он указывает, что снеговая граница в эпоху последнего оледенения располагалась ниже современной на 750—950 м на северо-западе Памира и на 350—450 м на юго-востоке. Р. Д. Забиров вслед за К. К. Марковым решительно выступает против точки зрения иностранных ученых (Е. Хентингтон, В. Фиккер, Р. Клебельсберг, Р. Финстервальдер) о том, что депрессия снеговой линии на Памире достигала 1000—1500 м. Он считает, что эта точка зрения не обоснована и объясняется желанием перенести альпийские каноны на Памир. Стадияльной изменчивости ледников Памира Р. Д. Забиров уделяет мало внимания. Фактически он пишет только о хирсдаринской фазе оледенения, которая предшествовала современному отступанию ледников.

По М. И. Ахуну, на Восточном Памире отчетливо прослеживаются шесть стадияльных морен последнего оледенения¹. Стадии отступления ледников последнего оледенения в восточной части северного склона Заалайского хребта изучал К. М. Мирзаев [15]. Им выделено только три стадии последнего оледенения: максимальная, спускавшаяся в Алайской долине до высоты 3160 м, а в долинах Кызылсу (восточной) и Нуры до высоты 2820 м; стадия сокращения, фиксирующаяся на высоте 3860 м, и современная морена ледников.

Обзор литературы свидетельствует о том, что для всего Восточного Памира, включая восточную часть Заалайского хребта, указывается ограниченное число стадий последнего оледенения (от трех до шести); при невероятно малой депрессии снеговой границы всего в 350—540 м (для района оз. Каракуль депрессия снеговой границы, по Забирову, едва достигала 260—350 м). По существу, это трудно объяснить, так как в смежных районах депрессия снеговой линии, по мнению большинства исследователей, была близка или даже превосходила 1000 м.

Летом 1966 г. стадии сокращения ледников последнего оледенения в зоне Памиро-Алая изучал автор этой работы. В качестве объектов исследования были выбраны южный склон Алайского хребта, Алайская долина, северный склон Заалайского хребта и Северный Памир на участке бассейна р. Маркансу.

В Алайском хребте работы проводились в бассейне р. Сарык-Могол (рис. 3). Долина этой реки на всем протяжении имеет форму трога, открытого в сторону Алайской долины. У выхода из гор на высоте 3020 м трог замыкается сходящимися моренными грядами, очерчивающими конец древнего ледника. Ниже морены вплоть до р. Кызылсу простирается наклонный валунный заандр. Выше по долине отлично видны

¹ Ссылка в книге З. А. Сваричевской [20].

конечно-моренные образования на высотах 3180 и 3220 м. Каждое из них образовано из трех-четырех слившихся малых морен и отделено одно от другого выравненным участком трога. Это позволяет считать их стадияльными образованиями. Следы еще одной морены, правда заметно хуже сохранившейся, имеются на высоте 3260 м. Прекрасно выраженная конечная морена этой же стадии обнаружена в правой боковой долине на высоте 3360 м.

Особый интерес представляет участок местности при впадении в Сарык-Могол его левого притока — Гунта. Громадные разломы с вертикальным смещением от 50 до 200 и даже более метров пересекли этот участок как в продольном, относительно главной долины, так и в поперечном направлении. Нижние участки русел обеих рек соответствуют тектоническим расколам глубиной 50—70 м. Разбитыми оказались не только дно и склоны трога, но также и конечная морена IV стадии. Нижний край морены фиксируется на высоте 3520 м. Тектонический параксизм, вызвавший образование этих разломов, по всей видимости, имел место либо в момент образования конечной морены IV стадии, либо после ее образования. Во всяком случае, обвальные массы, рухнувшие со склонов долин, в ряде мест смещены двигавшимся ледником и приняли облик валов, потоков и оплывин, затопивших долину Сарык-Могола выше морены.

Конечные морены V стадии, лежащие в долине Сарык-Могола на высоте 3720 м, а в долине Гунта — на высоте 3670 м, также насыщены обвальным материалом и пространственно согласуются с линиями поперечных разломов. Особенно велики обвально-моренные массы Сарык-Могола, наглухо перегородившие долину. Конечная морена VI стадии в долине Гунта также носит отчетливые следы сейсмической деятельности и сопряжена с поперечным разломом. В долине Сарык-Могола морена VI стадии представлена забронированным глетчером. Современные ледники бассейна окаймлены свежими валами морен VII стадии.

В табл. 2 сведены высоты всех конечноморенных образований бассейна Сарык-Могола.

Т а б л и ц а 2

**Высоты стадияльных конечных морен
в бассейне Сарык-Могола, м**

Стадия	Сарык-Могол	Гун	Долина Катта	В среднем
Нижний край ледника	4280	4200	—	4240
VII	4150	4050	—	4100
VI	4050	3860	4110	4000
V	3840	3740	3850	3820
IV	3590	—	3640	3610
III	3300	—	3450	3370
II	3220	—	—	3220
I	3180	—	—	3180
Мах.	3020	—	—	3020

В долине Сарык-Могола, сразу выше конечной морены IV стадии, на правом берегу реки обнажаются рыхлые отложения верхнего голоцена. В основном они сложены аллювиально-делювиальными образованиями (рис. 3). В обнажении четко видны три погребенных горизонта

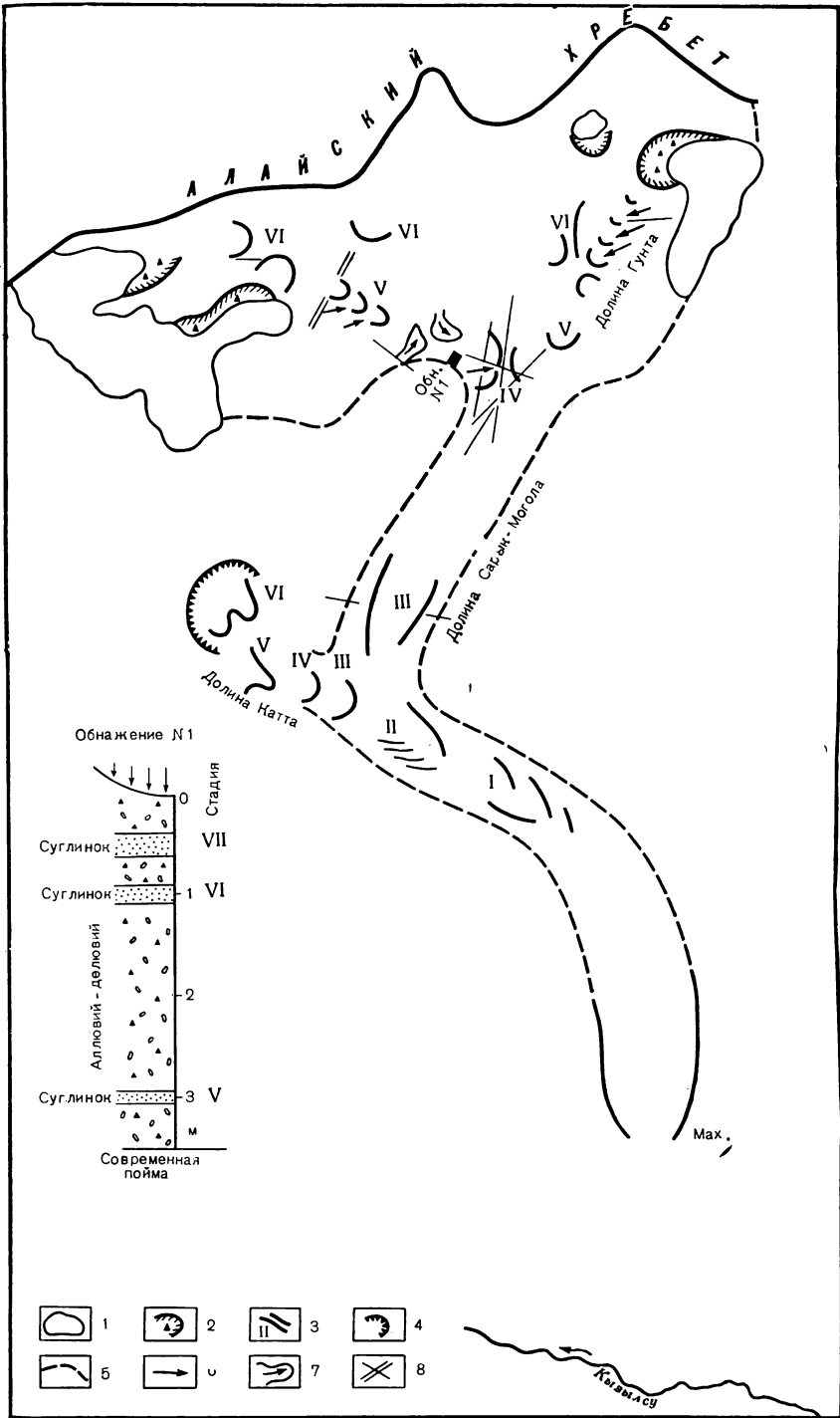

Рис. 3. Схема распада оледенения в долине Сарык-Могола:

1 — ледники; 2 — современные морены; 3 — древние морены; 4 — кары; 5 — контуры ледника во время максимальной стадии; 6 — обвалы; 7 — оплывни; 8 — разломы

суглинков. Вся толща образовалась позже отступления ледника IV стадии. В связи с этим горизонты суглинков, отвечающие ослаблению аккумулятивной деятельности реки, могут быть сопоставлены с V, VI, и VII стадиями оледенения.

Анализируя приведенные факты, можно сделать следующие выводы:

1. Распад последнего оледенения на южном склоне Алайского хребта прошел через восемь стадий.

2. Депрессия концов ледников (расстояние по вертикали между современными границами ледников и моренами максимальной стадии) составляет только 1220 м, что примерно на одну треть меньше, чем в других горных странах южного обрамления СССР.

3. Времени формирования морен IV стадии оледенения соответствовал мощный пароксизм тектонической активности. После него уровень сейсмо-тектонической активности оставался высоким, во всяком случае на протяжении V и VI стадий.

4. Депрессия снеговой линии, подсчитанная по максимальной морене, составляет только 780 м, что также примерно на одну треть меньше, чем в остальных горных системах южного обрамления.

Обратимся теперь к северному склону Заалайского хребта. Исследования проводились здесь в долине р. Джанай-Дартака (Кызыл-Агын), берущей начало с ледника Корженевского, а также в долинах ее левых притоков (рис. 4).

На северном склоне Заалая бросаются в глаза два чрезвычайно существенных обстоятельства: во-первых, невероятно малый вертикальный диапазон древнего оледенения, едва достигающий 600 м, и, во-вторых, тотальная затопленность горных долин и всей Алайской долины вплоть до берега р. Кызылсу совершенно молодым, едва начинающим зарастать зандром, над поверхностью которого конечные морены — чукуры выступают в виде полузатопленных полуостровов.

Чукуры, давно принимаемые за конечные морены последнего оледенения, отложены громадными ледниками подножий, спускавшимися по долинам северного склона хребта. По своему строению чукуры неоднородны и являются слившимися системами ряда стадийальных конечных морен, полузатопленными молодым зандром. Изучение чукуров ледника Корженевского показало, что они состоят из четырех разновозрастных систем конечных и боковых морен. Наиболее древняя из морен, отвечающая максимальному распространению ледника, выдвинута далеко в пределы Алайской долины и оканчивается отчетливым моренным фронтом на высоте 3150—3200 м. Этой конечной морене соответствуют внешние дуги боковых морен. В максимальную морену вложены еще три системы конечных и боковых морен, соответственно оканчивающихся на высотах 3250—3300, 3400 м и у самого выхода из гор на высоте 3500 м. Каждая из названных систем в свою очередь образована из 2—3 малых конечноморенных комплексов.

Горная часть долины р. Джанай-Дартака, являющаяся типичным трогом, почти на всем протяжении лишена конечно-моренных образований и затоплена молодым зандром. Нижний 10-километровый отрезок ледника Корженевского в значительной степени погребен мореной и представляет собой хаотические нагромождения моренных сопков и валов и монолитов льда, разбитых трещинами и чередующихся с промоинами, озерами и потоками. Единого монолитного тела ледника уже не чувствуется. Судя по всему, язык ледника в настоящее время мертв, размывается и поступательного движения не имеет. Современная конечная морена ледника окончательно сформируется в ходе дальнейшего вытаивания льда.

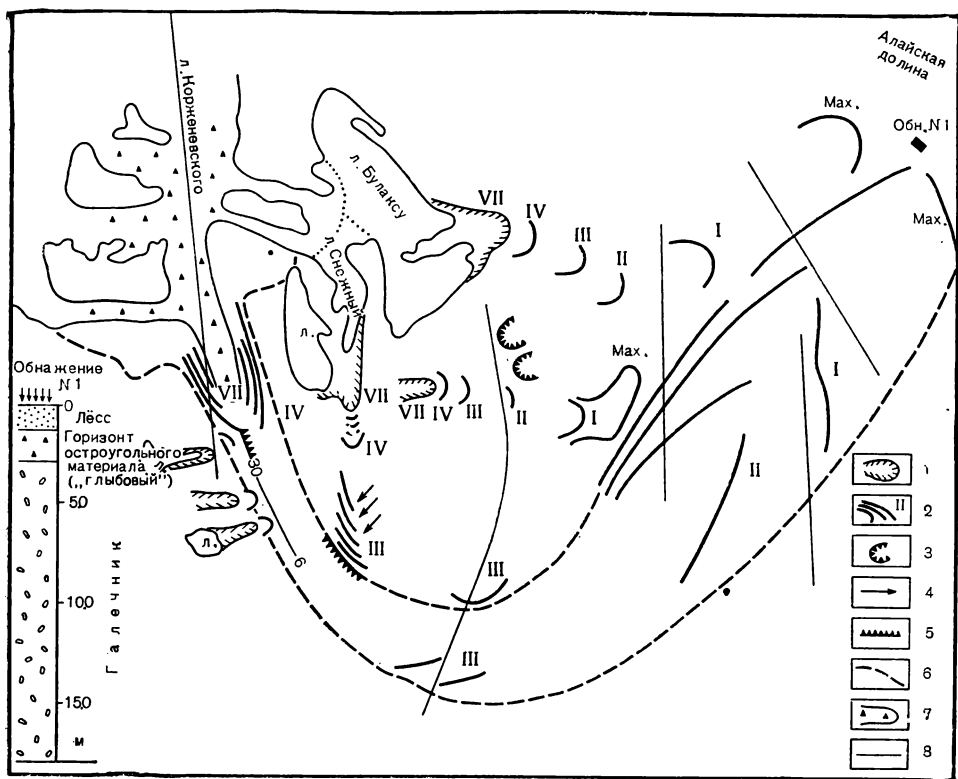

Рис. 4. Схема распада оледенения в долине Джанай-Дартака:

1 — современные морены; 2 — древние морены; 3 — кары; 4 — обвалы; 5 — обрывы; 6 — контур ледника во время максимальной стадии; 7 — полупогребенный конец ледника Корженевского; 8 — разломы по К. В. Курдюкову

На протяжении нижних трех километров по обоим бортам долины вдоль ледника тянется тройная дуга ледниково-моренных террас. Наиболее высокий уровень этих террас находится на 80—100 м выше современной морены. Моренные дуги спускаются к современному концу ледника и, приобретая тенденцию к замыканию, обозначают собой положение древнего конца ледника. На правом фланге сохранилось 60-метровое обнажение этой более древней морены. Хорошо видно, как современная светло-серая морена напоздает «на хвосты» более древней красноватой морены, покрытой альпийским лугом. Высота подножия как современной, так и древней морены более или менее одинакова и равна 3800 м.

Итак, со всей определенностью можно констатировать, что полупогребенный конец современного ледника прикрывает собой более древнюю стадияльную конечную морену. Судя по тому, что горная часть долины лишена каких-либо моренных образований, а верхняя, чукурная, морена, стадияльно являющаяся конечной мореной III стадии, только на 200 м ниже заросшей морены; последнюю можно отнести к IV стадии оледенения. В результате мы пришли к парадоксальному выводу: полупогребенный конец современного ледника лежит — это может показаться странным — на морене IV стадии.

Совершенно аналогичная картина наблюдается и на ледниках Булаксу (нижней), где современная морена «села» на заросшую расти-

тельностью конечную морену, относимую нами к IV стадии. Правда, конец современной морены не дошел здесь до подножия морены IV стадии, а остался висеть над ним на высоте около 100 м. Ниже морены IV стадии отлично виден моренный поток, спускающийся в Алайскую долину и приобретающий облик чукуров. На нем без труда фиксируются валы-уступы, соответствующие III, II, I и максимальной стадиям.

С некоторыми отклонениями описанная закономерность свойственна и другим долинам бассейна реки Снежная, Булаксу-средняя).

Не менее характерна картина зандрово-аллювиальных террас долины Джанай-Дартака. Прежде всего вызывает недоумение чрезвычайная бедность долины террасами. Как уже говорилось, долина затоплена современным зандром, смыкающимся с краем ледника. В эту начинающую зарастать террасу врезано на глубину 1—2 м широкое валунно-галечное русло реки. Выше современного зандра есть только одна намытая терраса, смыкающаяся с мореной IV стадии. Около ледника высота этой террасы достигает 60 м; затем терраса снижается до 30—20—10—6 м и фрагментарно прослеживается вплоть до Алайской долины и даже ниже максимального чукура. В строении этой террасы в самой нижней части ее распространения есть одна удивительная черта. На слой флювио-гляциального галечника мощностью 5—10—15 м ложится горизонт остроугольной дресвы с включением отдельных остроугольных глыб. Мощность этого горизонта 1,0—2,5 м. Остроугольные глыбы, вывалившиеся из этого горизонта, порой достигают в поперечнике 1,5 и даже 4,0 м. И это в 15 км от выхода реки из гор!².

Суммируя рассмотренный материал, можно сделать следующие выводы:

1. Распад последнего оледенения на северном склоне Заалая прошел только через шесть стадий. Концы современных ледников (или современные морены) находятся на уровне морен IV стадии. Соответственно морен V и VI стадий нет совсем.

2. Четыре нижние морены сближены по высоте так же, как это наблюдалось на южном склоне Алайского хребта.

3. После образования морен IV стадии наступила эпоха интенсивного размыва. Размыву предшествовало громадное сейсмо-селевое наводнение. По времени процессу размыва соответствует образование лёссов.

4. После эпохи размыва началось наступление ледников, которое продолжалось почти до современной эпохи. Судя по врезу в современный зандр, можно думать, что ледники в самое последнее время начали отступать.

5. Депрессия снеговой линии, подсчитанная по максимальной чукурной морене, достигает величин в 650—750 м. Следует иметь в виду, что эта величина депрессии снеговой линии, полученная по современным высотным параметрам ледников, фактически соответствует депрессии, отвечающей высотным параметрам ледников IV стадии.

Третий район исследования — бассейны Уйсу и Маркансу — принадлежит уже собственно Памиру (рис. 5). Древний ледник, спускавшийся по долине Уйсу (Коксай), здесь раздваивался. Одна ветвь поворачивала в Маркансу, а вторая двигалась по проходу в сторону чукуров северного побережья оз. Каракуль. С геоморфологической точки зрения пристальное внимание привлекает конец отрога, разделяющего долины

---

² Горизонт остроугольного материала сверху перекрыт лёссом (рис. 3).

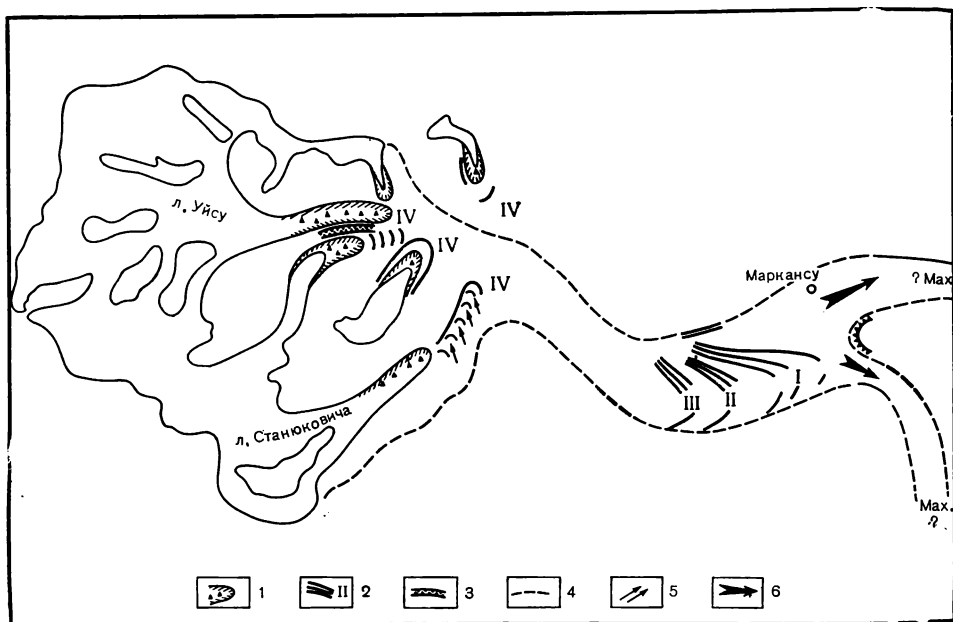

Рис. 5. Схема распада оледенения в долине Уйсу:

1 — современные морены; 2 — древние морены; 3 — каньоны; 4 — контур ледника во время максимальной стадии; 5 — обвалы; 6 — направление течения льда

Уйсу и Маркансу. У подножия отрога, недалеко от современной поймы р. Уйсу отлично виден молодой разлом. С него берет начало тройной пучок боковой морены, заворачивающий в сторону реки и очерчивающий положение древнего конца ледника. Подножие этой стадияльной морены 4100 м. Выше на склоне отрога берет начало еще один тройной пучок боковой морены. Он спускается к реке одним километром ниже верхнего пучка и оканчивается на высоте 4050 м. Между обоими пучками морен видно значительное межстадияльное понижение.

Еще выше, на склоне отрога, берет начало третий, также тройной пучок боковых морен. В отличие от первых двух боковые морены этого пучка сильно расходятся. Внешняя, наиболее высокая боковая морена оканчивается в 1,0—1,5 км к западу от шоссе на высоте 4000 м.

Все три описанные конечные морены маркированы также боковыми моренами и на правом берегу реки.

В самой верхней части склона начинается еще один пучок боковых морен, состоящий из двух-трех гряд. Эти морены, соответствующие, очевидно, максимальному распространению ледника, сворачивают влево и теряются западнее поста Маркансу. Оканчивается морена максимальной стадии уже к востоку от дороги в долине Маркансу. Еще одна ветвь ледника максимальной стадии поворачивала вправо и возможно доходила до чукуров Кара-Джилги (абсолютная высота 3950—4000 м).

Таким образом, в нижней части долины Уйсу надежно выделяются следы четырех наиболее ранних стадий оледенения — максимальной, I, II и III, почти не отличающихся одна от другой по высоте залегания.

Горная часть долины Уйсу кончнорморенных образований лишена. Конец ледника Уйсу на протяжении трех километров забронирован голубоватой мелкоземистой мореной, соответствующей VII стадии оледенения. В понижении между сходящимися валами современных конечных

морен нескольких ледников видны фрагменты более древней морены, прочно слежавшейся и местами заросшей. Эта морена прорезана глупоим 50—60-метровым каньоном.

Несколько иная картина морен в долине ручья, берущего начало с ледника Станюковича (по Р. Д. Забирову, условно ледник Трапеция). Долина этого ручья заполнена громадным моренно-обвальным образованием, прижатым к правому борту долины. Можно думать, что во время существования здесь ледника произошло сильнейшее землетрясение, во время которого на ледник и уже формирующуюся конечную морену рухнули громадные массы обломков, особенно с правого борта долины. После этого обвальные массы были несколько смещены еще двигавшимся ледником вниз по долине, в результате чего сформировался вал, отделенный от склона системой депрессий. На правом склоне, на высоте 300—400 м над мореной, отлично видны линии молодых разломов, маркированные многочисленными родниками.

Ледник Станюковича обладает очень незначительной современной конечной мореной высотой 20—30 м. Обрывистый край ледника навалился на него и почти уперся в «хвост» более древнего обвально-моренного комплекса. Конец ледника Станюковича лежит на высоте 4480 м, а нижний край обвальной морены — на высоте 4360 м.

Вся долина Уйсу вплоть до Маркансу затоплена молодым зандром, над поверхностью которого местами поднимаются в виде островов и полуостровов моренные останцы. В молодой, только начинающий зарастать зандр на глубину до 1,5 м врезано широкое валунно-галечное русло реки, разбивающееся на большое число протоков. Выше этого зандра видна только одна терраса высотой 2—4—6 м. Очевидно, эта терраса берет начало с погребенной конечной морены ледника Уйсу. Около самого ледника она постепенно повышается до 8—10 м. Современные забронированные концы ледников навалились на нее. С этой же террасой фактически смыкается и моренно-обвальный комплекс ледника Станюковича.

Изложенные факты показывают, что ход событий голоцена в долине Уйсу практически ничем не отличается от вышеописанной истории событий на северном склоне Заалийского хребта. В нижней части долины имеются четыре сближенных по расстоянию и по высоте комплекса конечных морен раннего голоцена. Современные морены перекрыли или вплотную подошли к моренам IV стадии. В момент формирования морен IV стадии имело место сильное землетрясение, после которого происходило интенсивное сокращение ледников, сопровождавшееся врезанием в верхнюю (2—4—6 м) террасу. Затем наступление ледников продолжалось вплоть до современной эпохи, в результате чего вся долина оказалась затопленной молодым зандром. В самое последнее время начался процесс вреза в поверхность зандра, который свидетельствует о начале отступления ледников. Депрессия снеговой линии, подсчитанная по максимальной морене, составляет только 630 м.

В заключение приводим таблицу высот всех конечноморенных образований бассейнов Джанай-Дартака на северном склоне Заалая и Уйсу на Северном Памире.

Изучение конечноморенных образований Заалая и Северного Памира привело нас к убеждению, что в данном случае мы имеем дело с совершенно необычным инверсионным характером распада ледников последнего оледенения.

Попытаемся теперь оценить полученные результаты. На рис. 6 сопоставлены типовая кривая дегляциации для гор территории СССР (кривая 1) и кривые дегляциации южного склона Алайского хребта,

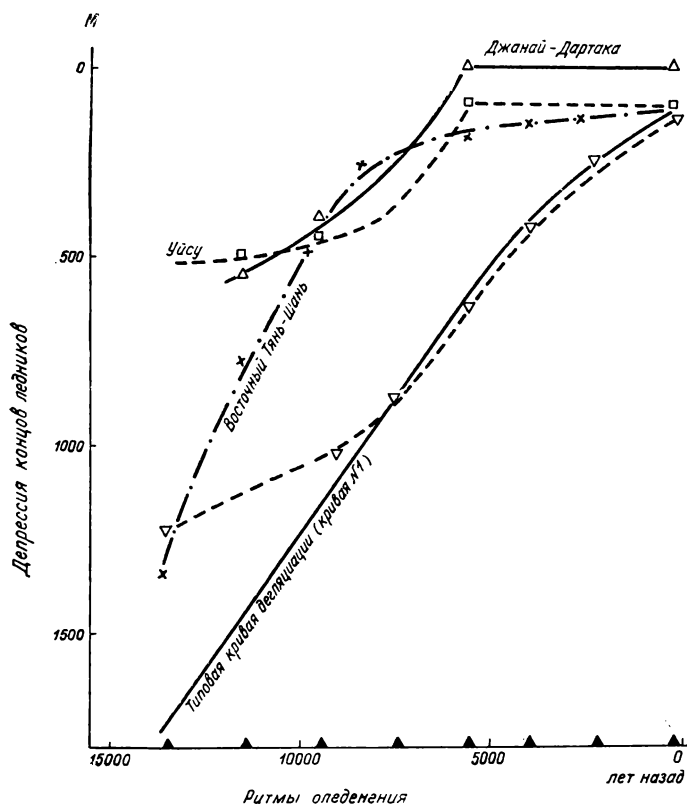

Рис. 6. Кривые дегляциации Памиро-Алая и восточного Тянь-Шаня

северного склона Заалайского хребта и Северного Памира. Отчетливо видно, что кривая дегляциации Алая заметно отклонилась от типовой кривой в ранние стадии оледенения. Депрессия концов ледников на южном склоне Алая во время максимума оледенения составила около 1220 м вместо 1740 м, отмечаемых в других горных системах СССР. Начиная с III стадии кривая дегляциации Алая приблизилась к типо-

Таблица 3

Высота конечных морен в бассейнах Джанай-Дартака и Уйсу, м

Стадия	Ледник Корженевского	Булаксу (нижняя)	Уйсу	Ледник Станюковича
Нижний край ледника VII	3800	3800	4500	4480
	3800	3720	4400	4480
Конечных морен нет				
IV	3800	3660	4400	4360
III	3500	3560	4100	
II	3400	3460	4050	
I	3250—3300	3250	4000	
Мах.	3150	3150	3950—4000	

вой кривой и дальше фактически с ней совпала. Разительно отличаются от типовой кривой кривые дегляциации северного склона Заалая и Северного Памира. Во время максимума оледенения депрессия концов ледников составила в этих районах только 600 м, а начиная с IV стадии сокращение ледников вообще прекратилось.

Учитывая, что климатические изменения подчиняются общепланетарным закономерностям, отклонения кривых дегляциации Памиро-Алая от типовой кривой можно объяснить только особенностями тектонического режима этой территории. Укороченный диапазон последнего оледенения, несомненно, подтверждает общий подъем Памиро-Алая, происходящий на протяжении голоцена. Появляется соблазн оценить подъем Алая и Заалая — Памира по кривым дегляциации. В этом случае надо будет признать, что на протяжении голоцена Алай поднялся на 520 м (1740—1220), Заалай — на 1090 м (1740—650) и Северный Памир — на 1190 м (1740—550). Однако очевидно, что такое решение было бы слишком поспешным. Известно, что изменение высоты снеговой линии совсем не влечет за собой такое же по абсолютной величине изменение высоты конца ледника, которая обычно подвержена гораздо большим колебаниям. Поэтому, несомненно, более оправданным будет использование депрессий снеговой линии, а не депрессий концов ледников. Для решения этого вопроса мы использовали кривую связи стадийных депрессий концов ледников и соответствующих им депрессий снеговой линии (рис. 2). Зная депрессии концов ледников во время максимума оледенения для Алая, Заалая и Северного Памира, по этой кривой можно снять соответствующие им депрессии снеговой линии. Очевидно, отклонение этих депрессий от максимальной депрессии снеговой линии во время последнего оледенения покажет общий подъем территории за голоцен. Ниже приведены соответствующие расчеты:

Горная система	Вертикальный диапазон оледенения, м	Депрессия снеговой линии, м	Отклонение от максимальной депрессии = суммарный подъем за голоцен, м
Алай	1220	800	1150 — 800 = 350
Заалай	650	400	1150 — 400 = 750
Северный Памир	550	325	1150 — 325 = 825

В бассейне Сарык-Могола на южном склоне Алайского хребта морены IV стадии дают величину депрессии снеговой линии в 330 м. Депрессия снеговой линии для морен IV стадии равна 350 м (см. табл. 1). Это значит, что начиная с IV стадии Алайский хребет больше не испытывал подъема. Весь подъем в 350 м приходится на нижний голоцен, т. е. на промежуток времени с максимальной до IV стадии (точнее даже до III стадии).

Современные концы ледников на северном склоне Заалая и на Северном Памире перекрыли (или подошли вплотную) к конечным моренам IV стадии. На этом основании можно утверждать, что после IV стадии Заалай и Северный Памир поднялись на 350 м, компенсировав климатическое повышение снеговой линии за весь верхний голоцен. Соответственно в нижнем голоцене (т. е. до IV стадии) Заалай и Северный Памир поднялись на 400 и 475 м.

Необходимо разобраться еще в одном сложном вопросе. Ниже приведены депрессии снеговой линии для максимальных морен Памиро-Алая, вычисленные по формуле Л. А. Варданянца.

Горная система	Абсолютная высота конечной морены, м	Ледник, по которому выполнялся подсчет	Депрессия снеговой линии, м (округленно)
Алай	3020	Ледники Сарык-Могола	Около 800
Заалай	3150	Корженевского	750
"	3100	Ленина	700
"	3150	Булаксу (нижняя)	650
Северный Памир	3950	Уйсу	630

В каком же соотношении находятся приведенные здесь данные о депрессиях снеговой линии со всем предшествовавшим анализом подъема Памиро-Алая? Для южного склона Алайского хребта депрессии снеговой линии, снятые с кривой связи и подсчитанные по формуле, не отличаются одна от другой. Общая депрессия снеговой линии в Заалае, снятая с кривой, составляет 400 м. Почему же в таком случае депрессия снеговой линии, подсчитанная методом Варданянца по леднику Корженевского, достигает такой громадной величины, равной 750 м? Дело в том, что эта величина включает депрессию IV стадии, равную 350 м и компенсированную подъемом хребта в верхнем голоцене. Иными словами, подъем хребта уменьшил депрессию снеговой линии на 350 м. Тогда депрессия снеговой линии для максимальной морены составит: $750 - 350 = 400$ м. Как видим, эта величина совпала с депрессией снеговой линии, снятой с графика связи. Аналогичный ход рассуждений имеет отношение и к Северному Памиру. Таким образом, величины депрессий снеговой линии, полученные по формуле Л. А. Варданянца, в общих чертах подтверждают наш ход рассуждений о подъеме Памиро-Алая в голоцене.

Есть еще один путь, подтверждающий правильность нашего анализа. Неподалеку от конца ледника Булаксу, справа от него, есть два кара, заложенные на высоте 3630 м. Это наиболее низкие из каров всего района, очевидно отвечающие максимальной стадии оледенения. В настоящее время они показывают депрессию снеговой линии (относительно высоты современной снеговой линии на северном склоне осевого гребня Заалая) в 1130 м, фактически соответствующую максимуму оледенения. Правильно ли это? Во время максимума оледенения эти кары должны были располагаться на высоте 2880 м (3630 м минус общий подъем Заалая, равный 750 м). С тех пор снеговая линия по климатическим причинам поднялась на 1150 м. К этому следует добавить общий подъем территории на 750 м. В результате мы получим: $2880 + 1150 + 750 = 4780$ м, т. е. практически современную высоту снеговой линии.

Для удобства анализа мы исходим из того, что современные концы ледников (или современные морены) Заалая и Северного Памира по высоте в точности соответствуют моренам IV стадии. В действительности это не совсем так. В некоторых случаях современные морены, которые на большинстве ледников уже сформировались, лежат на 80—120 м выше морен IV стадии (ледники Булаксу, Снежный, Станюковича). Современная морена ледника Уйсу, напротив, завалила полностью морену IV стадии. Однако открытый конец ледника лежит значительно выше. Только на леднике Корженевского конец современной морены, который одновременно может считаться концом полупогребенного языка, по высоте совпадает с подножием морены IV стадии.

Все сказанное заставляет думать, что ледники, наступавшие в верхнем голоцене, не во всех случаях достигли размеров ледников IV стадии. Кроме того, в большинстве случаев ледники уже начали отходить от морен VII стадии. Оценить масштабы всех этих колебаний достаточно

трудно, но для того чтобы в какой-то степени их учесть, необходимо наши представления об общем масштабе подъема Заалая и Северного Памира в верхнем голоцене несколько уменьшить, оценочно метров на 50.

С другой стороны, следует заметить, что в своих вычислениях общего подъема Памиро-Алая мы основывались на сводных данных по распаду ледников последнего оледенения в других горных системах. При этом мы молчаливо исходили из того, что все эти горные системы за голоцен не изменили своей высоты. Однако это не отвечает действительному положению вещей. Выше мы уже показали, что подъем горных систем в голоцене может быть оценен в 70 м. Следовательно, вычисленную нами величину подъема Памиро-Алая следовало бы в этом случае увеличить на 70 м.

Теперь можно видеть, что уточнения общего подъема Памиро-Алая за голоцен, связанные с отступанием ледников от морен VII стадии и с общим подъемом горных стран, близки по абсолютной величине, но имеют противоположные знаки. В связи с этим можно думать, что они взаимно компенсируются. Таким образом, величины подъема Памиро-Алая за голоцен, приведенные на стр. 75, можно считать близкими к истине.

Ниже приведены величины подъема Памиро-Алая за нижний и верхний голоцен, а также годовые скорости подъема.

Горная система	Подъем в нижнем голоцене, м	Подъем в верхнем голоцене, м	Средняя скорость подъема в голоцене, мм/год
Алай	350	0	47 (только в нижнем голоцене)
Заалай	400	350	57
Северный Памир	475	350	62

Скорость подъема Заалая и Северного Памира в голоцене достигла величин в 57—62 мм/год. Как видим, наши выводы в целом совпадают с выводами ботаников и археологов (В. А. Ранов и Л. Ф. Сидоров [18]; К. В. Станюкович [27]).

Несколько слов следует посвятить общей физико-географической обстановке Памиро-Алая в голоцене. Во время максимума оледенения, когда концы ледников спускались в Алайскую долину до высоты 2300—2400 м с Заалая и до 2700 м с Алая (имеются в виду высоты до подъема), снеговая линия на северном склоне Заалая проходила на высоте 2800—2900 м, а на южном склоне Алая — на высоте около 3000 м. На Северном Памире в долинах Уйсу — Маркансу языки ледников спускались до высоты 3100 м, а снеговая линия располагалась на высоте около 3200 м.

Начиная с максимума оледенения вся зона Памиро-Алая энергично поднималась, причем южные участки этой зоны обгоняли в своем поднятии северные. Вместе с горными хребтами поднималась и Алайская долина.

На всем протяжении нижнего голоцена (13200—5800 лет назад) идет противоборство между общеклиматическим подъемом снеговой линии и ее компенсационным опусканием за счет поднятия территории. Преобладает все-таки климатический подъем снеговой линии. Ледники отступают, но очень вяло; более поздние морены садятся «на хвосты» более старых — в результате формируются чукуры.

Вероятно, в конце нижнего голоцена темп тектонического поднятия снизился почти до нуля, в результате чего концы ледника в промежутке времени между отложением конечных морен III и IV стадий (6000—7000 лет назад) поднялись на значительную высоту, достигающую 250—300 м и являющуюся нормальной для данного межстадиального высотного интервала. Подъем Алайского хребта с этого времени больше не возобновлялся.

Во время формирования конечных морен IV стадии в районе Памиро-Алая развился исключительный по своей силе сейсмо-тектонический кризис, являющийся отзвуком катастрофы IV тысячелетия до н. э. («эпохи больших обвалов») ³. Громадные тектонические нарушения и связанные с ними обвалы образовались как на Алайском хребте, так и на Северном Памире. В долине Джанай-Дартака прокатилась волна грандиозного сейсмического селя, вынесшего громадные глыбы на расстоянии более 15 км от края гор и отложившего горизонт остроугольного материала.

О гигантских обвальных массах, обнаруженных в долинах рек Ачикташ и Комансу, сообщает К. В. Курдаков [9]. Ачикташская обвальная масса берет начало в верховьях долины около конца ледника Ленина и выходит в Алайскую долину, перекрывая чукуры. По аналогии с долиной Джанай-Дартака мы вправе говорить, что она перекрывает четыре стадийные морены нижнего голоцена (максимальную, I, II и III). В самой верхней части долины обвальная масса либо уничтожена денудационными процессами, либо перекрыта более молодой обвальной массой. Вернее всего, она разрушена вновь наступившим ледником Ленина. Приведенные сведения показывают, что гигантский обвал, описанный Курдюковым, произошел позже III стадии оледенения, но до начала разрастания ледников в верхнем голоцене. Наиболее вероятный момент ее образования, по нашему мнению,—IV стадия оледенения. Иными словами, описанный гигантский обвал произошел одновременно с сейсмическим наводнением в долине Джанай-Дартака.

Команская обвальная масса в общих чертах напоминает ачикташскую, но значительно больше ее. Она также перекрывает чукуры и доходит до подножий Алайского хребта. Судя по описанию Курдюкова, команский обвал также произошел позже образования конечной морены III стадии; по-видимому, он синхронен с ачикташским обвалом.

Последствия этой катастрофы пока не совсем ясны. Вероятнее всего, она вызвана (или сопровождалась) стремительным таянием и отступанием ледников. Реки глубокими каньонами прорезали конечные морены IV стадии и начали активно врезаться в зандровые отложения, формируя верхнюю террасу. Очевидно, этому же времени соответствует энергичный процесс лёссовобразования.

К числу наиболее важных последствий катастрофы IV тысячелетия до н. э. следует отнести омоложение главного Алайского разлома, проходящего по оси Алайской долины. Начиная с этого времени Алайский хребет тектонически повел себя так, как и все остальные горные системы южного обрамления Советского Союза. Заалайский хребет и Северный Памир в верхнем голоцене, напротив, возобновили общие восходящие движения. Однако последствия этого подъема оказались существенно иными, чем в нижнем голоцене. Известно, что после IV стадии оледенения темп климатического подъема снеговой линии стал меньшим. Если в нижнем голоцене подъем снеговой линии не мог полностью компенсировать

³ См.: Е. В. Максимов [12].

роваться тектоническими поднятиями, то в верхнем голоцене такая компенсация уже имела место. В результате ледники перестали отступать и началась как бы малая ледниковая эпоха. По всей видимости, после катастрофы IV тысячелетия до н. э. и связанного с ней стремительного таяния ледников началось длительное наступание ледников. В конце концов ледники вновь достигли (или почти достигли) конечных морен IV стадии. Совершенно прекратилось врезание рек, и, наоборот, молодые зандровые отложения затопили большую часть Алайской долины и котловины Северного Памира. В результате к нашему времени сформировался рельеф, подобный рельефу ледниковой эпохи.

Существенно по-иному повел себя в верхнем голоцене Алайский хребет. Поднятия прекратились, и ледники Алайского хребта начали отступать по тому же стадиальному плану, что и в остальных горных системах СССР (т. е. через V, VI и VII стадии).

Можно думать, что стремительный тектонический подъем Заалая и Северного Памира в последние 100—300 лет либо уменьшился, либо прекратился совсем. Об этом говорит формирование морен VII стадии, омертвление ледниковых языков и, самое главное, начавшийся новейший этап врезания рек в молодые зандровые поля (долины рек Джанай-Дартака, Кызыл-Арт и Уйсу).

Итак, мы видим, что Памиро-Алай явился на протяжении голоцена ареной грозных и совершенно необычных событий. Оказывается, одно из высочайших нагорий земного шара в значительной степени образовалось почти буквально на глазах человека.

Говоря о связи стадиального распада ледников с тектоническими процессами, необходимо уяснить, в какой степени эти процессы находят отражение на каровых графиках. Каровый график Памира, составленный по карам горного обрамления ледника Федченко, показывает экстремальные значения на высоте 4750 м (рис. 6), что соответствует депрессии снеговой линии — 150 м)⁴. Это значит, что каровый уровень IV стадии оказался на 150 м выше снеговой линии, вместо того чтобы быть на 350 м ниже ее. Таким образом, общий подъем горного обрамления ледника Федченко за голоцен составил 500 м (350 + 150).

Максимальная депрессия конца ледника Федченко выражается величиной, близкой к 1000 м (по К. К. Маркову [14], древний Муксуйский ледник оканчивался на высоте 1800—1900 м в районе слияния Муксу и Кызылсу). По кривой связи (рис. 1) это соответствует депрессии снеговой линии в 650 м. В этом случае общий подъем местности выразится также в 500 м (1150—650)⁵.

Итак, используя два совершенно различных метода, мы получили тождественные результаты.

Сложнее обстоит дело с каровым графиком Заалая (рис. 7). Экстремум графика выражен нечетко; очевидно, он соответствует высоте 4660 м. Осредненное значение высоты снеговой линии, по Р. Д. Забирову [5, 49], составляет примерно 4350 м. С учетом того, что подавляющее большинство каров снято на северном склоне хребта, ее высоту надо несколько уменьшить, примерно до 4250 м. Приняв эти показатели, получим величину подъема Заалая в голоцене порядка 750 м, что в общем соответствует расчетам, приведенным выше.

⁴ Высота современной снеговой линии в районе ледника Федченко принята равной 4600 м.

⁵ В книге Р. Флинта [29] на стр. 136 помещена фотография нижней части ледника Федченко (фиг. 37). Отчетливо видна та же самая затопленность долины молодым зандром, о которой мы говорили применительно к Заалаю, Северному Памиру и Центральному Тянь-Шаню.

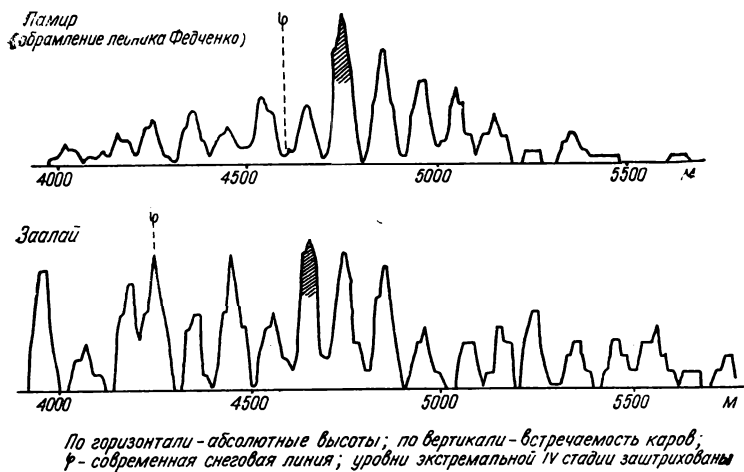

Рис. 7. Каровые графики: Памир и Заалай

Естественно представляет интерес вопрос о том, является ли Памиро-Заалай совершенно исключительным по темпам молодых поднятий районом и нет ли других горных систем, также испытывающих стремительные восходящие движения. Во время полевых исследований нам не приходилось сталкиваться с чем-либо аналогичным. Но анализ литературных данных наводит на мысль, что сходный с Памиром тектонический режим характерен для Центрального Тянь-Шаня.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЯНЬШАНЬ

Д. Н. Нотаров [16] обращает внимание на затопленность долины реки Иньльчек молодым аллювием; конечные морены выступают над ним в виде небольших островков. Л. Г. Бондарев [3] применительно к долинам Южного Ак-Шийрака пишет, что «те немногочисленные остатки древних конечноморенных гряд, которые мы наблюдали, буквально погружены в рыхлые наносы и возвышаются над поверхностью аллювия, как островки, всего на 3—5 м...» [3, 109]. Наконец, кривая дегляциации Восточного Тянь-Шаня (в пределах Китая) показывает заметное отклонение от типовой кривой [10, рис. 2]. Депрессия концов ледников не превышала в этом районе 1300 м.

Все приведенные факты говорят в пользу молодых воздыманий Центрального Тянь-Шаня.

Летом 1970 г., т. е. тогда, когда данная работа уже была написана, автором были проведены специальные исследования в долинах Сарыджаза и Иньльчека. Обнаруженная картина превзошла все ожидания. Древний ледник долины Иньльчека спускался вплоть до впадения Иньльчека в Сарыджаз и по долине Сарыджаза доходил до впадения Учкеля, т. е. до высоты 2400 м. Современный конец ледника Иньльчек лежит на высоте 2900 м. Таким образом, депрессия ледника в момент его максимального распространения составляла только 500 м. Подъем Центрального Тянь-Шаня, судя по приведенным данным, может быть оценен в 860 м.

Имеются и чисто морфологические признаки этого подъема. На леднике Иньльчек снеговая линия, вычисленная методом Гефера, проходит на высоте 4300—4400 м. По Гессу, ее высота порядка 5000 м. Это зна-

чит, что ледниковые мульды оказались в самом недалеком прошлом вознесенными на 600—700 м, а современная снеговая линия опустилась относительно них. И далее, в долине Иньльчека, в нижележащей части долины Сарыджаза, а также на склонах окружающих их хребтов, почти совсем не видно следов древнейших оледенений. Все это может быть объяснено тем, что указанный район в самом недалеком прошлом переместился из негляциального среднегорья в гляциальное высокогорье.

МАССИВ ДЖОМОЛУНГМЫ

Х. Хойбергер [32] изучал следы древнего оледенения в долине Боте-Кози (Восточный Непал). Засыпанный мореной лоб ледника Нангпа спускается до высоты 4400 м. Автор рассматривает эту морену как морену XIX в. На высоте 4200 м долина снова перегорожена моренным валом. Ниже нее конечных морен, отложенных главным ледником, нет. Но зато в основную долину выдвигаются моренные лбы из долин боковых притоков. Одна такая морена выпирает из небольшой правой долины и оканчивается на высоте 4200 м. Неподалеку от селения Марлунг из боковых долин снова выпирают конечные морены. Мощный моренный лоб выступает из долины правого притока Боте-Кози — реки Лангмоче. Все они оканчиваются на высоте 4000 м. У поселка Тами из боковых долин спускаются три моренных лба. Их подножие лежит на высоте 3700 м. Наконец, из небольшой долины конечная морена спускается к селению Тамму (абсолютная высота 3350 м).

Очевидно, все это стадияльные морены боковых ледников. Конечные морены главной долины после отступления ледника были размыты. Подпруженные главным ледником боковые ледники после его отступления спустились до дна главной долины и отложили там свои стадияльные конечные морены. В настоящее время ледники этого бассейна оканчиваются приблизительно на одной и той же высоте. Трудно допустить, что ранее одни ледники могли спускаться до 3350 м, в то время как другие оканчивались на высотах 3700, 4000 и 4200 м. Вероятнее всего, это конечные морены разных стадий.

В долине Дуду-Кози конечная морена сохранилась на высоте 3700 м. В долине Боте-Кози ниже впадения Дуду-Кози следы древнего ледника видны на высоте 2500 м около поселка Гата. Здесь вал боковой морены поворачивает в сторону русла реки, превращаясь в конечную морену. Значительное количество эрратических валунов имеется в долине Боте-Кози выше поселка Гата (2900 м). Ниже Гата молодой врез превышает 100—150 м, и следы оледенения не сохранились. По всей видимости, морену около поселка Гата все же нельзя рассматривать как максимальную. Хойбергер обнаружил конечную морену около селения Чиобаз восточнее Катманду на высоте 2020 м.

Материалы Хойбергера дают основания предполагать, что древние ледники бассейна Боте-Кози спускались до абсолютных отметок в 2000 м. Во время своего отступления они останавливались на высотах 2500, 3350, 3700, 4000, 4200 и 4400 м. Очень неопределенные признаки стадияльной остановки ледника имеются на высоте 2900 м [10, рис. 2].

Значительный интерес представила бы попытка проверки полученного ряда стадияльных конечных морен при помощи депрессий снеговой линии. С этой целью нами была использована карта района Джомолунгмы [37] в масштабе 1 : 100000. С нее были сняты необходимые параметры современного оледенения района Джомолунгмы (табл. 4).

Параметры современного оледенения района Джомолунгмы

Ледник	Абсолютные высоты, м			
	открытого конца	погребенного конца	снеговой линии (по Геферу)	снеговой линии (по Гессу)
Ронгбук	5580	5154	6200	5700
Кхартахангри	5250	—	5930	5700
Кхарта	4550	—	5500	5850
Кейтрак	4770	4700	5600	5250
Кангшунг	5250	4550	6220	5100
Бирун	5400	4970	5980	5500
Хонгу	5300	5000	5820	5500
Имья	5250	5000	5900	5500
Лотце	5200	4800	6100	5250
Нупце	5500	4800	6180	5500
Кхумбу	5250	4850	6000	5400
Нгюмба	5100	4500	6100	5200
«Малый»	4800	3800	5320	4900
Нангпа	5500	4400	6100	5500
Гьяханг	5850	5250	6500	5700
«Левый»	5550	4950	6080	5550
В среднем	5250	4760	5970	5450

На указанную карту были нанесены стадияльные конечные морены, отмеченные в работах Х. Хойбергера. Из них морены «4400», «4200», «2500» и «2000» можно считать надежными, а морены «4000», «3700», «3350» и 2900» — предполагаемыми.

По этим моренам с известной степенью приближения были подсчитаны по формуле Л. А. Варданянца депрессии снеговой линии (табл. 5, графа 3). В результате были получены совершенно обескураживающие результаты: величины стадияльных депрессий района Джомолунгмы даже отдаленно не напоминают известные ранее для гор СССР ряды стадияльных депрессий (см. табл. 1). Так, например, по конечной морене максимальной стадии, вместо того чтобы получить депрессию снеговой линии в 1100—1200 м, получили величину в 1800 м.

Х. Хойбергер указывает, что каровые формы появляются с высоты 4000 м. В этом случае депрессия снеговой линии для максимума оледенения достигает гигантской величины — 1970 м. Судя по карте The Mount Everest Region, наиболее низко расположенные кары, лишенные льда, находятся на высоте 4400 м; депрессия снеговой линии, рассчитанная по ним, составляет 1570 м.

Таким образом, оба метода определения депрессии снеговой линии указывают на исключительный размах древнего оледенения в Гималаях.

Обращает на себя внимание очень значительная разница высот снеговой линии, определенных методами Гефера и Гесса. Она в среднем составляет 520 м. Такое на первый взгляд необъяснимое расхождение могло возникнуть, если допустить, что горное обрамление на протяжении последних тысячелетий поднялось на 1040 м над дном ледниковых вместилищ. В морфологии Джомолунгмы есть признаки того, что такой подъем действительно имел место. К востоку от главной вершины Джомолунгмы в верхней части ледника Кангшунг есть почти отвесная ледопадная стена высотой 1300 м (рис. 8). Аналогичным образованием является громадный ледопад в западной части ледника Кхумбу. Оперир-

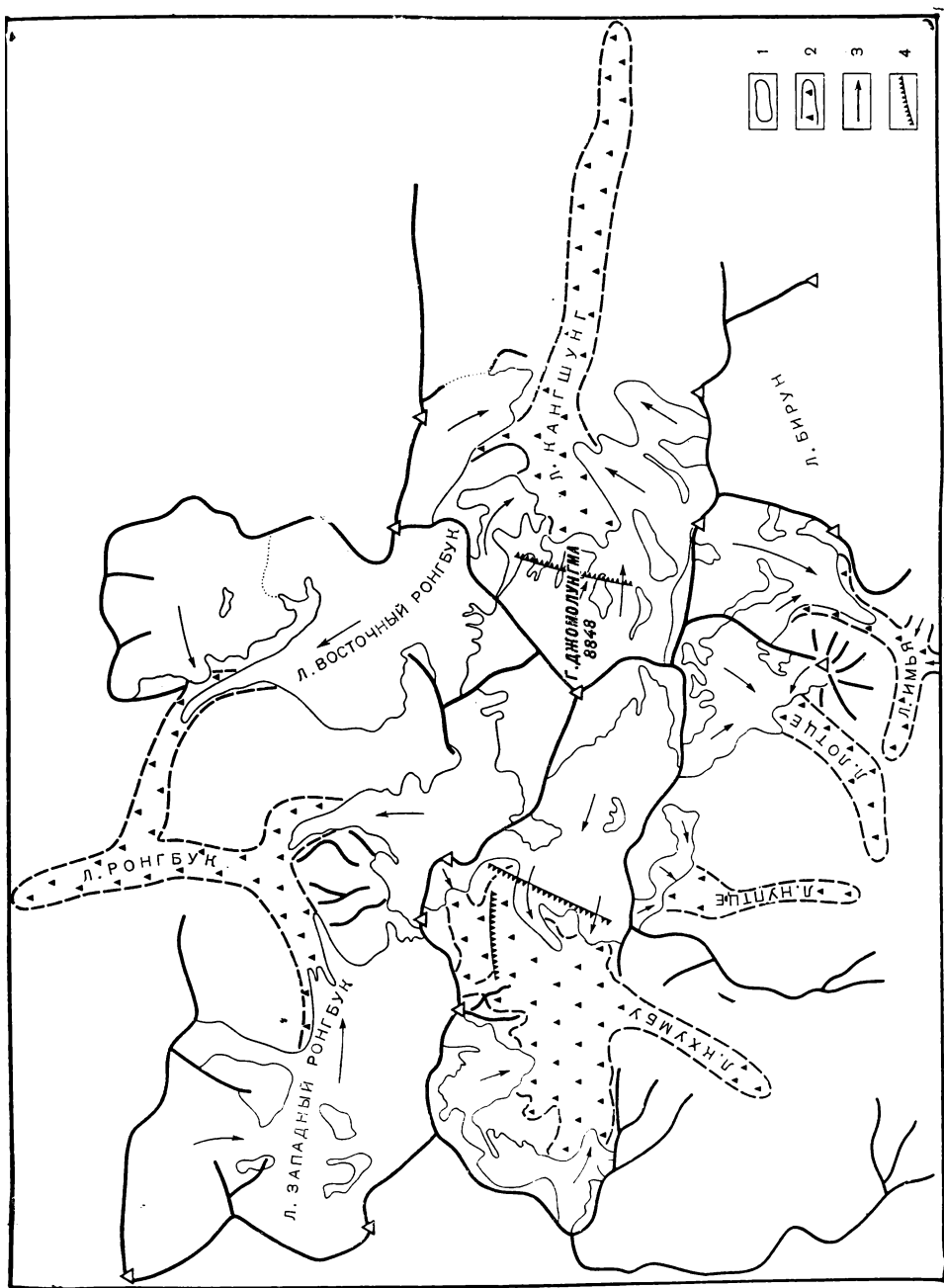

Рис. 8. Схема ледников массива Джомолунгмы:

1--ледники; 2--покрытые мореной концы ледников; 3--направление движения льда; 4--обрушлы

руя обычными гляцио-морфологическими понятиями, объяснить происхождение этих почти отвесных уступов нельзя. Создается впечатление, что эти уступы являются плоскостями скольжения, по которым массив Джомолунгмы, а вместе с ним и осевой гребень Гималаев в недалеком прошлом поднялись более чем на 1000 м.

Примем к расчету величину подъема Гималаев в 1300 м, зафиксированную ледопадной стеной на леднике Кангшунг. В этом случае «нормальная» современная высота снеговой линии (т. е. ее высота без учета подъема) составит 5320 м (5970—650). В общем, она близка к средней высоте снеговой линии, подсчитанной методом Гесса (5450 м). С другой стороны, приняв депрессию снеговой линии максимума последнего оледенения, равной 1150 м, можно найти положение современной снеговой линии (опять-таки без учета подъема гор), прибавив депрессию к высоте нижнего уровня каров (4000—4400 м). При таком расчете снеговая линия окажется на высоте 5150—5550 м, а в среднем на высоте 5350 м.

Теперь у нас есть основания считать, что современная снеговая линия без учета подъема гор должна была бы проходить примерно на высоте 5300 м. Введем эту величину в вычисления депрессии снеговой линии и получим новые значения стадийных депрессий (табл. 5, графа 4). Как видно, они мало чем отличаются от планетарных величин стадийных депрессий (см. табл. 1).

Таблица 5

Депрессии снеговой линии*

Стадия	Абсолютная высота конечных морен, м	Депрессии снеговой линии, м (по леднику Нангпа ²)		Депрессии снеговой линии в районе Нанга-Парбат, м (по леднику Дзамир) —10
		$\varphi = 6100$ м	$\varphi = 5300$ м	
VII	4400	410	120	40
VI	4200	490	180	130
V	(4000)	660	270	200
IV	(3700)	840	390	340
III	(3350)	1020	530	590
II	(2900)	1240	720	—
I	2500	1450	900	960
Мах.	2000	1800	1100—1200	—

φ = снеговая линия; в скобках предполагаемые морены.

* Величины депрессий снеговой линии следует рассматривать как грубо ориентировочные величины.

По существу, можно идти и другим путем: допустим, что депрессия снеговой линии для морены «2500» составляет 900 м (поскольку мы предполагали, что это морена I стадии); теперь можно высоту снеговой линии обозначить как «х» и найти ее при помощи формулы Варданянца. В результате снова будет получена величина 5300 м.

Итак, сделанные расчеты в общем случае подтверждают факт стремительного подъема осевого гребня Гималаев в поздне- и послеледниковое время на 1300 м. Масштабы постлурмских поднятий Гималаев казались бы фантастическими, если бы почти такие же величины не называл применительно к Гималаям и Куньлуню В. М. Синицын [23]. По его данным, подъем этих систем в голоцене составил 1300—1500 м.

Обратим внимание на одно любопытное обстоятельство: голоцено-

вый подъем Гималаев, если судить по гляцио-морфологическим данным, охватил не всю горную страну, а только узкую осевую зону хребта. Иными словами, взброшенными оказались только водораздельные гребни; ледниковые вместилища, по-видимому, избежали этого подъема.

Г. Вагнер [38] описал конечноморенные образования долины реки Диамир у подножия массива Нанга-Парбат. Описание дополнено отлично составленной картой ледника Диамир и верхней части долины. Открытый язык ледника лежит на высоте 3615 м. На расстоянии 1,5, 2,0, 3,5 и 5,0 км от края ледника последовательно залегают конечные морены на высотах: 3400, 3100, 2900 и 2700 м. Ниже последней морены форма долины вплоть до впадения Диамира в р. Бунар остается троговой. В устье Диамира на высоте 1700 м находятся остатки конечной морены. Вагнер считает, что ее отложил ледник первой верхнеделювиальной стадии. Следы конечной морены есть также на высоте 2400—2500 м около поселка Яил. Остатки еще одной морены Вагнер зарегистрировал около впадения Бунара в Инд на высоте 1200—1300 м.

Пользуясь картой Вагнера, мы подсчитали методом Гефера высоту фирновой линии на леднике Диамир. Она оказалась равной 5260 м. Далее по формуле Л. А. Варданянца была подсчитана депрессия снеговой линии по большинству морен (табл. 5) Полученные величины депрессий мало чем отличаются от стадийных депрессий в горах СССР (см. табл. 1). В связи с этим можно думать, что массив Нанга-Парбат не испытал в голоцене подъемов, подобных подъемам Джомолунгмы.

СЬЕРРА-НЕВАДА-ДЕ-КОКУЙ (АНДЫ)

Резкое нарушение высотного залегания стадийных конечных морен обнаруживается в долинах Лагуниллас и Бокатома в Сьерра-Неваде-де-Кокуй (Колумбия). Э. Гонсалес, Т. Хаммен и Р. Флинт [30] подразделяют ледниковые отложения этого района на четыре группы. К первой группе отнесены морены максимальной стадии. Ледники в это время спускались до высоты 2700 м, а депрессия снеговой линии значительно превышала 1000 м. Морены второй группы расположены на высоте 3800 м, морены третьей группы, подразделяющиеся на две фазы, на высотах 3900—4000 м и, наконец, морены четвертой группы, также подразделяющиеся на две фазы, на высотах 4100—4200 м. Современный ледник в долине Бокатома оканчивается на высоте 4275 м, а снеговая линия проходит на высоте 4600 м.

Таким образом, обнаружены следы пяти верхних конечных морен в высотном интервале от 3800 до 4200 м и одна нижняя (вероятно, максимальная) морена на высоте 2700 м. Казалось бы логичным пять верхних морен отождествить с моренами III, IV, V, VI и VII стадий, нижнюю морену считать максимальной, а морены I и II стадий считать ненайденными или разрушенными. В этом случае кривая дегляциации (рис. 9) принимает в общем закономерный облик, хотя и обращает на себя внимание чрезмерная высотная сближенность пяти верхних конечных морен.

Однако приведенная расшифровка моренных комплексов Сьерра-Невады-де-Кокуй противоречит радиоуглеродным определениям их возраста. Конечные морены четвертой наиболее высокой группы хронологически в точности отвечают VI и VII стадиям оледенения. Возраст морены «4200» оценивается авторами в 150—300 лет, а возраст морены «4100» в 900—300 лет до н. э. Но уже морена «4000» вместо ожидаемого возраста в 4000 лет показывает возраст в 7500 лет, что хронологи-

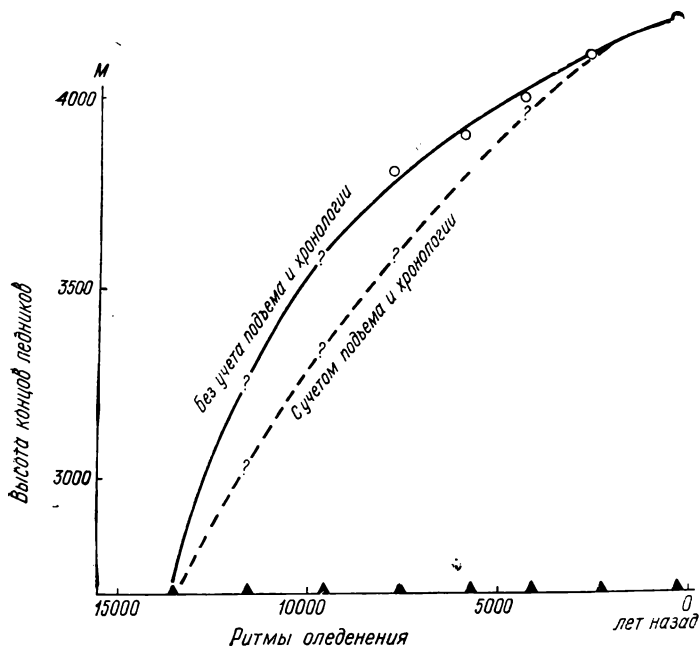

Рис. 9. Кривые дегляциации Сьерра-Невады-де-Кокуй

чески соответствует не V, а III стадии. Морена «3900» показала возраст в 10000—11000 лет, морена «3800» — в 12000—13000 лет наконец, морена «2700» оказалась старше 14000 лет. Удовлетворительно решить вопрос о моренах Сьерра-Невады-де-Кокуй в настоящий момент не представляется возможным. Вместе с тем можно высказать предположение, что нарушение нормального высотного и хронологического характера залегания стадияльных морен связано с новейшими, исключительными по своему размаху тектоническими поднятиями.

Попытаемся, пусть в самом общем виде, оценить эти поднятия. Две наиболее высокие конечные морены («4200» и «4100») и высотно и хронологически более или менее отвечают положению морен VII и VI стадий. В связи с этим можно утверждать, что на протяжении последних 2000—3000 лет Сьерра значительных поднятий не испытала. Моренные отложения, спускающиеся до высоты 2700 м, высотно и хронологически (в первом приближении) отвечают положению максимальной стадии. На этом основании также можно допустить, что участок Сьерры, тяготеющий к этой высоте, существенно не изменил своего высотного положения. По этим трем точкам (высоты морен максимальной, VI и VII стадий) можно примерно построить кривую дегляциации Сьерры (рис. 9). С этой кривой можно снять высоты конечных морен I, II, III, IV и V стадий. Они соответственно будут равны 3060, 3350, 3580, 3800 и 4000 м. Конечная морена «4000» хронологически в точности отвечает моренам III стадии, но вместо того чтобы быть на высоте 3580 м, она находится на высоте 4000 м. Это значит, что после отложения конечной морены III стадии территория высокогорий испытала значительное поднятие. По кривой связи (рис. 1) депрессия ледника в 275 м (4275—4000) отвечает депрессия снеговой линии в 150 м, а депрессия ледника в 695 м (4275—3580) — депрессия снеговой линии в 400 м. Разница депрессий снеговой линии, равная 250 м (400—150), покажет

общую величину подъема территории после отложения конечной морены III стадии. Конечные морены IV и V стадий, которые должны были бы соответственно находиться на высотах 4050 (3800+250) и 4250 (4000+250) м, засыпаны более молодыми моренами VI и VII стадий. Указанный подъем территории на 250 м, очевидно, произошел позже отложения конечной морены III стадии, но ранее отложения конечной морены VI стадии, т. е. в интервале времени между 7000 и 3000 лет тому назад.

Конечные морены «3900», «3800» и моренные отложения на высоте 2700 м проще всего отождествить со II, I и максимальной стадиями оледенения. Их абсолютные датировки, приводимые Гонсалесом, Хамменом и Флинтом, почти не отличаются от датировок II, I и максимальной стадий. Это показано ниже:

Стадия	Датировка, лет тому назад	Морены долины Лагунилас, м	Их датировка, лет тому назад
II	Около 10 000	«3900»	10 000—11 000
I	Около 12 000	«3800»	12 000—13 000
Мах.	Более 13 000	Примерно 2700	Примерно 14 000—15 000

Ошибка в определении абсолютного возраста ранних стадий оледенения в Сьерре, по-видимому, исключена. Т. Хаммен и И. Фогель [31] подтвердили эти датировки, показав, что в Восточной Кордильере Колумбии холодная фаза имела место 12770±130 лет назад. Она последовала после интерстадиала сусака, который датирован в 13100—13700 лет тому назад.

Как мы уже показали, конечная морена I стадии («3800») должна была находиться на высоте 3060 м. Следовательно, за время, последовавшее после ее отложения, территория поднялась (судя по разнице депрессий снеговой линии) почти на 600 м. Расчет, проведенный по морене II стадии («3900»), показывает общий подъем территории в 400 м. Это значит, что только между I и II стадиями воздымание территории достигло 200 м. С учетом подъема, происшедшего после образования морены III стадии в хронологическом интервале между II и III стадиями, должен был составить 150 м. Не исключено, что некоторый подъем территории имел место во время отложения конечной морены максимальной стадии, а также в интервале между максимальной и I стадиями оледенения.

Итак, за время распада последнего оледенения Сьерра-Невада-де-Кокуй поднялась по крайней мере на 600 м. Подъем охватил территорию гор, лежащую выше 2700 м. В связи с этим единая система стадийных конечных морен оказалась разорванной на участке между моренами максимальной и I стадии. Максимальная морена совсем не изменила свое высотное положение или изменила его очень незначительно. Конечная морена I стадии, напротив, поднялась на 600 м. Хронологически подъем приходится на промежуток времени между образованием морен I и VI стадий. Тот факт, что общий подъем территории начался после образования конечной морены I стадии («3800»), подтверждается еще одним интересным обстоятельством. Моренные образования этой стадии в трех-четырёх местах перекрыты не смещенными ледником обвальными опльвинами. В связи с этим можно думать, что воздымание территории началось с сильнейшего тектонического пароксизма, нарушившего целостность Сьерры на участке выше 2700 м.

Принципиальная правильность наших рассуждений подтверждается

также тем, что в некоторых других районах Сьерры моренные отложения четвертой группы (верхней) образованы не двумя, а тремя и даже четырьмя конечными моренами [30, вклейка № 1]. Неравномерные поднятия Сьерры способствовали, по всей видимости, сохранению в некоторых местах конечных морен IV и V стадий. В этих районах, очевидно, можно ожидать существования «полного набора» стадий, состоящего из восьми последовательно залегающих конечных морен.

ГОРЫ ВАСАЧ И САНГРЕ-ДЕ-КРИСТО (КОРДИЛЬЕРЫ)

Г. М. Ричмонд [35] изучал следы древних оледенений в горах Васач (горы Уинта) в штате Юта. Им были обследованы долины Малого Коттонвуда и Беллс-Каньона. Автором выделены следы трех оледенений: булл-лейк, пайндейл и новейшего. Первое из этих оледенений состоит из двух стадий, второе — из трех и третье — из двух стадий. Пять нижних стадий маркированы конечными моренами, а две верхние — каменными глетчерами. Ниже помещены основные сведения, характеризующие эти оледенения.

Таблица 6

Характеристика оледенений

Стадии горного оледенения	Время	Оледенение	Стадия	Средняя высота конечных морен, м
VI	Современное	Новейшее	Историческая	3000
V			Темпл-лейк	2940
IV	Верхний	Пайндейл	Поздняя	2760
III			Средняя	2170
II			Ранняя	1970
I	плейстоцен	Булл-лейк	Поздняя	1530
Мах.			Ранняя	1500

Прекрасная сохранность аккумулятивных форм всех трех оледенений [35, фиг. 9—15] говорит о том, что в действительности мы имеем дело со следами распада одного последнего оледенения. Отсутствие в этом районе современных ледников позволяет думать, что наиболее высокая конечная морена отвечает VI стадии оледенения, тем более что автор называет ее исторической, хотя и относит ее образование к 1400 г. Это предположение находит себе подтверждение в том, что предыдущая стадия (темпл-лейк) датируется Ричмондом 2000 г. до н. э., т. е. в точности отвечает времени формирования конечных морен V стадии. Теперь можно стадияльно опознать все выделенные уровни конечных морен. Это морены максимальной, I, II, III, IV, V и VI стадий.

Судя по данным Ричмонда, оледенение уже со II стадии носило неустойчивый характер и во всяком случае дважды (между I и II и между IV и V стадиями) исчезло совсем. Именно этим можно объ-

яснить тот факт, что Ричмонд в рамках одного последнего оледенения выделяет три оледенения.

Большой интерес представляет тот факт, что конечная морена IV стадии (поздняя морена пайндейл) в долине Малого Коттонвуда носит обвальный характер. Конечные морены этой стадии, датируемые в 5000—6000 лет назад, почти повсеместно в горах СССР также сопряжены с обвалами [12].

Аналогичную картину распада горных ледников Г. М. Ричмонд (1963 г.) рисует для гор Сангре-де-Кристо (южная оконечность Скалистых гор) в штате Нью-Мексико. Ниже показаны результаты работ Ричмонда [33; 34].

Таблица 7

Этапы оледенений

Стадии горного оледенения	Оледенение	Стадия	Высота конечных морен, м		
			Рио-Хопло	Рио-Намбе	Сьерра-Бланка-Пик
VI	Новейшее	Жаннет-Пик	3600	Нет	Нет
V		Темпл-лейк	3550	3450	Нет
IV	Пайндейл	Поздняя	3300	3420	3390
III		Средняя	3250	3330	3270
II		Ранняя	3060	3220	3150
I	Булл-лейк	Поздняя	2910	3150	3120
Мах.		Ранняя	2820	3030	2950

Отсутствие современных ледников в горах Сангре-де-Кристо делает понятным отсутствие конечных морен стадии XVII—XIX вв. (VII). Характерно, что нижняя терраса реки Рио-Гранде в штате Нью-Мексико, дренирующей горы Сангре-де-Кристо, датирована по C^{14} [36] в 2620 ± 200 л. н., т. е. как раз временем формирования конечных морен VI стадии.

Для гор Васач и для гор Сангре-де-Кристо, по данным Ричмонда, нами были построены кривые дегляциации (рис. 11). Обращает внимание одно чрезвычайно существенное обстоятельство. Расстояние по вертикали между конечными моренами VI и максимальной стадии в горах Васач составляет 1500 м, почти в точности соответствуя этому вертикальному интервалу на типовой кривой дегляциации гор СССР (рис. 2). В горах Сангре-де-Кристо этот высотный интервал составляет только 700 м. Очевидно, это может быть объяснено только новейшими подъемами гор Сангре-де-Кристо. Мы попытались оценить этот подъем. Депрессии концов ледников в 1450—1500 м (от максимальной до VI стадии) соответствует депрессия снеговой линии в 900 м (рис. 2). Пропорционально депрессии концов ледников в 700 м (в этом же стадиальном интервале) будет соответствовать только 430 м депрессии снеговой линии. Это значит, что депрессия снеговой линии примерно в 470 м была компенсирована подъемом территории. Таким образом, в первом приближении можно считать, что за время с максимума оледенения до VI стадии горы Сангре-де-Кристо испытали подъем, выражающийся величиной в 400—500 м.

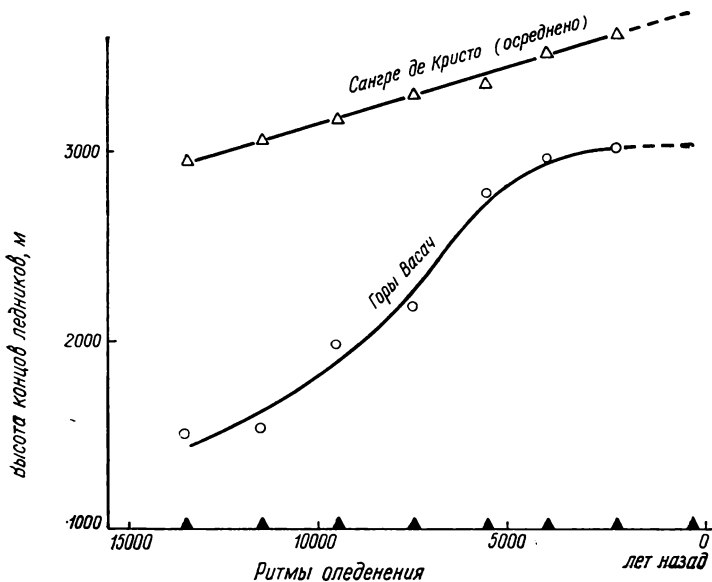

Рис. 10. Кривые дегляциации гор Васач и гор Сангре де Кристо

Мы привели несколько примеров того, как можно, пользуясь методом гляциальной морфологии, выявить не только наличие современных движений большого размаха, но и попытаться определить масштабы этих движений. Конечно, следует иметь в виду, что полученные результаты нужно рассматривать только как приближенные. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в двух наиболее характерных случаях — для Памиро-Алая и Эвереста — наши оценки полностью совпали с оценками других исследователей, полученными совершенно иными методами. В связи с этим гляцио-морфологический метод выявления размаха современных движений в горных районах нам кажется очень перспективным.

О стремительных вздыманиях, происходивших в голоцене и, возможно, еще не завершившихся в наше время, с полной уверенностью можно говорить применительно к Памиро-Алаю, Центральному Тянь-шаню, Эвересту, хребту Сьерра-Невада-де-Кокуй в Андах и к горам Сангре-де-Кристо в Кордильерах. В некоторой степени это, вероятно, относится к Скандинавским горам, горам Сунтар-Хаята, Путорану и, может быть, к некоторым районам Центрального Кавказа.

Значительный обработанный нами материал по дегляциации различных горных сооружений земного шара [10] говорит в пользу того, что в большинстве горных стран движений подобного рода не наблюдается (именно поэтому и оказалось возможным построить типовые кривые дегляциации). В связи с этим хочется подчеркнуть, что стремительные вздымания горных систем, происходившие в течение голоцена в некоторых районах земного шара, в общем, явление не слишком частое. Любопытно заметить, что все указанные районы активных современных движений в большей или меньшей степени тяготеют к активным кругам земного эллипсоида [6]. Так, к северной критической параллели 35° тяготеют Памир, Центральный Тянь-Шань, Эверест и горы Сангре-де-Кристо; к экватору в точке его пересечения с эпейрогеническим меридианом 75° з. д. тяготеет Сьерра-Невада-де-Кокуй; к пересечению эпейрогенического меридиана 15° в. д. и эпейрогенической па-

раллели 62° с. ш. тяготеют Скандинавские горы, а к 62° с. ш.— хребет Сунтар-Хаята.

Уже сейчас появляется возможность наметить четыре принципиально разных типа этих движений: общих глыбовых воздыманий обширных территорий (Памиро-Алай, горы Сангре-де-Кристо), блоковых воздыманий (Центральный Тянь-Шань, Сьерра-Невада-де-Кокуй), воздыманий только водораздельных и вершинных частей хребтов при относительной неподвижности ледниковых вместилищ и горных долин (Эверест и, может быть, массивы Семенова-Тяньшаньского и Киргизстан в Киргизском Алатау) и куполообразных воздыманий, сопровождающихся образованием провалных фьордообразных долин (Скандинавские горы, горы Путорана).

Есть еще одна важная закономерность, касающаяся указанных выше почти современных тектонических движений большого размаха. Имеются основания предполагать, что все эти движения начались в недалеком прошлом, не ранее голоцена (в противном случае системы каровых графиков были бы полностью искажены, чего в действительности нет). В связи с этим возникает мысль о том, что эти движения отражают качественно новый этап тектонической активности, не связанный с тектоническими процессами, свойственными плейстоцену. Судя по положению конечных морен, этот новый этап, по-видимому, начался 13000—10000 лет назад, т. е. в самом начале голоцена.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агаханянц О. Е., Пахомов М. М., Трофимов А. К., К палеогеографии Памира в голоцене,— «Известия ВГО», 1964, № 6.
2. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, ч. I, Душанбе, 1965.
3. Бондарев Л. Г., Вопросы четвертичной истории развития рельефа в районе массива Ак-Шийрак,— сб. «Гляциологические исследования на Тянь-Шане», Фрунзе, 1964.
4. Варданянц Л. А., Простейший способ подсчета депрессии снеговой границы,— «Известия ГГО», 1932, т. 64, вып. 6.
5. Забиров Р. Д., Оледенение Памира, М., 1955.
6. Каттерфельд Г. Н., Лик Земли, М., 1962.
7. Корженевский Н. Л., Алайская долина,— «Труды Памирской экспедиции 1928 г.», 1930, вып. III.
8. Костенко Н. П., Главнейшие черты неотектоники Гиссаро-Алая, Памира и Таджикской депрессии,— «Труды ученых геологического факультета МГУ к 21 геологическому конгрессу», М., 1962.
9. Курдюков К. В., Новейшие тектонические движения и следы крупнейших тектонических толчков на северном склоне Заалайского хребта,— «Активизированные зоны земной коры», М., 1964.
10. Максимов Е. В., Признаки общепланетарного единства в сокращении горных ледников последнего оледенения,— «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1966, № 31.
11. Максимов Е. В., Абсолютная хронология стадий сокращения горных ледников,— «Советская геология», 1966, № 3.
12. Максимов Е. В., О существовании связи между стадиями оледенения и проявлениями сейсмичности,— «Известия ВГО», 1968, т. 100, вып. 1.
13. Максимов Е. В., Кары как основной показатель динамики снеговой линии в горах,— сб. «Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга», VIII—XIV, Л., 1968.
14. Марков К. К., О проблеме древнего оледенения гор Средней Азии,— «Проблемы физической географии», 1937, № 4.
15. Мирзаев К. М., Древнее оледенение северного склона восточной части Заалайского хребта,— «Известия АН СССР», серия географическая, 1959, № 6.
16. Нотаров В. Д., Геоморфологические наблюдения в долине реки Инылчек,— «Тянь-Шань», т. II, Харьков, 1935.
17. Овчинников П. Н., Основные направления видообразования в связи с проис-

- хождением типов растительности Средней Азии,— «Труды АН ТаджССР», т. XXXI, Душанбе, 1955.
18. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., К вопросу об изменениях природных условий климата Памира в голоцене,— «Доклады АН ТаджССР», 1960, № 3.
  19. Сваричевская З. А., О меридиональных хребтах Памира,— «Вестник ЛГУ», 1958, № 24.
  20. Сваричевская З. А., Геоморфология Казахстана и Средней Азии, Л., 1965.
  21. Селиванов Р. И., Поверхности выравнивания и рельеф Памира,— «Доклады АН ТаджССР», вып. 20, 1957.
  22. Сидоров Л. Ф., Наложение морен на Памире как свидетельство новейших поднятий,— «Известия ВГО», 1965, т. 97, вып. 1.
  23. Синицын В. М., Центральная Азия, М., 1959.
  24. Синицын Н. М., Северо-Памирский краевой разлом (о северной геологической границе Памира).— «Ученые записки ЛГУ», серия геологических наук, 1959, вып. 40, № 268.
  25. Скворцов Ю. А., Неотектоника гор Средней Азии,— «Бюллетень САГУ», 1958, т. 24, вып. 3.
  26. Станюкович К. В., О некоторых изменениях в растительности Памира, происходящих в наше время,— «Доклады АН ТаджССР», 1956, вып. 18.
  27. Станюкович К. В., С какой скоростью меняется природная обстановка на Памире?,— «Известия ВГО», 1965, т. 97, вып. 1.
  28. Шнитников А. В., Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария,— «Западное Географическое общество Союза ССР», т. 16, новая серия, М., 1957.
  29. Flint R. F., Glacial geology and the Pleistocene epoch, New York, 1947.
  30. Gonzalez E., Hammen T., Flint R. F., Late Quaternary glacial and vegetational sequence in Valle de Lagunillas, Sierra Nevada del Cocuy, Colombia, 1965, № 32.
  31. Hammen T., Vogel J. C., The susacáinterstadial and the subdivision of the Late-Glacial, 1966, 45, № 2.
  32. Heuberger H., Beobachtungen über die heutige und eizeitliche Vergletscherung in Ost-Nepal,— «Zeitschrift für Gletscherkunde und Glazialgeologie», Bd. III, 1956.
  33. Richmond G. M., Correlation of some glacial deposits in New Mexico. Geol. Survey Research, 1962, Geol. Survey Profes. Paper, 450-E, 1963.
  34. Richmond G., Glacial deposits on Sierra Blanca Peak, New Mexico, Guidebook Ruidoso Country,— 15th Field Conf. N. M. Geol. Soc., 1964.
  35. Richmond G. M., Glaciation of Little-wood and Bells canyons,— Geol. Surf. Profes. Paper № 454-D, IV, 1954.
  36. Ruhe R. V., Age of the Rio Grande valley in southern New Mexico,— «Journal of Geology», 1962, vol. 70, № 2.
  37. The Mount Everest Region, Royal Geographical Society, 1961, Scale 1 : 100 000.
  38. Wagner G., Diamirtal und Diamirgletscher. Geographische und glaziologische Beobachtungen am Nanga Parbat (Deutsch Diamir-Expedition, 1961),— «Mitteilungen der geographischen Gesellschaft», München, 1962, № 47.

О. П. Сапов

К ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА СЕВЕРНОГО ПАМИРА

Историей четвертичного периода Памирского нагорья занималось значительное число исследователей, но до сих пор процесс развития природы этой труднодоступной части СССР не восстановлен полностью и изобилует «белыми пятнами». Наименее исследованной остается территория Северного Памира, включающая южные склоны Заалайского хребта. Между тем формирование рельефа и соответствующие изменения климатических условий оказывали существенное влияние на размещение и миграции фауны и флоры. Интенсивные тектонические движения, вызвавшие поднятие Памира в среднем на 4—5 тыс. м за сравнительно короткий промежуток времени (1,5—2 млн. лет), сопровождались подчас катастрофическими явлениями типа землетрясений и обвалов. Тем не менее Памир, прошедший в четвертичное время все стадии развития от низкогорной страны с жарким климатом до высокогорной полупустыни и претерпевший несколько оледенений, в том числе одно полупокровное, как показали исследования последних лет [22; 23; 2], являлся местом постоянного обитания человека.

Существенное значение в познании истории развития природы Памира имеют геологические и геоморфологические данные, полученные по его северной окраине. Геологическое строение северного склона Заалайского хребта и Алайской впадины издавна привлекало внимание специалистов благодаря резкой смене стратиграфии. Эти различия отчетливо фиксируются с раннего мела до плейстоцена включительно. Наличие полного разреза мезозойско-кайнозойских отложений на северном склоне Заалайского хребта и отсутствие синхронных им образований на территории Северного Памира до сих пор не получило однозначного толкования причин столь резко отличного развития двух соседних территорий. Но достаточно хорошая изученность мезозойских и третичных отложений Алайской впадины позволила в общих чертах восстановить природные условия времени их формирования.

Вынос терригенного материала с территории Северного Памира в Алайскую впадину продолжался на протяжении всего мезозойского и третичного времени. Фациальные переходы от области сноса в глубь районов седиментации особенно четко проявились в континентальных фациях раннего мела и позднего палеогена. Морские и лагунные отложения позднего мела и палеогена в меньшей мере, но достаточно четко обнаруживают аналогичные фациальные и структурные взаимоотношения. В разрезах палеогена восточной части Заалайского хребта В. П. Ренгартеном [26] и другими наблюдалось резкое увеличение роли

терригенного материала и сокращение мощностей отложений в южном направлении. На северном склоне Заалайского хребта преобладают лагунные толщи, а на южном склоне того же хребта, в бассейне р. Маркансу, известны лишь красноцветные континентальные образования палеогена. Залегающие на отложениях палеогена с угловым несогласием крупнообломочные конгломераты позднего неогена и приводораздельной части Заалайского хребта, в районе перевала Кызыларт, содержат крупные глыбы гранитов, коренные выходы которых имеются только на юге, в районе оз. Каракуль [26]. Толща красноцветных конгломератов неогена протягивается широкой полосой из бассейна р. Маркансу через Заалайский хребет (современный водораздел р. Кызылсу и Памирских речных и озерных бассейнов) на его северный склон, оконтуривая с юга зону неогеновой седиментации. Эти факты ниже не оспариваются. Очевидно, до конца неогена, начиная по крайней мере с раннемелового времени, Северный Памир служил областью сноса, а вынос терригенного материала был направлен с юга на север, в Алайскую долину. Перестройка плана речной сети с древнего, меридионального, направления на современное — субширотное приходится на четвертичное время.

Первые систематизированные сведения о четвертичных отложениях Памира появились в результате работ Таджикско-Памирской экспедиции (20—30 годы). Н. Л. Корженевским [8; 9], К. К. Марковым [15; 16; 17] и Д. В. Наливкиным [19; 20] были разработаны первые схемы стратиграфии четвертичных отложений Памира и в первом приближении реконструированы условия их образования. Д. В. Наливкиным [10] на Памире были установлены две основные эпохи оледенения — древняя и юная. Древняя эпоха оледенения (среднечетвертичная — *O. C.*) намного превосходила по продолжительности юную. Причем Д. В. Наливкин указывал на возможность двух-трех фаз в каждой из них. Позднее В. П. Ренгартемом [26] и Н. Н. Дингельштедтом [7] были обнаружены следы более древнего (раннечетвертичного — *O. C.*) оледенения в виде валунов гранитов, залегающих высоко по склонам долин и на водоразделах. Для Алайской долины подобная схема была разработана Н. Л. Корженевским [9] и в последующие годы являлась общепризнанной схемой ледниковых эпох Памира.

В последнее время эта точка зрения оспаривается [3; 4]. Новая схема включает максимальное раннечетвертичное оледенение и последующее, меньшее по размерам, среднечетвертичное оледенение. Позднечетвертичное оледенение сводится до размеров стадии наступления, лишь немногим превышающей площадь современного оледенения, т. е. практически для большей части территории Памира межледниковой эпохи [33].

В данной работе принята схема Д. В. Наливкина — Н. Л. Корженевского, подтвержденная новым фактическим материалом. Стратиграфический разрез северного склона Заалайского хребта, с обнаружением здесь раннечетвертичных отложений, практически лишен пробелов. Раннечетвертичная морена, сохранившаяся на водоразделе рек Комансу и Ташкунгей, подстилается с угловым несогласием мощной толщей красноцветов плиоцен-раннечетвертичного возраста. Уточнение стратиграфии северного склона Заалайского хребта и детальное изучение новейшей тектоники внесли существенные поправки в палеогеографические схемы и представления о истории развития Северного Памира и Алайской впадины в четвертичное время.

ЧЕТВЕРТИЧНАЯ СИСТЕМА

Наибольшие площади в Альпийской долине и на Северном Памире занимает морена максимального среднечетвертичного оледенения. Флювиогляциальные, пролювиальные и другие образования среднечетвертичного времени встречаются редко и существенного стратиграфического значения не имеют. Позднечетвертичные отложения имеют меньшее распространение по площади и представлены как мореной, так и аллювиальными флювиогляциальными комплексами. Сам факт сохранения раннечетвертичных отложений в условиях последующего максимального оледенения, охватившего Северный Памир и Заалайский хребет, естественно, явился делом случая. В области весьма интенсивной экзарации мощных ледников, действовавших в предгорьях Заалайского хребта, могли сохраниться только те отложения, которые вошли в геологический разрез или же были подняты тектоническими движениями выше зоны действия ледниковой эрозии.

РАННЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ

Аллювиальные образования раннечетвертичного возраста обнаруживаются на выходе из предгорий долины Алтындара, где участвуют в строении цоколя позднечетвертичной террасы и состоят из двух пачек.

Верхняя пачка представлена четкосолистыми слабо окрашенными в палевый цвет конгломератами молодого облика. В составе гальки преобладают палеозойские породы, много гранитоидов и эффузивов. Размер гальки не превышает в среднем 3—5 см в диаметре. Видимая мощность верхней пачки 15—20 м. Снизу она с постепенными пластовыми переходами согласно подстилается второй пачкой, сложенной слабосцементированными серыми песчаниками с обильным глинистым цементом и линзами песчаных глин. В толще песчаников встречаются линзы и прослой конгломератов. Отобранные из линз песчаных глин пробы на спорово-пыльцевой анализ оказались пустыми.

Пласты данных отложений дислоцированы и падают строго на юг под углами от 10° до 25—30°. Контакт с обнажающимися севернее глинами миоцен-плиоценового возраста тектонический. Последние имеют обратное падение СВ 25°, угол 40°. В толще галечников встречаются разрывы с амплитудами перемещения в первые метры, сопровождающиеся интенсивным ожелезнением.

Возраст описанных отложений устанавливается на основании стратиграфического положения между глинами позднего миоцена — раннего плиоцена, обнажающимися в этом же цоколе ниже по течению, и галечниками плаща среднечетвертичной террасы. Время формирования толщ можно уточнить, если учесть, что они не похожи по облику на крупнообломочные неотсортированные бурые плиоцен-раннечетвертичные конгломераты, залегают гипсометрически ниже дна трога среднечетвертичного оледенения, который в данном месте поднят на высоту свыше 200 м над современным урезом реки, входят в геологический разрез и дислоцированы в том же плане, что и четвертичные уровни, но более интенсивно.

Подобные отложения обнажаются в цоколе позднечетвертичной террасы р. Тараша, на меридиональном участке долины. Расположенные севернее эти отложения падают на СВ 20°, угол 30°.

Описанные образования, особенно верхняя пачка, принадлежат к

флювиогляциальным-аллювиальным образованиям, сформировавшимся, по-видимому, на достаточно большом расстоянии от конца ледника.

На территории Северного Памира раннечетвертичные образования известны в долинах рек Уйсу и Кокуйбель. По данным В. А. Васильева [3; 5], в среднем течении р. Уйсу по левому борту эти отложения (без видимого углового несогласия. — О. С.) подстилают мощную толщу раннечетвертичной морены и представлены грубообломочными слабодислоцированными (азимут падения северо-восточный, угол $5-10^\circ$) конгломератами общей мощностью 200—250 м. Возраст их В. А. Васильев определяет как неоген-раннечетвертичный и сопоставляет эти отложения с бахмалджилгинским комплексом [4]. Сравнительная характеристика подморенных галечников показывает, что они, несомненно, моложе грубообломочной красноцветной толщи (неогеновой), развитой вдоль левого борта р. Маркансу, и отличаются от последней как условиями залегания, так и петрографическим составом обломков, цветом и цементацией. По данным последней государственной геологической съемки, возраст красноцветной толщи следует определять плиоцен-раннечетвертичным временем. К этому же выводу пришли Е. Ф. Романько и Э. З. Таиров [27], которые сравнивают красноцветы бассейна р. Маркансу с орогенической формацией Таримского бассейна [31]. Учитывая более рыхлую «консистенцию» уйсуйской толщи, последнюю следует считать либо самой верхней частью плиоцен-раннечетвертичной толщи, либо, скорее всего, подморенными галечниками раннечетвертичного возраста. Это тем более вероятно, что приведенная мощность в 200—250 м [5], видимо, завышена, а желтоватый цвет перекрывающей морены отличается от них в значительно меньшей степени, чем бурый цвет плиоцен-раннечетвертичных конгломератов.

Гляциальные образования раннечетвертичного времени залегают со слабым угловым несогласием на поверхности выравнивания, выработанной по дислоцированным миоцен-плиоценовым и плиоцен-раннечетвертичным отложениям. Остатки этой поверхности отмечены по долинам рек Ачиксу, Сынарджар, Минжар и Комансу. На водоразделе р. Комансу и р. Ташкунгей сохранилась светло-серая мощная морена, сложенная преимущественно палеозойскими породами. Меньший процент в общей массе занимают обломки поздне меловых толщ. Самые большие валуны (до 2 м в диаметре) представлены светло-серыми, зеленовато-серыми, белыми и розовыми гранитами. Отмечается большое количество темно-зеленых эффузивов, черных кремнистых сланцев и очень плотных конгломератов, состоящих из хорошо окатанных и отсортированных галек черного известняка. Красноцветы в морене представлены буровато-серыми крупнозернистыми песчаниками с зернами до 1,5 мм и отдельными включениями черного известняка до 5 мм. Незначительный процент (5—10%) составляют мелкие обломки красно-бурых песчаников, светло-коричневых песчаников и бурых мелкогалечных конгломератов. Наибольший процент в морене изверженных пород — 60—70%.

В гальке серых известняков были обнаружены рогозы *Canipia* sp. (с *S. rasyuthesa* Ruzhjanov) (определение И. Пыжьянова) позднекарбонного-раннепермского возраста. В этом же образце присутствуют фораминиферы семейства *Schwagerinidae*, а возраст породы, по мнению Э. Я. Левена, не может быть моложе позднего карбона. Породы древнее пермских на северном склоне Заалайского хребта в данном районе последними геологическими съемками не обнаружены. Только на юге Северного Памира широкой полосой в широтном направлении протягивается белеулинская свита, возраст которой определяется как среднекаменноугольный-раннепермский. Не исключена возможность, конечно,

переотложения серых известняков из конгломератов сакмарского яруса нижней перми. Но, учитывая состав отложений, в которых основную роль играют изверженные породы северопамирского облика, и хорошую окатанность даже больших (до 2 м в диаметре) валунов, что свидетельствует о их длительном переносе, необходимо сделать вывод о формировании описываемой морены ледником, стекавшим с Северного Памира через пространство, занятое современным Заалайским хребтом.

Возраст морены определяется на основании стратиграфического положения между конгломератами плиоцен-раннечетвертичного времени, на которых она залегает с угловым несогласием, и мореной среднечетвертичного оледенения.

На территории Северного Памира в приводораздельной части левого борта р. Уйсу сохранилась мощная толща гляциальных отложений [5] с подморенными галечниками в основании. Морена отличается сравнительно мелким обломочным материалом, слабым желтоватым цветом и полностью утратила моренный рельеф. В составе отложений содержатся многочисленные валуны гранитов «каракульского типа», в большом количестве встречающиеся в сыпях у подножия склона. Впервые их описал в 1932 г. как коренные выходы гранитов Д. В. Наливкин. Несколько позднее Н. Н. Дингельштедт [7] приходит к объективному выводу о их гляциальном происхождении и указывает на движение ледникового потока с юга на север, от оз. Каракуль к перевалу Кызыларт.

Ледниковые образования раннечетвертичного времени обнажаются и по обоим бортам последнего правого притока р. Уйсу в приводораздельных частях склонов, где отчетливо вырисовываются очертания раннечетвертичного меридионального трога, заполненного желтоватой мореной. В южном направлении трог прослеживается в соседнюю долину и далее через современные водоразделы в сторону долины реки Караджилга.

Морена, обнажающаяся на водоразделе рек Уйсу и Коксай (сев.), широкой полосой протягивается в меридиональном направлении вдоль правого борта долины р. Коксай (сев.) до перевала Кызыларт.

В западной части Северного Памира аналогичные отложения, содержащие гранитные обломки, обнаружены в 1964 г. Р. Н. Шамсутдиновым (устное сообщение) на перевале Профсоюзозов и южнее пика Дзержинского, где они также в виде незначительных по площади выходов залегают в приводораздельных частях склонов.

СРЕДНЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ

Наиболее широко в пределах Алайской долины и ее горного обрамления распространены гляциальные образования среднечетвертичного времени. В восточной части Алайской долины они занимают громадные площади, а в центральной части долины морена перекрыта более молодыми осадками и выходит на поверхность в основном в предгорьях Заалайского хребта.

Гляциальные образования. Стратиграфически толща среднечетвертичной морены четко делится на две части. Наиболее полный разрез ее описан по правому борту р. Минжар в обрыве высотой около 55 м. Нижняя часть сложена уплотненным, сравнительно мелкообломочным материалом; верхняя выглядит более рыхлой, грубообломочной и отличается слабо намеченной слоистостью. Аналогичный двучленный разрез морены обнажается и в долине р. Сынарджар. Все другие реки, стекающие с Заалайского хребта, отличаются меньшим позднечетвертичным

врезом, и в их долинах обычно вскрыты лишь отложения последней стадии максимального оледенения.

Описываемая морена состоит из крупных слабоотсортированных и почти не окатанных обломков пород, обнажающихся на северном склоне Заалайского хребта. Преобладание красноцветов и главным образом бурый цемент придают морене общий характерный бурый оттенок. Этот признак хорошо выдержан по всем разрезам северного склона Заалайского хребта и только в центральной его части, в междуречье Комансу — Ачикташ, на основной цвет накладываются зеленоватые оттенки. Характер же залегания стадийных отложений меняется с запада на восток. Если в центральной части Заалайского хребта морена второй стадии максимального оледенения перекрывает осадки первой стадии, то на востоке она вложена в них. Стратиграфически выше залегает морена позднечетвертичного оледенения. Там, где морена максимального оледенения не перекрыта более молодыми осадками, она имеет чехол (1,5—2 м мощности) лессов. На востоке Алайской долины морены образуют сплошные крупнохолмистые (20—40 м) поля чукуров, по которым это оледенение иногда называют «чукурным». В центральной части Заалайского хребта, в междуречье Ачикташ — Алтындара, морена максимального оледенения в пределах Алайской долины погружена под более молодые осадки, главным образом современные.

Большие площади среднечетвертичные отложения занимают и на территории Северного Памира. Мощные покровы, с хорошо сохранившимся моренным рельефом, залегающие в днищах широких плоских долин, являются характерной особенностью ландшафта Восточного Памира. Как правило, морены максимального оледенения лежат в концевых частях основных (первого порядка) долин Северного Памира. В верховьях долин и в боковых притоках сохраняются лишь сильноразмытые отстки, расположенные высоко по склонам.

Аллювиальные отложения на западе Алайской долины обнажаются только в устье р. Алтындара и р. Коксу, где они причленяются к синхронной морене и слагают 44-метровую террасу. Эти отложения, видимо, приурочены к концу эпохи максимального оледенения. В галечниках встречаются основные эффузивы, серые и красные песчаники, известняки, сланцы. Состав галечников более близок к материалу обломков среднечетвертичной морены, чем к современному аллювию. Кроме того, галечники террасы, как и морена, перекрыты слоем лессовидного суглинка мощностью 1—1,5 м.

На востоке Алайской долины аллювиальные отложения образуют 60-метровую террасу р. Кызылсу (Кашгарская), у устьев р. Коксу и Кальтабулака. Галька представлена красными и серыми песчаниками, серыми и темно-серыми известняками. Цемент гипсовый. Изредка встречаются линзовидные прослой (0,3 м) рыхлых песков. Выше по течению террасы сочленяются с мореной максимального оледенения.

В долинах рек, стекающих с Заалайского хребта, в пределах низких предгорий, можно наблюдать флювиогляциальные шлейфы, непосредственно сопряженные с среднечетвертичной мореной.

В долине р. Коккиик обнажается разрез песков, конгломератов и косослоистых галечников, образовавшихся в период стаивания ледника последней стадии максимального оледенения. Флювиогляциальные отложения в данном разрезе вместе с мореной перекрыты лессовым чехлом, имеющим мощность около 1 м, и прослеживаются до выхода реки в Алайскую долину, где морена погружается под современные осадки.

Дислоцированные галечники и пески выходят на поверхность и по обоим бортам долины р. Ачиксу ниже устья р. Кичикачиксу. В левом

борту долины обнажается разрез, в котором флювиогляциальный комплекс связан постепенным переходом с подстилающей мореной и совместно с ней перекрыт светло-серой мореной последнего оледенения. В этом же разрезе среднечетвертичные бурые пески и галечники с угловым несогласием перекрыты серым флювиогляциальным комплексом позднечетвертичного оледенения.

По правому борту р. Комансу, против устья р. Кунгырсу зелено-вато-бурые тонкослоистые плохо окатанные галечники с линзами глини кирпично-красного цвета залегают на сложно дислоцированной «слабослоистой» морене второй стадии максимального оледенения. Мощность их в данном разрезе 5—6 м. Из линзы глины, расположенной на контакте с подстилающей мореной, были собраны многочисленные слабообугленные и частично загипсованные, но в общей массе довольно свежие остатки стеблей травянистых растений, а также мелкие раковины пелеципод. В пыльцевом комплексе, описанном М. М. Пахомовым, также преобладает (более 99%) пыльца травянистых растений, характерных для умеренно аридного климата. Очень редко встречается пыльца сосны. Это обстоятельство, а именно — ограниченная роль в пыльцевом комплексе представителей древесной флоры, может указывать, по мнению М. М. Пахомова, на очень молодой возраст вмещающих отложений, по крайней мере, не древнее середины среднего плейстоцена. Южнее, т. е. ближе к области питания, описываемая толща вложена в морену максимального оледенения, а мощность ее превышает 10 м. Время образования толщи следует определять как конец среднего — возможно, начало позднего плейстоцена.

ПОЗДНЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ

Позднечетвертичный этап характеризуется заметным сокращением ледников. В связи с этим большое развитие получили флювиогляциальные и аллювиальные отложения, в центральной части Алайской долины занимающие значительные площади. К последнему этапу позднечетвертичного времени следует отнести интенсивный врез рек в аллювиальные отложения этого же возраста и в коренные породы предгорий Заалайского хребта.

Гляциальные образования. Основным отличием позднечетвертичной морены от более древней следует считать интенсивную насыщенность ее лесовидным материалом и связанный с ним пылевато-серый цвет осадков. В составе отложений заметно уменьшается роль красноцветных пород и увеличивается процентное содержание темных и серых разностей. Изменение петрографического состава морены было обусловлено сокращением площади оледенения в позднечетвертичное время и отступанием области питания в приводораздельные части Заалайского хребта, где обнажаются преимущественно позднемеловые карбонатные толщи. В период максимального оледенения громадные цирки охватывали большую часть северного склона; многие из них были открыты непосредственно в Алайскую долину и захватывали области развития раннемеловых и третичных красноцветов.

Морфологически позднечетвертичная морена отличается меньшими размерами (не более 5—10 м в высоту) сероватых холмов, образующих как бы мелкую рябь, четко выделяющуюся среди громадных (20—40 м) буроватых увалов «чукурного» оледенения.

Морены последнего оледенения нигде, за исключением восточной части Заалайского хребта и долины р. Ачикташ, не выходят из пред-

горий и лежат в днищах долин на отложениях максимального оледенения. Интересен тот факт, что в этих случаях на морене максимального оледенения отсутствует вышеупомянутый лессовый чехол. Учитывая повышенное содержание лессовидных добавок в массе позднечетвертичной морены, время формирования лесса в Алайской долине следует определять, по-видимому, концом плейстоцена — голоценом.

Морена основной стадии последнего оледенения в некоторых случаях подстилается флювиогляциальным комплексом, залегающим на волнистой поверхности более древней морены. Эта генерация морены фиксирует некоторый максимум позднечетвертичного оледенения в последующее таяние ледника до размеров, близких к современным. Как правило, удается выделить до трех-четырех «стадий отступления» ледника, выраженных в некоторых случаях нечеткими «подковами» конечной морены. Развитие по площади морены находится в прямой зависимости от величины бассейна. Так, наиболее длинные языки морен спускаются по долинам рек Ачикташ и Алтындара.

Почти во всех случаях позднечетвертичную морену сопровождает флювиогляциальный комплекс (обычно хорошей сохранности), ниже по течению переходящий в аллювиальные галечники позднечетвертичной террасы.

Конец среднечетвертичного времени на территории Памира характеризуется общим сокращением ледниковых образований и увеличением роли речных, озерных и т. п. фаций. Ледники среднечетвертичного оледенения отступили высоко в горы и занимали положение, по крайней мере, близкое к современным [33]. Если максимальное (среднечетвертичное) оледенение на Памире было полупокровным, то в позднечетвертичное время сформировались типичные горнодолинные ледники, а на размеры каждого из них существенное влияние оказали местные факторы такого рода, как экспозиция склонов, величина ледникового бассейна, влажность и т. д. Поэтому даже в соседних долинах размеры моренного поля оказываются различными и зачастую их трудно отличить от морен предыдущего оледенения.

Эти свойства особенно характерны для морен южного склона Заалайского хребта, отличающихся мощностью и размерами занимаемой площади. В больших долинах, спускающихся с Заалайского хребта, они представлены довольно крупными валами в их устьевых частях и поднимаются высоко вверх по склону. В верховьях долин они прослеживаются, как правило, до современных морен. От более древней морены максимального оледенения отличается пространственным расположением (в боковых притоках основных долин), лучшей сохранностью более мелкохолмистого рельефа и петрографическим составом.

В других районах Северного Памира, где центры оледенения имели незначительные размеры, позднечетвертичная морена представлена серией узких «подков», конечных морен, располагающихся от устья боковых долин до их верховьев. Такое расположение характерно и для тех долин, где современное оледенение отсутствует.

Вопрос о самостоятельности позднечетвертичного оледенения, затронутый в начале описания морен Северного Памира, до сих пор не был решен однозначно. Очевидно, оледенения на северном и южном склонах Заалайского хребта развивались синхронно, а максимумы и минимумы наступлений ледников пропорционально соответствовали друг другу. На северном склоне Заалайского хребта позднечетвертичная морена подстилается флювиогляциальным комплексом. Такое соотношение вскрыто эрозией в центральных частях долин рек Алтындара, Ачикташ и др. В долине р. Ташкунгай подстилающие четкослоистые галечники

мощностью 2—3 м прослеживаются вверх по течению на расстоянии нескольких километров от конечной морены, почти до современных верховий реки. На Северном Памире, где современные врезы в большинстве случаев отсутствуют, прямых указаний на значительное сокращение площади ледников в период последнего межледниковья не найдено, но существует множество косвенных признаков, подтверждающих высказанную выше точку зрения. Например, фациальные изменения в разрезе каракульской террасы (см. ниже) указывают на значительное увеличение длины ледника к моменту максимального развития позднечетвертичного оледенения. В устье р. Карачим (правый приток р. Караджилга) сохранилась мощная моренная «пробка», разворачивающаяся веером в широкую, плоскую долину реки Караджилга. Морфология морены, по-видимому, в точности копирует положение конца ледника, выдвинувшегося в долину уже после того, как водными потоками были уничтожены отложения предыдущего максимального оледенения. Подобные образования имеются в устьях всех правых притоков р. Караджилга при почти полном отсутствии современного оледенения в их верховьях.

Аллювиальные образования. Флювиогляциальный комплекс ледников Заалайского хребта не соответствует классической альпийской схеме. Состав этих отложений отличается своей грубостью и диспропорцией распределения фаций. Сразу же за конечной грядой формируются четкостойстые, хорошо отсортированные, но почти неокатанные «галечники», отличающиеся от структуры морены только двумя вышеназванными качествами (четкой слоистостью и сортировкой). Ниже по течению, буквально в нескольких десятках метров, отложения принимают вид нормального аллювия серого цвета. Эта степень обработки без существенных изменений сохраняется на всем протяжении обнажения — обычно 6—10 км. Песчанистые фации редки, а глинистые полностью отсутствуют. Отдельные маломощные прослои встречаются лишь в пойме р. Кызылсу. Состав галечников соответствует набору обломков морены. Наличие палеозойской гальки зависит от характера строения приводораздельной части Заалайского хребта.

Аллювиальные террасы данного комплекса к западу от р. Кызыларт в обязательном порядке присутствуют во всех крупных долинах и почти везде можно наблюдать отчетливое сопряжение их с мореной второй стадии позднечетвертичного оледенения. Исключением является лишь долина р. Коккинок, где и терраса и морена сохранились фрагментарно. В долине р. Ачикташ, где позднечетвертичная морена несколько выходит за пределы предгорий, позднечетвертичный флювиогляциальный комплекс отсутствует. Террасы начинаются ниже конечной морены в пределах Алайской долины.

Интересно пространственное распределение мощностей аллювия описываемой террасы. Наибольшая неполная мощность вскрыта в горной части долины р. Минжар, где вертикальные обрывы галечников, вкрапленных в морену максимального оледенения, достигают 50 м в высоту. На выходе рек из предгорий Заалайского хребта мощность галечников во всех случаях уменьшается, иногда до 0, и вновь увеличивается в пределах Алайской долины. Поверхность позднечетвертичной террасы в Алайской долине погружается в северном направлении под современные осадки.

Позднечетвертичные аллювиальные отложения Северного Памира неоднократно описывались в литературе. Первые сведения появились в работах Тяньшаньско-Памирской экспедиции (ТПЭ), а изучение их продолжалось и в последующие годы. Детальное, подлинное описание этих

образования содержится во многих работах последних лет, поэтому в данной работе приводится только разрез каракульской террасы, с которой связаны пликативные дислокации новейшего этапа развития. Разрез составлен в долине безымянного сая, впадающего с севера в о. Каракуль и начинающегося от р. Коксай, в обрыве 14 м террасы, где обнажаются снизу вверх:

1. Слой галечников хорошей окатанности и сортировки с прослоями (3—5 см) глин. Мощность — 2,5 м.

2. Слоистые пески с линзами и прослоями глин. Мощность — 0,7 м.

3. Мелкие галечники с прослоями песков. Мощность — 0,8 м.

4. Косослоистые песчаники невыдержанной мощности (косая слоистость появляется только во впадинах). Мощность — 0,6 м.

5. Пласт глин невыдержанной мощности (от 0 до 0,4 м).

6. Слоистые мелкие галечники. Размер гальки вверх по разрезу постепенно увеличивается. Галька хорошо отсортирована и окатана. Мощность — 5 м.

7. Слабослоистые галечники с крупной (до 40 см в диаметре) плохо отсортированной галькой средней окатанности. Эти галечники формируют поверхность верхнечетвертичной террасы, понижающейся (иногда угол наклона достигает 10°) в сторону оз. Каракуль. Мощность — 4 м.

Два последних пласта вверх по течению переходят во флювиогляциальный комплекс, сопрягающийся с позднечетвертичной мореной. Фациальные переходы вверх по разрезу указывают на формирование отложений в период наступления ледника.

Гравитационные образования. Впервые на существование гравитационных образований в пределах Алайской долины обратил внимание К. В. Курдюков [13]. Широкое распространение обвальных масс, описанных К. В. Курдюковым, нашими данными не подтверждается. Несомненно существование лишь Команского обвала, но в гораздо менее грандиозных масштабах. Ширина «потока» не превышает, вероятно, 2—3 км, а у южных склонов Алайского хребта он разбивается на несколько сравнительно узких лопастей, лежащих на крупнобугристую морену максимального оледенения.

Утверждение К. В. Курдюкова о идентичности составов подстилающей морены и обвальной массы, однако, не соответствует действительности. Подобное сходство в принципе маловероятно, а практически и вовсе исключено. Гравитационные образования формируются в результате одновременного срыва; морена же представляет собой продукт ледниковой деятельности и, постепенно накапливаясь, образует отложения пестрого петрографического состава, состоящие из обломков пород всего ледникового бассейна. Местам срыва (указанным на рис. I [13]) соответствуют нормально развивающиеся цирки, похожие на десятки других в Заалайском хребте и заполненные мощным фирном. Кроме того, крутые склоны пика Дзержинского и пика Ленина сложены исключительно сероцветными позднепалеозойскими породами, которые в массе отложений, описанных К. В. Курдюковым под рубрикой гравитационных, составляют в общем-то незначительный процент. Как в долине реки Ачикташ, так и в долине реки Комансу, отложения, состоящие целиком из обломков палеозойских толщ, отсутствуют.

Как уже отмечалось выше, подтвердилось существование лишь Команской обвальной массы, перекрывшей Алайскую долину вплоть до р. Кызылсу, где по левому борту в эрозионном срезе отчетливо видна структура этих отложений, состоящих только из обломков пород поздне-го мела. Красноцветы в незначительном количестве встречаются лишь по краям «потока», создавая впечатление постепенного, но достаточно

резкого перехода к отложениям морены. Материал обвала, перетертый до чешуйчатости, представлен угловатыми обломками (не более 10 см). Имеются включения раздавленных глыб и до 1—1,5 м в диаметре, которые выделяются по монотонному серому цвету участка обнажения и насыщенности его разорванными кварцевыми жилами.

Это явление объясняется тем, что раннемеловые красноцветы, обнажающиеся у самого основания склона, обладая меньшей кинетической энергией, отложились ближе к месту срыва, в то время как позднемеловые породы, сорвавшиеся с водораздела, были выброшены к подножию Алайского хребта. Масса обвала легла на существовавший в то время рельеф, основным элементом которого были крупные холмы морены максимального оледенения и пойменные красноцветные отложения флювиогляциального комплекса первой стадии позднечетвертичного оледенения. В дельтовой части р. Комансу, в 1—1,5 км к северо-западу от летовки, гравитационные отложения залегают на горизонтальной поверхности кирпично-красных лессовидных суглинков. Ниже, у поймы реки, обнажается 1,8 м толща бурых галечников, которыми сложена обычно нижняя часть двучленного разреза плаща позднечетвертичной террасы. Здесь же, в пойме реки, можно наблюдать как серые галечники верхней части этого разреза перекрывают гравитационные образования. Таким образом, возраст обвала следует определять промежутком времени между формированием нижней красноцветной и верхней серой толщами позднечетвертичной террасы, т. е. ориентировочно — серединой позднего плейстоцена. Морфологически обвальная масса, имея сравнительно большое площадное распространение, отличается от морены следующими признаками: во-первых, серым цветом слабо задернованных холмов, на поверхности которых имеются многочисленные высыпки щебня позднемеловых пород; во-вторых, более мелкохолмистым рельефом. Гравитационные отложения не образуют сплошного покрова, и можно видеть, как среди сероватых холмов проглядывают отдельные крупные пологие холмы морены максимального оледенения с общим буроватым оттенком.

Обвал возник на северном склоне Заалайского хребта. Место срыва расположено западнее пика Цюрупы. Весь склон, круто воздымающийся над предгорьями, сложен отложениями позднего мела, пологопадающими на юг. Раннемеловые красноцветы обнажаются у подножия склона и лишь частично захвачены срывом. Морфологически он имеет вид усеченного полуконуса, четко выделяющегося среди ледников. Высота его до 1,5 км, ширина на водоразделе около 1 км. Объем массы позднемеловых пород, участвовавших в срыве, равен или лишь немного превышает объем Хаитского обвала. Длина пройденного пути составляет около 30 км, т. е. в 3 раза больше. Это объясняется, как справедливо отмечал К. В. Курдюков, большим запасом кинетической энергии, значительным наклоном Алайской долины по пути движения и участием захваченных обвалом льда, фирна и снега.

В долине р. Ачикташ обвальная масса в том виде, как ее описывал К. В. Курдюков [20], отсутствует. Разноцветные пятна в толще морены, как правило, приурочены к зонам разрывов и являются вторичными наложенными образованиями. Ярким доказательством этому служит наличие зон ожелезнения и милонитизации в теле морен.

Гравитационные обвалы можно наблюдать и на Северном Памире. Редкие незначительные обвалы образовывались на южном склоне Заалайского хребта, но основная масса их сосредоточена вдоль южной окраины Северного Памира. Все они, как правило, залегают на среднечетвертичной морене и частично перекрыты современными конусами вы-

носа. Обломки, выходящие на поверхность, покрыты пустынным загаром. Структура этих отложений весьма пестра. В разрезе видны расплывчатые пятна, представленные рваными обломками с перетертой в пыль той же породой в промежутках. Образования подобного типа обычно примыкают к плоскому крутому склону долины и состоят из обломков местных пород. В плане они имеют компактные формы и отчасти напоминают конус выноса, но без вершины. Общим для них является поперечно грядовой рельеф концентрически расходящихся «волн». При этом почти всегда фронтальная сторона гряды круче, чем тыльная, а лобовая часть обвала образует крутой (до 50°) склон, независимо от того подмыт он речкой или нет. В лобовой части обвала иногда образуются ступенчатые, по-видимому, вторичные просадки.

Морфология обвалов в значительной степени отличается от строения гравитационных осыпей.

Единовременность срыва обвальных масс не вызывает сомнения, а приуроченность их к зонам современной сейсмической активности и отсутствие в соседних районах указывает, по-видимому, на сейсмическое происхождение обвалов.

Пролювиальные отложения. На западе Алайской долины развиты многочисленные конусы выноса. В междуречье Алтындара — Ачикташ почти каждая река на выходе из предгорий разворачивается громадными конусами сухих дельт, которые, сливаясь, образуют предгорные шлейфы с волнистой поверхностью.

На территории Северного Памира широко развиты конусы выноса, связанные с небольшими боковыми притоками и состоящие из мелкощепнистого, как правило, плохо окатанного материала. Грубообломочные отложения временных потоков формируются преимущественно в областях интенсивной эрозионной деятельности и повышенной расчлененности рельефа. К ним относится Западный Памир, южная окраина зоны Северного Памира и восточная часть южного склона Заалайского хребта. Например, долина правой составляющей р. Хатын-Каныш представляет собой узкую V-образную долину, заполненную грубообломочными неотсортированными осадками пролювиального генезиса. Современный каньонообразный врез в эти отложения достигает 15—20 м в высоту, а с поверхности они лишь слегка задернованы и местами покрыты тонким слоем отстойных глин мелких озер. Следует отметить, что осадки, залегающие в междуречье Коксай — Хатынканыш и занимающие здесь значительную площадь, практически ничем не отличаются от вышеописанных.

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ

На описываемой территории содержится полный набор фаций, присущий горным областям средней Азии. Наибольшее развитие из них имеют гляциальные, флювиогляциальные, аллювиальные и пролювиальные отложения.

Гляциальные образования приурочены к высоким предгорьям и представляют собой свежие, как правило, не задернованные морены, формирующиеся у концов современных ледников. На северных склонах Заалайского хребта встречаются задернованные современные морены. Мощность их варьирует в больших пределах в зависимости от величины ледника, а состав пород, за редким исключением, местный, присущий данному цирку. Флювиогляциальные отложения формируются ниже современной конечной морены и, как правило, вложены в более древнюю задернованную морену.

Аллювиальные образования. Накопление аллювия в пределах предгорий, за исключением долины Кызыларт, Сауктур и приустьевой части долины Коккиик, не происходит. В долинах рек Алтындара и Кызылсу (Кашгарской) современному этапу соответствует 8—10-метровый врез в аллювиальную террасу голоценового времени.

Реки, стекающие с Заалайского хребта, характеризуются различными режимами, изменяющимися с востока на запад. Эти различия настолько четко выражены, что являются несомненным доказательством современных движений и поперечной к Алайской долине зональности [24; 25].

На Северном Памире современные аллювиальные отложения занимают большие площади в районах, непосредственно приуроченных и связанных с бассейном оз. Каракуль. Это долины рек Музкол, Акбайтал (сев.), Караджилга, Маркансу и частично восточное побережье оз. Каракуль. В этих долинах современные врезы не превышают 1—1,5 м.

Проллювиальные образования приурочены в основном к низким предгорьям и связаны с временными водотоками изолированных бассейнов. К этому же времени относятся отдельные наиболее молодые из сухих дельт.

* * *

Отсутствие палеонтологического обоснования возраста морен и затрудненная в условиях горно-долинного оледенения корреляция морен с аллювиальными комплексами вынуждает в большинстве случаев при хронологической классификации ледниковых отложений учитывать морфологические признаки. При этом прежде всего следует обращать внимание на положение морен в рельефе, на морфологическую выраженность моренного рельефа, площадное развитие морен, их петрографический состав и тому подобное. Для описываемой территории основными морфологическими признаками морен различных генераций является следующее:

1. Морена раннечетвертичного оледенения расположена в приводораздельных частях хребтов, залегает с угловым несогласием на плиоцен — раннечетвертичных отложениях и полностью утратила моренный рельеф. Площадное развитие незначительное. В составе основную роль играют изверженные породы. Цвет отложений желтоватый, серый.

2. Морена максимального оледенения залегает в долинах, занимает значительные площади и образует хорошо сохранившиеся замкнутые впадины и холмы высотой до 20—40 м. С поверхности морена задернована, а в Алайской долине покрыта 1—1,5-метровым равномерным слоем лесса. На территории Северного Памира в составе морены участвуют как местные, так и перетолженные из раннечетвертичных отложений породы. Цвет серый. В Алайской долине в составе морены встречаются в основном мезозойско-кайнозойские породы северного склона Заалайского хребта, в связи с чем цвет отложений бурый.

3. Морена последнего оледенения на Северном Памире залегает в долинах второго порядка, а в Алайской долине не выходит за пределы предгорий; с поверхности образует мелкохолмистый рельеф (холмы высотой до 10 м); в составе отложений встречаются только местные породы, обнажающиеся в пределах конкретного бассейна. Причем в процентном отношении преобладают породы, обнажающиеся в верховьях долин, в районе цирков. Морена повсеместно насыщена лессовидным материалом, придающим отложениям характерный оттенок.

4. Современная морена образуется у концов ледников и представлена неуплотненными обломками местных пород. Как правило, задернованность отсутствует.

Необходимо отметить, что отдельные признаки морен различных оледенений в отдельных районах могут варьировать в некоторых пределах, но при этом, как правило, пропорционально изменяется и характеристика других генераций морен. Например, в восточной части Алайской долины цвет морены последнего оледенения благодаря большому количеству выходов красноцветных пород становится красноватым, одновременно увеличивается и «плотность» бурого цвета морены максимального оледенения; а в районе пика Ленина мощные ледниковые цирки обеспечили вынос морены последнего оледенения в Алайскую долину.

Принципиальные отличия различных генераций морен обусловлены, видимо, резкой сменой природной обстановки, основным стимулом которой следует считать мощные тектонические движения, имевшие место в начале среднечетвертичного времени. В итоге, к началу максимального оледенения была перестроена речная сеть Памира. Если в раннечетвертичное время сток был направлен преимущественно с юга на север, в Алайскую долину, то в последующий этап начал формироваться современный план речной сети. Именно тектонической перестройкой, а не максимальным развитием первого четвертичного оледенения [1], объясняется тот факт, что морена этого возраста сохранялась на водоразделах и в приводораздельных частях современных хребтов. В частности, в междуречье Уйсу — Караджилга морена лежит в субмеридиональном трого, прослеживающимся по водоразделам перпендикулярно современным долинам.

В заключение можно отметить следующее. Анализ фаций четвертичных отложений снизу вверх указывает, что каждому оледенению предшествовало пропорциональное усиление тектонических движений, выразившееся в дислокациях и фациальных изменениях межледниковых отложений. Не останавливаясь подробно на деталях широко известной полемики о причинах оледенений, следует подчеркнуть, что в приэкваториальных частях земного шара основным стимулом возникновения оледенения, вне всякого сомнения, является тектонический фактор. Общеклиматическое влияние определяет, по-видимому, лишь размеры ледников. Естественно, на данном этапе изучения, это положение не может являться обоснованием для возрастной корреляции эпох оледенений Европы и Средней Азии. Не исключена возможность их метакронности.

ГЕОМОРФОЛОГИЯ

Изучение геоморфологии горных стран ввиду обширности проблемы требует постановки специальных исследований. Следуя тематике, в данном разделе будут рассмотрены лишь отдельные аспекты, способствующие пониманию истории развития и формирования современного рельефа. Геоморфологические методы изучения новейших тектонических движений требуют, как правило, большого статистического материала и позволяют выявлять вертикальные перемещения сравнительно крупных участков земной коры. Специфичность происхождения и строения Алайской долины и Заалайского хребта обусловили невозможность применения морфометрических методов. Наиболее интересный метод, на наш взгляд, предложенный В. П. Философовым [34] для платформенных рек с огромным водосборным бассейном, становится практически неприменимым в условиях молодых орогенов. По-видимому, с глубиной

расчленения рельефа повышается процент возможных ошибок, а при наличии ледников и фирновых полей становится невозможным подсчет порядков речных долин. В условиях Заалайского хребта не применим и метод корреляции эрозионных уступов, предложенный Н. П. Костенко [10а] и принятый в Таджикистане большинством исследователей. В основе метода лежит составление продольных (по водоразделу основного хребта и современному профилю речного русла) и поперечных (по водоразделам боковых отрогов) геоморфологических профилей и последующее качественное и количественное сопоставление выявленных уровней. Принципиально необходимым условием применения этого метода является сугубо эрозионное происхождение речной долины, когда образование каждого эрозионного или аккумулятивного уступа целиком было обусловлено деятельностью основного водотока. В тектонической Алайской долине это условие не соблюдается, а образование уступов боковых отрогов объясняется множеством орогенных факторов, в общем не контролируемых деятельностью р. Кызылсу. По этой же причине невозможно сопоставление уступов северного склона Заалайского хребта с эрозионно-аккумулятивными уровнями речной долины р. Сауксай. Бесспорным доказательством этого служит различное гипсометрическое положение современных поверхностей выравнивания Алайской долины и долины р. Сауксай.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Основным орографическим элементом описываемого района является Заалайский хребет, протягивающийся в широтном направлении и ограничивающий с юга Алайскую долину. Абсолютные высоты его достигают 6500—7000 м на востоке и не превышают 5000 м на западе. Хребет резко асимметричен. Южный склон, в приводораздельной части сравнительно пологий, круто обрывается к долинам рек Сауксай и Муксу. Крутой северный склон, покрытый вечными снегами, производит впечатление почти вертикального обрыва, более чем на километр возвышающегося над предгорьями. Это соотношение наиболее резко выражено в восточной и центральной (на участке от р. Коккиик до р. Ташкунгей) частях хребта. В промежутке между ними и в западной части контраст заметно сглажен. Здесь появляются высокие предгорья, отсутствующие в первых двух участках, а низкие предгорья далеко отступают в глубь Алайской долины.

Характерной чертой рельефа северного склона Заалайского хребта является наличие громадных цирков максимального оледенения. Наиболее хорошо они сохранились в восточной части хребта, где областью питания ледников служил весь северный склон от водораздела до подножия. Каждая такая «чаша» содержит внутри три-четыре цирка последующего менее мощного позднечетвертичного оледенения.

Водораздел Заалайского хребта не испытывает значительных гипсометрических колебаний на всем своем протяжении, за исключением перевалов Кызыларт и Терсагар. Эти понижения вряд ли можно объяснить деятельностью временных водотоков, которые функционируют в районе перевалов. Эрозионная деятельность рек северного склона Заалайского хребта на протяжении всего четвертичного периода протекала на фоне постоянных интенсивных вертикальных движений одного знака, поэтому здесь не сохранилось заметных следов древних эрозионных поверхностей. Исключением является район Центральноалайской остаточной мульды (междуречье Ачикташ — Алтындара), которая отлича-

ется менее интенсивными поднятиями [28]. К этому месту приурочено и общее гипсометрическое понижение отрогов Заалайского хребта. Абсолютные отметки в непосредственной близости от водораздела колеблются в пределах 4100—4500 м над уровнем моря, а вдоль борта Алайской долины — 3400—3600 м. Предгорья Заалайского хребта снижаются к Алайской долине не совсем постепенно. Приблизительно в середине ясно чувствуется общий прогиб, т. е. понижение абсолютных отметок рельефа. К этой структуре приурочены субширотные отрезки некоторых рек. Ниже по течению они делают резкий поворот на север и, пересекая расположенную севернее антиклинальную структуру, образуют, как правило, узкие долины прорыва. Реки, текущие с запада на восток, имеют почти точно совпадающие контуры, подчиненные той же закономерности, например, реки Тараша, Туз, Сайтака. В других пунктах, где реки имеют в основном субмеридиональное направление, на водоразделах между соседними бассейнами к этой же зоне прогиба приурочены широкие плоские седловины, совпадающие с синклиналью в неогеновых породах.

Это общее прогибание отделяет от Заалайского хребта субширотный вал, выраженный как в рельефе, так и в общей антиклинальной структуре плиоцен — раннечетвертичных конгломератов. Более или менее четко этот вал появляется на левом борту долины р. Ташкунгей. В восточном направлении этот вал срезается разломом, а в западном, формируя левый борт Алайской долины, прослеживается до р. Сайтака.

На всем протяжении вала к нему приурочены вышеупомянутые современные долины прорыва с вертикальными стенками, выработанные, как правило, в коренных породах. Выше и ниже по течению долины всех рек расширяются и характеризуются хорошо сформированными мощными аллювиальными террасами позднечетвертичного возраста.

Таким образом, только геоморфологическими методами к западу от р. Ачикташ намечается два субширотных поднятия: Заалайский хребет и параллельный ему тектонический вал, разделенные прогибом.

К востоку от пика Ленина для Заалайского хребта характерна общая дезинтеграция тектонических структур, связанная скорее всего с перераспределением тектонических напряжений на большую площадь. От основного водораздела здесь отчленяется хребет Ледяной мыс, а разделяет их долина ледника Корженевского, унаследованная, вероятно, с раннечетвертичного времени.

Морфология Алайской долины рассматривалась во многих работах. Существенным для познания новейшей тектоники представляется отмеченный еще Н. Л. Корженевским [9] общий наклон днища долины с юга на север и с востока на запад. Н. Л. Корженевский обращает внимание и «на ту резкую перемену всех физико-географических условий в долине, которые происходят приблизительно по линии Курумды — Ачикташ. Причиной такого положения вещей является, по-видимому, то обстоятельство, что западная и восточная части Алайской долины лежат на различных гипсометрических уровнях...» [9, 15]. О водоразделе Таумурун он пишет: «Возможно, что в этом удивительном переломе морфологической картины, кроме ряда различных факторов, как например, различное положение базисов эрозии обеих Кызылсу, определенное место принадлежит также и тектонике самого водораздела» [9, 8].

К линии перевал Таумурун — водораздел Сарыкольского хребта приурочены характерные развороты рек Курумды и Кызылсу (Кашгарская) в плане и, видимо, связанные с развитием Сарыкольского поперечного поднятия [35]. Тектоникой было обусловлено и западное замы-

кание Алайской долины, приуроченное к продолжению в северном направлении поперечного поднятия хребта Академии наук [35].

Заалайский хребет сформировался как орографическая единица, видимо, в среднечетвертичное время. В раннечетвертичный период здесь еще существовали отдельные долины, секущие хребет, с общим направлением стока с юга на север. Ледник Большой Саукдара и ледник Северный Зулумарт, сейчас движущиеся навстречу друг другу, занимают ложе единой прямолинейной в плане древней долины, выходящей на водораздел Заалайского хребта восточнее пика Ленина. Ледник Большой Саукдара, движущийся сейчас в юго-западном направлении на стыке с долиной ледника Северный Зулумарт, покидая ложе древней долины, делает резкий поворот (под углом 90°) на северо-запад и заканчивается в 4 км ниже по течению, давая начало р. Сауксай. Менее четко такая же связь намечается между долиной ледников Октябрьских и долиной р. Карачим, впадающими с севера и с юга в р. Караджилга. Возможно, что в раннечетвертичное время подобная прямая связь существовала и между долинами ледника Федченко и р. Алтындара. На это косвенно указывает существование в долине р. Алтындара раннечетвертичных мелкозернистых терригенных глинисто-песчанистых осадков речного генезиса. Состав и структура их свидетельствует о том, что транспортируемый материал откладывался на значительном расстоянии от конца ледника. Не исключена возможность, что это был переметный ледник, отчленившийся от ледника Федченко.

Понижение водораздела Заалайского хребта в восточной его части обусловлено, скорее всего, тектоникой. На существование здесь в раннечетвертичное время поперечной долины указывают широкая полоса морены, протягивающаяся до перевала Кызыларт, и описанные выше остатки субмеридиональных трогов.

ПОВЕРХНОСТИ ВЫРАВНИВАНИЯ

В данной работе принята концепция полигенетических поверхностей выравнивания [18; 19], как одновозрастных, но сложно построенных уровней. В пределах северного склона Заалайского хребта и Северного Памира раннечетвертичные поверхности, как правило, выражены денудационными площадками и уступами. Более молодые поверхности зачастую имеют комбинированное (полигенетическое) строение. Развитие поверхностей выравнивания северного склона Заалайского хребта соответствует принципиальной схеме соотношения областей денудации и аккумуляции, предложенной В. И. Поповым [21].

РАННЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ПОВЕРХНОСТИ ВЫРАВНИВАНИЯ

Раннечетвертичные уровни сохранились в пределах наиболее низкой части северного склона Заалайского хребта, соответствующего Центральноалайской мульде. По правому борту долины р. Кичикачиксу (левый приток р. Ачиксу) видно, как раннечетвертичная поверхность круто под углом более 15° воздымается к югу, к гребню Заалайского хребта, до высоты 4500 м, в северном направлении она постепенно выполаживается и в центральной части горной долины р. Сынарджар нарушена широтным разрывом. Амплитуда перемещения по нему ориентировочно может быть оценена в 200 м. Причем поднятым оказалось северное крыло разрыва. К Алайской долине эта поверхность, полого понижаясь, вы-

ходит на высоте около 100 м над современным урезом воды. Деформации уровня соответствуют развитию предгорного вала, поднятия Заалайского хребта и прогиба между ними, описанных выше.

На водоразделе рек Ташкунгей и Комансу раннечетвертичная поверхность срезает под малым углом миоцен-плиоценовые глины, слабо наклонена на север (угол 3—4°) и несет на себе мощную толщу раннечетвертичной морены. Севернее эта поверхность отпрепарирована и несет пласты плиоцен-раннечетвертичных конгломератов. Соответствующая ей аккумулятивная поверхность в Алайской долине погребена под мощной толщей более молодых наносов и нигде не обнажается.

Описываемая поверхность повсеместно срезает слабо дислоцированные миоцен-плиоценовые и плиоцен-раннечетвертичные отложения. В отдельных случаях угловое несогласие настолько незначительно, что трудно поддается определению. В связи с этим было обращено внимание на то, что когда неогеновые отложения дислоцированы очень интенсивно, эрозионные поверхности не фиксируются и довольно часто кровля верхнего пласта отложений, смятых в антиклинальные и синклинальные складки, служит и дневной поверхностью. По-видимому, раннечетвертичная поверхность сформировалась на слабо дислоцированных неогеновых отложениях, и в дальнейшем они развивались сообща. Это может служить косвенным указанием на то, что наиболее интенсивные тектонические движения приходятся на следующий, среднечетвертичный этап.

На территории Северного Памира раннечетвертичная поверхность сохранилась на водоразделе рек Уйсу и Коксай, где на ней залегают раннечетвертичная морена. На юг частично отпрепарированная поверхность прослеживается по водоразделам до р. Караджилга и не испытывает значительных дислокаций, за исключением правого борта р. Коксай, где она падает на восток под углом в первые градусы. Кроме того, во многих долинах Северного Памира можно наблюдать незначительные, чаще всего наклонные в ту или другую сторону уступы, расположенные высоко на склонах и предположительно относимые к раннечетвертичному времени. Разрозненность и малые размеры уступов не дают возможности уверенно коррелировать их дислокации, но чаще всего они обнаруживают закономерную приуроченность к тому или иному поперечному поднятию [35].

СРЕДНЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ПОВЕРХНОСТИ ВЫРАВНИВАНИЯ

На большей части описываемой территории среднечетвертичные поверхности выравнивания представлены «вершинной поверхностью» морены максимального оледенения. В среднечетвертичный этап развития рельефа ледники заполняли целиком Алайскую долину и долины Северного Памира. В современном рельефе «вершинная поверхность» морены в Алайской долине испытывает заметный общий наклон с востока на запад. Если в районе перевала Таумурун морена максимального оледенения образует мощные нагромождения, высоко поднимающиеся над современным аккумулятивным днищем Алайской долины, то на меридиане поселка Бордабо эти отложения полупогружены в современный аллювий. Частичное погребение морены позднечетвертичными галечниками можно наблюдать в современных врезках рек. Ачикташ и в еще большей мере в долине Комансу. В западной части Алайской впадины, в районе Центральноалайской остаточной мульды, морена погружена полностью под более молодые осадки. Погружение особенно отчетливо отмечается на выходе рек Ачиксу и Коккик из предгорьев

в долину. В долине Коккик мощные холмы морен на небольшом расстоянии, но постепенно, исчезают под современным аллювием. В восточной части Алайской долины наклон морены с юга на север отмечается визуально.

Эрозионные и аккумулятивные уровни этого возраста не встречены. Исключением является долина р. Алтындара, где сохранился эрозионный уровень, выработанный по морене первой стадии максимального оледенения и соответствующий, видимо, его второй стадии. Максимальные дислокации этой поверхности приурочены к долине прорыва реки Алтындара. Севернее ее поверхность наклонена на север под углом 7° , южнее — на юг под углом $8-10^\circ$. В северном направлении уровень погружается под современный аллювий на широте поселка Джанышаар, а ниже по течению появляется аллювиальная терраса, высота которой над современной поймой увеличивается от 0 у поселка Джанышаар до 40 м в устье Алтындара. Возраст террасы, по данным предыдущих исследований, также следует определять как конец среднечетвертичного времени. Воздымание поверхности выравнивания к подножию Алайского хребта объясняется, по-видимому, его поднятием на фоне опускающейся Алайской долины.

На территории Северного Памира значительных дислокаций этой поверхности не отмечено.

ПОЗДНЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ПОВЕРХНОСТИ ВЫРАВНИВАНИЯ

В пределах северного склона Заалайского хребта позднечетвертичные поверхности выравнивания горизонтальны или слабо наклонены вниз по течению рек, но, как правило, под меньшим углом, чем современная пойма. В долине Алтындара поверхность галечников позднечетвертичной террасы дислоцирована в одном плане со среднечетвертичной поверхностью и выше участка прорыва наклона на юг под углом около 2° , а ниже по течению — на север под углом $3-4^\circ$. В районе Центральноалайской мульды преобладают горизонтальные положения и слабые наклоны на север. В верховьях долины Ачикташ эта поверхность под углом до 15° наклонена на север и к средней части горной долины исчезает под более молодыми осадками. Ниже по течению эта поверхность появляется на высоте 8 м, наклонена на север (угол $7-8^\circ$) и также погружается в северном направлении.

В восточной части Алайской долины эти поверхности фиксируются лишь в бассейне р. Кызылсу (Кашгарская), где дислокации тектонического происхождения не отмечены.

В районе Центральноалайской мульды поверхность позднечетвертичной террасы на выходе из гор образует уступ высотой около 5 м и в северном направлении наклонена под углом около $5-6^\circ$. Этот угол заметно превышает уклон современного русла реки.

Наибольшие площади позднечетвертичная терраса занимает на меридиане пика Ленина и к западу от него, включая левобережье Комансу. Наиболее интенсивные современные врезы отмечаются в долине р. Ачикташ, где они достигают нескольких десятков метров в высоту. В восточном направлении, вдоль Заалайского хребта, врезы исчезают уже на расстоянии около 10 км, а на западе с постепенным уменьшением прослеживаются до долины Комансу. В западном замыкании Алайской долины и в районе Центральноалайской мульды поверхность позднечетвертичной террасы исчезает под современными галечниками уже в среднем течении всех рек, стекающих с Заалайского хребта.

Таким образом, наиболее поднятая часть позднечетвертичной террасы приурочена к меридиану пика Ленина. Наиболее погруженные участки расположены в Центральноалайской мульде и севернее перевала Кызыларт, в Кызылартской мульде [28].

Описанные дислокации развивались на фоне общего наклона Алайской долины с востока на запад и с юга на север.

На территории Северного Памира позднечетвертичные поверхности выравнивания не получили широкого площадного распространения. Исключением является северный берег оз. Каракуль. Характер деформаций этой террасы полностью соответствует таковому в Алайской долине, но поверхность падает здесь на юг.

ГОЛОЦЕНОВЫЕ ПОВЕРХНОСТИ ВЫРАВНИВАНИЯ

Голоценовые поверхности выравнивания формируются повсеместно. Наибольшее внимания заслуживает приуроченность современного осадконакопления к прогибам позднечетвертичной поверхности выравнивания в Алайской долине. Мощные толщи галечников откладываются на западе Алайской долины, в районе Центральноалайской мульды, и на востоке, в Кызылартской мульде. Поднятиям позднечетвертичной поверхности выравнивания соответствуют современные речные врезы. Наиболее глубокие врезы развиты на востоке Алайской долины и приурочены к Сарыкольскому поперечному поднятию [35]. В центральной части Алайской долины врез реки Ачикташ, видимо, связан с развитием Зулумартского поперечного поднятия [35]. Увеличение интенсивности врезов наблюдается и на западе Алайской долины и, по-видимому, вызвано ростом поперечного поднятия хребта Академии наук [35].

Наблюдения за современными врезами рек в позднечетвертичную террасу в северных предгорьях центральной части Заалайского хребта позволили установить, что поднятие хребта продолжается и в настоящее время. Глубина врезов постепенно увеличивается от 0 в Алайской долине до 100 м и более в центральной части горной долины р. Ачикташ и — до 50—60 м на этой же широте, в середине Центральноалайской мульды, в долинах рек Минжар и Сынарджар.

На Северном Памире современные галечники занимают большие площади в долинах рек Маркансу и Караджилга. Причем поверхность поймы в бассейне Маркансу расположена гипсометрически выше на 100 м, чем в бассейне Караджилга. Современные врезы на территории Восточного Памира в большинстве случаев отсутствуют. Лишь р. Маркансу, пересекая Сарыкольский хребет (Сарыкольское поперечное поднятие), сформировала узкую V-образную долину. Незначительные врезы (10—12 м) в описанную выше позднечетвертичную террасу отмечаются по северному берегу оз. Каракуль. В южном, восточном и западном направлении они уменьшаются до 0.

О НОВЕЙШИХ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Изучение новейших тектонических движений началось сравнительно недавно, но уже сейчас собран огромный фактический материал, бесспорно доказывающий повсеместное их распространение. Проводились специальные работы на территории Таджикистана. На протяжении многих лет проблемами четвертичной истории Таджикской депрессии, Гиссара и Памира занималась Н. П. Костенко [10; 11; 12; 33 и др.].

Наблюдения за проявлениями новейшей тектоники входили в комплекс исследований четвертичного периода Таджикистана [3; 5; 4; 35; 37; 36 и др.]. В результате были составлены детальные карты и схемы новейшей тектоники, отражающие в основном орогенические движения. Были подсчитаны и скорости поднятий тех или иных территорий за определенные промежутки времени. Эти сведения были практически первыми обобщениями и, естественно, не охватили весь круг вопросов, связанных с новейшей тектоникой. Наблюдения велись в основном геоморфологическими методами и в отрыве от предыдущей истории развития структур. В результате из поля зрения выпали интересные проблемы, связанные с унаследованностью движений и с контрастными перемещениями по линиям разломов, а северный склон Заалайского хребта не был изучен по причине его расположения вне территории ТаджССР. Между тем Заалайский хребет находится на границе Памира, весьма интенсивно поднимавшегося и в целом сформировавшегося в неоген-четвертичное время. Причем, по данным вышеназванных исследователей, наибольших амплитуд поднятия достигли в среднечетвертичное время. Новейшие тектонические движения проявились по всей территории Памира, но наибольшую выраженность они получили в зоне сочленения Памира и Тяньшаня, где амплитуды относительных перемещений достигают величин, соизмеримых с вертикальными поднятиями Памира в целом. Усиление интенсивности поднятия Северного Памира, начавшееся в конце миоцена и вызвавшее формирование плиоцен-раннечетвертичных крупно-обломочных моласс, достигло кульминации только в среднечетвертичное время. Разрозненные, но достаточно многочисленные факты указывают на то, что Заалайский хребет как орографическая единица оформился в конце раннечетвертичного — в начале среднечетвертичного времени.

Значительные вертикальные перемещения локальных участков земной коры отмечены на достаточно большом расстоянии от водораздела Заалайского хребта, где движения по Северопамирскому краевому разлому [32] были наиболее интенсивными и амплитуды перемещений по отдельным разрывам достигали 1—1,5 км, за четвертичное время [28; 30]. В районе долины прорыва р. Алтындара амплитуда поднятия за среднечетвертичное время составляет около 500 м, в позднечетвертичное время она уменьшилась до 190 м, а в голоцене — до 60—65 м.

Во многих случаях разрывы секут морены различных генераций. В долине р. Коккиик по Минжарскому разрыву [28] толща среднечетвертичной морены нарушена зоной дробления мощностью в несколько метров, сопровождающейся зеркалами скольжения и ожелезнением. Менее четкие зеркала скольжения обнаружены по всем соседним долинам. В случае синхронного с мореной развития разрыва в толще морены образуются мощные (до 100 м) зоны дробления, отличающиеся от свежей морены более мелким материалом, сильным ожелезнением, появлением зон милонитизации и осветления, среди которых пятнами выделяется морена нормального облика, часто с характерной пloyчатой складчатостью глиадиодислокаций. Подобный разрез обнажается в долине р. Ачикташ, где шлейф ожелезнения, постепенно бледнея, протягивается еще на 200 м ниже по течению от зоны дробления.

Высокое гипсометрическое положение раннечетвертичной морены, сохранившейся на водоразделе рек Комансу и Ташкунгей, свидетельствует о том, что она формировалась в условиях рельефа резко отличного от современного и, вероятно, до образования надвига раннемеловых отложений на миоцен-плиоценовые толщи. В противном случае трудно объяснить почти полное отсутствие в составе этих отложений обломков ранне- и позднемеловых пород, окружающих сейчас данный выход. Кон-

тур водораздела, сложенного раннечетвертичной мореной, напоминает выпуклую часть S-образного надвига пород раннего мела, линия которого отчетливо видна на правом борту долины Ташкунгей. Седловина перевала Ашукунгей (водораздел левого борта р. Ташкунгей) по размерам, по форме и пространственному расположению соответствует вогнутой части S-образной плоскости надвига.

Очевидно, в послераннечетвертичное время, до начала максимального оледенения, рельеф был значительно «мягче» современного. Последующие вертикальные поднятия Заалайского хребта вызвали интенсивный врез всех рек северного склона этого хребта и к середине среднего плейстоцена основные черты современного рельефа уже были сформированы. Морены максимального оледенения лежат в долинах. Ташкунгейская морена этого возраста представлена обеими фациями и залегает как в цоколе позднечетвертичной террасы, так и высоко по склонам, где формирует хорошо сохранившиеся террасы оседания ледника. Движение ледника и вынос материала соответствовал современному направлению долины с юга на север.

Тем не менее в составе обломков среднечетвертичной морены нацело отсутствуют изверженные породы и не встречено обломков палеозойских пород, полный набор галек которых имеется в современных речных отложениях и встречается в составе флювиогляциального комплекса позднечетвертичной морены. В составе морены максимального оледенения основную роль играют красноцветные песчаники и конгломераты раннего мела, а также известняки позднего мела, среди которых часто встречаются характерные обломки с рудистами. Аналогичную картину можно видеть и в соседней с запада долине р. Комансу с ее обширным водосборным бассейном. В современном рельефе палеозойские породы в коренном залегании обнажаются лишь в приводораздельных частях Заалайского хребта, формируя вершину пика Дзержинского. Очевидно, в среднечетвертичное время оба бассейна были отключены от областей питания, сложенных палеозойскими образованиями. Более того, изверженные породы не попали в состав морены максимального оледенения даже в переотложенном состоянии из состава раннечетвертичной морены. Этот процесс имел место лишь в позднечетвертичное время в долине р. Ташкунгей, водосборный бассейн которой по сей день целиком лежит в области распространения мезозойско-кайнозойских пород. О возможности перекрытия надвигом раннечетвертичных отложений косвенно свидетельствует отсутствие пликативных дислокаций толщи глин миоцен-плиоценового возраста, подстилающих морену.

Кроме петрографических данных о составе четвертичных отложений, на существование транзитных долин, пересекавших Заалайский хребет, указывают угловые деформации этих долин, выразившиеся в совпадении конфигураций двух основных морфометрических параметров гребня Заалайского хребта — плана и профиля [29].

Любой из перечисленных фактов не может считаться бесспорным доказательством выдвинутого выше предположения, но взятые все вместе они с большой степенью вероятности указывают на то, что горизонтальная часть Вахского надвига [6] сформировалась в первой половине среднечетвертичного времени, а вертикальное перемещение пород при надвигании достигало 1,5—2 км. Это предположение тем более правдоподобно, если учесть, что в верховьях р. Сынарджар ранний мел надвинут на отложения, возраст которых определяется как поздненеогеновый-раннечетвертичный, а наибольшие интенсивность и размах тектонических движений на всей территории Памира приходятся на конец раннечетвертичного — начало среднечетвертичного времени [30; 14].

На территории Северного Памира четвертичные движения проявились в различного рода деформациях плиоцен-раннечетвертичной толщи, морен и эрозионных уровней. Амплитуды перемещений по разрывам за послераннечетвертичное время здесь также достигают сотен метров.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РЕЛЬЕФА

История развития Памиро-Алайской зоны в мезозое и палеогене подробно рассмотрена Н. Н. Леоновым [14]. К концу палеогена, в сумсарское время, изменение интенсивности тектонических движений обусловило смену морского режима континентальным. Область седиментации охватывала территорию современной Алайской долины, большую часть северного склона Заалайского хребта, а в восточной части весь хребет целиком, и соединялась широкими «проливами» с Таримской и Ферганской впадинами на востоке и с Таджикской депрессией — на западе. На территории Северного Памира существовали унаследованные речные долины субмеридионального направления (рис. 1—1). Осадки массагетского времени представлены мощными толщами песчаников с прослоями глин. Этот режим в начале неогена по всему району в целом сменился более спокойными условиями. В центральной части северного склона Заалайского хребта формируются мощные (до 1800 м) толщи разноцветных глин миоцена. Вертикальное поднятие палеозоя Северного Памира в этот промежуток времени сказывается в меньшей мере, чем развитие поперечных структур [30]. Осадки миоцена отсутствуют как на востоке, в районе Сарыкольского поперечного поднятия, так и в районе пика Ленина, соответствующего оси Зулумартского поперечного поднятия.

Усиление тектонических движений по Северспамирскому краевому разлому приходится на конец миоцена — начало плиоцена. В западной части Алайской долины, в Центральноалайской остаточной мульде [28], миоценовые глинистые толщи вверх по разрезу постепенно переходят в грубообломочные красноцветные конгломераты плиоцен-раннечетвертичного возраста. Последние достигают мощности 1200 м. В восточном направлении, к своду Сарыкольского поперечного поднятия, мощности плиоцен-раннечетвертичных толщ уменьшаются до 400 м, соответственно увеличивается величина обломков и ухудшается их сортировка. Область седиментации единой ранее Алайской впадины распадается на ряд зон обособленных друг от друга как условиями осадконакопления, так и мощностями формирующихся толщ (рис. 1).

В конце неогена — начале раннечетвертичного времени площадное осадконакопление ограничивается бассейном, соответствующим по размерам современной Алайской долине. Исключение составляет Центральноалайская остаточная мульда (соответствует приблизительно между речью Ачикташ — Алтындара), сформировавшаяся в прогибе между Зулумартским поперечным поднятием и поперечным поднятием хребта Академии наук. Но и в этой наиболее глубоко погруженной части Алайской впадины, характеризовавшейся устойчивым осадконакоплением в течение всего мезозойского и третичного времени, раннечетвертичные движения выразились в формировании слабого (первые градусы) углового несогласия между раннечетвертичными отложениями и конгломератами плиоцен-раннечетвертичного возраста.

Восходящие движения вызвали резкие климатические изменения, обусловившие появление на территории Северного Памира, по-види-

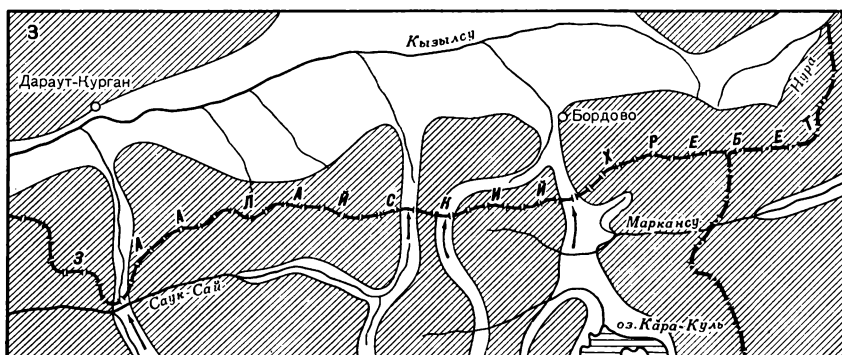
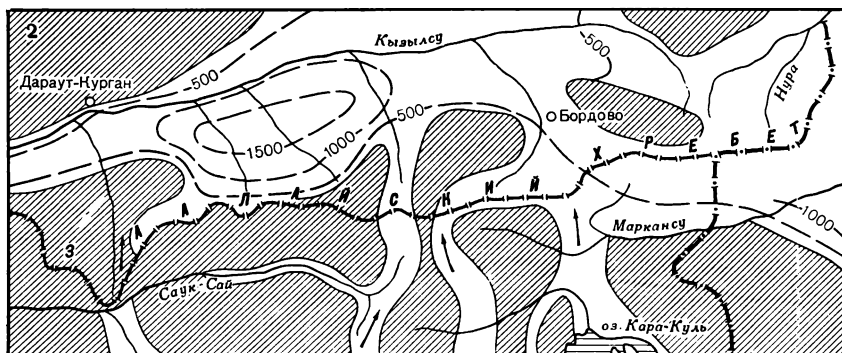
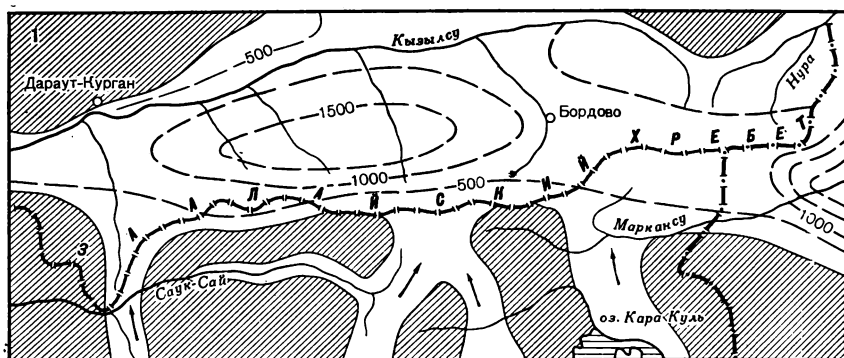

Рис. 11. Развитие Алайской впадины и долин Северного Памира в неоген-четвертичное время

Схемы распределения областей сноса и осадконакопления: 1 — в массагетское время, 2 — в плиоцен-раннечетвертичное время; 3 — раннечетвертичное время
 Условные обозначения: 1 — области сноса, 2 — области осадконакопления, 3 — мощности отложений в м, 4 — направление сноса, 5 — современные водоразделы; 6 — современная гидросеть.

тому, первых крупных ледников. Горнодолинное оледенение раннечетвертичного времени наследовало древнюю речную сеть. В настоящее время можно говорить о существовании по крайней мере четырех транзитных долин, пересекавших с юга на север территорию современного Заалайского хребта (рис. 2). На востоке функционировала Транскараркульская долина. Ледник, спускавшийся в Алайскую впадину, сформировал

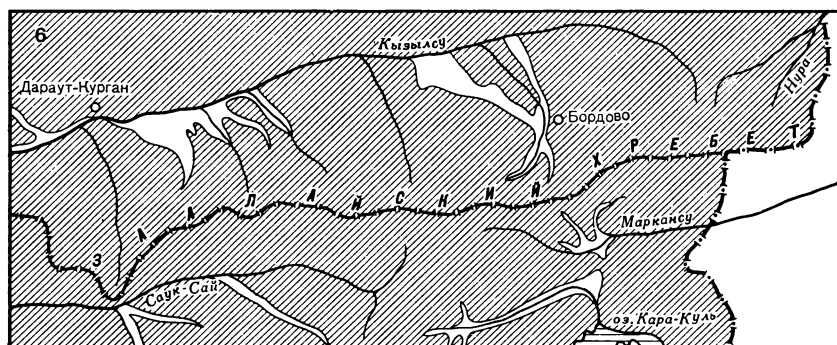
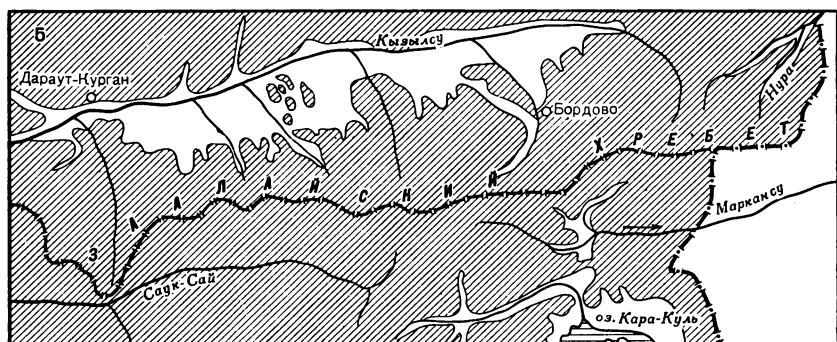
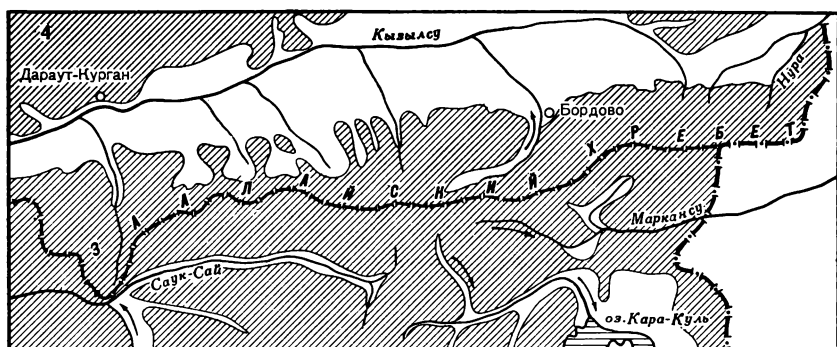

Рис. 12. Развитие Алайской впадины и долин Северного Памира в четвертичное время

Схемы распределения областей эрозии и осадконакопления: 4 — в конце среднечетвертичного времени, 6 — в голоцене.

Условные обозначения. 1 — области эрозии, 2 — осадконакопления, 3 — направление эрозии, 4 — современные водоразделы, 5 — современная гидросеть.

ровал мощную морену, насыщенную «каракульскими» гранитами и залегающую на водоразделах современных субширотных хребтов. Меридиональный хребт Зулумарт оконтуривался с востока Пракарачимской, а с запада Празулумартской долинами. В приводораздельной части Заалайского хребта последующие деформации этих двух долин при наложении регрессивной эрозии дали эффект подобия основных морфометрических параметров гребня этого же хребта — совпадение конфи-

турации линии плана водораздела и линии его же профиля [29]. На западе, по-видимому, существовала долина пра-Федченко.

Последующие, наиболее интенсивные, поднятия палеозоя Северного Памира конца раннечетвертичного — начала среднечетвертичного времени захватило в своем движении прилегающие части Алайской впадины, привело к сужению транзитных долин и в конечном счете к полному перекрытию стока с территории Северного Памира в Алайскую долину. Заалайский хребет оформился как орографическая единица — водораздел памирских бассейнов и бассейна р. Кызылсу (рис. 2—1). В поднятие была втянута частично и зона развития неогеновых конусов выноса. Формирование низких предгорий Заалайского хребта сопровождалось смятием пластов неогена в довольно сложные складки и образованием многочисленных разрывов. Суммарные амплитуды вертикальных перемещений блоков земной коры в это время измеряются километрами.

Соответствующие климатические изменения вызвали увеличение водного баланса рек и рост центров оледенения. Интенсивная эрозионная деятельность рек, контролируемая тектоническими движениями, привела к коренной перестройке плана речной сети и к последующему глубокому врезу, соизмеримому с поднятиями. По мере развития оледенения ледники заполнили все долины целиком, в том числе и Алайскую долину. Мощные толщи морены на востоке Алайской долины свидетельствуют о развитии здесь своеобразного ледника подножий. В западном направлении, к Центральноалайской мульде, эта морена без заметных изменений в мощности и морфологии холмов постепенно погружается под более молодые осадки. Погружение фиксируется и по северному и южному обрамлению Центральноалайской мульды.

Судя по развитию морен полупокровного (в соседних районах) среднечетвертичного оледенения в обрамлении Каракульской котловины, следует ожидать, что она также была целиком заполнена ледником.

Начало позднечетвертичного времени характеризуется значительным уменьшением площади оледенения. Ледники отступили высоко в горы и занимали, по-видимому, положение, близкое к современному. В Алайской долине в это время были выработаны речные долины, вложенные в морену предыдущего оледенения. На территории Северного Памира те же процессы выразились в полной или почти полной преобразовании ледниковых трогов и частичной перестройке речной сети.

Таким образом, окончательное становление рек относится к началу позднечетвертичного времени. Последующее, во второй половине позднего плейстоцена, новое наступление ледников не оказало существенно влияния на формирование рельефа. Морены этого оледенения на северном склоне Заалайского хребта, как правило, не выходят за пределы предгорий, а на Северном Памире не покидают долин второго порядка. В это время в поднятие включились и низкие предгорья Заалайского хребта в районе Центральноалайской мульды, и Алайская долина приняла очертания, сохранившиеся до сих пор (рис. 2—6).

В голоцене повсеместно фиксируется новое кратковременное поднятие Заалайского хребта и прилегающей с юга территории Северного Памира, выразившееся в формировании интенсивных врезов. Причем глубина вреза увеличивается от южного обрамления Алайской долины (первые метры и десятки метров) к водоразделу Заалайского хребта до сотен метров в пределах его низких предгорий. Наибольших амплитуд поднятия достигли в приводораздельной части хребта [28; 14], где они измеряются, по-видимому, несколькими сотнями метров. Современное

осадконакопление приурочено к наиболее прогнутым частям Центрально-Алайской и Кызылартской остаточных мульд, а также к котловине оз. Каракуль и к верховьям долины р. Маркансу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вертикальное поднятие территории Северного Памира и Памиро-Алая, начавшееся в конце миоцена, привело к образованию достаточно высоких гор на Северном Памире и накоплению красноцветных моласс в Алайской впадине. В дальнейшем эта территория направленно развивалась в сторону постоянного увеличения абсолютных отметок. Контрастные движения по разрывам, расположенным на границе поднимающегося Памира, за послераннечетвертичное время измеряются километрами. Эти движения являются составляющей суммарных поднятий Памира на фоне менее интенсивно поднимающейся Алайской долины. Скорости нарастания абсолютных высот на Северном Памире и тем более в Заалайском хребте достигали, по-видимому, в отдельные промежутки времени значительных величин.

В четвертичное время достаточно четко фиксируются три этапа усиления тектонических движений. Медленное нарастание темпов поднятий началось в конце миоцена и выразилось в образовании углового несогласия между раннечетвертичными и плиоцен-раннечетвертичными отложениями. Эти движения привели к появлению первого на Северном Памире горно-долинного оледенения. В конце раннечетвертичного — начале среднечетвертичного времени резкое усиление тектонических движений вызвало коренную перестройку гидросети Северного Памира и развитие максимального полупокровного оледенения. Последняя, менее значительная, но достаточно мощная, интенсификация тектонических движений приходится на голоцен. Соотношение современных врезов на северном склоне Заалайского хребта и их увеличение к водораздельной части хребта предполагают значительную амплитуду вертикального поднятия Северного Памира. Предварительные подсчеты дают цифру порядка 0,5 км за голоцен. Соизмеримые результаты были получены при изучении стоянки каменного века — Ошхона [2]. На основании радиоуглеродного анализа углей и известного верхнего предела произрастания березы и арчи авторы определяют скорость вертикального перемещения Памира цифрой в 6—7 см/год. Точность этих измерений ограничена возможностями радиоуглеродного анализа, но несомненно, что скорости поднятий на определенных этапах достигали значительных величин, а неравномерность тектонических движений оказывала существенное влияние на формирование ландшафта и климатические условия Северного Памира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас ТаджССР, Душанбе — Москва, 1968.
2. Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Шилкина И. Л., Палеогеографические результаты изучения высокогорной стоянки каменного века на Памире, — ДАН СССР, 1962, т. 146, № 6.
3. Васильев В. А., Стратиграфия четвертичных отложений Таджикистана, — «Новый этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
4. Васильев В. А., О плиоцен-нижнечетвертичных отложениях Восточного Памира, — «Материалы по геологии Памира», вып. 1, Душанбе, 1963.
5. Васильев В. А., Кайнозой Памира, Душанбе, 1966.
6. Губин И. Е., Геологическая граница между Памиром и Алаем, М., 1940.

7. Дингельштедт Н. Н., О геологии и рудообразовании Сауксайского золотоносного района на Северном Памире, «ТКЭ 1932», 1933, вып. 1.
8. Қорженевский Н. Л., Озеро Кара-Куль (Материалы к лимнологии Памира),— «Вестник ирригации», 1926, № 7.
9. Қорженевский Н. Л., Алайская долина (орогидрография и оледенение),— «Труды ТПЭ 1928», вып. III, 1930.
10. Костенко Н. П., Главнейшие черты неотектоники Гиссаро-Алая, Памира и Таджикской депрессии,— «Сборник трудов геологического факультета МГУ», 1961.
- 10а. Костенко Н. П., О принципах составления специальных геоморфологических карт в целях анализа неотектоники горных стран,— «Вестник МГУ», 1957, № 2.
11. Костенко Н. П., Анализ новейшего развития складов с большим радиусом кривизны и региональных разломов (на примере горных районов юга Средней Азии),— «Тезисы докладов II Всесоюзного тектонического совещания», Душанбе, 1962.
12. Костенко Н. П., Главнейшие закономерности расчленения горного сооружения Памира,— «Материалы по геологии Памира», 1963, вып. 1.
13. Курдюков К. В., Новейшие тектонические движения и следы крупнейших сейсмических толчков на северном склоне Заалайского хребта,— «Активизированные зоны земной коры, новейшие тектонические движения и сейсмичность (материалы II Всесоюзного тектонического совещания в Душанбе)», М., 1964.
14. Леонов Н. Н., Тектоника и сейсмичность Памиро-Алайской зоны, М., 1961.
15. Марков К. К., Пять лет по Памиру, М., 1935.
16. Марков К. К., Геоморфологический очерк Памира,— «Труды Института физической географии АН СССР», 1935, вып. 17, № 66.
17. Марков К. К., Геоморфологический очерк Северного Памира и Вахи по наблюдениям 1932—1933 гг. АН СССР,— «Труды Международного полярного года, Памир I», Л., 1936.
18. Марков К. К., Основные проблемы геоморфологии, М., 1948.
- 18а. Мещеряков Ю. А., О полигенетических поверхностях выравнивания,— «Известия АН СССР», серия географическая, 1959, № 1.
19. Наливкин Д. В., Палеогеография Средней Азии в кайнозойскую эру,— «Известия геологического комитета», 1928, т. 47, № 2.
20. Наливкин Д. В., Обзор геологии Памира и Бадахшана,— «Труды Всесоюзного геологического объединения», 1932, вып. 182.
21. Попов В. И., Геологические условия формирования кайнозойских моласс Ферганы, Ташкент, 1940.
18. Марков К. К., Основные проблемы геоморфологии, М., 1948.
- 18а. Мещеряков Ю. А., О полигенетических поверхностях выравнивания,— «Известия АН СССР», серия географическая, 1959, № 1.
19. Наливкин Д. В., Палеогеография Средней Азии в кайнозойскую эру,— «Известия геологического комитета», 1928, т. 47, № 2.
20. Наливкин Д. В., Обзор геологии Памира и Бадахшана,— «Труды Всесоюзного геологического объединения», 1932, вып. 182.
21. Попов В. И., Геологические условия формирования кайнозойских моласс Ферганы, Ташкент, 1940.
22. Ранов В. А., Результаты разведок каменного века в 1956 г. (в урочище Шор-Куль на восточном Памире),— «Труды АН ТаджССР», 1959, т. 91.
23. Ранов В. А., Стоянка Кара-Тумшук (Восточный Памир),— «Труды института изучения материальной культуры АН СССР», 1960, вып. 80.
24. Рандман Е. А., К вопросу о несовпадении альпийских и неотектонических структур в Заалайском хребте,— «Известия АН СССР», серия географическая, 1958, № 2.
25. Рейснер Г. И., Зона четвертичных депрессий в области сочленения Памира и Тянь-Шаня,— «Советская геология», 1963, № 10.
26. Ренгартен В. Ф., Заалайский хребет, М., 1934.
27. Романько Е. П., Таиров Э. З., Новые данные о красноцветных толщах Северного Памира,— «Известия Отделения геолого-химических наук АН ТаджССР», 1962, № 1(7).
28. Сапов О. П., Альпийская тектоника зоны сочленения Памира и Тянь-Шаня (Заалайский хребет),— «Известия АН ТаджССР», 1968, № 4.
29. Сапов О. П., Палеогеографическое значение угловых деформаций в Заалайском хребте,— «Известия ВГО», 1968, № 6.
30. Сапов О. П., Северопамирский краевой разлом,— «Известия АН ТаджССР», 1969, № 1.
31. Синицын В. М., Северо-западная часть Таримского бассейна, М., 1957.
32. Синицын Н. М., Северо-Памирский краевой разлом (О северной геологической границе Памира),— «Ученые записки ЛГУ», серия геологическая, 1959, вып. 10, № 268.
33. Трофимов А. К., О возрасте и истории развития древних оледенений Западного

и Юго-Восточного Памира,— «Новый этап геологического развития территории Таджикистана».

34. Ф и л о с о ф о в В. П., Краткое руководство по морфометрическому методу поисков тектонических структур, Саратов, 1960.
35. Ч е д и я О. К., Новейшие поперечные поднятия, их типы и практическое значение,— «Материалы по геологии Памира», Душанбе, 1964.
36. Ч е д и я О. К., Геологическое развитие территории Таджикистана в новейшем этапе,— «Новый этап геологического развития территории Таджикистана».
37. Ч е д и я О. К., Т р о ф и м о в А. К., Особенности новейшего развития структурных форм Таджикистана,— «Новый этап геологического развития территории Таджикистана».

Л. Ф. Сидоров

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕРХНОСТИ И СОХРАННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ПАМИРЕ

Автору этой статьи, изучающему на протяжении многих лет природу Памирского нагорья в палеогеографическом аспекте, неоднократно приходилось сотрудничать с археологами. На его глазах началось изучение исторических памятников этого сурового края. За первыми успешными раскопками сакских курганов, предпринятыми талантливым исследователем А. Н. Бернштамом, последовали находки самоотверженного энтузиаста В. А. Ранова, обнаружившего каменные орудия мезолита, и, наконец, были обнаружены стоянки человека той эпохи.

Эти выдающиеся открытия, заставившие коренным образом пересмотреть представления о расселении первобытных людей и «извечной» суровости природных условий Памира, были сделаны отнюдь не случайно. Первооткрыватели исторических памятников в этой области заранее предполагали возможность их существования. Однако поиски непосредственно в пределах высокогорий носили, в известной степени, случайный характер. Только со временем, когда были накоплены необходимые сведения, разведывательные работы стали значительно более целенаправленными и результативными [19, 103—104]. Надо сказать, что эти сведения добывались в труднейших условиях холодной высокогорной полупустыни и пустыни, в местах, имеющих отметки в 4000 м и более над уровнем океана, ценою поистине героических усилий.

Сложность решения ряда проблем, которые вставали перед пионерами освоения археологической «целины» Памира, во многом обусловлена недостаточной изученностью природных условий и путей формирования поверхности, климата, растительности и животного мира нагорья в позднечетвертичное и, в частности, послеледниковое время.

Цель настоящей работы — облегчить в какой-то мере дальнейшее изучение исторических памятников собственно Памира путем раскрытия некоторых особенностей развития поверхности этой области в голоцене. Под поверхностью здесь понимаются четвертичного возраста почвогрунты, с которыми связано большинство исторических памятников, за исключением петроглифов и писаниц, нанесенных на поверхность монолитных пород. Мнение автора об объеме понятия «Памир» и границах региона, к которому таковое приложимо, неоднократно изложено в опубликованных ранее работах [22, 4—5; 23, 625; 24, 495—497; 19, 95—97]. Оно сводится к представлению о Памире как о нагорье и самостоятельной природной области Центральной Азии. Эту область нередко именуют в литературе «Восточным Памиром». Западные районы Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана

являются, по нашим представлениям, частью Бадахшана — одной из природных областей Передней Азии.

В предыдущих публикациях нами упоминалось уже о своеобразии памирских стоянок каменного века [18, 23; 19, 104—106]. Многие из них отличает, в частности, необычайное обилие обработанного камня на поверхности среди гальки при полном отсутствии следов культурных горизонтов и одинаковая степень патинизации орудий первобытного человека и гальки на пустынных, ныне совершенно неподходящих для ночлега, высоких террасах памирских рек.

Указанные обстоятельства и ряд фактов, свидетельствующих об иссушении и похолодании памирского нагорья в голоцене, подтверждают вывод о том, что верхний горизонт некогда достаточно богатых мелкоземом почв, с которыми только и могли быть связаны стоянки первобытных людей, впоследствии подвергся дефляции, а каменные орудия, содержащиеся в этом горизонте, смешались с лежавшей ниже галькой.

Направленность развития природы Памира в голоцене в сторону аридизации и похолодания вследствие быстрого поднятия нагорья в обрамлении его хребтами, превосходящими по высоте и перехватившими со временем почти всю атмосферную влагу, становятся все более очевидной [23, 635—636; 25, 78—79; 20, 30—33; 29, 524—525; 12, 15—16; 13, 115; 28, 770—771]. Такие палеогеографические представления помогают понять многие характерные черты исторических памятников каменного и бронзового века, сакского периода и дают возможность оценить условия, в которых жили люди в пределах памирского нагорья [19, 125—126]. Однако недостаток обобщающих сведений о дефляции, эоловой аккумуляции, солифлюкционных процессах и особенностях формирования пролювиально-делювиальных конусов выноса из долин второго порядка и шлейфов под склонами гор не позволяли до сих пор достаточно полно рассмотреть весьма существенные вопросы, относящиеся к сохранности исторических памятников. Поэтому мы и вынуждены были до сих пор ограничиваться в этой области лишь предположениями, а не обсуждением системы конкретных фактов, позволяющих приходиться к соответствующим выводам.

Обработав материалы по эоловым процессам Памирского нагорья, накопленные с 1952 г.¹, мы получили возможность оценить масштабы и некоторые особенности этого явления в целом.

Главными предпосылками интенсивного развевания на Памире выступают высокая активность горно-долинной циркуляции и разряженность растительного покрова, обусловленная чрезвычайно континентальным аридным климатом.

Развевание носит универсальный характер. Длительному воздействию дефляции обязаны своим происхождением щебнисто-галечниковые поверхности днищ основных долин и крупных озерных котловин, своеобразным панцирем покрывающие речные террасы, морены, пролювиально-делювиальные шлейфы под склонами гор и конуса выноса пролювия из долин второго порядка. Следы воздействия ветра во множестве обнаружены и на склонах хребтов, вплоть до гребневой части.

Исключение в этом отношении составляют, в известной мере, лишь

¹ В 1952—1953 гг. автору пришлось вести ежемесячные круглогодичные наблюдения (с августа по август включительно) за динамикой перевеваемых песков в урочище Пангазбель (где относительная высота сложного нагромождения барханов на склонах достигает 300 м). Затем, вплоть до 1965 г., фиксировались результаты развевания и многочисленные крупные и мелкие эоловые песчаные скопления по всему Памирскому нагорью. Таким образом, мы сейчас располагаем достаточно полными сведениями об этих явлениях в пределах данной природной области. Первая публикация по этой проблеме см.: [26, 26—28].

участки с достаточно сомкнутым растительным покровом. Это пересыхающие к осени болота — сазы, луга, злаковые, полынные и разнотравные степи. Все они на полупустынном Памире занимают сравнительно небольшие пространства [10; 21; 23].

Продукты развевания — пыль и песок — оседают на склонах гор. Они подвергаются при этом соответствующей сортировке. Дальше и выше всего перемещаются ветром наиболее мелкие пылеватые частицы. Скопления их весьма отчетливо видны на поверхности почти всех снежников, фирновых полей и ледников Памирского нагорья². Очевидно, не меньшее количество пыли оседает и на не покрытых снегом и льдом участках склонов, но там это происходит менее заметно и не фиксируется столь наглядно, как на снегу. В нижней части склонов и у подножия гор оседает более крупный материал.

Приносимые ветром частицы принимают значительное участие в формировании рыхлых отложений, своеобразным чехлом покрывающих поверхность коренных пород на пологих склонах абсолютного большинства хребтов Памира. В этом, может быть, еще одна из причин мягкости очертаний последних.

Результаты эоловой аккумуляции наиболее эффектно представлены в виде крупных и мелких скоплений перевеваемых песков. Такие барханные образования существуют на ограниченных участках нагорья. Кроме того, имеются крупные и мелкие скопления песков, принесенных ветром, но не имеющих формы гряд. Это обширные ровные песчаные пространства и (очень редко) бугристые полузакрепленные пески.

Размещение эоловых песчаных отложений закономерно обусловлено особенностями орографии и горно-долинной циркуляции. Сугубо местные причины, способствовавшие образованию тех или иных участков барханных песков (например, гранитная интрузия неподалеку от бархана Пангазбель, поставляющая много продуктов выветривания, и в том числе пески), имеют, по-видимому, второстепенный характер.

На Северном Памире результаты развевания и эоловой аккумуляции представлены отчетливее и обильнее, чем на Южном. Это следствие различий в развитии их природных комплексов в голоцене, рассмотренных нами ранее на основании анализа особенностей смен растительности нагорья [23, 635—636].

Крупные (в масштабах нагорья) скопления перевеваемых песков сосредоточены на Северном Памире в Маркансу, по восточной и северо-восточной периферии Каракульской и восточной окраине Рангкульской озерных котловин, а также на Шадпуре, Пангазбеле, в ущелье Гибельном; на Южном Памире в урочище Кумды, у восточного берега оз. Яшилькуль и в долине Горумды (левая верхняя составляющая Аличюра).

Менее значительные эоловые песчаные образования находятся в долине Северного Памира: Джейлякумсай (левый приток Беляндкинка), Музкол, Акбайтал южный, Мамек и в ряде других мест.

В верховьях р. Маркансу сильнейшие ветры, несущие с севера на юг у самой поверхности дрсеву и даже мелкую гальку, — обычное яв-

---

² Запыление поверхности снежников и ледников — явление обычное не только для Памира, но и многих других горных систем. Его отмечала на Тянь-Шане М. А. Глазовская [5, 147], в Куньлуне Э. М. Мурзаев [11, 22—24], в Барахшане Р. Д. Забиров [7, 180] и т. д. Интересно, что запыление поверхности ледников на Северном Памире, бесснежном круглый год, наблюдалось нами не только летом, но и зимой. Последнее свидетельствует о круглогодичном интенсивном развевании поверхности днищ долин этого района.

ление во второй половине дня. Развеванию подвержены обширные галечниково-песчаные поймы и морены. Песок перемещается в район под перевалом Уйбулак, разделяющий бассейны Маркансу (Тарима) и Каракуля. Задувает песок и в узкую часть долины Маркансу, ориентированную с запада на восток, и в низовья долины Уйсу, до урочища Ошхона.

В северной части самой большой на Памире Каракульской озерной котловины западные ветры также сильны и постоянны. Они переважают песчаный аллювий пересыхающих рек, стекающих в озеро с Сарыкола в период таяния снегов. Пески накапливаются в северо-восточной части котловины, перекрывая нижние части пологих склонов гор (близ урочища Караарт в устьевых частях долин Кумбулак, Арпада и др. от 3920 до 4300 м абсолютной высоты).

В ориентированной с запада на восток котловине озер Шоркуль и Рагнуль воздействию западных ветров особенно сильно подвергаются делювиально-пролювиальные шлейфы под склонами и конусы выноса пролювия из долин по северному берегу озер. Аккумуляция больших масс песка происходит у перевалов Кокбелес и Кызылбелес, в обрамляющем котловину с востока отроге Сарыкола, и в находящейся за ними устьевой части долины Бузджилга. Крупным источником песчаного материала являются также меловые красноцветные песчаники, разрушающиеся под воздействием выветривания у подножия хребта. Некоторую часть песка ветер оставляет также в широкой устьевой части долины Зорбурлюк, в урочищах Джарджима и Карасу. Восточная периферия озерной котловины вообще сильно опесчанена благодаря деятельности ветра.

Происхождение обширных песчаных скоплений Шадпута, Пангазбеля и ущелья Гибельного связано с ветрами, большую часть времени дующими по долине крупнейшей водной артерии Памира — р. Аксу — снизу вверх. Аккумуляция песков происходит вначале на восточной периферии урочища Кошагыл, расположенной у поворота долины Аксу от северного направления к западу (если ориентироваться в долине, перемещаясь от верховьев вниз). Дующие от низовьев западные ветры устремляются преимущественно на восток и в меньшей степени вверх по Аксу, на юг. Они составляют часть переносимого песка в Кошагыле. Открытое в это обширное урочище ущелье Гибельное³ представляет собой своеобразную «ловушку» на пути ветров и песка с Аксу, поэтому оно и заполнено высокими барханами. Такой же «ловушкой», по существу, является и урочище Пангазбель, также связанное с Кошагылом широким проходом. С Пангазбеля часть песка перевевается далее на север, в Шадпут. Об этом говорит направление движения барханов в ущелье Гибельном, на Пангазбеле и Шадпуте, очевидно соответствующее направлению господствующих ветров.

Песчаный материалносится в перечисленные урочища с обширных поверхностей террас Аксу. Высокие террасы Аксу сложены продуктами размыва среднечетвертичных морен, с которыми они непосредственно сопрягаются ниже кишлака Тохтамыш [19, 119].

Вследствие дефляции поверхность этих террас забронирована щебнисто-галечниковым панцирем на всем протяжении от поселка Мургаб до Тохтамыша. Выше последнего тальвег Аксу врезан в моренное поле, но по нему и небольшим террасовым участкам панцирь сохраняется

³ Почему топографы назвали эту сравнительно широкую с пологими склонами обрамляющих гор долину ущельем, неизвестно. Во всяком случае она сильно отличается от ущелья в общепринятом смысле слова и ближе к типичным для Памира просторным троговым долинам.

до места слияния с притоками Тегерменсу и Кызылрабат, где на участках с господством степной растительности он исчезает, уступая место мелкоземистым с поверхности каштановым почвам. В урочище Кошагыл развевание сочетается с аккумуляцией песчаных частиц. Далее к востоку и северу в Пангазбеле и Шадпуте эти явления также сочетаются. Дефляции подвержены моренные отложения Пангазбеля, избилующие гранитными валунами, доставленными сюда в свое время (Q_{II}) с высокого (более 7500 м над уровнем океана) массива Музтагата — крупного центра среднечетвертичного оледенения. Переважаются и продукты разрушения местной гранитной интрузии, хотя выходы ее на дневную поверхность невелики.

Самое крупное песчаное скопление на Южном Памире находится в урочище Кумды, в сравнительно низкой западной части Южно-Аличурского хребта, примыкающей к перевалу Харгуш. Развеванию здесь подвержены прежде всего среднечетвертичные морены, перекрывающие пониженный участок хребта в районе перевалов Харгуш и Кумды. Морены эти содержат значительное количество песка и хряща, а также избилуют гранитными эрратическими валунами, легко разрушающимися под воздействием весьма активных на Памире процессов выветривания. Кроме того, частицы песка переносятся из урочища Комарутек, где они постоянно образуются как конечный продукт разрушения отпрепарированной древним ледником гранитной интрузии и окружающих ее метаморфических пород. На поверхности интрузии и вблизи ее эрратические гранитные валуны и крупные обломки местных пород, лежащие местами сплошным покровом, в большинстве своем и весьма причудливо обработаны ветром, несущим песок.

У юго-восточного побережья оз. Яшилькуль западные ветры «ссыпают» на склоны невысоких гор Кыр и в районах, расположенных рядом с ними, пески с развеваемых древних морен (Q_{III}), окаймляющих северное подножие массива Бакчигир.

Пески Горумды — продукт развевания западными ветрами, дующими снизу вверх по Аличуру и «берущими разгон» от самого Яшилькуля, древних морен (Q_{II} и Q_{III}), а также в некоторой степени галечников поймы. О широком распространении и размещении морен на Аличуре мы уже упоминали ранее [25, 78—79; 29, 518—521].

Таким образом, взаимосвязь развевания и эоловой аккумуляции выражена на Памире очень четко. Барханы, само собой разумеется, практически совершенно бесперспективны при поисках исторических памятников, хотя теоретически такие памятники и могут быть погребены под ними. Нам важно было дать общую картину созданных ветром песчаных наносов для подкрепления тезиса об универсальности дефляции в пределах нагорья в настоящее время.

На фоне перечисленных общих особенностей эоловых процессов Памира в новом свете предстают частные их проявления, которые описаны далее. При этом рассматриваются и другие стороны формирования различных элементов рельефа, и прежде всего его поверхности.

Строение поверхностного щебнисто-галечникового дефляционного панциря, покрывающего значительную часть субальпийского пояса Памирского нагорья, изменяется в зависимости от характера мозорельефа и растительного покрова [27]. Исторические памятники Памира фиксировались на террасах, моренах, конусах выноса и склонах гор.

На речных террасах повышенная концентрация гальки и щебня на поверхности довольно равномерна. Однако на сравнительно ровной плоскости речных террас встречаются участки, на которых галька и

щебень сплошь перекрывают мелкоземистый субстрат или не покрывают и четверти его поверхности. Чаще галька, щебень и дресва занимают примерно 40—60% площади последней.

На террасах имеются также поверхности, почти лишенные каменного материала. Это участки такыров и ровных песчаных пространств эолового происхождения, полузакрепленных нередко разреженной степной растительностью. Такыры широко представлены на террасах в среднем течении Аксу (Бозтакыр и др.). Однако наиболее обширные такыры нагорья приурочены к плоским днищам пересыхающих летом и существующих только весной, да и то не каждый год, мелководных озер (Кутатыркуль, Какыркуль и др.). Ровные песчаные пространства наиболее распространены в Кошагыле, Шадпуте, Бузджилге. Встречаются они небольшими пятнами и в других урочищах. Под слоем песка в подобных местах могли быть, в принципе, погребены исторические памятники.

На бровках террас мелкозем выдут обычно сильнее, а содержание гальки выше, чем на плоской поверхности. Помимо ветра повышенное содержание гальки может быть обусловлено и ссыпанием мелкоземом вниз по склону террасы, однако это скорее частный случай дефляции положительных форм рельефа, которые, с соответствующей точки зрения, будут рассмотрены ниже.

Основной тип памирского памятника каменного века — открытые местонахождения, связанные в большинстве случаев с поверхностью аллювиальных террас [19, 104]. В свете изложенного, развевание культурного слоя на них следует расценивать как нормальное в условиях нагорья, явление. Тем более, что единственный из 23 зафиксированных на террасах и содержащих каменные орудия пунктов с сохранившимся культурным слоем — стоянка Ошхона — расположен в относительно укрытом от выдувания высокой мореной участке небольшой второстепенной долины [14, 39; 15, 20, рис. 1; 17, 44—45, рис. 23; 19, 106].

Из этого вытекает необходимость при дальнейших поисках полноценных, с сохранившимся культурным слоем, памятников каменного века в пределах Памирского нагорья уделить особое внимание местам, не подвергавшимся дефляции. Мы имеем теперь веские основания предполагать, что памятники каменного века будут найдены не на речных террасах в широких основных долинах, где воздействие выдувания проявилось особенно сильно, а в боковых долинах, сравнительно узких и укрытых от преобладающих ветров.

Это обусловлено своеобразием макрорельефа и гидрографической сети рассматриваемой области, сформировавшихся в общих чертах к концу плейстоцена и не подвергавшихся существенным изменениям в голоцене. Очень широкие, прямолинейно ориентированные на протяжении десятков километров основные долины Памира представляют собой тропы оригинальной, присущей, пожалуй, только высокогорьям Центральной Азии, формы⁴. Эти долины открыты ветрам, которые, беспрепятственно набирая скорость на их просторах, достигают на прямых участках наибольшей силы⁵. Второстепенные долины, в боль-

⁴ См. [29, 521].

По-видимому, на Памире не подвергались среднечетвертичному и позднечетвертичному оледенениям только долина Аксу ниже Тохтамышы и Рангкуль-Шеркульская озерная котловина.

⁵ Сильные ветры регулярно во второй половине дня дуют снизу вверх по всем основным долинам. Высокая активность горно-долинной циркуляции не представляет особой, характерной только для Памира черты. Это обычное в горах явление. См.: [2, 167—168].

шинстве своем также типичные памирские трюги с ровным днищем и пологими склонами, подвержены воздействию ветра в меньшей степени. Развезание здесь сочетается с эоловой аккумуляцией нередко таким образом, что первое незначительно преобладает над вторым. Во всяком случае, дефляционный поверхностный панцирь, обогащенный галькой и щебнем, выражен достаточно четко в преобладающем числе боковых долин по их днищам и под склонами [14, 39—40].

В настоящее время многие долины второго порядка имеют обогащенный растительный покров по сравнению с главными долинами. Таковы, например, все долины правых притоков Аличура [9, 352—354]. Местообитания ряда реликтовых для Памира растений приурочены к долинам второго порядка; особенно на Юго-Восточном Памире. Там в отдельных трюгах притоков Аксу сохранились типчаковые степи [8, 22].

Весьма вероятно, что сравнительно тихие (безветренные) небольшие долины дольше сохраняли более богатую растительность, чем крупные. В начале голоцена они, возможно, служили убежищем для древесных и кустарниковых пород, уступивших свои позиции степной растительности в основных долинах [23, 635].

Подобные взаимоотношения можно наблюдать и в наши дни в среднем течении р. Кокуйбель. В широкой долине последней на террасах господствуют полупустыни. В пойме произрастают отдельные низкорослые кусты мирикарии (*Muricaria squamosa* Desv.). В нижней же части левого притока Кокуйбель — Кырчинджилга сохранились тугайные заросли в основном из высокоствольных ив.

Естественно предположить, что такие долины-убежища прежде всего привлекали первобытных людей. Находящаяся в одном из самых суровых пустынных районов Северного Памира стоянка Ошхона с древесными углями во вскрытых при раскопках очагах, где сжигались 9500 лет тому назад береза и арча [3; 4], может служить ярким тому свидетельством.

Кстати, уверенность нашу в успехе разведок, которые предпримут будущие исследователи в долинах второго и третьего порядка, подкрепляет еще одно немаловажное обстоятельство — почти полная их неизученность археологами⁶.

В связи с перспективностью, по нашему мнению, поисков археологических памятников в боковых долинах полезно будет сделать следующие замечания. Вести работы в низовьях второстепенных долин труднее, чем на древних террасах главных рек. Во-первых, потому, что они менее доступны, во-вторых, из-за отсутствия во многих из них почти круглый год воды⁷.

Заканчивая рассмотрение воздействия ветра на речные террасы, упомянем еще об одной группе памятников, встречающихся на этих террасах в большом числе. Это погребальные курганы и могильники бронзового века и сакского периода. Им, конечно, дефляция существенно не повредила. Однако подобные исторические памятники могли быть засыпаны песком там, где происходило его накопление. Таких

---

⁶ Далеко не полностью обследованы даже террасы основных рек, а второстепенные долины затронуты предварительными разведками лишь в устьевых частях и в небольшом числе.

⁷ Активный поверхностный сток по таким долинам, судя по наличию разработанных тальвегов, сопровождается комплексом аккумулятивных террас, прекратился сравнительно недавно, вероятно, позднее мезолитической эпохи. Так, во всяком случае, было в урочище Ошхона. См. по этому поводу: [23, 632]. Сакские курганы и могильники, нередко встречающиеся в безводных ныне боковых долинах, в местах, от которых до ближайших источников десятки километров, по-видимому, тоже свидетельствуют о недавнем прекращении в них стока.

мест на Памире немало. Упомянутые выше урочища Кошагыл, Шадпут и Бузджилга представляют собой достаточно хорошие, в условиях нагорья, пастбища, которые довольно интенсивно используются в наши дни колхозными животноводами и, вероятно, использовались кочевниками в прошлом.

Всем положительным элементам мезорельефа на моренах, конусах выноса пролювия из боковых долин и крупных саев, а также склонах гор присуще повышенное содержание щебня и дресвы и почти полное отсутствие мелкозема на поверхности обдуваемых выпуклых частей и перегибов. Растительность же на них наиболее разрежена или отсутствует вовсе⁸. В отрицательных формах мезорельефа, в особенности в понижениях между моренными холмами и в различных западинах и углублениях на пологих склонах, скапливается песок, а нередко и более мелкие частицы, приносимые сюда ветром. Растительность тут всегда более пышная и сомкнутая, чем вокруг⁹.

В пределах Памира из 47 памятников каменного века, связанных с дневной поверхностью, 14 зафиксированы на моренах. Сакских курганов на моренах нам лично известно несколько десятков.

Очевидно, мало оснований ожидать обнаружения на моренных холмах стоянок первобытных людей с сохранившимся культурным слоем. С одной стороны потому, что вершины таких холмов неудобны для проживания человека. Ложбины в моренах предпочтительнее в этом отношении. С другой стороны, если бы культурный слой на каком-либо холме по каким-нибудь неизвестным нам причинам и существовал, то на протяжении тысячелетий он подвергался бы разрушению не только выдуванием, но и размывом. Во многих крупных моренных понижениях в начале голоцена существовали озера. Позднее они были спущены и пересохли. В таких, сравнительно больших ложбинах памятники каменного века, скорее всего самые поздние из них, могут быть обнаружены. В небольших понижениях древняя дневная поверхность погребена позднейшими наносами, и разведки памятников должны подкрепляться тут приколками.

Приступая к подобным работам, будущим исследователям необходимо учитывать большое разнообразие морен Памирского нагорья. Их размеры и характер рельефа обусловлены в основном временем их формирования и соответственно сроком воздействия «внешних сил». Известны моренные комплексы трех генераций, вопросы стратиграфии и размещения которых рассмотрены в предыдущих публикациях и в настоящем изложении почти не затрагиваются [25, 78—79; 29, 518].

Древние, среднечетвертичные (Q_{II}) морены наиболее сглажены. На них возможны находки весьма древних каменных орудий, но поверхность таких морен подработана (как выражаются специалисты по геологии четвертичного периода) выветриванием, эрозией и выдуванием очень сильно. Сохранение здесь культурного слоя стоянок палеоли-

⁸ Одна из основных причин крайне угнетенного состояния растительности в подобных районах на Памире или нередко полного ее отсутствия — сдувание зимой снежного покрова и вымерзания зимующих почек и семян растений.

⁹ Кроме благоприятных условий для формирования сравнительно богатых мелкоземом почв, вследствие деятельности ветра, зимой в таких местообитаниях скапливается снег, который довольно поздно стывает весной. Стаивание происходит точнее даже в начале лета, когда ночные заморозки хотя и не прекращаются (безморозный период на Памире не более 15—20 дней), но уже не могут задержать развитие растений. Это благоприятно отражается на фитоценозах, перезимовывающих в «привилегированных» условиях и получающих дополнительную влагу. Последнее весьма существенно в засушливых условиях нагорья. Все перечисленное создает к тому же условия для активизации процесса почвообразования (почвенных микробов и биохимических реакций), а это, в свою очередь, способствует лучшему развитию растительности.

та очень мало вероятно, может быть только при каких-либо особо «счастливых» обстоятельствах. Да и каменные орудия палеолита могут быть обнаружены скорее всего во вторичном залегании. Памятники более поздних эпох на среднечетвертичных моренах сохранились, наверное, примерно так же, как и на позднечетвертичных подобных образованиях [19, 104]. Поскольку моренные поля, созданные среднечетвертичными глетчерами, почти не изучались еще археологами, разрешение поставленных вопросов — дело будущего.

Морены следующей возрастной категории, обязанные своим происхождением деятельности глетчеров первой стадии позднечетвертичного оледенения (Q_{III}), отличаются от среднечетвертичных сравнительно менее сглаженным рельефом. На их поверхности в Аличурской долине обнаружены В. А. Рановым наиболее древние на Памире стоянки людей каменного века [19, 104, 117]. С поверхностью морен этой генерации связаны отдельные находки каменных орудий близ оз. Каракуль, в устьевой части долины р. Караджилга и по р. Маркансу [19, 104]. Кроме упомянутых мест, морены Q_{III} исследовались археологами в верховьях Аксу и по Восточному Пшарту. Памятников каменного века здесь не обнаружено. Однако принимаемая во внимание, что предвзятельные разведки таких памятников произведены лишь на незначительной части морен Q_{III}, от дальнейших работ можно ожидать в этом плане многого. Основной предпосылкой для подобных прогнозов служит положение моренных комплексов данной генерации преимущественно в устьевых частях долин второго порядка, весьма удобное для стоянок первобытных людей. Сакские могильные курганы фиксировались нами на моренах Q_{III} в верховьях Аксу, недалеко от известных могильников Акбеита, где раскопки были начаты в 1956 г. А. Н. Бернштамом и затем продолжались под руководством Б. А. Литвинского. Курганы на вершинах моренных холмов нередко гораздо больше по размерам, чем раскопанные на правобережных террасах Аксу. Кроме того, сакские курганы на моренах Q_{III} отмечались в Маркансу, на Кукйбеле и в Зоркульской озерной котловине.

Самые молодые морены плейстоцена Q_{III} оставлены глетчерами второй стадии позднечетвертичного оледенения. Моренные холмы и западины между ними сохранили наиболее четкие очертания по сравнению с подобными образованиями (Q_{II} и Q_{III}). Поверхность таких молодых морен также сохранилась лучше всего. Расположены они в средних и верхних частях долин второго порядка и археологами почти совсем не обследовались. Поэтому мы воздержимся от каких-либо прогнозов о возможностях обнаружения на них мезолитических и неолитических памятников. Отметим лишь, что если таковые будут найдены, то, наверное, окажутся достаточно хорошо сохранившимися. Подобные находки могут значительно уточнить наши представления как о возможностях расселения первобытных людей, так и о природной обстановке, в которой они жили [19, 117—118]. Сакские курганы на моренах конца ледникового периода пока не отмечались, но какие-либо выводы делать рано вследствие их недостаточной изученности.

На конусах выноса делювия и пролювия из боковых долин известно к настоящему времени 5 памятников каменного века [19, 104] и около двадцати сакских курганов.

Поверхность абсолютного большинства конусов выноса сформировалась в голоцене. Древние ее участки имеют возраст порядка 10000 лет¹⁰, возможно, в отдельных случаях, несколько более, а самые

¹⁰ О продолжительности голоцена можно судить по данным радиоуглеродного анализа террасы, сопрягающейся с мореной Q_{III}. См. по этому поводу: [19, 117].

молодые менее одного года. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что и по сей день из долин второго порядка и крупных саев выносятся продукты разрушения хребтов, склоны которых они прорезают. В современных чрезвычайно аридных условиях Памирского нагорья скорость перемещения пролювия невелика. Однако в отдельные, сравнительно влажные годы весной, особенно после снежной зимы, процессы эти активизируются, вплоть до возникновения небольших селей. Обычно в таких случаях изменяются пути стока талых вод, которым становятся тесны старые русла, замороженные к тому же наносами прежних лет, в том числе, иногда и золовыми. В такие годы поверхность «действительной» части конусов выноса сильно изменяется. По-видимому, не один исторический памятник на них исчез по этой причине. Нам пришлось констатировать размыв небольшого сакского кургана на конусе выноса из правого притока — сая долины Кукуртжилга (левый приток р. Акбайтал южный). На конусах выноса в этой долине мы насчитали 9 сакских могильных курганов.

В целом памирские конусы выноса явно производят впечатление наследия эпохи более активных эрозионных процессов. Другими словами, эпохи несколько более влажной, чем современная. Об этом можно судить по тому, сколь велики конусы выноса в почти совершенно безводных и бесснежных ныне долинах, таких, например, как Зорбурлюк, посещавшийся нами неоднократно во все времена года. Здесь, кстати, на конусах выноса сохранились сакские курганы¹¹. Иссущение ослабило активность выноса пролювия и как бы «законсервировало» часть древних поверхностей на конусах выноса. Поэтому поиски на них исторических памятников представляются нам вполне перспективными.

Из намеченных для рассмотрения форм мезорельефа примерно треть общей площади Памирского нагорья приходится на склоны гор, наименее интересные для археологов и палеогеографов. Последнее настолько очевидно, что, казалось бы, не требует специального обсуждения. Вряд ли на склонах останавливались сколько-нибудь продолжительное время первобытные люди, и тем более кочевники. Да и сохранились следы их пребывания на наклонной поверхности в субстрате, подверженном смыву, гравитационному и солифлюкционному смещению вниз, могли только по случайной случайности. Все это так, но в определенных условиях рельефа склонов на них все же отмечались исторические памятники. На правом борту долины Суулу Тагаркакты, на склоне южной экспозиции, на уровне 100—120 м над поймой (4060 м над уровнем океана) автором была обнаружена группа курганов. Самый крупный из них намного превышает по размерам обычные сакские захоронения и явно подвергся разграблению. Этот могильник летом 1962 г. посетили археологи, и когда-нибудь специалисты произведут его раскопки. Нас в настоящем изложении интересует другое — элементы рельефа склонов, на которых могут сохраниться исторические памятники. Упомянутый могильник приурочен к террасовидному уступу склона, перекрытого моренным чехлом. Вероятно, подобные уступы на склонах не лишены интереса для исследователей, которые будут вести поиски погребальных сооружений сакского периода и более древних эпох.

Сопоставление археологических сведений об исторических памятниках и палеогеографических данных о развитии рельефа, климата, растительного и почвенного покрова, животного мира в их взаимосвязи и обусловленности позволяет, как мы полагаем, уточнить возраст

¹¹ Некоторые из них были раскопаны под руководством археолога М. А. Бубновой летом 1960 г. и оказались кенотафами.

щербнисто-галечникового панциря и, следовательно, наметить время существенного изменения условий жизни человека в пределах Памирского нагорья.

Итак, в десятках известных ныне на Памире пунктов на поверхности среди гальки обнаружены обильные скопления обработанного камня. Раскопками было установлено полное отсутствие в этих местонахождениях каких-либо следов культурных горизонтов. По многим признакам можно заключить, что это не случайные скопления орудий, а остатки стоянок людей эпохи мезолита и неолита, возможно, сезонных, но длительное время ими регулярно посещавшихся. Признание этого факта, установленного В. А. Рановым [19, 104—106], заставляет соответственно объяснять изменения природных условий нагорья.

Стоянки эти нередко расположены на высоких террасах и моренах в местах ныне далеко, на сотни метров, иногда на километры [22, 5, 7; 23, 631; 19, 119], отстоящих от воды. Учитывая возраст каменных орудий и террас, а также характер долин, есть основания предполагать, что русла рек в период использования стоянок первобытными людьми находились ближе к ним, чем сейчас. Сами же стоянки могли находиться в поймах¹². Равномерная патинизация обработанного камня и гальки на общем фоне дефляционного щербнисто-галечникового панциря и признаки существования в прошлом степного периода развития природы Памира [23, 635] приводят к мысли о возможности функционирования стоянок в период произрастания степной, а местами и пойменной луговой растительности на соответствующих им мелкоземистых каштановых степных или дерново-луговых почвах. Такие почвы, несомненно, представляются более подходящим субстратом для стоянки первобытных людей, чем современная каменная пустыня. Впоследствии степной растительный покров уступил свои позиции полупустынным фитоценозам. Мелкозем каштановых почв по мере изреживания степной растительности все сильнее разрушался и выдувался, а затем и вовсе был унесен ветром. Да, очевидно, и толща мелкозема не могла быть особенно значительной, так как повсюду в современных горных степях почвенный слой имеет небольшую мощность. Каменные орудия, содержащиеся в мелкоземистых культурных слоях стоянок, постепенно, по мере выдувания последних, оседали и смешивались с галькой, лежащей в подстилающих горизонтах речного аллювия террас, служившего материнской породой степных и лугово-дерновых (пойменных) почв. Наконец, они «спроецировались» на современную, сильно обогащенную галькой и щебнем поверхность. Одинаковая степень патинизации орудий мезолита, неолита и гальки говорит еще и о том, что интенсивное развевание поверхности террас могло начаться только после эпохи неолита. Конец неолитической эпохи на Памире относится специалистами к 4 тысячелетию до н. э. [16, 22, 25].

Для лучшего обоснования наших предположений необходимо кратко остановиться на некоторых вопросах последнеледниковой истории природы Памирского нагорья. Это поможет также предварительному установлению времени формирования щербнисто-галечникового панциря, перекрывающего днища основных долин и озерных котловин Памира.

---

¹² Немало стоянок и «мастерских» по заготовке каменных орудий находится на первых надпойменных террасах главных рек Памира [см. 17, 13, 18, 29—32, 34, 39, 41, 43]. Возраст этих террас, несомненно, голоценовый (что не противоречит более древнему происхождению всего террасового комплекса, как и части долины). Очевидно, в начале голоцена они могли быть еще поймами. Датировка основной массы орудий 8—5 тысячелетием до н. э., подкрепленная данными радиоуглеродного анализа [16, 22], позволяет судить о времени превращения пойм в надпойменные террасы. Это произошло, по видимому, в интервале времени от 7—6 до 5—4 тысячелетий до н. э.

О масштабах (иногда в сотни метров!) новейших тектонических движений в поднимающемся горном обрамлении Памирского нагорья говорит ряд геоморфологических свидетельств [20; 25; 29, 524—525 и др.]. Однако какая их часть приходится на голоцен можно судить пока чаще по косвенным признакам [3, 13, 81; 19, 120—126; 23, 632—636; 28, 769—772]. Для нас несомненным результатом поднятия нагорья в окружении «обгоняющих» его хребтов представляется прогрессирующее похолодание и нарастание аридности климата в течение послеледникового времени. Надежными индикаторами того и другого могут служить реликтовые фитоценозы и отдельные элементы флоры и фауны [8, 22—28; 23, 632—636; 28, 766—772; 30] и, наконец, сокращение ледников вследствие общего иссушения климата. При этом экологическая принадлежность некоторых растительных реликтов, обитающих ныне в высокогорных убежищах, к среднегорным природным комплексам доказана инструментальными наблюдениями [8, 24—27].

Современная растительность Памира в палеогеографическом аспекте рассматривалась нами и другими авторами неоднократно. Животный мир Памирского нагорья затронут в этом отношении гораздо менее. Довольно основательно подверглась палеогеографическому анализу авиафауна [12]. Тем более интересно одно из недавних высказываний энтомолога: «Весь облик водоема у Шаймака (Ю-В Памир.— Л. С.) носит отпечаток каких-то более благоприятных условий, существовавших на Восточном Памире в недавнем прошлом и частично сохранившихся до нашего времени» [30, 68].

Условия, подходящие для обитания среднегорных элементов энтомофауны, могли существовать в сравнительно недавнем прошлом при господстве степной растительности в сочетании с рядом среднегорных элементов флоры и фауны. Фактами, подкрепляющими это предположение, служат местообитания реликтов, таких, как береза, арча [3, 1381], шиповник, жимолость, барбарис и др. [8, 626—632; 23, 21—28], медведь, рысь, горная серебристая полевка, желтая пеструшка [19, 120—123; 28, 766—772], стрекозы, жуки, моллюски соответствующих видов [30].

Свидетельства былого степного этапа в формировании природы нагорья приведены нами в предыдущих публикациях [23, 629—632; 19, 120—126]. Полупустыни сменили степи, по нашим представлениям, примерно к началу нашей эры [19, 124—125]. Очевидно, активное разветвление степных каштановых почв, сохранившихся до наших дней только в «реликтовом» состоянии в рефугиуме Юго-Восточного Памира, могло начаться около этого времени или несколько ранее, однако не ранее конца 4 тысячелетия до н. э. Если учесть, что на 3—2 тысячелетия до н. э. приходится общепланетарный послеледниковый оптимум¹³, то начало интенсивного разветвления поверхности логичнее отнести к 1 тысячелетию до н. э.

---

¹³ Явления такого масштаба неизбежно находят отражение и в пределах нагорья, несмотря на известную изоляцию и «исключительность» его условий. Достаточно напомнить о сокращении памирских ледников в голоцене и совпадении начала этого сокращения с аналогичными процессами в других горных системах (около 10 000 лет тому назад), примерное соответствие сроков последнего этапа ухудшения природной обстановки 1850-летнему циклу изменения увлажненности, установленному А. В. Шнитниковым, и т. д.

Появившиеся в последние годы публикации о гетерохронности повышенного увлажнения аридных и гумидных областей Азии [1, 325—328; 6, 62—71] в принципе могут и не противоречить взглядам А. В. Шнитникова, так как в них идет речь о колебаниях с амплитудой от десятилетий до 1—2 веков, происходящих на фоне двухтысячелетних циклов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абросов В. Н., Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон,— «Известия ВГО», т. 94, № 1, 1962.
2. Алисов Б. И., Дроздов О. А., Рубинштейн Е. С., Курс климатологии, ч. I, II, Л., 1952.
3. Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Шилкина И. А., Палеогеографические результаты изучения высокогорной стоянки каменного века на Памире,— ДАН СССР, т. 146, № 6, 1962.
4. Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Некоторые вопросы исследования каменного века Памира,— «Советская археология», 1964, № 4.
5. Глазовская М. А., Эоловые мелкоземлистые накопления на ледниках хребта Терской Алатау,— «Труды иностранной географии», вып. 49, Работы Тяньшаньской физико-географической станции, вып. 2, М., 1952.
6. Гумилев Л. Н., Гетерохронность увлажнения Евразии в древности,— «Вестник ЛГУ», № 6, серия геологии и географии, вып. 1, 1966.
7. Забиров Р. Д., Оледенение Памира, М., 1955.
8. Луканенкова В. К., Юго-Восточный Памир как ботанический рефутум,— «Ботанический журнал», 1964, т. 49, № 1.
9. Луканенкова В. К., Температурные инверсии и особенности высотного размещения растительности Южного Памира,— «Ботанический журнал», 1965, т. 50, № 3.
10. Луканенкова В. К., Растительный покров Южного Памира и опыт его хозяйственной оценки, Л., 1966.
11. Мурзаев Э. М., Географические особенности Куньлуня,— «Куньлунь и Тарим», М., 1961.
12. Потапов Р. Л., Распространение и биология птиц Памирского нагорья, Л., 1963.
13. Потапов Р. Л., Птицы Памира,— «Труды ЗИН АН СССР», М.—Л., 1966, т. 39.
14. Ранов В. А., Результаты разведок каменного века в 1957 году (в низовьях Вахша и на Восточном Памире),— «Труды АН ТаджССР, Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», 1959, вып. 5, т. 103.
15. Ранов В. А., Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г.,— «Труды института истории им. Ахмады Дониша», т. 27, 1961.
16. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, Душанбе, 1963.
17. Ранов В. А., Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.),— «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. 4, 1954—1959; Материалы и исследования по археологии СССР, № 124, М.—Л., 1964.
18. Ранов В. А. и Сидоров Л. Ф., К вопросу об изменениях природных условий Памира в голоцене,— «ДАН ТаджССР», Душанбе, 1960, т. 3, № 3.
19. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Развитие природы Памира как среды существования человека,— «Страны и народы Востока», вып. 4, М.—Л., 1965.
20. Сапов О. П., К неотектонике Рушанского хребта,— «ДАН ТаджССР», 1964, т. 7, № 7.
21. Сидоров Л. Ф., Материалы к характеристике луговой растительности Памира,— «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 205, Л., 1959.
22. Сидоров Л. Ф., Луга Памира, Л., 1960.
23. Сидоров Л. Ф., Развитие растительного покрова Памира в последледниковое время,— «Ботанический журнал», 1963, т. 48, № 5.
24. Сидоров Л. Ф., О границе между Передней и Центральной Азией,— «Известия ВГО», 1964, т. 96, № 6.
25. Сидоров Л. Ф., Наложение морен на Памире как свидетельство новейших поднятий,— «Известия ВГО», 1965, т. 97, вып. 1.
26. Сидоров Л. Ф., О роли дефляции и эоловой аккумуляции в истории природы Памира. 19 Герценовские чтения, география и геология, программа и тезисы докладов 11—26 апреля 1966 г., Л., 1966.
27. Сидоров Л. Ф., Эоловые процессы и формирование поверхности Памирского нагорья в голоцене,— «Известия ВГО», 1968, т. 100, № 2.
28. Сидоров Л. Ф. и Потапов Р. Л., К истории лесов Памира и прилегающих областей в позднечетвертичное время,— «Ботанический журнал», 1965, т. 50, № 6.
29. Сидоров Л. Ф., Сапов О. П., К четвертичной истории рельефа в бассейне озера Яшилкуль на Памире,— «Известия ВГО», 1965, т. 97, № 6.
30. Янковская А. И., Фауна теплых родников Восточного Памира,— «Фаунистика и экология животных», М.—Л., 1965.

В. А. Ранов

ПАМИР И ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ВЫСОКОГОРИЙ АЗИИ ЧЕЛОВЕКОМ КАМЕННОГО ВЕКА

Изучение каменного века Памира является частью сложной проблемы освоения человеком истории горных стран «Высокой Азии». Под этим географическим понятием мы условно объединяем горные области Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Куньлуня, Каракорума, Гималаев, Тибета, Сино-Тибетских гор, одним словом горный пояс, обрамляющий Центральную Азию с юга и северо-запада. За исключением южных склонов Трансгималайских хребтов, все это аридная зона, состоящая из отдельных регионов, отличающихся резким своеобразием как в плане орографии, геоморфологии, так и климата, современной фауны и флоры. Можно уверенно сказать, что перед нами один из наиболее труднодоступных районов земного шара, в котором современному (а тем более первобытному) человеку приходится сталкиваться с очень тяжелыми условиями существования.

Благодаря работам Памирского отряда Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) в 1956—1960 гг., а позднее — исследованиям Палеолитического отряда Киргизской археологической экспедиции (КАЭ) (1967—68 гг.) высокогорные области Средней Азии являются в настоящее время наиболее полно исследованными (в плане изучения памятников каменного века) областями Высокой Азии. Действительно, ни работы в Сино-Тибетских горах (Д. Эдгар, Г. Буль и др.), ни поездки в западную часть Сычуани Д. Андерсона, ни сведения, сообщаемые о южных склонах Гималаев Х. де Терра и относящиеся к первой половине нашего века, не могут идти ни в какое сравнение по своим масштабам, методике обработки и интерпретации с полученным материалом¹.

Небольшие сборы китайских геологов в Восточном Тибете и на Цинхайском плато, опубликованные в 1958, очень незначительны количественно, к тому же вряд ли правильно интерпретированы [54; 37, 102]. Более поздними данными о стоянках каменного века в Тибете мы не располагаем, нет их и в недавней сводке Чен Те-Куна [52]. На сравнительно низких абсолютных высотах ведутся исследования на южных

¹ Литературу см. [37].

склонах Гималаев — в Бурзахоме (Кашмир), где на высоте 1600 м сейчас раскапывается поздненеолитическое поселение [47], и в районе города Дарджилинга в Западном Бенгале, расположенном на близкой высоте. В последнем случае найдены полированные топоры неолитического характера [57]².

Таким образом, только на примере Средней Азии может быть рассмотрена динамика заселения горной страны человеком и освоение человеком каменного века различных высотных поясов.

Каковы были причины, заставлявшие первобытные племена покидать расположенные на низких уровнях благодатные долины, удобные для жизни и передвижения, и предпринимать далекие и часто небезопасные путешествия в горы? Все данные, которые можно получить, говорят о значительном расчленении рельефа горных долин, ведущих к Памиру, по крайней мере со второй половины плейстоцена.

К сожалению, на сегодняшний день еще нет конкретных материалов для реконструкции действительных причин, вызывавших эти передвижения. Можно лишь высказать несколько общих предположений.

1. *Сезонные миграции охотничьих племен.* Как нам уже неоднократно приходилось говорить, стоянки, открытые на Памире, имеют характер сезонных поселений [37, 108—109], и можно думать, что в различные эпохи каменного века, люди, жившие в долинах, поднимались в горы в поисках хороших охотничьих угодий. Подобные охотничьи походы характерны и для более раннего времени. В указанном Г. Кларком примере речь идет о сезонных перекочевках северных оленей, поднимавшихся летом в горы Шлезвиг-Гольштейна; вслед за ними приходил сюда и человек, о чем свидетельствуют летние временные стоянки, найденные в этой области [12, 37].

Из всей современной фауны Памира, насчитывающей 21 вид млекопитающих и 48 гнездящихся птиц [42], только копытные: центральноазиатский козел (*Capra sibirica* Meyer) и центральноазиатский баран (*Ovis ammon* L.), обитающие на Памире и в настоящее время, могут представлять в этом плане интерес. Однако история и формирование животного мира интересующей нас области освещены только в области орнитофауны. Интересная работа Р. Л. Поталова показывает, что последняя формировалась на памирском нагорье в течение всего антропогена [21]. Что касается фауны млекопитающих, то в этом вопросе общепринятым считается предположение о том, что памирский зоогеографический участок, включающий Алайскую долину и нагорье Памира, не имеет в своей фауне характерных черт, присущих только этому региону [42, 454]. Упомянутые выше копытные имеют очень широкий, исторически сложившийся ареал распространения (в частности, козлы-тэке — от Северной Индии и Гиндукуша до Саян и среднеазиатских гор). Область распространения козлов, ограниченная высотами 2700—5500 м, связана летом с наиболее высокими горными ущельями. Несомненно ниже этого уровня обитает баран.

Оба животных достаточно широко распространены в горах Средней Азии, особенно в Памиро-Алае. Поэтому никаких следов сезонных или многолетних перекочевок больших масс этих животных на Памир в настоящее время не отмечается. У нас нет фаунистических остатков и в древних памятниках, которые могли бы говорить о подобных передвижениях.

Как показывает фауна, полученная при раскопках стоянки Ошхона,

² В последнее время, уже после сдачи в печать настоящей статьи, появилось сообщение Х. Д. Санкалия о находках древнего палеолита у Пахлгана в Кашмире [64а, 42—61].

специализированной охотой люди маркансуйской культуры не занимались — состав животных, служивших им пищей, достаточно разнообразен: наряду с костями козлов и баранов имеются кости грызунов и птиц. Небольшое количество костей, добытых из культурных слоев Ошхоны и скальных убежищ Куртекесая, не позволяет произвести процентные подсчеты.

Поэтому обосновывать появление людей на памирском высокогорье причинами, связанными с сезонными или многолетними передвижениями фауны, очевидно, нельзя. Но вполне возможно, что первобытных людей на Памир привлекал не приход сюда животных, на которых они охотились и ниже, и даже не количество этих животных, а возможность использовать более легкие и удобные способы охоты на них³.

2. Экологические причины. Реконструкция процесса изменения экологических условий в различные периоды каменного века в Средней Азии в настоящее время вряд ли возможна. Наиболее подробно вероятные колебания климата и соответственно природной обстановки в эпоху позднего плейстоцена — голоцена рассмотрены для Памира [1; 40; 41; 43]. Для окружающих областей подобные материалы очень скудны и пока единичны [15]. Нет данных и о влиянии человека каменного века на природу — изменений во внешнем окружении, вызывавшихся, скажем, ростом населения той или иной области, т. е. возникновения фазы нарушения равновесия между человеком и окружающей природой, что должно вызывать изменение жизненного строя общества и, в частности, поиски новых мест для заселения.

3. Социальные причины. Работы последних лет с достаточной полнотой показали, что еще в эпоху палеолита существовали сложные социальные отношения внутри человеческих объединений. Возникновение племени отодвигается далеко в глубь человеческой истории — в мустье-ерское время [8]. Уже с эпохи мустье существуют определенные территории, занятые неандертальскими «предплеменами». Эти тенденции к ограничению территории, занятой определенным племенем, в еще большей мере должны проявляться в верхнем палеолите и мезолите. С каждым годом накапливается все больше и больше данных для выявления локальных культур в мезолите и неолите Средней Азии. На территории, занятой тремя большими культурно-историческими общностями: джейтунской, кельтеминарской и тиссарской культурами [19], начинают выделяться более дробные локальные варианты [6; 13].

Последующее накопление фактического материала позволит, надо думать, воссоздать реальную картину сосуществования племен в мезо-неолитическое время и в какой-то степени представить их взаимодействие. Известно, что переселение больших масс людей может вызываться двумя основными причинами: перенаселением данной территории и истощением природных ресурсов. К этому нужно добавить еще и вытеснение основного населения более сильными, многочисленными или лучше вооруженными пришельцами. Действие всех этих трех факторов теоретически возможно для областей, окружающих Памир, но действие любого из них, которое явилось бы предпосылкой для начала освоения высокогорий Памира, на сегодняшний день реконструировать нельзя.

³ Судя по рисункам из грота Шахты [27], в раннем голоцене на Памире могло существовать и третье копытное животное — дикая свинья. Р. Я. Потапов считает, что кабаны могли проникать в те времена на Центральный Памир по тугайным зарослям Аличура и Гунта [21, 114]. Сказанное выше, естественно, относится и к этим животным. Теоретически, конечно, нельзя исключить, что человек каменного века пришел за стадами копытных после стаяния последнего оледенения. Но никаких доказательств этому предположению пока нет.

И, наконец, последнее. Мезолитическая эпоха, к которой относятся основные памятники, открытые на Памире, была временем широкого освоения ранее безлюдных территорий [44, 70].

Итак, рассматривая возможные пути заселения Памира, мы не можем пока объяснить конкретные причины, которые обусловили движение первобытных людей на «Крышу мира».

Вполне вероятно, что Памир в первой половине голоцена находился на более низких абсолютных высотах (Л. Ф. Сидоров считает, что со времени жизни людей каменного века нагорье поднялось на 600—700 м [5]). Но и в этом случае древним людям приходилось жить на достаточно больших высотах в 3500—3700 м над уровнем моря. Как известно, высокогорье оказывает разностороннее действие на организм человека, которое вызвано «усиленной солнечной радиацией, высокой ионизацией воздуха, резкими изменениями влажности и температуры, пониженным атмосферным давлением и низким парциальным давлением кислорода» [4, 4].

Из многочисленных факторов горной среды решающее значение в плане воздействия на человеческий организм имеет низкое атмосферное давление. Так, на высоте 1000 м последнее на 12% меньше, чем на уровне моря, на высоте 2000 м на 22%, на высоте 3000 м на 31%.

В специальных работах, посвященных адаптации человеческого организма к высотным условиям, отмечается, что на одной и той же высоте кислородное голодание проявляется по-разному в разных областях. Так, горная болезнь в Альпах и на Кавказе обычно обнаруживается на высоте 3000 м, в Андах — 4000 м, в Гималаях — 5000 м [4, 19]. Дело, таким образом, не только в самой высоте, но и во всем комплексе природных условий данной области. Для нашей темы интересно следующее заключение: «Независимо от того, являются ли горные плато родиной первобытного человека или он (как думает Реклю) избрал эту родину вторично, переселившись с долин на горные высоты, несомненно, одновысотный климат не является физиологически непривычной средой для организма человека» [4, 174].

Это мнение подтверждается сейчас данными археологии. В СССР стоянки каменного века (в том числе и палеолитические) находятся на Кавказе на высоте 2300—1500 м (местонахождение Ачеги-Бок — 2300, Цонская пещера—2100, местонахождение Джрабер—1800, пещера Кударо 1—1600 м и т. д.)⁴, на Тяньшане первые следы жизни людей эпохи неолита (мезолита?) обнаружены на высотах 3500—2000 м (пункты на оз. Чатыркель — 3600⁵, местонахождения Терек I, Сары-Имек — 3500⁶, пещера Ак-Чункур — 3000, Кочкоракджол (Арпа) — 2800, Он-Арча, Арчалы — 2200⁷ и т. д.).

На Памире стоянки каменного века (мезолит — ранний неолит) зафиксированы от высоты 4200 до 3600 м над уровнем моря (Ошхона — около 4200, Каратумшук, Куртеке — 4100, В. Пшарт — 4000, Бахмал-Джилга — 3800, Мургаб — 3600 и т. д.).

В Алайской долине следы стоянок обнаружены на высоте 2500 м.

В других районах Средней Азии наиболее высокорасположенные памятники связаны с уровнем 1500—2300 м (навес Ак-Танги — 2300, стоянка Шугноу⁸ — 2200, грот Тешик-Таш — 1500 и т. д.). Очень воз-

⁴ Личное сообщение В. П. Любина, за которое приношу свою искреннюю признательность.

⁵ Работа геолога Ш. А. Кыдырова, 1963 г.

⁶ Работы автора, 1968 г. (включают и местонахождение Кочкоракджол).

⁷ Арчалы — работы автора, 1967 г.

⁸ Работы автора, 1968.

можно, что дальнейшие исследования приведут к открытию новых памятников каменного века на значительно больших высотах и вне Памира и Тяньшанских сыртов.

В Тибете и на Цинхайском плато автору известны следующие высокогорные местонахождения каменного века:

местонахождения около Нуайхо (Нарчу), Тото-уан и Нуоуошили (около Тангулагаия в районе истоков Янцзы), расположенные на высоте более 4300 м над уровнем моря, местонахождение на окраине Цинхайской впадины в 100 км юго-западнее города Гагми (Голмо), обнаруженное на высоте 3500 м [54].

Недостаточно данных о других пунктах этого района, в частности, стоянке на окраине деревни Лунцзинькоу (Цинхай), но судя по крашеной керамике каменные орудия, найденные здесь, относятся к более позднему, чем интересующий нас, периоду⁹. Насколько нам известно, не поступило новых данных о черепе древнего человека, который был обнаружен в горных пещерах Тибета [22, 141].

Так же трудно использовать слишком общие сведения о стоянках и отдельных находках изделий каменного века, встреченных в разных районах Тибета, о которых сообщали в разные годы М. Германн [60], П. Ауфшнайтер [48], Ю. Н. Перих [38] и др.

В западной части провинции Сычуань и на востоке Сижкана местонахождения каменного века располагаются в среднем на высоте от 2000 до 4000 м. Основные памятники, обследованные в 20—30-х годах лежат на высоте 3500—3600 м. Но отдельные пункты как К'анг Тинг и Шо-лунг находятся еще выше — в первом случае изделия каменного века найдены на высоте от 4390 до 4420 м, во втором — 4530 м (по-видимому, рекордная высота) [50; 59].

Даже если принять, что многие из упомянутых регионов испытали за последние 10 тыс. лет значительное поднятие (которое максимально не может превышать 500—600 м), все равно, большая часть указанных памятников располагалась в зоне высокогорий и человек, живший на этих высотах, в полной мере испытывал влияние всех неблагоприятных факторов, о которых говорилось выше.

По крайней мере с первой половины голоцена первобытные племена освоили высокогорные области Старого Света. Как сегодня, так и много тысяч лет тому назад ни трудные перевалы через высочайшие хребты мира, ни климат высокогорья не могли их остановить. Вместе с тем археологические данные свидетельствуют о сезонных появлениях мезо-неолитических племен на Памире. Пока нет данных, говорящих в пользу длительного проживания первобытного человека на Памирском высокогорье, — мы не имеем до сих пор стоянок, где были бы обнаружены долговременные жилища, в которых люди могли перенести очень суровую памирскую зиму, даже учитывая все возможные варианты, говорящие о более мягких природных условиях в прошлом [40; 41]. Нельзя исключить, конечно, что в определенные годы, а может быть и десятилетия, племена каменного века проводили весь год на высокогорье, но, повторяем, на сегодняшний день доказательствами этого факта археология не располагает.

Оставляя в стороне высокогорные памятники Кавказа (заметим, что ряд пунктов здесь находится в зоне сильно расчлененного альпийского рельефа, близко к водоразделам, высоко над днищами узких, глубоководрезанных долин), рассмотрим кратко экологические условия,

⁹ См. Цзоу Шэй-чжэн. В Цзунчитай обнаружены следы культуры крашеной керамики. Wen Wu, № 6, 1957, стр. 89 (кит. яз.). Знакомством с этой заметкой автор обязан любезности М. В. Воробьева. Не сопровождалась археологическими находками и антропологические материалы из Линьчжи (долина Цангио, Юго-Восточный Тибет).

в которых могли находиться стоянки «Высокой Азии». Природный комплекс сыртов Тянь-Шаня, Памирского нагорья и Тибета рассмотрен в ряде специальных работ [2; 42; 45; 46].

Тянь-Шань. Сырты представляют собой слабо расчлененные древние денудационные поверхности, в которых отмечаются сыртовые луго-степи в долинах и пояс холодной пустыни на вершинах и склонах сыртовых гряд, а также моренных холмов. Климат холодный, резко континентальный и сухой с низкими температурами, заморозками, небольшой глубиной слоя многолетней мерзлоты. Общие экологические условия приближаются к памирским: растительность совершенно лишенная древесных пород, сильно разреженная, характеризуется распространением луго-степей и степей, которые встречаются в комплексе с кобрезиевыми и беломятликовыми пустошами. Животный мир представлен такими крупными млекопитающими, как горные бараны, горные козлы, медведи, а также лисы, барсуки, зайцы и т. д. Палеогеографические и палеоклиматические данные в сколько-нибудь общем виде отсутствуют. К этой зоне нужно отнести и Алайскую долину.

Памир. Характеризуется как высокогорная пустыня с довольно однообразными ландшафтами, представленными ровными широкими долинами с развитой системой террас. Значительное распространение имеют ледниковые и флювиогляциальные отложения. Почти повсеместно распространена вечная мерзлота. Как и на Тянь-Шане, реки текут в широких неглубоких долинах. Климат резко континентальный со значительными колебаниями температуры в течение суток. Средняя годовая температура — 1°. Зимой абсолютные минимумы температур доходят до —50°. Отличительной чертой климата является его крайняя сухость. Почти круглый год отмечаются сильные ветры. Растительность носит явно выраженный пустынный характер. Древесная растительность отсутствует, кустарниковая встречается лишь на отдельных участках. Местами встречаются луга, но большую часть нагорья занимают полупустынные ассоциации с сильно разреженным растительным покровом, для которых наиболее характерны низкий полукустарничек терескен и полынь. Наиболее распространены из числа крупных животных — горные бараны, козлы, медведи, а также хищники: волк, снежный барс, лисица и т. д.

Имеются два диаметрально противоположных взгляда на развитие климата и характера природных условий Памира в эпоху голоцена. Наиболее четко они выражены в работах Л. Ф. Сидорова и О. Е. Агаханянца. Как первый, так и второй взгляд имеют своих сторонников.

Л. Ф. Сидоров считает, что в раннем голоцене памирское нагорье еще не было поднято до современного уровня и в межгорных пространствах, в поймах рек произрастали тугайные леса, по склонам гор были представлены розарии и арчевники, широкое распространение имели типчаковые степи и луга. Современный облик растительность нагорья приняла сравнительно недавно, уже в историческое время. Соответственно климат, во всяком случае в первую половину голоцена, в связи с меньшей высотой, был более мягким, теплым и влажным [40].

О. Е. Агаханянец и сторонники его концепции считают, что на Памире сухой континентальный климат, близкий к современному, существовал на всем протяжении голоцена. Соответственно и растительность высокогорья, а также и другие элементы природной обстановки приняли настоящий облик еще в верхнем плейстоцене [3].

Тибет. Высочайшее в мире нагорье, охватывающее огромную территорию, подразделяется на несколько физико-географических районов. В связи с упоминавшимися ниже археологическими находками для нас

важна характеристика основной части Северного Тибета — пустыни Чангтан, средняя высота которой около 5000 м. Климат Чангтана отличается сухостью, резко выраженной континентальностью, со значительными среднесуточными амплитудами колебаний температуры. Как и для описанных выше сыртов Тянь-Шаня и Памира, характерны почти непрекращающиеся сильные ветры. Ландшафт представлен равнинами с невысоко поднимающимися над ними хребтами. Распространены галечно-щебнистые поверхности со скудной травянистой растительностью. В восточной части Чангтана, где количество осадков несколько увеличивается, появляется степная или лугово-степная растительность с кустарниками по сухим склонам. Восточная часть плато (особенно юго-восточная) более благоприятна для жизни. Так, юго-восток Чангтана является важным пастбищным районом Тибета.

Все исследователи нагорья отмечают богатую фауну, в составе которой выделяются копытные: як, антилопа-оронго, кианг — животное, близкое к кулану, горный баран. Очень много также грызунов (особенно крупных тибетских сурков). История развития рельефа, фауны и флоры изучена еще недостаточно. Вместе с тем ряд фактов говорит о значительном изменении природных условий за четвертичный период. Об этом, в частности, свидетельствуют генезис фауны и флоры и в особенности многочисленные древние уровни современных озер Тибета. По всей очевидности, перед будущими исследователями этого региона станут те же самые проблемы, которые вызвали острую дискуссию о палеоклимате Памира [ср. 54, 163]. Известные исследователи Азии Х. Д. Терра и Э. Хатчинсон еще в 1934 г. показали, насколько чутко уровни высокогорных озер Ладака реагируют на климатические изменения [64].

В заключение отметим, что, как указывает Б. В. Юсов, несмотря на большую абсолютную высоту Северного Тибета по сравнению с Восточным Памиром, климат первого «в целом все же благоприятнее восточнопамирского, за исключением, быть может, районов севернее 35° с. ш. Это зависит в первую очередь от большего количества выпадающих осадков... на значительной площади Северного Тибета распространена полупустынная и даже степная растительность и имеются отдельные очаги земледелия: об этом же свидетельствует обилие населяющих его диких животных» [46, 95].

Восточный Тибет. (Сино-Тибетские горы). К этой области относятся памятники, упомянутые в сводке Чен Те-Куна по Сычуани. Это истоки великих азиатских рек, которые вначале текут по плоскому или увалистому нагорью, близкому к Чангтану, а затем средний уровень страны (4500—5000 м) снижается. Рельеф приобретает ярко выраженный эрозионный характер. В области речных ущелий растительность верхней зоны от 6000 до 3000 м имеет еще тибетский характер, но на меньших высотах горы одеты еловыми лесами. Выше лесов находятся альпийские луга. Здесь уже четко ощущается влияние природных зон, расположенных южнее.

У западных пределов провинции Сычуань располагаются травянистые степи — часть тибетского плато, а на восток — плато Чжэнду. Реки Ялуцзян и Тао-Ту с притоками прорезали в этих плато узкие долины, которые делятся на два типа: сухие галечниковые долины и долины, поросшие лесом. Археологические находки встречаются чаще в степном поясе, где они отмечаются на абсолютной высоте свыше 3600 м, а также в скальных убежищах на уровнях от 1800 до 3600 м. В климате отмечается влияние влажного и теплого муссона.

Таким образом, частично последняя область отличается от преды-

душих, хотя ее западная часть полностью входит в зону высочайших нагорий мира.

Итак, те еще скудные данные по археологии каменного века высокогорий Азии, которыми располагает наука, свидетельствуют о том, что памятники каменного века «Высокой Азии» открыты в близких экологических условиях и расположены в подавляющем большинстве случаев на высокогорных плато.

Близкое сходство многих элементов природных условий в различные периоды истории развития ландшафтов Памира и Тибета отмечалось неоднократно [2; 41].

Оставляя в стороне вопрос о том, какими были природные условия «Высокой Азии», когда после стаивания ледников последнего крупного оледенения Тянь-Шаня, Памира и Тибета сюда пришли люди, можно уверенно сказать, что первобытные племена сумели преодолеть труднейшие перевалы и проникнуть в самое сердце горных стран Азиатского континента. Можно с большой долей уверенности высказать предположение о том, что расширение археологических работ, бесспорно, приведет не только к новому накоплению материала в уже известных районах, но и к открытию новых пунктов в еще не изученных областях «Высокой Азии» — в частности, на западе Тибета.

Бесспорно и другое — следы людей каменного века должны сохраниться и в районах транзитных путей, которые проходили через горные хребты, с характерными глубоко расчлененными долинами. Возможно, что в некоторых случаях и зоны альпийского рельефа были в это время довольно интенсивно освоены людьми каменного века, которые использовали здесь превосходные условия для охоты.

Другое дело, что в силу закономерностей формирования современных ландшафтов в узких речных долинах, многократно переуглублявшихся, в которых к тому же террасы перекрываются обломочным материалом осыпей, где чрезвычайно сильное развитие получает плоскостной смыв, стоянки каменного века (кроме пещерных) обнаружить можно лишь при счастливых стечениях обстоятельств, способствующих их сохранности.

Именно поэтому вопрос о непосредственных дорогах, по которым прошли на высокогорные плато памирские и тибетские охотники каменного века, оказывается на современном этапе трудноразрешимым.

Есть все основания предполагать, что в горах «Высокой Азии» — на Тянь-Шане, Памиро-Алае, Куньлуне, Гималаях, Тибете, Сино-Тибетских горах существовала близкая по характеру орудий и технике расщепления камня археологическая культура, которая, охватывая огромные пространства и большой промежуток времени, распадается на ряд локальных культур и хронологических группировок.

Памир является одним из центров развития одного из локальных вариантов этой высокогорной культуры, в настоящее время изученным лучше других. Поэтому именно на примере Средней Азии и Памира можно хотя бы в предварительных чертах проследить динамику освоения высокогорной страны людьми каменного века.

Рассматривая особенности строения четвертичных отложений горных долин Средней Азии, Н. П. Костенко выделила 4 геоморфологические зоны, которые расположены на разных высотах и характеризуются различным рельефом, характером и генезисом отложений и т. д. Каждая из этих зон формировалась в различный период, начиная с плиоцена [16]. Принимая во внимание вышеуказанные геоморфологические зоны, а также зоны вертикальной поясности гор Средней Азии (в общих чертах), можно представить себе и движение первобытных пле-

мен, так сказать, «по вертикали», т. е. постепенное, растянутое во времени заселение гор Средней Азии в глубокой древности.

Для решения настоящей задачи можно выделить следующие природные (высотные) зоны: 1. Равнины. 2. Предгорья и крупные впадины-депрессии типа Гиссарской, Ферганской, Сусамырской и других долин. Геоморфологически они распадаются на центральную пониженную часть и предгорное обрамление адыры (piedmont). Абсолютная высота этой зоны не превышает 1000—2000 м над уровнем моря; 3. Зона альпийского, сильно расчлененного рельефа, состоящая из узких V-образных глубоковрезанных речных долин, разрезающих хребты внешней горной зоны. Высота от 500 до 4000 м; 4. Высокоподнятые, слаборасчлененные долины — нижний аккумуляционный уровень высокогорья (сырты Тянь-Шаня, Памирское нагорье). Абсолютная высота от 2000 до 4300 м; 5. Области гребневой денудации — современного оледенения, 4500 и более метров над уровнем моря.

Основные черты культур каменного века рассматривались неоднократно, и поэтому можно отослать интересующегося читателя к уже опубликованным работам [30; 32; 33; 36].

Попробуем «наложить» стоянки каменного века на выделенные выше природные зоны.

1. Равнины. Палеолит известен мало. Это отдельные находки на Красноводском полуострове и сборы А. В. Виноградова в юго-западных Кызыл-Кумах. Особый интерес имеют недавние открытия А. Г. Медоева на Мангышлаке. Не менее важны для будущих работ и исследования того же автора в Центральной Казахстане. Зона распространения мезолита с орудиями геометрических форм, джейтунских (предгорная полоса) и кельтеминарских стоянок.

2. Среднегорные впадины — депрессии. Как внешние предгорья, так и все крупнейшие депрессии были заселены первобытным человеком. Здесь находятся все нижнепалеолитические пункты, а также крупнейшие местонахождения мустье и верхнего палеолита. Это зона существования гиссарской неолитической культуры, а в долинах, выходящих к Амударье в Таджикистане и в Центральной Фергане, — зона стоянок с кремневым микролитондным пластинчатым инвентарем. Геоморфологически стоянки связаны или с речными террасами разных уровней, или с предгорными, сильно расчлененными увалами — адырами.

3. Зона альпийского рельефа. Нижние части внешнего горного обрамления Средней Азии. Узкие, хорошо облесенные ущелья, центральные ветви которых выходят в среднегорные впадины, чрезвычайно удобные для охоты, были хорошо освоены человеком уже в мустьерское время. Абсолютная высота грота Тешик-Таш и пещеры Аман-Кутан — 1500 м. Близки к этой высоте и другие пещерные стоянки. Известны и отдельные открытые местонахождения палеолита и неолита, но они связаны с нижними уровнями ущелий и не встречаются выше, где сохранились следы древних оледенений. Меньше известно о заселении этой зоны в постпалеолитическое время.

4. Высокогорные плато и долины — Тянь-Шань и Памир. Вместе с Тибетом это наиболее высокие уровни жизни первобытного человека на земном шаре. На Памире зафиксировано сейчас 50 пунктов с находками каменного века (карту стоянок см. [37]). Археологическая характеристика материала в основном мезо-неолитического времени будет приведена ниже.

В связи с положением в рельефе, стоянки и отдельные местонахождения Памира можно разбить на три типа: а) связанные с речными

террасами, б) на моренах, в) пещерные. Стоянки на моренах встречаются реже, чем стоянки на террасах, представляющие собой наиболее распространенный тип памятников.

Близки по своему геоморфологическому положению и стоянки Аксайских сыртов на Тянь-Шане (Сары-Имек, Терек I, Чатыркель и т. д.).

5. Зона пригребневой депудации (в основном — субнивальная область). К этой зоне можно условно отнести пещерные стоянки Ак-Чункур на реке Сарыджас в Тянь-Шане (3000 м — неолит?) и Шахты на Памире (4200 м — поздний неолит — бронза). Впрочем, хотя оба памятника и находятся сравнительно близко к водоразделам, они должны входить по своему положению скорее в предыдущую зону. Ничего пока неизвестно о стоянках каменного века в этой зоне для районов внешнего горного кольца Средней Азии (зона 3).

Таким образом, в ряде случаев стоянки мезолитического и неолитического времени находятся в непосредственной близости к современным ледникам.

Что же касается более древних периодов, то этот вопрос рассматривался нами в специальной работе [35]. Судя по данным хронологии, первобытный человек обитал в Средней Азии не только в периоды между оледенениями, но и жил в условиях значительно более суровых — в эпоху усиления оледенения гор Средней Азии. В отдельных случаях палеолитические стоянки находились довольно близко к областям распространения ледникового покрова.

В Средней Азии, которая в четвертичное время не испытывала покровного оледенения, можно выделить две области: горную часть, в которой сохранились следы двух больших оледенений, и внеледниковую область, куда входят все крупные впадины и долины, расположенные на высоте ниже 2000 м.

Все известные на сегодняшний день палеолитические стоянки (доверенные, не вызывающие никаких сомнений археологические комплексы), расположены во внеледниковой зоне. И только с самого конца голоцена начинается более или менее интенсивное заселение высокогорий Средней Азии. Более детальное описание истории освоения человеком каменного века различных высотных зон Средней Азии требует специального исследования.

Прежде чем перейти к археологической характеристике памирского материала, остановимся кратко на данных антропологии. К сожалению, антропологические исследования пока очень мало могут помочь в решении вопроса — откуда пришло на Памир первое его население. И это не только потому, что исследования стоянок каменного века не принесли еще скелетов древнейшего населения Памира, но и потому, что населяющие современный Бадахшан (Западный Памир) и Памир (Восточный Памир) расовые типы сформировались очень поздно, уже в историческое время [20; 39]. Причины развития брахицефалии таджиков Бадахшана совершенно неизвестны; в курганах, оставленных населением начала нашей эры, встречается хорошо выраженный долихоцефальный средиземноморский расовый тип. В. В. Гинзбург, исследовавший черепа из сакских могильников Памира, отмечает, что «саки Южного Памира представляются едиными по происхождению, являясь, по-видимому, самой восточной частью большого антропологического пласта, охватывающего Переднюю Азию, Закаспийскую область и Северную Индию» [7, 37]. Это индоафганский тип средиземноморской расы, причем по ряду признаков автор находит возможным называть его протосредиземноморским.

Интересны для нас и сведения о первых черепах эпохи бронзы, которые сообщает Т. П. Кияткина. В могильнике Кызыл-Рабат также фиксируется тип, тяготеющий к протоевропеоидному стволу в его переднеазиатском варианте. Чрезвычайно важно, что антропологические связи не совпадают с культурными — Б. А. Литвинский сопоставляет материал из Кызыл-Рабатского могильника с кайраккумской андронидной культурой эпохи бронзы [17], тогда как антропологический тип указывает на юго-западное направление связей.

Вышеизложенное показывает, что мы никак не можем опереться на современный антропологический состав населения Бадахшана и Памира. Более того, есть все основания предполагать, что и антропологические материалы эпохи каменного века в этом районе, которые когда-нибудь будут открыты, мало помогут в решении поставленного вопроса. Как показывает изучение небольшой серии черепов VI тысячелетия до н. э., добытых из неолитического горизонта населения Туткаул в Южном Таджикистане (Т. П. Кияткина), здесь мы также встречаемся с не дифференцированным еще протоевропеоидным расовым типом, распространённым в эпоху мезолита и неолита, т. е. с X до III тысячелетия до н. э., на огромной территории — от Восточного Средиземноморья до Северо-Западной Индии.

Таким образом, один и тот же расовый тип будет представлен в археологическом отношении различными культурами, обнаруживающими очень большой комплекс культурных связей.

Рассмотрим теперь основной археологический материал Памира и попробуем установить направление возможных культурных связей.

Общие определения материала, накопленного во время четырех сезонов полевых исследований высокогорья, уже даны [25; 26; 28; 29; 31]. На Памире можно выделить следующие хронологические этапы, представленные далеко не равномерно.

1. Отдельные находки, предположительно палеолитические (мустье, верхний палеолит?). Представлены изделиями из Уй-Су, Мургаба, Чеш-Тепе. Материала слишком мало, чтобы дать более уверенное его определение.

2. Группа стоянок по правому борту Аличурской долины, которая также условно отнесена к концу верхнего палеолита, близкого к палеолиту сибирского типа. Столь же вероятно мезолитический возраст аличурских стоянок.

3. Основная группа памятников, датированная эпохой мезолита — раннего неолита (в свете последних исследований и терминологических разработок правильнее, очевидно, называть эту группу мезолитом). Радиоуглеродная дата, полученная для этой группы на стоянке Ошхона, — мезолитическая 9530 ± 130 (Рул — 187).

4. Микролитовидная культура позднего неолита или энеолита. Представлена также небольшим числом открытых местонахождений и культурными горизонтами скальных убежищ Шахты и Куртеке.

Ниже приводится краткая характеристика двух основных групп (второй и третьей), которые представляют, на наш взгляд, два разновременных (?) этапа одной археологической культуры, которую мы предлагаем назвать маркансуйской культурой¹⁰.

Главной особенностью маркансуйской культуры является очень хорошо выраженное одновременное существование двух разных технических традиций обработки камня. Первая характеризуется еще совершенно палеолитическими приемами раскалывания и вторичной обра-

¹⁰ По названию р. Маркансу, в долине которой расположена главная стоянка этой культуры — Ошхона.

ботки, тогда как вторая близка к пластинчатой технике в ее «микролитоидном» варианте.

Такое сочетание хорошо известно в ряде культур Азии [29, 23; 14, 19—20], но нигде это сосуществование палеолитической и мезо-неолитической техники не проявляется так четко и определенно, как в памятниках каменного века Памира. Добавим, что орудия первой группы сделаны исключительно из грубых пород, второй, — за редким исключением, из кремня. Процентное соотношение обеих групп для всего памирского материала еще не подсчитано, но в предварительном плане можно считать, что пластинчатый кремневый элемент на стоянке Ошхона вряд ли занимает более 8—10% ко всему инвентарю.

Краткую характеристику памирского материала можно дать следующим образом.

Основную часть сборов представляют отщепы и грубые пластины. Размеры чаще всего до 5 см, но среди заготовок немало и крупных — от 5 до 10 см длины. Настоящие пластинки правильной огранки имеются только среди изделий, добытых во время раскопок.

Однако о существовании пластинчатой техники свидетельствуют довольно частые находки нуклеусов микролитоидного облика, с которых подобные пластинки могли сниматься.

Основная же часть заготовок снималась с нуклеусов метаморфических пород крупных размеров (до 20—25 см в диаметре). И хотя подлинных дисковидных нуклеусов среди ядрищ Памира встречается не так много, другие формы (шаровидные, многоплощадочные, невыработанной формы, галечные нуклеусы) принципиально стоят ближе к дисковидным, нежели к призматическим нуклеусам, и имеют характерно изломанный рабочий край, который, как и в дисковидных нуклеусах, служил отбивной площадкой.

Следует также отметить очень архаичный, палеолитический облик ударных площадок заготовок — преобладают гладкие прямые или скошенные широкие ударные площадки, наклоненные к поверхности скалывания под углом 100—110°. Реже встречаются изогнутые, напоминающие мустьерские, но неретушированные ударные площадки. У последних упомянутый угол ближе к прямому — 90—100°.

Наиболее характерными орудиями памирских стоянок являются концевые скребки. Очень хорошая серия этих орудий получена на Ошхоне. Они в основном изготовлялись из грубых пластин высокого сечения подтреугольной формы и, по-видимому, вставлялись в костяные рукоятки — об этом свидетельствует тщательная подправка с одной или двух длинных сторон орудия. В подавляющем большинстве случаев рабочая часть скребка шире тыльной. Наиболее крупные скребки имеют длину 4—3,5 см, мелкие — до 1 см. Мелкие округлые скребочки мезолитического типа есть, но встречаются очень редко. Менее развиты скребки на отщепах. Единичными представлены «скребки высокой формы».

Другой тип скребков иногда концевых, иногда боковых лучше всего представлен в Аличуре. Они крупнее, массивнее, не имеют затупливающей ретуши с боков. Менее тщательно обработан и рабочий край этих орудий.

Крупные скребла встречаются реже, но составляют заметную деталь инвентаря стоянок. Лучшие из них изготовлены из крупных отщепов или расколотых галек и тщательно отретушированы по краю. Встречаются экземпляры с полностью обработанной спинкой.

Среди других орудий — остря, проколки, в том числе с выделенными мелкой ретушью плечиками, пластинки и отщепы с выемками

(однако количество и процентное отношение последних не может идти ни в какое сравнение с широким распространением подобных орудий в равнинной части Средней Азии и др.). Загадочным является присутствие хорошо обработанных струйчатой ретушью мелких наконечников стрел. Такие стрелы получены непосредственно из культурного слоя Ошхоны, в том числе со II горизонта, который и дал упоминавшуюся выше радиоуглеродную дату. Как показывают недавние находки на Атае, в Усть-Семинском поселении на реке Катунь [18, 216—217], подобные стрелки встречаются в донеолитических комплексах не только на Памире.

Подчеркнем также, что для маркансуйской культуры и для всех памятников Памира в целом совершенно не характерно применение крутой затупливающей ретуши и орудий геометрических форм (трапеции, сегменты), приемов, столь обычных при изготовлении орудий в равнинной части Средней Азии и на Ближнем Востоке.

Следовательно, маркансуйская культура Памира представляет собой вполне самостоятельное явление, характеризующееся преобладанием специфических приемов обработки камня. Эта культура возникла и сформировалась где-то вне Памира, но экологические условия высокогорья, с которыми племенам маркансуйской культуры пришлось столкнуться на Памире, наложили на каменный инвентарь маркансуйской культуры определенные, присущие только ей, специфические особенности.

Определенные еще в 1956 г. направления культурных связей (Алтай, Забайкалье, Восточная Сибирь, Монголия) [23] показывают, что аналогии памирским памятникам надо искать скорее на востоке, чем на западе [ср. 18, 215—217]. Вместе с тем ответить конкретно, откуда же пришли на Памир носители мезолитической маркансуйской культуры, очень трудно.

Прежде всего мы не можем сейчас выявить те специфические особенности, которые появились в каменном инвентаре маркансуйцев на Памире, и должны поэтому считать, что весь этот инвентарь служил указанным племенам в том же облике и том же наборе орудий в исходной точке движения. Нельзя исключать того, что в новых условиях жизни, пользуясь местными материалами для изготовления орудий и приспособляясь к существующему на новом месте окружению, древний человек сохраняет традиционные технические приемы обработки камня и создает новые приемы. Появляются орудия, присущие данному месту, т. е. в данном случае памирскому высокогорью. Если справедливо подобное предположение, которое очень трудно и доказать и полностью опровергнуть, поиски исходного ареала обитания маркансуйских племен обречены, казалось бы, на неудачу.

Единственный возможный путь, имеющийся сейчас в нашем распоряжении, это считать, что типологически сходные формы говорят об общем генетическом родстве и что в разных экологических условиях традиция изготовления основного комплекса орудий археологической культуры остается в целом неизменной.

На рис. 4 показаны основные памятники Памира и окружающих его районов (верхний палеолит — ранний неолит).

Все эти памятники можно по степени сходства с маркансуйской культурой разделить на две группы:

А — памятники пластинчатой культуры мезолитического и неолитического времени, инвентарь которых обнаруживает мало элементов, могущих быть непосредственно сопоставленными с орудиями маркансуйской культуры — Ходжа-Гор (верхний палеолит), Туткаул (III),

Ак-Танги (мезолит-неолит), материал Ферганских стоянок, Ташкумыр (мезолит).

Б — памятники, в которых пластинчатая техника не является преобладающей; распространены архаичные палеолитические приемы, в частности, галечная техника — Самаркандская стоянка, Сусамыр (верхний палеолит), Обишир (мезолит), памятники гиссарской культуры (неолит). Данные по Ак-Купруку (Северный Афганистан) опубликованы лишь предварительно, на этом памятнике мы остановимся ниже. Сложным является определение культурной принадлежности первых памятников, открытых на Чатыркельских сыртах. Наряду с хорошо выраженными чертами сходства с памирским материалом, на стоянке Терек-I пластинчатые заготовки играют значительную роль.

Сходство маркансуйской культуры с гиссарскими памятниками Южного Таджикистана подчеркивалось неоднократно [31]. Вместе с тем хронологические рамки гиссарской культуры, как они представлялись до раскопок в Туткауле (IV—III тысячелетия до н. э.), позволяли представить лишь один вариант — маркансуйская культура предшествует гиссарской и представляет один из важнейших компонентов ее формирования. В последние годы благодаря многолетним раскопкам автора выяснилось, что генезис гиссарской культуры представляется значительно более сложным. Основной «гиссарский» неолитический горизонт Туткаула имеет две радиоуглеродные даты: из кровли II горизонта — 7100 ± 140 лет (LE-690), из основания — 8020 ± 170 лет (LE-772). В инвентаре отмечается большое сходство с памирским, но в плане техники раскалывания, тогда как набор орудий резко отличен. Это можно объяснить не только хронологическим разрывом в датировке памятников, но и разной экономической их основой (в Туткауле — примитивное земледелие и скотоводство, на Памире — охота). Два других горизонта Туткаула отнесены к мезолиту. Слой 2-A на основании археологических данных датируется VII (а может быть, и VIII) тысячелетием до н. э. Следующий, самый древний горизонт Туткаула — X—XI тысячелетиями до н. э. Последний демонстрирует близкое сходство с натуфийской мезолитической культурой Ближнего Востока и не представляет для нас непосредственного интереса. Слой 2-A, который может быть одновременным памирским материалом, заслуживает специального рассмотрения.

В этом горизонте значительную часть инвентаря составляют орудия, выполненные в хорошо известной на западе Средней Азии и Ближнем Востоке манере «затупленной спинки» — в частности, прямые или изогнутые острия и сегменты. Подобной техники, как показано выше, на Памире нет. В то же самое время здесь широко развита галечная техника, присущая гиссарской культуре и распространенная в различном своем проявлении в маркансуйской и более поздних культурах Памира. Крупные, сравнительно широкие пластины правильных очертаний, но не ножевидные, а скорее мустьерского облика, очень напоминают подобные заготовки верхнепалеолитической стоянки в городе Самарканде. Точно такие же пластины и концевые скребки найдены нами осенью 1968 г. на новой, обследованной только предварительно, верхнепалеолитической стоянке Шугноу в Придарвазье. Этим определяется местный генезис гиссарской культуры, предшественником основной (неолитической) группы памятников которой является мезолит типа горизонта 2-A Туткаула, вырастающий в свою очередь из верхнепалеолитических памятников самаркандской группы. Следует отметить также, что Шугноу является наиболее близко расположенной к Памиру верхнепалеолитической стоянкой.

Из Ферганских стоянок интересны навесы Обишир I и V. К сожалению, пока мы не располагаем другими сведениями, кроме доклада У. Исламова¹¹. Обиширская культура характеризуется сочетанием микролитической пластинчатой техники (микропластинки с ретушью, микроскрепки), но без использования затупливающей ретуши и техники, очень близкой к той, которая бытовала в маркансуйской культуре и которая может быть сопоставлена с «гиссарским элементом» Туткаула. Она характеризуется также применением дисковидного и многоплощадочного нуклеусов, использованием крупных пластин палеолитического облика, употреблением (хотя и редким) галечных орудий. Очень напоминают памирские торцовые нуклеусы Обишира, сходство можно увидеть и в концевых скребках. Одним словом, обиширский материал имеет наибольшее сходство с Ошхоной и другими памятниками маркансуйской культуры из всех известных автору стоянок Средней Азии.

К сожалению, отсутствие на сегодняшний день точной археологической и радиоуглеродной даты затрудняет использование материалов Обишира для решения вопроса о заселении Памира.

Интересные, но немногочисленные находки обнаружены Палеолитическим отрядом КАЭ во Внутреннем Тянь-Шане. В западной части долины Сусамыр открыта стоянка Арчолы и несколько отдельных точек. На первый взгляд, орудия имеют палеолитический облик, большая часть находок напоминает мустьерские пластины. Вместе с тем определенное сходство с крупными пластинами и отщепами маркансуйской культуры бесспорно. Похоже, что некремневая индустрия Сусамыра принадлежит тому же высокогорному пласту культур каменного века Средней Азии, что и маркансуйская, хотя они могут быть отделены друг от друга значительным хронологическим промежутком.

В районе озера Чатыркель и на Аксайских сыртах известно теперь 5 пунктов. Два из них открыты геологом Ш. А. Кыдыровым на оз. Чатыркель в 1963 г. и три нами (Сары-Имек, Терек I—II в долине р. Терек — левом притоке Аксая). К ним примыкает и стоянка Кочкоракджол в долине реки Арпы. Все они принадлежат одной культуре и, очевидно, близки по времени. Наиболее хорошо эта культура представлена в стоянке Терек I. Из 176 предметов, собранных здесь, правильные ножевидные пластинки занимают 10%. О их значительном распространении свидетельствуют и нуклеусы правильной огранки (в основном — в обломках: в том числе и тонкие, карандашевидные). Среди других изделий можно выделить: округлые концевые скребки на отщепах, выемчатые орудия, с небольшими выемками, обработанными очень мелкой ретушью, отщепы с небольшими участками, обработанными мелкой ретушью. Единичными предметами представлены орудия с резцовыми сколами, резчики, долота. Сравнение с памирскими коллекциями затруднено прежде всего из-за различного материала, лежащего в основе изготовления орудий — на стоянке Терек I и других пунктах Чатыркеля и Аксая орудия изготовлялись из превосходного по качеству кремня, тогда как на Памире резко преобладает менее пластичный материал — кварцитовидный песчаник (филлит). В результате тяньшаньские коллекции имеют более выраженный «пластинчатый» облик. Вместе с тем ряд моментов в технике раскалывания и форме орудий вполне сопоставимы с маркансуйскими коллекциями. Представляется, что Терек I значительно моложе и представляет таким образом локальную аксайскую культуру эпохи неолита, по-видимому, бескерамического. Находки же Ш. А. Кыдырова у Чатыркеля стоят ближе к Ошхоне как хронологически, так и типологически.

¹¹ 3.4.68. Сектор палеолита ЛОИА.

Следует заметить, что новый район неолитических памятников в Киргизии выглядит пока изолировано и не может быть связан со значительно более микролитоидными памятниками Центральной Ферганы. Внимания, бесспорно, заслуживают новые открытия в Восточном Синцзяне, где обнаружена пластинчатая культура [10], близкая к старым, значительно менее компактным находкам этого района [49]. Интересно, что здесь, как и во многих других областях Азии, исследователи могут столкнуться с существованием двух типологически различных памятников — с пластинчатой техникой, выраженной в кремневом материале, и значительно более грубой и арханчной, близкой к гиссарской культуре Средней Азии — некремневой. О такой возможности говорят известные находки на реке Аксу [63].

Рассмотрим теперь наиболее близко расположенные или имеющие определенный интерес для сравнения палеолитические и мезолитические памятники зарубежных стран.

Среди палеолитических и мезолитических памятников Афганистана (Кара-Камар, Дарай-Кур, Дарай-Калон, Ак-Купрук) отмечается пласт культур, имеющий бесспорное сходство с переднеазиатскими памятниками этого времени [53, 58], которые характеризуются развитием пластинчатой индустрии и нуклевидных форм и противопоставляются нами непластинчатой индустрии палеолита и мезолита «азиатского типа» [30]. Среди этих культур, опубликованных к тому же в самых общих чертах, трудно найти аналогии памирским материалам. Однако, синхронно переслаиваясь во времени, в Афганистане присутствуют и культуры, близкие по своему характеру к самаркандской и гиссарской культурам Средней Азии (II горизонт Кара-Камара, IV и V горизонт Дарай-Калон, находки советского геолога А. А. Никонова в устье реки Кокча). Они известны еще менее, но именно эти индустрии, которые, по всей очевидности, родственны указанным культурам Средней Азии, могут дать определенные аналогии орудиям маркансуйской культуры.

В Пакистане следует остановиться на двух памятниках: навесах Галичай и Сангао. Первый расположен между Мингора и Барикотом в узкой части долины р. Сват. Оббитые гальки и отщепы встречаются в горизонтах 16—24, причем только в 24-м без керамики. Автор видит в них такие орудия, как грубые ручные рубила, кливеры, дисковидные и галечные нуклеусы и т. д., находя типологическую близость всего комплекса к чопперам и чоппингам соанской культуры [66]. Такая трактовка каменного материала навеса Галичай очень интересна для многих аспектов исследования каменного века Средней Азии. Однако только 3 фотографии содержат грубообработанные гальки [66, фиг. 28, 30 и 39]. Остальные экземпляры не имеют бесспорных следов обработки¹².

Из трех периодов, на которые автор раскопок разбивает стратиграфически и типологически каменные орудия пещеры Сангао [56] (отроги гор Тахт-Бахи в хребте Малаканд), I и II относятся к среднему каменному веку Индии или к среднему палеолиту [34; 47]. III — к одному из этапов послепалеолитических культур Пакистана, вероятно к неолиту.

К сожалению, очень плохо изданные орудия (главным образом из кварца) затрудняют необходимые сопоставления. Вместе с тем ряд элементов в характере отщепов, дисковидных нуклеусов, языковидных концевых скребков, боковых скребел и т. д. как будто бы позволяет

¹² По мнению А. Дани и Ф. Кхана, которые видели коллекции из Галичая, галечные орудия, выделенные Ж. Стагулем, не несут на себе следов преднамеренного раскалывания (личное сообщение).

найти определенное сходство с маркансуйским инвентарем. Во всяком случае, послемустьерский слой Сангао принадлежит к азиатскому кругу культур. Будем надеяться, что подробная, а главное, квалифицированная публикация материалов этого важного для нас памятника даст новую пищу для более основательных суждений по вопросу, затронутому в данном разделе.

Поздние стадии соанской культуры, которые соответствуют верхнему палеолиту и мезолиту, известны очень мало. К ним можно отнести такие местонахождения как Док-Патхан, Пиндигхем, Котах, Моргах VII в бассейне реки Соан в Пенджабе [55; 62], стоянку близ Кангара на р. Банганга [61]. В какой-то мере к этой группе относятся и поздненеолитическая стоянка Бурзахом у Сринагара¹³, а также единичные находки у Дарджилинга [47; 57].

В этих памятниках можно отметить определенное сходство с гиссарской и маркансуйской культурами, так как здесь долго и прочно сохраняются традиции обработки галек — «галечная техника», во многом являющаяся основой и позднесоанской культуры. Об этом сходстве пишет и С. П. Гупта [9, 113]. Пока, правда, для конкретных аналогий материала еще нет, так как мы располагаем лишь очень беглыми описаниями нескольких ведущих форм небольшого количества памятников. Очень вероятно, что более углубленные исследования в Северо-Западной Индии приведут к открытию памятников, сходных со среднеазиатскими, во всяком случае, в районе вдоль подножий южных склонов Гималаев.

Несмотря на то что находки в Тибете представлены лишь единичными предметами, судя по упоминавшейся публикации, они обнаруживают близкое сходство с орудиями маркансуйской культуры. Действительно, и скребки на отщепках [54, рис. 3, 8] и галечные орудия-чоппинги [54, рис. 4, 5], и галечный нуклеус, и даже микронуклеус могут легко найти аналогии в коллекциях многих стоянок Памира. Нет сомнения в том, что дальнейшее накопление фактов будет увеличивать доказательства сходства памятников каменного века Памира и Тибета.

Значительно сложнее обстоит дело с характеристикой памятников, известных в Сино-Тибетских горах. Нам уже приходилось писать об этом [37]. Тем не менее, из указанных публикаций можно получить представление о том, что на восточном склоне Тибета была распространена культура, характеризующаяся преобладанием орудий из галек или крупных отщепов с частично ретушированными участками. Совершенно отсутствует «пластинчатая техника». Все это дает нам известное основание включить стоянки верховьев Ялунцзяня и долины Тао-Ту в зону послепалеолитических культур «азиатского типа», одной из которых является высокогорная маркансуйская культура.

Итак, мы рассмотрели очень бегло ближайшую к Памиру археологические памятники. Из этого обзора можно сделать, как кажется, три главных вывода: 1) вне Памира нет культуры, идентичной во всех аспектах сравнения маркансуйской культуре Памира; 2) вместе с тем ряд памятников (Обишир, Арчалы, Туткаул II, Сангао, Тибетские стоянки и т. д.) обнаруживают ряд типологических черт сходства. Отвлекаясь от хронологических моментов, можно предположить возникнове-

---

¹³ Интересно, что недавние поиски Г. Мохпатры в Кашмире не принесли находок древнее неолита бурзахомского типа, что приводит автора работ к заключению о бесполезности поисков памятников старше завершения последнего оледенения Кашмирской долины [61, 51]. Нам такой вывод кажется несколько преждевременным.

ние или трансформацию маркансуйской культуры из одной или нескольких культур этого типа; 3) хотя в данной статье нас интересует вопрос заселения высокогорий Памира, т. е. движение снизу вверх, приведенный обзор показывает, какие богатые возможности открывает обратное движение — в частности, обширская и гиссарская культуры могли формироваться под сильным влиянием маркансуйской, которая, очевидно, им предшествует.

Нам остается теперь рассмотреть лишь непосредственные пути, по которым могли проникнуть на Памир племена каменного века. В свете приведенных аналогий это дороги, связывающие Памир с Таджикско-Афганской депрессией, Ферганой, Западным Пакистаном, Индией, Синцзянем и Тянь-Шанем. Эта задача в значительной степени облегчается обстоятельной работой А. Н. Зелинского, рассмотревшего все главные торговые пути Памира исторического периода [11].

Дорога на Запад — в Таджикско-Афганскую депрессию, по мнению А. Н. Зелинского, имела два разветвления: Шугнанский путь — Ташкуртан — Аличур — Гунт — озеро Шива — Файзабад — Балх. Ваханский путь — Ташкуртан — Вахан — Ишкашим — Зебак — Файзабад — Балх. Несмотря на ряд трудных мест, допустимо считать, что этот маршрут мог быть пройденным и людьми каменного века. Труднее предположить движение по правому берегу Пянджа — через Рушан — Ванч — Калайхумб, вкостр простираания Бартанга, Язгулема, Ванча. Даже позже в историческое время здесь караванные пути не проходили. Наиболее близко расположенные пункты с находками каменного века — район Файзабада в Афганистане и Шугноу в верховьях Яхсу. Грубо обитая галька и массивный отщеп, извлеченные геологом А. А. Никоновым из верхней части обреза 27-метровой террасы в устье р. Ванч, не могут, к сожалению, быть бесспорным доказательством освоения долины Пянджа человеком каменного века. Известные на сегодняшний день исследователями пункты каменного века начинаются лишь восточнее меридиана, проходящего через восточную окраину оз. Яшилкуль.

Остается открытым и вопрос о возможном пути через Алайскую долину, Ляхш, Каратегин в Гиссар. Этот путь до самого недавнего времени считался очень сложным для караванов. Наиболее восточная точка местонахождений каменного века на этой трассе — район курорта Обигарм, где автору в 1965 г. удалось собрать несколько отщепов гиссарского облика. Вполне можно ожидать, что и долина реки Хингоу могла быть заселена уже с древнейших времен — об этом свидетельствуют недавние открытия в районе Шугноу.

Вместе с тем разведки, проведенные А. Х. Юсуповым в Ляхше и по Сурхобу до Таджикибада, не принесли положительных результатов (1964 г.).

Индия, Пакистан. В историческое время здесь большую роль играла долина Вахана, через которую можно попасть в верховья Ярхуна и далее в Читрал или долину Свата. Другое направление через верховья Аксу и перевал Мингтеке вело к Кунджуту и Гилгиту. Все авторы, описывавшие перевалы через Гиндукуш и Каракорум (Барогиль, Килик-Даван, Мингтеке), отмечают большие трудности их преодоления. Сложность этого пути дополняется необходимостью форсировать водные преграды, проходить многочисленные осыпи и теснины, в которых в настоящее время путь идет по оврингам. Как и в первом случае, пока нет никаких следов стоянок каменного века между средним течением Свата в Западном Пакистане (навес Сангао) и низовьями Аксу (Каратумшук I, II) на Памире. Поэтому движение племен каменного века в

этом направлении можно только предполагать, опираясь хотя бы на вероятное движение саков Памира этим путем [17].

Тибет. Еще более сложно реконструировать возможные пути, связывавшие в эпоху каменного века Памир и Тибет — последние не были выработаны даже в античное время. Наиболее возможны два направления — одно через Вахан, Канджун, Балтистан и Ладак, другое вдоль северных отрогов Куньлуна на Гума, перевал Каракорум, Кашмир, Ладак или же через один из более восточных перевалов — непосредственно в Чангган. В обоих случаях маршруты являются труднопроходимыми. Реальных данных для их обоснования в нашем распоряжении пока нет.

Синцзян. Наиболее близкой к Памиру является область Синцзяня, куда ведут сравнительно легкие перевалы через Сарыкольский хребет (особенно по Кызыл-Су — Маркан-су или Иркештам — в северной части страны). К сожалению, очень слабая изученность северо-западного Китая в целом не дает нам возможности связать маркансуйскую культуру с одной из крупнейших впадин Центральной Азии. То, что известно для пустыни Такла-Макан и ее окраин (в основном восточная часть по старым работам А. Стейна, Ф. Бергмана), не может служить основанием для подобной связи — здесь имеется кремневая индустрия, очень скупо охарактеризованная, безусловно, позднепалеолитического характера [65]. Чен-Те-Кун считает, что материалы Китайско-Шведской экспедиции, среди которых выделяются сборы на местонахождении Сингер в Куругтаге, принадлежат к широко трактованной мезо-неолитической гоббийской культуре, охватывающей огромные пространства пустынной части Центральной Азии [51]. Имея некоторые точки соприкосновения, гоббийская культура в ее западном варианте, очевидно, моложе маркансуйских памятников. Кроме того, на облике каменных индустрий Памира и Синцзяня отражаются различные экологические условия. По-видимому, исследователям придется ждать того времени, когда с достаточной полнотой будет обследовано северное горное обрамление Таримской впадины. Упомянувшиеся находки «галечной культуры» на Аксу дают некоторую надежду, что именно здесь, может быть, встретятся памятники, близкие к Маркансу.

Фергана. Ферганский путь, связывающий Памир с Обиширом, хорошо известен по историческим источникам. Из Алайской долины через перевалы Терек-Даван или Талдык на Суфи-Курган, Гульчу и Ош. Труднее, но также возможно пройти и через перевал Тенгизбай по Исфайрам-Саю. Последняя дорога заманлива тем, что на южном спуске с перевала Тенгизбай в районе Дарауткургона в 1956 г. было открыто несколько местонахождений каменного века с материалом, близким к памирскому и гиссарскому [23].

В 1968 г. Палеолитическим отрядом КАЭ под руководством автора было предпринято обследование долины реки Гульча от подножия перевала Талдык до села Лянгар близ поселка Гульча. Была осмотрена серия террас по рекам Караколу и Гульче, пещеры в районе Ак-Босого (Караджилг-Ункур, Шараджилга-Ункур) и у Суфи-Кургана (Кара-Ункур). Небольшие по масштабам, но напряженные поиски успеха не принесли. Негативный результат наших работ объяснить достаточно трудно, так как отрядом были зафиксированы отдельные находки в долине Ак-Буры у Папана и пещерная стоянка Сасык-Ункур у Аравана. Таким образом, подтверждено высказывавшееся уже предположение о том, что район города Ош был заселен в эпоху каменного века. Превосходно выраженные террасы р. Гульча, хороший поделочный камень, не говоря уже о былых возможностях для охоты, — все это сви-

детельствует, что рано или поздно памятники каменного века на этой территории должны быть найдены¹⁴.

Тянь-Шань. Под этим названием в данном месте рассматривается внутренний Тянь-Шань или Тяньшаньская область. На сегодняшний день здесь известны следующие памятники: Он-Арча недалеко от Нарына, находки на перевале Четинды и урочище Кошбулак, Кочкорджол в долине Арпы, стоянки у озера Чатыркель и на реке Терек. Только чатыркельские пункты, и то очень условно, совпадают по времени с основной группой памятников Памира. Циркуляция между интересующими нас районами могла осуществляться как через перевалы в Ферганском хребте, так и круглым путем, по долине Маркан-су — Кызыл-Су на Кашгар и далее по долине Торугарта. Как уже отмечалось, промежуточных пунктов и тут нет.

Итак, основной проблемой, с которой сталкивается исследователь, взявшийся за решение вопроса о вероятных путях, по которым могло проходить заселение Памира, является почти полная неизученность внешней горной зоны — узких, сильно врезанных горных ущелий, которые всюду в описанных районах Азии ведут к высокогорным плато, на которых разворачивалась (на самых высоких гипсометрических отметках в мире) деятельность племен маркансуйской и близких к ней культур.

До сих пор остается в силе представление о близком сходстве маркансуйской культуры и многих памятников сибирско-монгольской области. Но конкретно-историческое выражение этого сходства не может быть еще обосновано с необходимой полнотой. Эта задача будет решаться в течение долгих лет, пока трудами многих поколений исследователей не будут уничтожены белые пятна на археологических картах сегодняшнего дня. И одна из самых сложных задач выпадает на долю тех, кто возьмет на себя нелегкий труд исследовать внешнюю горную зону Средней Азии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агаханянц О. Е., К проблеме эволюции климатов Памира, — «Труды Памирской биостанции», т. 2, 1963.
2. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, Душанбе, 1965.
3. Агаханянц О. Е., Пахомов М. М., Трофимов А. К., К палеогеографии Памира в голоцене, — «Известия ВГО», 1964, т. 96, вып. 6.
4. Бернштейн А., Человек в условиях среднегорья, Алма-Ата, 1967.
5. Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Некоторые вопросы исследования каменного века Памира, — «Советская археология», 1964, № 4.
6. Виноградов А. В., Неолит Кызылкумов, — «Проблема археологии Средней Азии», Л., 1968.
7. Гинзбург В. В., Антропологическая характеристика саков Южного Памира, — КСИИМК, 1960, вып. 80.
8. Григорьев Г. П., Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens, Л., 1968.
9. Гупта С. П., Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии, — «Советская этнография», 1968, № 4.
10. Заднепровский Ю. А., Неолит Центральной Ферганы, — КСИА, 1966, вып. 108.
11. Зелинский А. Н., Древние пути Памира, — «Страны и народы Востока», вып. 3, 1964.

¹⁴ Кандидат географических наук Л. Ф. Сидоров в личной беседе высказал предположение, что стоянки каменного века не найдены в Алае по той причине, что террасы раннеголоценового времени, с которыми должны быть связаны охотничьи лагеря маркансуйцев, в настоящее время полностью переработаны, так как на первую половину голоцена падает основной взрез современной долины реки Гульчи.

12. Кларк Грехем, Доисторическая Европа, М., 1953.
13. Коробкова Г. Ф., Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Проблемы археологии Средней Азии.
14. Коробкова Г. Ф., Ранов В. А., Неолит горных районов Средней Азии,— Проблемы археологии Средней Азии.
15. Коровин Е. П., Растительность Средней Азии и Южного Казахстана, кн. I, Ташкент, 1961.
16. Костенко Н. П., Особенности строения четвертичных отложений горных долин,— «Материалы Всесоюзного Совещания по изучению четвертичного периода», т. 3, М., 1961.
17. Литвинский Б. А., Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности,— «XXV Международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.
18. Окладников А. П., К вопросу о мезолите и эпилеолите в Азиатской части СССР,— «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1966, № 126.
19. Окладников А. П., Ранов В. А., Каменный век,— «История таджикского народа», т. I, М., 1963.
20. Ошанин Л. В., Иранские племена Западного Памира, Ташкент, 1937.
21. Потапов Р. Л., Птицы Памира,— «Труды Зоологического института», 1966, т. XXXIX, М.—Л.
22. Пэй Вэнь Чжун, Более быстрыми темпами развивать палеоантропологическую науку в Китае,— «Вопросы антропологии», 1960, вып. 4.
23. Ранов В. А., Находки каменного века в Алайской долине,— «Труды Института истории АН КиргССР», 1958, вып. IV.
24. Ранов В. А., Первые памятники каменного века на Памире,— «Материалы II Всесоюзного Совещания археологов и этнографов Средней Азии», М., 1959.
25. Ранов В. А., Стоянка Каратумшук,— КСИИМК, 1960, вып. 80.
26. Ранов В. А., Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г.,— «Труды Института истории АН ТаджССР», 1961, т. 27.
27. Ранов В. А., Рисунки каменного века в гроте Шахты,— «Советская этнография», 1961, № 6.
28. Ранов В. А., Стоянка на озере Кара-Куль,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», 1962, вып. 1/28.
29. Ранов В. А., Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г.,— «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 34, 1962.
30. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, Обобщ. доклад, Душанбе, 1963.
31. Ранов В. А., Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.),— «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1964, № 124.
32. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, вып. I. Палеолит, Душанбе, 1965.
33. Ранов В. А., Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. Основные проблемы изучения четвертичного периода, М., 1965.
34. Ранов В. А., Новые работы по каменному веку в Западном Пакистане,— «Вопросы антропологии», вып. 25, 1967.
35. Ранов В. А., Древние оледенения и челюбок каменного века в Средней Азии. Успехи Советской гляциологии, Фрунзе, 1968.
36. Ранов В. А., О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 3(53), 1968.
37. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Развитие природы Памира как среды существования человека,— «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1965.
38. Рерих Ю. Н., Кочевые племена Тибета,— «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961.
39. Рычков Ю. Г., Происхождение расы среднеазиатского междуречья,— «Научные труды Ташкентского государственного университета», вып. 235, 1964.
40. Сидоров Л. Ф., Развитие растительного покрова Памира в последлениковое время,— «Ботанический журнал», 1963, т. 48, № 5.
41. Сидоров Л. Ф., Потапов Р. Л., К истории лесов Памира и прилегающих областей в позднечетвертичное время,— «Ботанический журнал», 1965, т. 50, № 6.
42. «Средняя Азия. Физико-географическая характеристика», М., 1968.
43. Станюкович К. В., С какой скоростью меняется природная обстановка на Памире? — «Известия ВГО», 1965, т. 97, № 1.
44. Формозов А. А., Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.
45. В. М. Чулахин, Физическая география Тянь-Шаня, Алма-Ата, 1964.
46. Юсов Б. В., Тибет, М., 1958.
47. Allchin B. and R., The Birth of Indian Civilization, London, 1968.
48. Au schnaiter P., Prehistoric Sites Discovered in Inhabited Regions of Tibet,— «East and West», 1956, vol. VII, № 1.

49. Bergman F., Archaeological Researches in Sinkiang Especially the Lop-Nor Region,— «The Sino-Swedish Expedition», Publ. 7, Stockholm, 1939.
50. Chêng Tê-K'un, Archaeological Studies in Szechwan, Cambridge, 1957.
51. Chêng Tê-K'un, Prehistoric China, vol. I, Cambridge, 1959.
52. Chêng Tê-K'un, New Light on Prehistoric China, Cambridge, 1966.
53. Coon C. S., The Seven Caves, New York, 1957.
54. Chin Chung-lang, Discovery of Paleoliths on the Tibet-Tsinghai, Plateau,— «Vertebrata Palasiatica», 1958, vol. 11, № 2—3.
55. Graziosi P., Prehistoric Research in Northwestern Punjab,— «Italian expeditions, Sci. Reports», V, vol. I, Leiden, 1964.
56. Dani A. H., Sanghao Cave Excavation,— «Ancient Pakistan», vol. I, Peshawar, 1964.
57. Das Gupta P. C., Archaeological Discovery in Darjeeling Himalaya,— «East Railway Magazine», 1967, t. 16, № 10.
58. Dupree L., The Prehistoric Period of Afghanistan,— «Afghanistan», 1967, vol. XX, № 3.
59. Edgar J. H., Prehistoric Remains in Hsikang or Eastern Tibet,— «Journal W. China Border Research Society», vol. 6, 1933—1934.
60. Hermanns M., Die Nomaden von Tibet, Wien, 1949.
61. «Indian Prehistory: 1964», Poona, 1965.
62. Paterson T. T., Drummond H. J. H., Soan — the Palaeolithic of Pakistan, Karachi, 1962.
63. Teilhard de Chardin P., Young C. C., On Some Neolithic (and Possibly palaeolithic) Finds in Mongolia, Sinkiang and West China,— «Bulletin of the Geological Society of China», vol. 12, № 1, 1932.
64. De Terra H., Hutchinson E., Evidence of Recent Climatic Changes Shown by Tibetan Highland Lakes.— «The Geographical Journal», 1934, vol. LXXXIV.
- 64a. Sankalia H. D., New Evidence for Early Man in Kashmir,— «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 4—5.
65. Smith R. A., The Stone Age in Chinese Turkestan,— «Man», 1911, vol. XI, № 6.
66. Stagul G., Excavations in a Rock Shelter near Ghaligai (Swat, W. Pakistan),— «East and West», New Ser., vol. 17, № 3—4, 1967.

Т. Г. Абаева

ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕГО БОЛОРА

Юго-западнее Памира, среди отрогов Гиндукуша, отходящих от главного хребта к долине р. Кабул, расположен Кафиристан, историю которого народные предания ваханцев, ишканимцев и шугнанцев тесно связывают с древней историей Памира.

Восточная традиция зачастую отождествляла Кафиристан со страной Болор, известной из средневековых мусульманских источников. Этот взгляд распространен и среди современных востоковедов. В примечаниях к «Книге Марко Поло» фразу «страна эта зовется Болором» В. В. Бартольд пояснил, что страна Болор — «туземное название области, более известной теперь под наименованием Кафиристан» [11, 269]. Само понятие Кафиристан также довольно расплывчатое. Современные английские и пакистанские авторы включают в состав Кафиристана горные районы Читрала, населенные дардской народностью калаша [24, 25].

Между тем лингвисты уже давно дают четкое определение, что следует понимать под термином «кафирские языки». В связи с этим Г. Моргенштерне писал: «Кафири стало сейчас установленным названием группы языков кати, вайгали, ашкун, прасун (и в некоторой степени — дамели), которые занимают промежуточную позицию между индоарийскими и иранскими. За некоторым малым исключением... эти племена сейчас стали магометанами. С другой стороны, большинство калаша все еще кафиры, т. е. язычники, но они говорят не на кафирском языке в установленном значении данного слова. Иначе говоря, кафирский как термин языковый ничего общего не имеет с современным распространением религии. Если это помнить, то мне кажется, можно практически оставить принятую терминологию и не вводить новых осложнений» [23, 63].

Вайгали и прасун живут компактной массой в долинах одноименных рек; юго-западнее находится район распространения языка ашкун. Самая многочисленная кафирская народность — кати — занимает западную и восточную части Кафиристана. Особенно труднодоступна западная область, населенная кати, расположенная в долинах рек Рамгэль и Кулэм.

В непосредственном соседстве с Башгалом, где находится область восточных кати, между перевалом Ловараи и впадением р. Башгуль в Кунар, на территории княжества Читрал, лежит район распространения языка дамели. Об этом языке Г. Моргенштерне писал: «Дамели, по всей вероятности, смесь индоарийского, дардского диалекта и не-

зависимого кафирского языка, отличного от любого существующего в настоящее время» [цит. по 9, 264—287].

Афганский историк Ахмад Али Кохзад указывает, что Кафиристан делился на две области. Западная называлась Катвар, восточная — Балвар, или Болор بلور [22]. Название Катвар в смысле «объединение говорящих на языке кати» сохранилось в наши дни. Кати составляли крупнейшее племенное объединение кафиров. Термин 'вар' со значением «объединение говорящих на таком-то языке» встречается довольно широко в областях, смежных с Кафиристаном, да и в самом Кафиристане.

Название Болор, по-видимому, восходит к глубокой древности. Описывая события V в. н. э., китайская историческая хроника «Бейши» говорит об одной из дорог на запад: «Четвертая идет из Яркяна (Яркенда) на юго-запад 500 и от Луковых гор на юго-запад же 1300 ли до Болу» [7, II, 243].

Какую область китайские источники называли Болором, до сих пор точно не определено. Советский исследователь А. Н. Мандельштам, ссылаясь на работу Кеннингхема о Ладаке [20, 45—46], пишет: «Владение Болуло, которое упомянуто Сюань Цзяном (знаменитым буддийским паломником VII в. н. э. — Т. А.), в связи с описанием пути по Памиру, несомненно, является Болюем других китайских источников, соответствующим (без подразделения на Большой и Малый) территории Ясина, Гильгита и Бальтистана» [10, 120]. Надо, однако, уточнить все эти предположения.

Проследим маршрут Сюань Цзяна, совершившего в начале VII в. путешествие из Свата (Утаканды) в Бо-лу-ло (Болор). Из Манглавара китайский пилигрим какой-то горной долиной вышел к Инду. Английская карта этого района масштаба 1 : 1 000 000 (1923 г. издания) показывает наиболее удобную тропу из Манглавара через перевал Кутекай к селению Кабилгром. По этой тропе расстояние от Манглавара до Кабилгрома составит около 100 км. Отсюда Сюань Цзян «стал подыматься вверх по течению р. Инд, путем трудным и опасным, переправляясь по висячим мостам из веревок и железных цепей, карабкаясь по крутым тропам, высеченным в скалах» [13, 823].

Пройдя около 1000 ли от Манглавара (т. е. около 500 км), Сюань Цзян достиг долины Тха-ли-ло, где прежде находилась столица «царства Ву-чжанского» [13, 823]. Кеннингхэм отождествляет Тха-ли-ло с Дарелем. Мы полагаем, что бывшая столица царства Ву-чжанского может быть отождествлена с Чиласом. Бичурин владение Ву-чжан называет Учжя (У-Чжа), помещая его к юго-западу от Пишиная. Дальше за владением Учжя находится Висячий переход, через который ведет дорога к Гибини [7, II, 224]. Сюань Цзян шел с юго-запада на северо-восток, и трудный путь вдоль Инда с висячими мостами из веревок и железных цепей полностью соответствует Висячему переходу, о котором говорит «Хоуханьшу». Судя по упоминавшейся английской карте, расстояние от Кабилгрома, где Сюань Цзян мог выйти к долине Инда, до Чиласа составляет, если пользоваться старыми тропами, существовавшими до улучшения англичанами дорог в этом районе, около 370 км, или 740 ли. Прибавив 100 км (200 ли) расстояния от Манглавара описанным выше маршрутом, получим 940 ли, или цифру, близкую к показаниям Сюань Цзяна. Далее он, пройдя еще 500 ли такого же тяжелого пути вверх по долине Инда, прибыл в царство Бо-лу-ло. За истоки реки здесь принимается, по нашему мнению, не Верхний Инд, а его правый, весьма многоводный приток, р. Гильгит. От Чиласа до устья р. Гильгит (по старым тропам) около 130 км, а отсюда до Ясина,

важного центра Пригиндукушья, еще 120 км. Всего от Чиласа до Ясина 250 км, или 500 ли, что полностью совпадает с цифрами, приводимыми Сюань Цзаном. Все это позволяет высказать предположение, что во времена Сюань Цзяна столица Бо-лу-ло (Болора) лежала на месте теперешнего Ясина.

Столетие спустя после Сюань Цзяна, в двадцатых годах VIII в., о Болоре пишет другой буддийский паломник Хой Чао, называя его Боллюй. Он указывает, что в семи днях пути от Кашмира находится владение Малый Боллюй. Одежда, пища и язык населения были такие же, как и у жителей Большого Боллюя. Владетель Малого Боллюя жил прежде в Большом Боллюе, но из-за вторжения тибетцев он покинул его, обосновавшись в Малом Боллюе. Жители и знать не последовали за ним и остались на родине под властью завоевателей — тибетцев. Следовательно, Большой Боллюй находился ближе к Тибету или, иначе говоря, был восточнее Малого Боллюя.

Описывая события середины VIII в., «Таншу» конкретно указывает: «Большой Боллюй, иначе Болу, лежит от Тибета прямо на запад в смежности с Малым Боллюй: на западе граничит с Северной Индией и Учаном» [цит. по: 7, II, 319]. (Учан соответствует современному Свагу.)

«Бэйши» дает еще одну ориентировку, определяющую местоположение Болу. Описывая четыре дороги в Западный край, эта хроника говорит, что четвертая дорога идет от Яркенда «на юго-запад 500 и от Луковых гор на юго-запад же 1300 ли до Болу» [7, II, 243]. В этом тексте неясно, от какого места Луковых гор ведется отсчет. Кроме того, при определении расстояния надо помнить, что средневековые китайские источники исчисляли их по протяженности дорог, в горных условиях очень извилистых, что увеличивало расстояние иногда более чем втрое. Например, из Мастуджа до ваханского селения Хандут по прямой расстояние всего 80 км, а всадник должен проехать всю долину Ярхуна, пересечь перевал Барогиль и спуститься в долину Вахандарьи, проделав путь более 280 км¹.

В конце VIII в., при аббасидском халифе Харун ар-Рашиде, в долину Кабула предприняли поход арабы, присоединив к халифату Панджшир, Горбанд и Парван.

Помимо действий в долине р. Кабул, арабы продвигались и по северным склонам Гиндукуша, войдя там в соприкосновение со страной Болор (Балур, Блар). В рассказе о деятельности Зубейды, жены халифа Харун ар-Рашида, «Сиасет-наме» говорит, что она на свои средства построила в пограничной с Кашгаром и Балуром области город, получивший название Бадахшан» [15, 271].

В 811 г. аббасид ал-Ма'мун жаловался своему вазиру Фазль бен-Сахлю на то, что «хакан, владетель Тибета проявляет непокорность, а кабульский шах готовится произвести набег на Хорасан» [4, 260]. Вскоре Фазль бен-Сахль стал наместником над всеми восточными провинциями — «от Хамадана до Тибета» [3, 510] и предпринял успешный поход в долину Кабула. В надписи на плите, которая находилась внутри Ка'бы вместе с тронном покоренного тогда Кабул-шаха, говорится, что Фазль бен-Сахль «установил почтовую связь из Кандахара в Бамийан и присоединил страну Кабула и Кандахара к Хорасану».

Далее надпись повествует о действиях против тибетцев: «И послал имам (ал-Ма'мун. — Т. А.) — да почтит его Аллах! — зеленые знамена руками Зу-р-рийа-атэйна в Кашмир и в область Тибета. И Аллах — да

¹ При исчислении расстояний мы пользуемся уже упоминавшейся английской картой 1923 г. издания.

будет ему хвала! — даровал ему победу в Вахане и Равере страны Болор над владетелем гор Хакана и гор Тибета» [12, 16—17].

В комментариях А. И. Михайловой об этих походах говорится: «Покорены были полунезависимые области Кабула и Кандахара и ликвидирована на время независимость Кабул-шаха, вечная угроза арабским владениям в Тохаристане, Бадахшане и Южном Хорасане» [12, 13].

Надо внести в эти комментарии поправку. В надписи топоним **القيدهار** передает название не города Кандахара (который арабскими источниками упоминается только с X в.). Источники указывают, что город лежал несколько западнее теперешнего, на скалистой возвышенности, и вряд ли был тогда важным политическим или экономическим центром. Напомним, что понимал под ал-Кандахаром Беруни. Описывая Индию, он в главе о реках указывает: «...напротив города Пуршавар (Пешавар.— Т. А.) образуется большая река, называемая «Переправа» по переправе у селения Маханара на восточном берегу реки, впадающая в р. Синд возле крепости Битур, пониже (главного) города ал-Кандахара, т. е. Вайханда» [6, 242]. В другом месте Беруни определяет расстояние от Пуршавара «до Вайханда, столицы Кандахара», равное 14 фарсахам [6, 202]. В комментариях к переводу совершенно правильно указывается, что речь идет о Вайханде, бывшей столице Гандхары (Гибини китайских источников); этот город лежал на правом берегу Инда в 15 милях выше теперешнего Аттока [6, 622, прим. к главе XXV].

Таким образом, переводя надписи, посвященные походу Фазль бен-Сахля, надо пояснить, что речь идет о долине Кабула, включая древнюю Гандхару, столица которой лежала, по китайским источникам, юго-западнее Болора.

В более серьезной поправке нуждается примечание относительно местоположения Болора. А. И. Михайлова пишет: «Восстановленный из надписи путь арабского отряда через Вахан-Болор (Кафиристан) в населенную тибетскими племенами верхнюю часть долины Инда довольно обычен» [12, 18]. Свое утверждение А. И. Михайлова подкрепляет двумя ссылками на труды такого авторитетного востоковеда, как В. В. Бартольд. Однако попасть из Вахана в Тибет через Кафиристан абсолютно невозможно. Из Вахана в Тибет надо двигаться на юго-восток, а в Кафиристан на юго-запад, в противоположную сторону. Первая ссылка на статью В. В. Бартольда о Тибете в «Энциклопедии Ислама». В этой статье В. В. Бартольд сам ссылается на устаревшую работу М. К. Dames «Kafiristan», опубликованную в первом издании *Enzyklopaedie des Islam*, в которой Болор отождествлялся с Кафиристаном, хотя в тексте у В. В. Бартольда говорится о том, что Мир Вали покорил «все области Болора... и Тибета между Бадахшаном и Кашмиром» [3, 511]. Поместить Кафиристан между Бадахшаном и Кашмиром невозможно. Источник XVI в. очень точно указывает географическое местоположение Болора (полностью совпадающее с данными китайских хроник) — между Бадахшаном и Кашмиром, но отождествить Болор с Кафиристаном на основе этого сообщения никак нельзя.

Вторая ссылка А. И. Михайловой сделана на то место известной работы В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», где говорится, что торговый путь в Тибет проходил через Вахан [4, 115—116]. Любая карта подкрепляет очевидность этого сообщения, но зато нет ни одного источника, который указывал бы, что в Тибет можно попасть через Кафиристан.

Источник X в. — «Худūd ал-'Алем» сообщает, что верховья Амударьи вытекают из Вахана и далее идут между Балуром (Блвр) и Шугнано́м Ваханским [19, л. 9-а].

Необходимо сделать еще одно уточнение. Хикихугно́н, Шугнанский Вахан граничат не с бассейном р. Гильгит, а с Верхним Читралом, включающим долины Яرخуна (Мастудж) и Турико. Иначе говоря, «Худūd ал-'Алем» свидетельствует, что Верхний Читрал в X в. входил в состав Болора.

Ранние китайские источники противопоставляли Читрал Болору. При династии Юань-вэй (386—556 гг. н. э.) Читрал был известен под названием Шеми и к востоку от него простиралось владение Булулэ (Болор) [7, т. II, 270]. Китайские источники VIII в. указывают, что Читрал был в ту пору разделен на два самостоятельных княжества, соответствующих теперешним Мастуджу и Читралу. Верхний Читрал, или Мастудж, назывался этими источниками Шанми [23, 47]. «Таншу» сообщает об этом княжестве, что «владелец живет в городе Хэше Ишидо в больших снежных горах, на северной стороне р. Болюй (Болор) ... Жители владения всегда помогали Малому Болюю (Болору. — Т. А.) в содействии Серединному государству» [7, т. II, 329]. Сведения о владении Шанми передаются с такими подробностями, которые говорят о практическом знании страны. Но речь не может идти о Мастудже, расположенном на южном берегу верхнего течения Кунара, называемого здесь Яرخун или Кашкар-боло. В наших поисках полезно посмотреть, где обитают читральцы или, правильнее, племена кхо (кховар). Они заселяют долину верхнего Кунара с его притоками и, кроме того, составляют большинство населения в смежных районах бассейна р. Гильгит. За истоки р. Гильгит современные английские карты, со слов местного населения, принимают реку, текущую в общем широтном направлении с запада на восток от пограничного перевала Шандур до слияния с р. Ашкуман, стекающей со склонов Гиндукуша в общем направлении с севера на юг. На прежних картах верховья р. Гильгит носили название Вриж. У слияния рек Вриж и Ашкуман образуется из речных разливов озеро, из которого вытекает река, всегда отмечавшаяся на картах под названием Гильгит. Около большого селения Гупис, лежащего в долине Вриж, с севера впадает р. Ясин, берущая начало у подножия перевала Даркот. В верховьях р. Вриж находится озеро Шандур. Второе довольно значительное (по-видимому, завального происхождения) озеро Шандур расположено в долине Вриж между крупными населенными пунктами Гизр и Чаши. Биддёлф писал в конце XIX в., что начиная от Чаши и вплоть до границ с Читралом все население говорит на языке кховар [5, 77].

Современный исследователь Дардистана Карл Йеттмар указывает, что «высший класс Ясина говорит на кховарском языке. Кховарский употребляется в верховьях гильгитской долины» [21, 81].

Всю долину Вриж от Чаши и до оз. Шандур кхо захватили целиком и основали здесь свое княжество. Правитель жил в крепости возле селения Шемист, в одном переходе на запад от Гизра. От крепости правителя Шемиста был еще один конный переход до перевала за оз. Шандур, а оттуда Мастуджа можно было достичь еще за два дня. Из крепости Шемист до Мастуджа можно было за день добраться прямой тропой, но всаднику по этой тропе двигаться было очень трудно. Все кховары верховьев Ясина подчинялись правителю Шемиста, и одно время он достиг такого могущества, что ему подчинялись все племена кховар, жившие в долинах Кашкар-боло, Турико и Мулико (Мурико). Остальные кховары признавали своим главой правителя, жившего в

крепости Шогод (Шогор) в долине Лутко. Потом могущество владетеля Шемиста упало, и он признал главенство владетеля Мастуджа, а им обычно бывал старший сын главного правителя всех авлодов кховар [17, 191—192].

Если отождествлять Шанми, или Шеми, китайских источников с княжеством восточных кховаров Шемист, все находит объяснение. Шемист лежал на северном берегу р. Гильгит (р. Болуй — Болор — китайских хроник), в то время как Мастудж находится на южном берегу р. Ярхун или Кашкар-боло. Г. Моргенштерне для объяснения китайского топонима Шеми, Шанми указывал, что на языке прасун название Читрал передается *šim*, а на сангличском языке [княжество] Читрал передается составным словом *šam-čatraḡ*, где *čatraḡ* означает 'Южный Читрал', а *šam* — Мастудж [23, 47]. Исходного материала из местных читральских топонимов он, однако, не дает, и приводимая нами гипотеза восстанавливает отсутствующее у него звено. Замечание К. Йеттмара о том, что на кховарском языке говорит «высший класс Ясина» показывает, что кховары играли большую роль в политической жизни населения западной части бассейна р. Гильгит, т. е. той области, которую логичнее всего можно отождествлять с Болоем-Болором — китайских хроник. Заняв господствующее положение в Ясине и в верховьях долины р. Гильгит (которая, орошая Болор, судя по сообщению «Таншу», также носила название Болор), кховары, по-видимому, переняли название Болор (Блвр).

Китайская «Императорская география» конца XVIII в. (переведенная Клапротом) так указывает местонахождение Болора: к юго-западу от Яркенда и к востоку от Бадахшана, в непосредственном соседстве с Бадахшаном, правитель которого вторгнулся в 1764 г. в пределы Болора [цит. по: 5, 202]. Приводя это сообщение, надо оговориться, что при переводе летосчисления на общепринятое европейское вкрались небольшие погрешности. Историческая хроника «Та'рих-и Бадахшан» приводит для описываемых событий более точную дату 1165 х. (1751 г.). Именно тогда правитель Бадахшана Султан-шах совершил поход на Читрал, захватив долины рек Турико, Мулико, Мастудж и главную долину Читрала до Кала-и Дрош [18, лл. 43-б, 46-б]. Этот поход известен по китайским источникам как вторжение бадахшанцев в страну Болор; следовательно, в XVIII в. Читрал был известен под названием Болор. Дальше пределов Читрала, в бассейн р. Гильгит, бадахшанцы во время описываемого китайской и бадахшанской хрониками похода, не выходили.

Ко второй половине XIX в. относится сообщение, подтверждающее приводимые выше факты. Биддёлф в своей работе об этническом составе населения Пригиндукушья писал: «Шоу открыл, что именем Болор до настоящего времени киргизы называют Читрал» [5, 195].

Итак, анализ топонимов, сообщений китайских хроник и народных преданий позволяет прийти к выводу, что страна Болор китайских хроник тождественна бассейну р. Гильгит, а в более древнее время, до освоения тибетцами нагорий Восточного Тибета, в состав Большого Болора входили Бальтистан и верховья Инда, где, возможно, в ту эпоху преобладал буришский этнолингвистический элемент. Внедрение кховаров в верховья рек Ясин и Гильгит привело к тому, что термин 'Болор' был воспринят сперва кховарским княжеством Шемист, а затем был перенесен и на весь Читрал.

Средневековым авторам, писавшим о Припамирских областях, страна Болор знакома с XII в. Характерна запись Джузджани. Он сообщает, что дядя первых правителей Гура Фахр ад-дин Мас-уд вла-

дел Бамианом, Тохаристаном, Шугнаном и «другими областями до Болора» [4, 402]. Из контекста видно, что Болор, лежавший в Припамирье, играл роль географического ориентира, настолько он был хорошо известен современникам автора.

В конце XIII в. о Болоре писал Марко Поло. В главе 50 «Книга Марко Поло» вначале описывается Бадахшан и Памир. Затем идет такой текст: «... сорок дней едешь на северо-восток и восток все через горы, по склонам гор, и во всю дорогу нет ни жилья, ни пастбищ. Продовольствие путники везут с собой. Страна эта зовется Болором. Люди тут живут в горах. Они идолопоклонники и дики: живут охотой, одеваются в звериные кожи». [11, 76].

В. В. Бартольд, комментировавший книгу Марко Поло, о чем говорилось выше, впервые отождествил Болор с Кафиристаном в 1896 г. в статье «Кафиристан в XVI в.», опубликованной в июньской книжке ташкентского журнала «Средне-Азиатский вестник». С тех пор, ссылаясь на авторитет выдающегося востоковеда, вслед за В. В. Бартольдом эту ошибку повторили многие русские востоковеды. Мы выше, говоря о работе А. И. Михайловой относительно надписи бен-Сахля, показали ошибочность такого отождествления. При любом, самом сложном маршруте Марко Поло не мог попасть в Кафиристан по пути из Бадахшана в Китай. Кафиристан мог в эпоху наибольшего могущества Болора подпадать в зависимость от Болора, но это отнюдь не дает повода считать, что Кафиристан и Болор являются одной и той же страной.

К XVI в. относится «Бабур-намэ», источник, отличающийся точностью и богатством сведений по географии и расселению этнических групп в Пригиндукуше. Бабур неоднократно говорит о Кафиристане, но термин Болор он не употребляет ни разу. Из сообщений Бабура можно сделать предположение, что кафиры в районах, примыкающих к Мунджану, господствовали и на северных склонах Гиндукуша. По словам Бабура, тимурид Султан Махмуд-мирза в XV в. «два раза он ходил походом в Кафиристан, в южной части Бадахшана... [1, 38].

К северному Бадахшану относились области Танги Шива и области Раг. Центральный Бадахшан включал Рустак, Файзабад, Аргу, Яфталь, Зардив, Джирм и Вардудж. В южный Бадахшан входили Анджуман, Зебак и Мунджан. Мифология кафирской народности прасун местом обитания наиболее популярных богов называла различные местности в Мунджане, на северных склонах главного Гиндукушского хребта. Это дает основание предполагать, что прасуны занимали в прежние времена более обширную территорию. Г. Моргенштерне располагает сведениями, что отдельные поселения прасунских кафиров встречались в 1892 г. даже в Читрале, в верховьях долины Лутко [23, 43], в районе непосредственно примыкавшим к южному Мунджану.

Западные границы Кафиристана Бабур намечает по меридиальному хребту Кухиستانских гор. Он писал: «Еще один туман — Ниджрау. Он находится в горах северо-восточнее Кабула. Горы позади Ниджрау сплошь населены кафирами» [1, 159]. Линия хребта, восточные склоны которого были заселены кафирами, идет в направлении с севера на юг, в 60 км к востоку от города Чарикара. У южной оконечности этого хребта, в 60 км северо-восточнее Кабула, лежит долина Бадрау, населенная и в наше время преимущественно дардской народностью пашаи. Об этой долине Бабур писал: «Еще один булук — Бадрау; он примыкает к Ала-Саю. В Бадрау нет плодов; [на земле] работают там кафиры; которые сеют хлеб [1, 165]. В этом отрывке нет ясности; Бабур о пашаях резко отличавшихся по языку от населения Кабула, мог гово-

речь как о кафирах, тем более, что многие пашайские племена южных склонов Гиндукуша приняли ислам сравнительно поздно. Возможно, однако, что кафиры из низовьев Алишанга, приходили в долину Бадрау потому, что хребет здесь более доступен для преодоления. Вообще же Бабур отмечает труднодоступность гор, окружающих Кафиристан, и поэтому повсюду говорит: «Хотя эти горы по высоте не таковы, как (описанные выше) и представляются глазу незначительными, но это удивительно неприступные горы; кажется будто это пологие холмы, а между тем каждая гора и холмик круты и каменисты; там нигде не проедешь на коне» [1, 165]. Надо отдать должное четкости географического описания Бабуром природы. В свете такой характеристики горных хребтов, окружающих Кафиристан, становится понятным, почему эта страна оказалась изолированной от внешних влияний.

Долину Алишанга занимал один из туманов Ламганата (Лагмана). «К северу от него, — пишет Бабур, — лежат высокие, неприступные снеговые горы, примыкающие к горам Хиндукуша; эти горы сплошь населены кафирами. Ближайшая к Алишенгу земля кафиров — Мил. Р. Алишенга выходит из Мила» [1, 157] О соседней речной долине Алингар (Алангар) говорится: «Еще один туман — Алангар. Ближайшая к Алангару земля кафиров — Кавар. Р. Алангара вытекает из Кавара» [1, 157]².

Восточнее, вверх по Кунару находился булук Чаган-Сарай (современный Чагай-Сарай). Об этом булуке Бабур сообщал: «Там всего одно селение, это небольшая местность. Чаган-Сарай — как бы вход в земли кафиров. Жители его, вследствие смешения с кафирами, хотя и мусульмане, исполняют обычаи нечестивых. Большая река, называемая рекой Чаган-Сарай, течет с севера-востока от Чаган-Сарая, из-за Баджаура. С запада, из земли кафиров называемой Пич, протекает еще одна река поменьше и вливается в Чаган-Сарай... виноград привозят из земель кафиров, лежащих выше по реке, и из земли Пич» [1, 158—159]. На этом участке граница Кафиристана соответствует современным. Топонимы сохранились прежние, претерпев лишь самые незначительные изменения; нигде в рассмотренных областях топоним Болор или Балвар не встречается.

Восточные границы Кафиристана Бабур не описал, коснувшись этого вопроса только косвенно. Говоря о Хиндустане, Бабур замечает: «На севере возвышаются горы, примыкающие к Хиндукушу и горам Кафиристана и Кашмира. К северо-западу от Хиндустана находятся Кабул, Газни и Кандахар» [1, 314].

Названные Бабуром города ориентированы правильно. Говоря о горах, ограждающих Хиндустан с севера, Бабур, по-видимому, подразумевает Гималаи и хребет Хиндураджд, которые действительно смыкаются с Гиндукушем и отроги которых занимают пространство между Кафиристаном и Кашмиром [16, 45—46], Болора и здесь Бабур не называет. Надо подчеркнуть, что Бабур в своих географических описаниях берет за исходную позицию направление: Средняя Азия, Афганистан, Индия, т. е. с северо-запада на юго-восток. Современник и родственник Бабура Мухаммад Хайдар, автор известной хроники «Тарих-и Рашиди», приводит название Болор, но на основе его сообщений отождествить Кафиристан и Болор никак нельзя.

Прежде всего остановимся на личности самого автора. После убийства отца — Мухаммад Хусейн Дуглата — Мирза Мухаммад Хайдар несколько лет жил у Бабура, затем уехал к другому своему дво-

² Имеется в виду Катвар.

юродному брату — Султан Сейид-хану, правителю Кашгара и около двадцати лет находился у него на службе. В середине 939 г. хиджры (начало 1533 г.) Мирза Мухаммад Хайдар, действуя от имени правителя Кашгарии, овладел Кашмиром. После смерти Султан Сейид-хана он удалился в Лахор и поступил на службу к сыну Бабура Камран-мирзе, а затем перешел к его брату Хумаюну. По поручению Хумаюна, Мирза Мухаммад Хайдар снова покорил Кашмир и десять лет провел там в качестве почти независимого правителя [8, 132]. Здесь в 1541—1547 гг. и была составлена им хроника «Тарих-и Рашиди» [2, 27—28].

Мы остановились на личности Мирзы Мухаммад Хайдара, желая подчеркнуть, что Кашмир и прилегающие к нему области он знал не понаслышке, а лично побывав там. В 934 г. хиджры (1527—28 гг.) он возглавлял поход в страну Болор, вернувшись оттуда с большой добычей. Необходимо отметить, что действовал он не со стороны Кабулистана, как Бабур, а из Кашгарии, из бассейна Тарима. Как мы знаем еще из старинных китайских хроник и сообщений Беруни, «Худуд ал-алем», «Сиасет-намэ» и других рассмотренных выше источников, бассейн Тарима граничил со страной Болор. Правда, в XVI в. политические (и этнические) границы Болора значительно сузились. Продолжавшаяся с первых веков нашей эры энергичная инфильтрация тибетских племен в Бальтистан, где наиболее достоверно можно локализовать Большой Болуй (Болор) китайских хроник, привела к тому, что коренное население было растворено в тибетской этнической массе, восприняв тибетский язык. Бальтистан стал рассматриваться как часть Тибета и получил второе название — Малый Тибет.

Арабские географы IX—XI вв., по-видимому, понимали под Тибетом (они писали: Туббат) преимущественно Малый Тибет или Бальтистан [3, 510]. Восточные границы Болора отодвинулись к пределам бассейна Гильгит и, например, в сообщениях о походах в XV в. войск Абу Бекра, правителя Кашгара из династии Дуглат, прежний Большой Болор даже не упоминается, его рассматривают как часть Тибета. Полководец Мир-Вали, командовавший армией, которая вторглась из Кашмира, покорил, по словам хроника «Тарих-и Рашиди», все области Болора и Тибета между Бадахшаном и Кашмиром [3, 511]. Это сообщение четко указывает, что Болор тогда включал территорию, к востоку от Бадахшана и вплоть до Кашмира, т. е. Читрал, бассейн Гильгита и, возможно, области по Инду, начиная от Тангира и включая на востоке Чилас и Астор, тяготеющий к Гильгиту.

Мирза Мухаммад Хайдар в состав Болора включает и Кафиристан. Вот что сообщает автор «Тарих-и Рашиди» о Болоре: «Страна Болор населена неверными; обитатели ее большей частью живут в горных селениях. Ни у кого из них нет религии или вероисповедания, нет вещи, которой они считали бы нужным избегать и остерегаться; они делают все, что могут, что умеют и что им приятно. Границы Болористана: на востоке — Кашгар и Яркенд, на севере Бадахшан, на западе Кабул и Лагман, на юге — область Кашмир. Страна простирается на четыре месяца пути в окружности; все это пространство покрыто горами, долинами и ущельями; с некоторым преувеличением можно сказать, что во всем Болористане нет равнины длиной хотя бы в один фарсах. Население многочисленно. Ни одна деревня не живет в мире с другой; среди них господствует вечная вражда и битвы происходят постоянно» [2, 55].

Описание «Тарих-и Рашиди» относится главным образом к традиционному Болору, в который в XVI в. включался и Читрал. Кафиристан продолжал сохранять самобытность, но все же надо признать,

что мнение о вековой изолированности Кафиристана в какой-то мере преувеличено. К. Йеттмар, проведший этнографические исследования в Дардистане, пришел к выводу, что дарды Каракорума, кафиры и дарды Гиндукуша, ираноязычные народности Гиндукуша и Памира, а также буришки составляют одну культурную область [21, 83]. Говоря об искусстве резьбы по дереву, развитом у населения южной части Гильгитского агентства, Йеттмар указывает на два направления в стиле. «С одной стороны, — пишет он, — имеется богатая резьба с завитками, листьями и цветами, в особенности с изображениями ломоносов и лотоса. Эти сюжеты уже исследовались Аурелем Штейном. Он объяснил их как позднее ответвление Гандхарского искусства. Эту идею можно развить дальше, если понимать под Гандхарским эклектичное искусство, содержащее наряду с эллинистическими, восточноиранские и индийские элементы, а не нечто оставшееся от греческих традиций со времен Александра (Македонского). Но есть и другой стиль, кроме этого, который нельзя объяснить таким богатым наследием. Он преобладает в вышивках, но имеется и в резьбе Дареля. Особенность этого стиля заключается в преобладании простых прямых линий, наподобие расщепленных лучин. Основные образцы созданы в виде ромбов, иногда встречаются спиралевидные. Инструментом является простой нож и совсем не употребляются резцы или долото. Мне кажется, что этот второй стиль в некотором роде связан с резьбой кафиров и представляет собой сугубо местную традицию» [21, 83].

Древние доисламские религиозные представления на всем обширном пространстве расселения дардских и кафирских народностей, а также буришков, т. е. той территории, которая в XVI в. представлена хроникой «Тарих-и Рашиди» как страна Болор, имели между собой много общего. Говоря об особенностях, подчеркивающих сходство воззрений дардских народностей Гильгитского агентства, сохранивших культ почитания козы, с кафирами, Йеттмар пишет: «Кафиры Гиндукуша поклоняются богине, которая появилась в виде дикой козы» [21, 191]³. Йеттмар добавляет: «Я не лингвист, но думается, что даже имя ее — Крумаи — выражает связь с Муркум Гильгитского агентства. Но Крумаи является посторонней в богатом кафирском пантеоне, возможно, она была перенята от какого-нибудь дардского племени» [21, 191].

Высказывание Йеттмара о том, что Крумаи является посторонней в кафирском пантеоне, нуждается в поправке. Йеттмар опирался только на материалы Робертсона. Записи М. С. Андреева, хранящиеся в Ленинграде в Архиве русских востоковедов, и полевые дневники А. В. Станишевского до сих пор не введены в научный обиход. В Прасуне особо почитался Мэсер, бог снега и облаков, окутывающих горные вершины, у него дочь Крумаи, или Кшымай, которая принимала облик дикой козы. У восточных кати (живших после покорения Кафиристана эмиром Абдурахманом в Читрале и продолжавших сохранять до двадцатых годов XX в. древнюю религию) Крумаи почитается особо, как божество небесного свода. У западных кати культ Крумаи отсутствовал, а у ашкунов Крумаи выступала в качестве покровительницы жилища, причем в ашкунском языке сохранилось до сих пор слово *kūm* со значением 'кровля жилища', 'потолок'. У калашей Кумрай означает имя женского демона. Таким образом, если приводимые нами сведения объединить с наблюдениями и выводами Йеттмара, вопрос о культурных связях обширной территории, занятой дардами и буриш-

³ Сравни сообщение Робертсона о богине Крумаи [14, 72].

ками (в прошлом известной как страна Болор) получает новое решение.

Топонимика территории, которая в течение почти двух тысячелетий была известна под названием Болор, может дать много дополнительных материалов для выяснения последовательности волн расселявшихся в Пригиндукуше народностей. Можно полагать, что кафирские племена занимали в стране Болор более обширную область, и, возможно, этим объясняются народные предания, бытующие до сих пор в Ишкашине и Вахане, на Советском Памире, упорно утверждающие, что в глубокой древности кафирские народности заселяли даже южную окраину Памира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Бабур-наме. Записки Бабура», Ташкент, 1958.
2. Бартольд В. В., Кафиристан в XVI в., 1896, июль.
3. Бартольд В. В., Тибет. Из энциклопедии Ислама.— Сочинения, т. III, М., 1965.
4. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, т. I, М., 1963.
5. Биддёлф, Народы, населяющие Гиндукуш. Сочинение майора Биддёлфа, политического агента в Гильгите, Асхабад, 1886.
6. Бируни, Индия. Абу-рейхан Бируни (973—1048),— Избранные произведения, т. II, Ташкент, 1963.
7. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
8. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касымовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1862.
9. Грюнберг А. Л., Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки. Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География и этнография, история, М., 1971.
10. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н. э., Сталинабад, 1957.
11. [Марко Поло], Книга Марко Поло, М., 1956.
12. Михайлова А. И., Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.—ЭВ, вып. V, 1951.
13. Риттер К., Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан, СПб., 1867.
14. Робертсон, Кафиры Гинду-Куша, Ташкент, 1906.
15. «Сиасет-намэ». Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949.
16. Спейт О. Х. К., Индия и Пакистан. Общая и региональная география, М., 1957.
17. Станишевский А. В., Полевые дневники начальника особой партии Таджикско-Памирской экспедиции, Ташкент, 1933.
18. «Та'рих-и Бадахшан» («История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели). Подготовил к изданию А. Н. Болдырев, Л., 1959, лл. 43-б, 46-б.
19. Худуд ал-'Алем». Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
20. Cunningham A., Ladak. Physical, statistical and Historical with notes of the surrounding countries, London, 1854.
21. Jettmar K., Ethnological Research in Dardistan, 1958,— PAPS, Philadelphia, 1961, vol. 105. No. 1.
22. Kohzad, Admad Ali, The Noaristan. Black-nearers and Amir Karagan,— «Kabuš Times», 1.1.1963.
23. Morgenstierne G., Report on a Linguistic Mission to North-Western India, — JSK, Oslo, 1932.
24. Schomburg R. C. F., Kafirs and Glaciers. Travels in Chitral, London, 1938.

А. М. Дьяков

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В современных границах Горно-Бадахшанская автономная область охватывает территорию от Восточного Памира, на северо-востоке, до южной части Дарваза, на юго-западе.

Восточный Памир, охватывающий все Памирское плоскогорье, за исключением долины Джаушангоза, населен киргизами — так называемыми «памирскими» или «мургабскими» киргизами (см. стр. 204—222).

К юго-западу от Памира, в долине Пянджа и его притоков Гунта и Шахдары проживают различные припамирские народности, которые называют себя таджиками, но говорят на различных языках, относимых к группе восточноиранских языков.

В верховьях Пянджа проживают ваханцы, которые численно преобладают вплоть до кишлака Наматгут Ишкашимского района. В некоторых кишлаках Вахана живет несколько семей читральцев, которые в 20-х годах еще помнили свой язык, но находились уже на пути к полной ассимиляции ваханцами.

Ниже, по течению р. Пяндж имеются два кишлака, а именно: Рын и Нют, где живут ишкашимцы. Кишлак Рын полностью населен ишкашимцами, а в кишлаке Нют несколько семей говорят на бадахшанском говоре таджикского языка.

Ниже, по течению р. Пяндж имеются два кишлака, а именно: Рын зываемый местными жителями Горон. В настоящее время население Горона говорит на бадахшанском диалекте таджикского языка, но в 20-х годах в некоторых из этих кишлаков, например в кишлаке Баршор, между Ишкашимом и Хорогом, старики знали еще шугнанский язык, причем говорили на своеобразном диалекте этого языка. Как мне помнится, например, по-шугнански дверь произносят как *двэ*, а на этом диалекте дверь звучит как *двир*. В Гороне в то время были следующие кишлаки: Баршор, Козы-Дах, Шамбе-Дэх, Кухи-Ляль и самый большой кишлак Андароб.

Население этих кишлаков уже в 20-х годах говорило на бадахшанском говоре таджикского языка, но, как я слышал, некоторые старики помнили еще шугнанский язык в этом районе, поэтому я думаю, что в некоторых кишлаках этого района проживали шугнанцы. Но уже в 20-х годах шугнанский язык быстро вытеснялся таджикским, так как большинство населения, по-видимому, были выходцами из Бадахшана.

Ниже Андароба начиналась территория Шугнана. Район этот носил название Дарморахт. **Верхний кишлак Дарморахта назывался**

Нишусп. В прошлом его населяли шугнанцы, принадлежащие к сословию миров, т. е. дружинников. Ниже Нишуспа был расположен небольшой кишлачок Пиш. Население его в прошлом принадлежало к сословию факиров, которые при господстве шугнанских ханов находились в полукрепостном положении. Насколько мне известно, сословное деление на Памире было аннулировано в период господства там афганцев; с тех пор крепостная зависимость факиров была также аннулирована, факиры значительно улучшили свое положение и в 20-х годах начали жить зажиточнее миров и саидов.

Ниже Дарморахта были расположены мелкие поселения, относящиеся к Хорогу. Хорог, являющийся в настоящее время и бывший также в 20-х годах административным центром Горного Бадахшана, расположен на р. Гунт, недалеко от впадения ее в р. Пяндж. В Хороге впадает в р. Гунт р. Шахдара.

Кишлаки, расположенные ниже Хорога, по р. Пяндж и вплоть до впадения в нее р. Бартанг называются Шугнан, в собственном смысле этого слова.

Ниже Хорога находился небольшой кишлак Тым, далее, по течению р. Пяндж расположен большой кишлак Поршинева. Ниже Поршинева — маленький кишлак Бонэ. Еще ниже — Сохчарв. Затем вдоль р. Пяндж находится небольшой кишлак Баджу. Собственно говоря, сам кишлак Баджу расположен в долине горного потока, в нескольких километрах от р. Пяндж. Жители Баджу говорят на особом диалекте шугнанского языка, в некоторых отношениях этот диалект приближается к рушанскому языку. В долине Пянджа находятся сады жителей Баджу и несколько семей проживают в садах. Эта часть Баджу называется Баджупастэв.

Ниже по течению р. Пяндж находится нижняя часть кишлака Хуф. Сам кишлак расположен в нескольких километрах от долины р. Пяндж, в широкой и плодородной долине, много выше Пянджа, но в долине Хуфа не вызревают тут и урюк, поэтому сады некоторых хуфцев расположены в долине р. Пяндж и эта местность называется Пастхуф. Хуфцы говорят на диалекте шугнано-рушанского языка, но их говор ближе к говору бартангцев и рушанцев, чем к типичному шугнанскому языку.

Выше Хорога, который теперь является уже городом, по р. Гунт расположен Сучан. Это группа кишлаков, часть жителей которых — выходцы из Рушана. Вдоль р. Гунт, как в долине этой реки, так и в долинах ряда ее притоков, расположены также кишлаки, населенные шугнанцами. Это кишлаки: Вир, Чортым, Мун, Ванкала и ряд кишлаков вдоль притоков Гунта, например: Хитам. В этих кишлаках проживает довольно много выходцев из Рушана, и в 20-х годах многие жители этих кишлаков говорили еще на рушанском языке или, вернее, на диалекте шугнано-рушанского языка.

В самых верховьях р. Гунт, в урочище Ок-Тайлок живут выходцы из Сарезской долины. Когда произошел обвал, запрудивший р. Бартанг, и в районе Сареза образовалось озеро, то жители из кишлаков этого района переселились в верховья р. Гунт. В 20-х годах они еще говорили на бартангском говоре шугнано-рушанского языка. В урочище Ок-Тайлок сеялся только ячмень, так как другие культуры не вызревали.

В долине реки Шахдары также проживали шугнанцы, но их говор в некоторых отношениях отличался от языка жителей Шугнана в собственном смысле этого слова. Например, в то время как ущелье у шугнанцев называлось *дарра*, у шахдаринцев называлось *зерав*. В некоторых случаях, когда в шугнанском языке произносились долгие

звуки, в шахдаринском — краткие, например, теленок по-шугнански — *шииг*, по-шахдарински — *шиг*. В прошлом в Шахдаре был свой хан, резиденция которого находилась в кишлаке Рошт-Кала. Потомок этого хана, ставший при царском правительстве волостным правителем Шахдаринской волости, — Азиз хан (резиденцией его был кишлак Сендив) — в 20-х годах был еще жив.

Нижний кишлак Шахдары, находящийся недалеко от Хорога, называется Реджист, а верхний ее кишлак, расположенный недалеко от ущелья Дузах Дера (адское ущелье), называется кишлак Шошбувад. Богатые шахдаринцы пасли свой скот в долине Джаушангоз, в отношении природы уже являющийся частью Восточного Памира.

Р. Бартанг при впадении в Пяндж образует довольно широкую дельту. Летом, когда реки разливаются в результате таяния горных снегов, в этой дельте образуется много островов, заросших кустами колючей облепихи. Тогда жители Рушана, в особенности его кишлаков, прилегающих к дельте Бартанга, а именно: Худжант, Калай-Вомар занимаются перевозкой пассажиров через дельту Бартанга на верблюдах, так как лошади не могут перевозить людей через разлившийся Бартанг из-за глубины и быстрого течения. Иногда и верблюдам приходится плыть, в результате всадники падают в воду, так как верблюд плавает боком.

Ниже впадения Бартанга, по р. Пяндж расположен Рушан. В Рушане находится ряд кишлаков, часть из которых расположена в границах Советского Союза, а кишлаки по левому берегу Пянджа уже в пределах Афганистана. Главнейшие кишлаки Рушана следующие (начиная сверху): Худжан, Калай-Вомар, Дирушан, Барушан, Дирзуд, Барзуд, Шидз и Вазуд. В этих кишлаках в 20-х годах хорошо вызревал тут и раньше, чем в Шугнанае, поспедали зерновые.

Рушанский язык принадлежит к числу языков, относящихся к шугнано-рушанской группе. Он в отношении лексики и фонетики сильнее отличается от шугнанского, чем различные шугнанские говоры, но рушанцы могут свободно говорить с шугнанцами, и они понимают друг друга. Например, по-шугнански солнце — *хир*, по-рушански — *хор*. Лошадь по-шугнански — *вордж*, по-рушански — *вурдж* и т. д. Некоторые лексические расхождения: женщина по-шугнански — *кахой*, по-рушански — *вартон*, нож для резания лапши по-шугнански — *шульке*, по-рушански — *ханцаллй*, но таких лексических расхождений мало, и, как правило, все рушанцы знают и те и другие слова.

Бартангский диалект отличается и от шугнанского, и от рушанского, но ближе к рушанскому, чем к шугнанскому. Бартангцев могут понимать и шугнанцы, и рушанцы. К этой же группе иранских языков относится сарыкольский язык. Однако этот язык наряду с фонетическими и лексическими имеет и некоторые грамматические отличия от шугнанского и рушанского. Например, в сарыкольском языке уже нет грамматического рода слов, а в шугнанском, рушанском и бартангском все слова относятся или к женскому или к мужскому роду.

В присоединенной позднее части Горно-Бадахшанской области, а именно в небольшой горной долине, находящейся за перевалом Оудуи, имеется долина Язгулема, в которой живет народ, говорящий на особом языке. Этот язык имеет сходство в лексике и фонетике с шугнано-рушанскими языками, но и имеет также огубленные согласные, что его сближает до некоторой степени с ягнобским языком. Большинство же Дарвазской части Горно-Бадахшанской автономной области говорит на ряде говоров таджикского языка, причем дарвазские говоры довольно сильно отличаются от каратегинских, кулябских и др. Нужно

отметить также различие в обычаях припамирских народов, а также в религии. Все припамирские народы исповедуют ислам исмаилитского толка. В Дарвазской же части ГБАО преобладают сунниты и только в крайне южном кишлаке Дарваза, а именно — Егит население исповедует исмаилизм. До революции Дарваз входил в состав Бухарского эмирата и управлялся назначаемыми из Бухары беками.

Припамирская часть ГБАО и Памир были подчинены русским властям, и там управляли командиры Памирского погранотряда, обычно они имели чин полковника. До присоединения Памира к России (1896 г.) там существовали независимые княжества, во главе которых стояли ханы. Все население этих княжеств делилось на несколько сословий, которых некоторые авторы называют кастами, что, конечно, неверно. Сословия эти были следующие: правящее сословие называлось ханá, оно было очень немногочисленным, но наиболее богатым. Ниже его стояло сословие духовенства, которое именовалось саидами. У саидов к мужскому имени обыкновенно присоединялось окончание шох, например: Шириншох, Давлятшох и т. д. Из саидов обычно были и ишаны, каждый из которых имел своих муридов, т. е. учеников, причем муридизм передавался по наследству. Наиболее влиятельными ишанами в 1920 г. в Шугнane был поршневикий ишан Юсуф Али Шо, шахдаринский ишан — Саид Махмуд Шо. В Вахане влиянием пользовался Саид Абдуррахман и, кроме того, ряд ишанов, проживавших в Читрале. Саид Махмуд Шо происходил из Мунджана (Афганистан) и привез с собой ряд своих муридов из Мунджана. В 20-х годах некоторые его муриды говорили еще на мунджанском языке, хотя их дети, родившиеся уже в Шугнane, не знали этого языка. Автору этой статьи пришлось побывать в небольшом кишлаке на Шахдаре — Цордж, где старики еще говорили на мунджанском языке. Мунджанский язык также один из иранских языков, но он значительно ближе к языку пушту, чем остальные памирские языки.

Из числа саидов выделялись халифы, в обязанность которых входил сбор саркори, т. е. десятины в пользу исмаилитского духовенства. По обычаю памирских исмаилитов десятая часть всех доходов, вплоть до десятого ребенка, отдавалась ишанам в качестве десятины от доходов верующих, вместо ребенка разрешалось отдать быка, но обычно бедные люди и не могли этого сделать и отдавали ребенка. Если этот ребенок был мальчиком, то он должен был работать на ишана, если же девочка, то ишан ее отдавал замуж и получал вознаграждение.

Сословие миров было значительно более многочисленным, чем сословие саидов. Миров раньше составляли дружину ханов. Они могли эксплуатировать тех факиров, которых им приписывал хан. Внешним признаком миров была прибавка к имени окончания бек, например Кирзигбек, Даулятбек и т. д. Низшим сословием были факиры. Это сословие, платившее всего подати, не было до известной степени полностью свободным. Например, ханы припамирских ханств обменивали девушек и юношей факиров на охотничьи собак и другие предметы роскоши.

После того как памирские ханства были завоеваны Афганистаном в начале 90-х годов XIX столетия, все эти сословные различия были аннулированы, и когда Памир вошел в состав Бухары, они не были восстановлены. Однако в быту населения эти сословные различия продолжали существовать. Обычно саиды не отдавали своих дочерей мирам и факирам. Миров и факиры также предпочитали отдавать своих дочерей за людей того же сословия. В 20-х годах эти обычаи сохранились, хотя уже часто и нарушались.

Точных данных о численности припамирских народов в первой четверти нашего века не имелось. Наибольшее число жителей составляют народы, говорящие на языках шугнано-рушанской группы. Часть их живет в Афганистане, и там находится прежняя столица шугнанских ханов — Калаи-Бар-Пянджа. Второе место по численности населения занимают ваханцы. Ишкашимцы преобладают в Афганистане, а в СССР их очень немного. Также небольшое число составляют и язгулемцы. Ваханцы кроме СССР живут в Афганистане, Пакистане и Синьцзяне. Языком обучения, печати и языком сношений между отдельными народами является таджикский язык, который в той или иной мере знает большинство населения. Так как при переписи все памирские народы включаются в рубрику «таджики», то точных данных об отдельных памирских народах в переписи нет.

В настоящее время произошло много изменений, и данная статья дает только сведения о положении в ГБАО в 20-х годах.

Л. Ф. Моногарова

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР

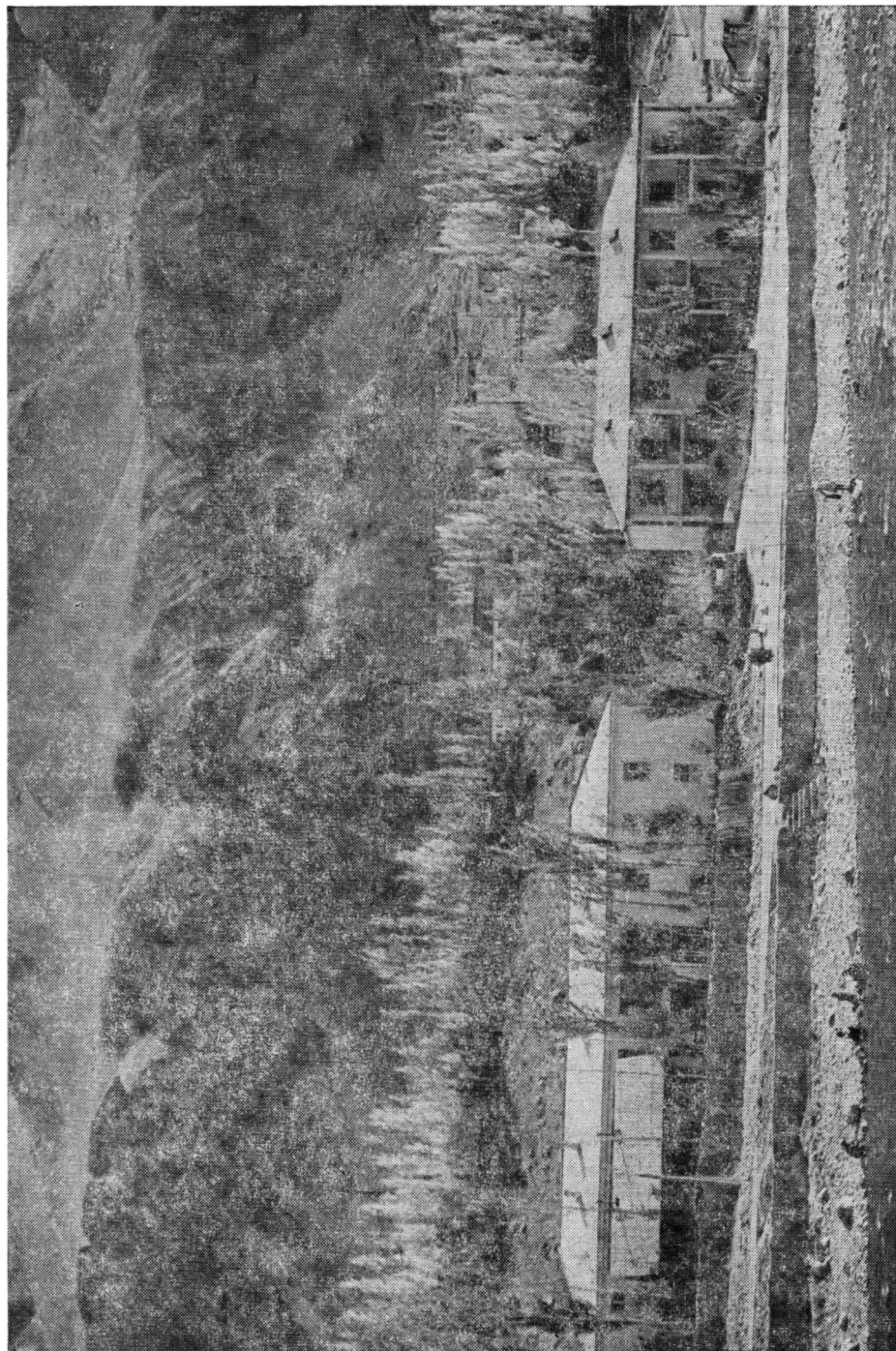
Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) расположена в восточной части Таджикистана, на Памире — самом высокогорном крае Советского Союза. На севере и северо-западе ГБАО граничит с Киргизской ССР по Заалайскому хребту и с Таджикской ССР по Дарвазскому хребту. На западе и юго-западе области в среднем течении р. Пяндж (верховья р. Амударья до слияния ее с Вахшем) идет граница с Афганистаном, на юге она проходит в среднем течении рек Пяндж и Памир; на юго-востоке — по Ваханскому хребту, на востоке по Сарыкольскому хребту ГБАО граничит с КНР. По площади ГБАО занимает около 45% территории Таджикской ССР, однако здесь живет только немногим больше 3,5% населения республики.

При средней плотности населения области в 1,4 чел./кв. км [11, 252] долины рек Западного Памира характеризуются бóльшей плотностью, чем высокогорное плато Восточного Памира, где плотность составляет всего 0,4 чел. на 1 кв. км [6, 120]. 92% населения сосредоточено на Западном Памире, занимающем только 36,5% территории ГБАО [11, 260].

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. [15, 122—123], общая численность населения ГБАО равна 73 037 человек, из них таджиков (в том числе припамирских народностей) — 65 534 человека. Термином «припамирские народности» исследователи называют группу родственных ираноязычных народностей Западного Памира. Все припамирские народности по национальности были записаны таджиками, но при этом свыше 42 000 человек назвали родным один из коренных памирских языков [27, 119]. По данным Всесоюзной переписи 1970 г. общая численность населения ГБАО около 98 000 человек, из них таджиков (вместе с припамирцами) — 90,8%. Численность киргизов в ГБАО — 6930 человек, русских — 764 человека.

Наибольшую по численности группу населения составляют припамирские народности: язгулемцы (самоназвание згамик), рушанцы (рыхен, рухни) с их локальной группой хуфцами (хуфидж); бартангцы (бартангидж) с локальной группой орошорцев; шугнанцы (хугни, хунуни) с их локальной группой баджуйцами, говорящими на одном из памирских языков, ишкашимцы (ишкошуми, ишкошими) и ваханцы (хик, вахи).

Численность каждой из этих народностей определить довольно трудно в связи с тем, что переписями 1959 и 1970 гг. все они были за-

Рис. 1. Новые жилые дома на реке Гунг в г. Хорог

писаны по национальности таджиками. Приблизительную численность их можно определить по числу лиц, назвавших родным один из памирских (или припамирских) языков.

Язгулемцы (около 1600 человек) населяют долину р. Язгулем; рушанцы (около 7000 человек) живут на правом берегу Пянджа от устья Язгулема до устья Бартанга, хуфцы (1200 человек) — в долине Хуф; бартангцы (около 2000 человек) занимают долину р. Бартанг; шугнанцы — самая крупная по численности народность (свыше 20 000 человек, в том числе и баджуйцы долины Баджуй) расселены по правобережью Пянджа от кишлака Сохчарв до Хасхарага (первого кишлака Горона), в долине Гунта и в долине Шахдары, говорящие на языке «рыни» ишкашимцы — в кишлаке Рын (400 человек, всего в ГБАО — около 500 человек); ваханцы (свыше 7000 человек) проживают в верховьях р. Пяндж и в долине р. Памир.

Таджики, говорящие на таджикско-бадахшанских говорах [27, 121], в ГБАО проживают: в Қалаихумбском (дарвазцы), Ванчском и Ишкашимском районах. Таджики Қалаихумбского района — дарвазцы (самоназвание — дарвози). Таджики долины Ванча (правильнее Ванджа) — ванчцы (ванджи) в прошлом одна из припамирских народностей, ассимилированные таджиками Дарваза более 100 лет тому назад. В Ишкашимском районе таджики (таджикоязычные ишкашимцы, сами себя называющие ишкашимцами — ишкошими) живут в правобережье долины р. Пяндж от кишлака Авдж до кишлака Наматгут.

Другая группа таджиков Ишкашимского района — горонцы (от кишлака Даршай до кишлака Хасхара — границы с шугнанцами). Их локальное название связано с территорией, на которой они живут — бассейн Гарм-Чашма называется Горон.

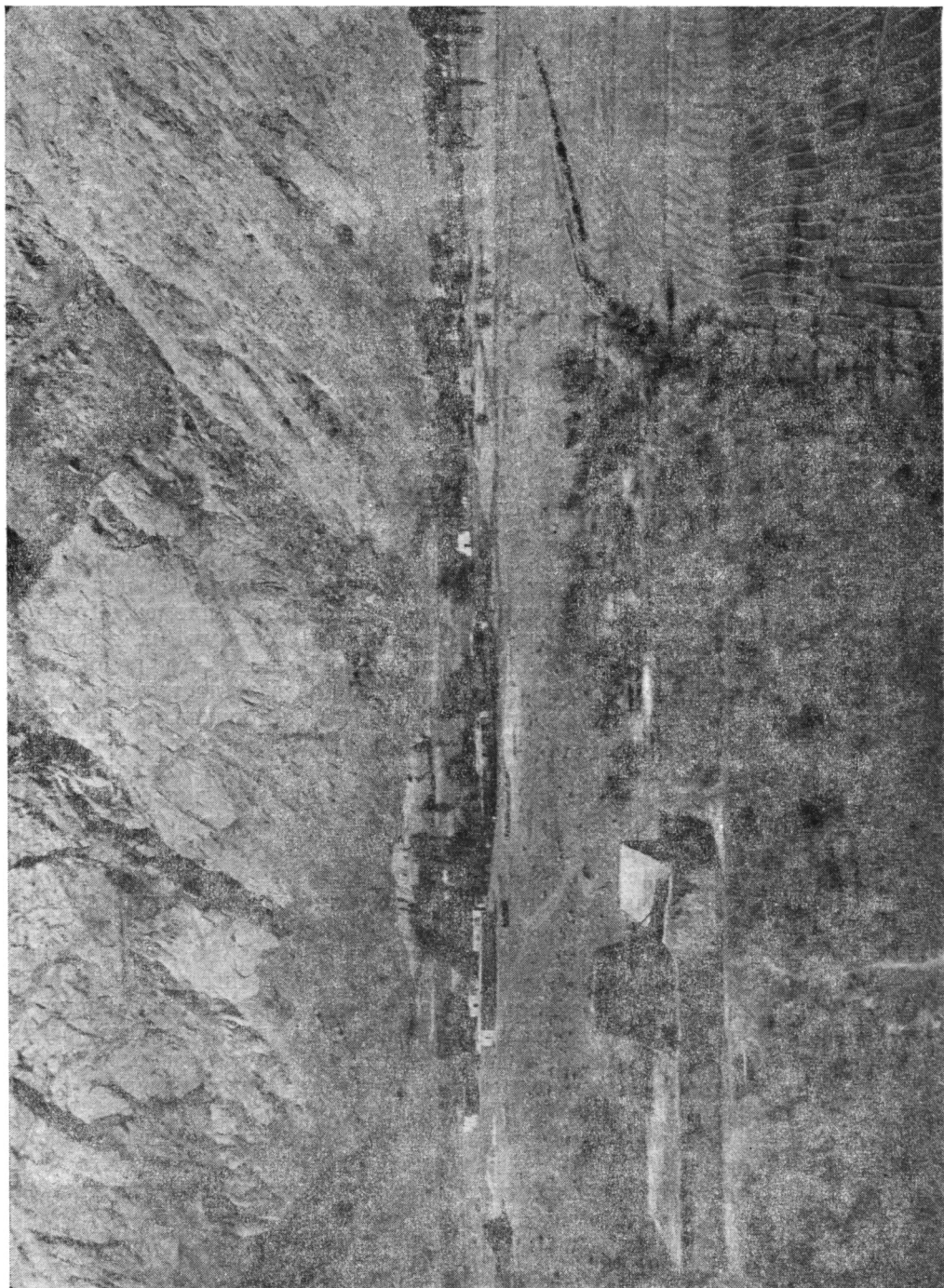
Киргизы — главным образом племенные объединения: адигине, мунгуш и группировка ичкилик [2, 177] — составляют основное население Мургабского района. Русские живут преимущественно в единственном городе ГБАО — центре области Хороге — и в районных центрах.

В зарубежных странах припамирские народности представлены в Афганском Бадахшане (рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, зебакцы, сангличи) — 70 тыс. человек в 1961 г., в Пакистане, в местности Читрал (мунджанцы и йидга), в Китайской Народной Республике (Синьцзян) — сарыкольцы, родственные шугнанцам, и ваханцы — всего около 17 тыс. человек в 1961 г.

Родные языки припамирских народностей, так называемые лингвистами памирские языки, принадлежат к иранским языкам юго-восточной ветви [31, 3—4; 19, 133, 152—157].

Эти языки условно разделяются на две группы: северная включает близкие друг другу языки — язгулемский и шугнано-рушанскую диалектную группу, в которую входят взаимопонимаемые диалекты: шугнанский, рушанский, бартангский, орошорский, хуфский и сарыкольский, к этой северной группе принадлежал и вымерший ванчский (ванджский) язык; южная группа включает более разнородные языки: ишкашимский (с диалектами ишкашимским, сангличским и зебакским), ваханский, обособленный от юго-восточноиранских языков и приближающийся по ряду признаков к индийским языкам, условно мунджанский (с диалектами йидга и мунджанским), занимающий промежуточное место между памирскими языками и пушту (афганским).

Таджики говорят на различных диалектах таджикского языка, относящегося к западной иранской языковой группе. Родной язык киргизов Восточного Памира, которых вместе с ферганскими киргизами в отличие от киргизов других районов Средней Азии исследователи ус-

Рис. 2. Долина реки Бартанг

ловно называют южными [2, 156], — киргизский, входит в северо-западную группу тюркских языков [2, 156].

В антропологическом отношении население ГБАО также разнообразно. Горные таджики и припамирские народности антропологи относят к брахицефальной европеоидной расе Среднеазиатского междуречья, в составе которой Л. В. Ошанин выделяет три варианта. К первому — «горному» — он причисляет горных таджиков, а ко второму — «припамирскому» — ираноязычное население юго-западных припамирских стран — Рушана, Шугнана и Вахана. «Этот подтип близок к подтипу горных таджиков, но отличается от него некоторыми признаками, сходными с признаками так называемой переднеазиатской расы» [24, 94].

Среди киргизов Восточного Памира преобладает центральноазиатский монголоидный тип [2, 157]. Большинство исследователей считают, что в конце XVII в. под давлением калмыков часть киргизов переселилась на Восточный Памир [2, 165]. Однако высказывается предположение и о более раннем появлении здесь киргизов [20, 8—9], правда, связи последних с носителями культуры древних археологических памятников Восточного Памира еще не доказаны.

Коренным населением Западного Памира являются припамирские народности, в силу чрезвычайной географической изоляции и ряда исторических и социально-экономических причин оказавшиеся к X в. на периферии территории этнического формирования таджиков, и сложившиеся в самостоятельные народности с собственными, отличными от таджикского, языками. В античное время и в конце I тысячелетия до н. э. в районе верховьев Амударьи (Пянджа) жили отдаленные предки припамирских народностей. Территория их расселения была сопредельна с центром формирования индо-иранских племен. Древние сакские и, возможно, дардские племена стали одними из основных элементов в этногенезе припамирских народностей. Это положение, выдвинутое впервые Р. Шоу [32, 128—129], подтверждается последующими исследованиями лингвистов [19, 140, 32], историков [5], антропологов [24] и археологов [7, 8, 12, 13, 14, 21]. А. Н. Бернштам подчеркивает резкое различие археологических памятников Западного и Восточного Памира, что совпадает с современной этно-лингвистической границей. «Восточный Памир представлен памятниками кочевников, Западный — памятниками оседлого населения...» [7, 129]. А. Н. Бернштам отметил, что «в самобытной культуре древнего населения Западного Памира явно выступает культура Тохристана, особенно активно себя проявившая в Кушанский период» [8, 280; см. также 12, 13 и 14]. Заселение труднодоступных долин верхнего Пянджа, по мнению большинства исследователей, происходило в виде ряда миграционных волн, идущих с Запада (с территории современного Афганистана, Ирана и южных районов Таджикистана). В этногенезе каждой из припамирских народностей участвовали местные, аборигенные племена и немногочисленные пришлые родственные между собою этнические элементы [1, 58; 3, 3; 9, 15; 4, вып. 1, 13—15]. По нашим полевым материалам [22, 11], миграционные движения населения не прекращались и до самого последнего времени (200—100 лет назад), на много веков позже X в., т. е. уже после консолидации таджиков и родственных горным таджикам отдельных припамирских народностей.

Н. А. Кисляков подчеркивает этническую общность и единство происхождения припамирских народностей и таджиков Каратегина, Дарваза, Гиссара, возможно, и Куляба, предки которых говорили в отдаленные времена на общих, близкородственных наречиях или языках. При-

памирские народности и горные таджики этих местностей характеризуются известной культурной общностью [16, 318]. Н. А. Кисляков вслед за И. И. Зарубиным и Н. И. Вавиловым считает, что на территории Таджикистана существовали две древние культурно-исторические области — «согдийская» (к северу и западу от Гиссарского хребта) и «тохарская» (к югу и востоку от этого хребта). «Таджики, населяющие территорию к северу и западу от Гиссарского хребта, этнически, по видимому, связаны с населением Согда, для таджиков Гиссара, Куляба, Каратегина, Дарваза и Припамирских районов характерна значительная культурная общность, которая в своей основе восходит, вероятно, к древним обитателям этого края — тохарам» [17, 130].

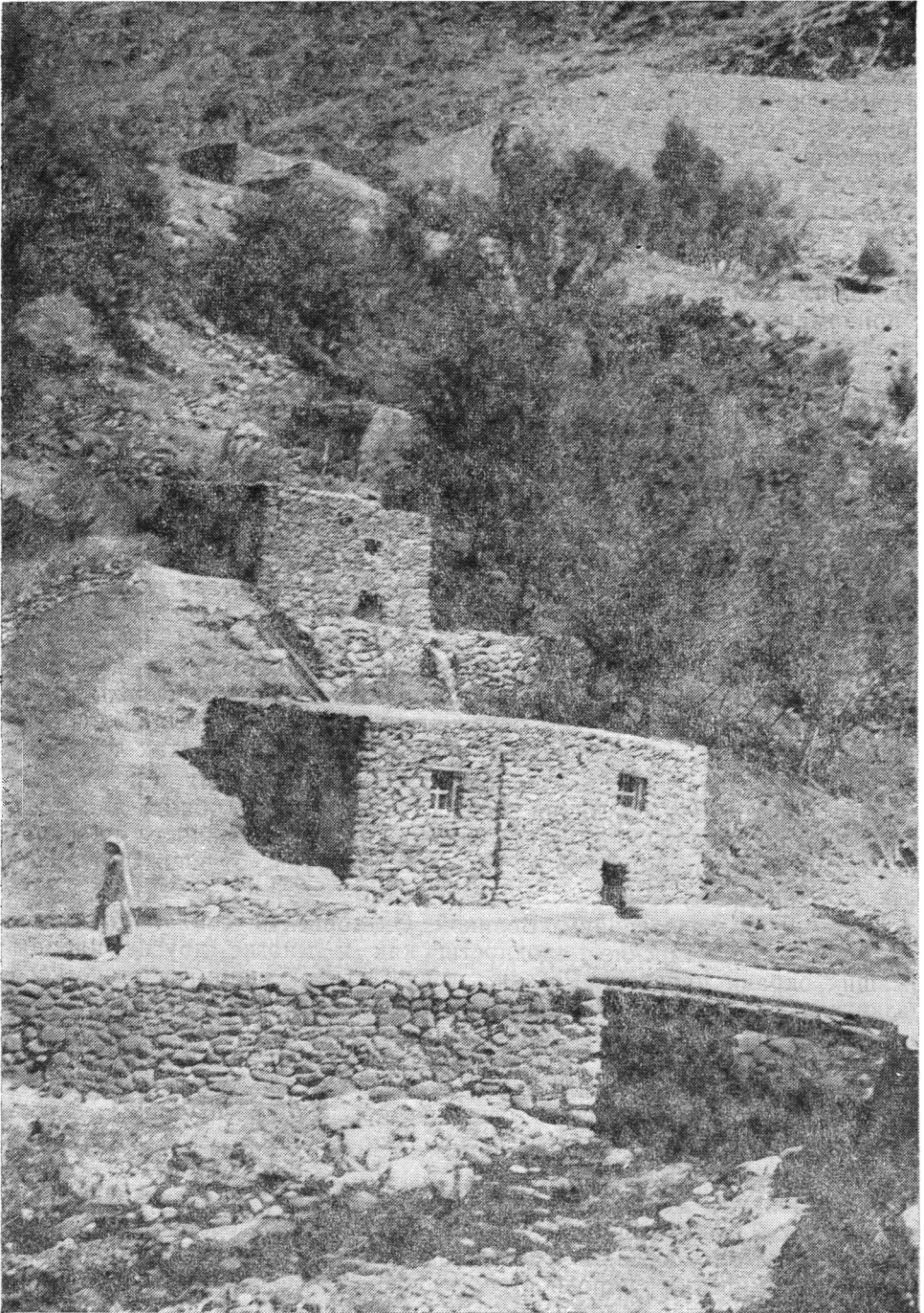
По вероисповеданию верующие из числа горных таджиков Дарваза (в ГБАО это Калайхумбский и Ванчский районы) относятся к мусульманам-суннитам. Верующие киргизы также мусульмане-сунниты, а припамирские народности приняли ислам в форме исмаилизма значительно позже, к XII в. Исмаилизм — одна из двух главных сект шиитского направления ислама. Исмаилизм припамирских народностей, вобрав в себя анимистические народные представления, является результатом смешения их с исмаилитскими догмами. Объективно, один из наиболее реакционных элементов исмаилизма — резкая нетерпимость к последователям других религий, порождавшая и в последующие века, даже в конце XIX — начале XX в., отчужденность в отношениях с соседними народами другой веры: киргизами Восточного Памира, таджиками Дарваза и северо-восточного Афганистана и другими. «Этноразделительная» роль религии особенно значительна в мусульманских странах. «Религиозные различия имели в быту и в социальных отношениях большее значение, чем этнические» [18, 102].

Различная религиозная принадлежность припамирских народностей (исмаилитов) и таджиков (суннитов) была одной из главных причин обособления в этническом развитии припамирцев и была одной из основных причин, тормозивших в прошлом сближение этих народов.

Издавна шел процесс взаимовлияния припамирских народностей между собой, способствующий выработке некоторых общих для всех припамирских народностей черт хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры, отличных от таковых у таджиков.

Благодаря завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции припамирские народности, как и многие другие народы бывших окраин царской России, минуя стадию капиталистического развития, перешли от феодальных (вернее, патриархально-феодальных) отношений к социалистическим. Все припамирские народности, проживающие на территории нашей страны на правах автономии, в составе ГБАО объединены с таджиками в одно государственное образование — Таджикскую Советскую социалистическую республику, являющуюся, как и другие союзные республики Средней Азии, форпостом социализма на юге нашей страны.

Образование Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.) в пределах Таджикской ССР и социалистическое переустройство хозяйства, особенно создание колхозов, обусловили экономическую общность припамирских народностей с таджиками остальных районов республики. Следует отметить большую экономическую помощь Горно-Бадахшанской автономной области со стороны Таджикской республики. Важное значение в общей экономической и культурной жизни ГБАО и Таджикской ССР имела ликвидация бездорожья (проведение автомобильных дорог Ош — Хорог в 1934 г. в Душанбе — Хорог в 1940 г.),

Рис. 3. Водяные мельницы в Шугнанае

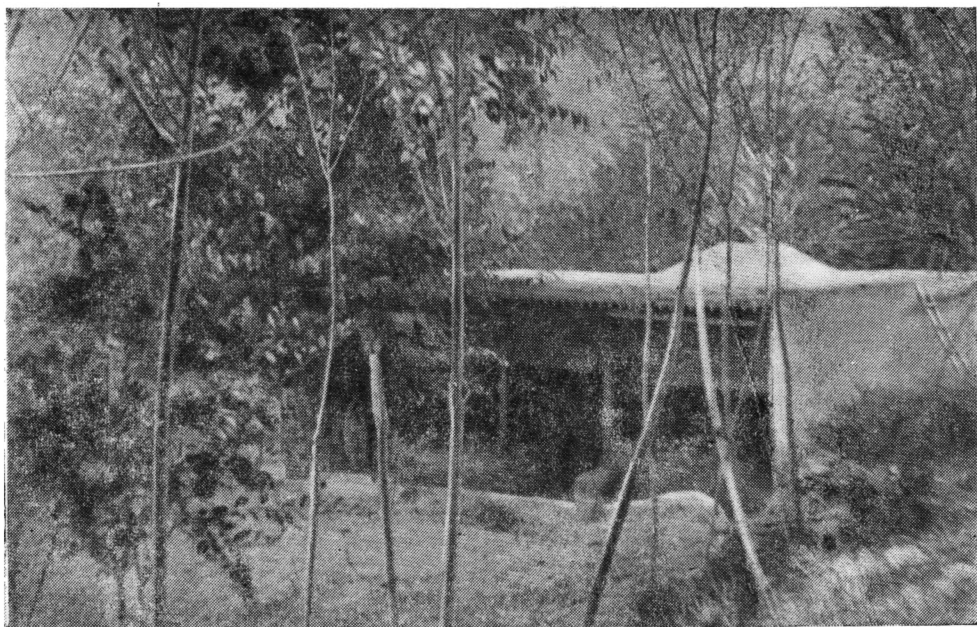
Рис. 4. Студентки из Хорога. Крайняя слева — уроженка долины Бартанга, средняя — шугнанка из долины Гунта, крайняя справа — шугнанка из долины Шахдара

установление авиасвязи между отдельными районами области и регулярного воздушного сообщения по линии Душанбе — Хорог, связавшими между собой как отдельные районы, так и Горно-Бадахшанскую автономную область в целом с культурными центрами Таджикистана и другими республиками Советского Союза.

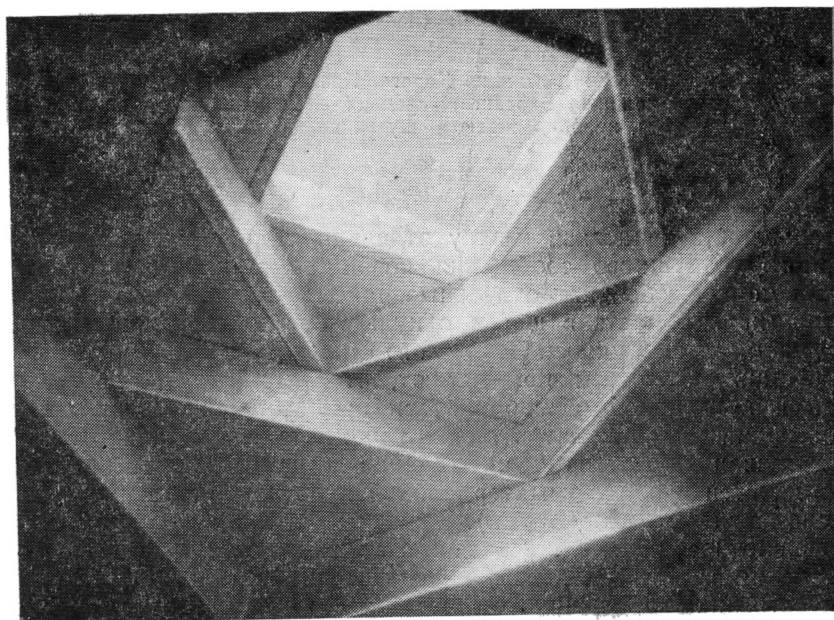
Наши материалы показывают, что изживание былой экономической и культурной обособленности припамирцев проявилось в советское время в сближении в той или иной степени с таджиками язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других более малочисленных народностей в области материальной культуры (особенно в отношении пищи, одежды, орудий труда).

Основное занятие населения Западного Памира, как и таджиков (особенно горцев Дарваза), — земледелие высокогорного типа при искусственном орошении в сочетании со скотоводством отгонно-пастбищного типа.

В современном хозяйстве припамирских народностей сохраняются лишь те орудия труда и приемы сельскохозяйственной деятельности, которые обусловлены спецификой местных природных условий (например, пахотное орудие — *сылорн* из твердых пород дерева с железным

Рис. 5. Традиционный жилой дом в Шугнани

Рис. 6. Ступенчатый свод кровли «чор-хона»

Рис. 7. Воспитательницы яслей с детьми (Ваханский кишлак Вранг)

кованым наконечником, приспособление из досок для переноса снопов и другого груза — *кихт* и т. п.). Применяются эти орудия труда там, где из-за условий рельефа местности и почв невозможно применить более совершенные орудия труда или машинную технику. То же можно сказать о сохранении традиционных черт в жилище, одежде [3, 19—31, 36—38; 9, гл. IX, X и XI; 4, вып. 2, 21—108, 114—150, 236—254, 255—267, 286—309, 381—486; 22, 13—28, 30—50].

В настоящее время традиционная туникообразного покроя одежда припамирских народностей повсеместно сменилась современным общесреднеазиатским костюмом и одеждой, характерной для нашего общества в целом.

За последнее десятилетие сильно изменилась традиционная национальная одежда припамирцев. Их современная национальная одежда содержит элементы, заимствованные не из традиционного, а из современного национального костюма таджиков.

Такой же характер имеют заимствованные у таджиков новые элементы жилища, в частности его интерьер. В современном жилище сочетаются традиционные элементы народного жилища с современными чертами таджикской и общесоветской культур. Национальный колорит придают жилищу его традиционная конструкция, основанная на деревянном каркасе со ступенчатым сводом — *чор-хона* и наличие глинобитных нар, расположенных вдоль трех стен.

Несмотря на географическую изолированность в прошлом, население Западного Памира не было полностью лишено связей с сосед-

ними народами. Отдельные элементы материальной культуры, некоторые виды растений и породы скота заимствовались памирцами часто путем обмена и с юга (Индия) и с севера (из равнинных районов Средней Азии через горных таджиков Каратегина и Дарваза). Меновая торговля существовала издавна между отдельными припамирскими народностями и соседними с ними кочевниками-скотоводами киргизами Восточного Памира, которые жили в переносном жилище — юрте, и кочевали со стадами овец и яков в течение всего года [2, 20, 29, 30]. Часто обмен проходил в своеобразной форме «партнерства»: памирец, чаще шугнанец долины Шахдары, верховьев Гунта, бартанец или ваханец, дружил с кем-либо из киргизов. Они ездили друг к другу в гости и обменивались товарами своего хозяйства: изделия киргизов — уздечки, сбрую, седельники, конские плети, вьючные сумы, кошмы памирцы приобретали в обмен на зерно, шерстяную ткань для халатов, деревянную утварь, джурабы и прочее. Кошмовалению памирцы научились у киргизов, у них же была заимствована порода курдючных овец. Киргизы заимствовали от памирцев вязку чулок-джурабов, некоторые виды орудий труда — топорик *теше*, серпы и т. п. Однако несмотря на такие связи, браки киргизов (суннитов по вероисповеданию) и таджиков с припамирскими народностями были довольно редки. При смешанных браках преимущественно киргизы женились на таджичках [20, 21]. Смешанные браки между киргизами и припамирскими народностями и в настоящее время довольно редки. Так, даже в районном центре Мургаб (на Восточном Памире), где большинство населения составляют киргизы, таких смешанных браков, по данным областного архива ЗАГС'а, в 1935 г. было всего два, в 1945 — два, в 1955 г. не было зарегистрировано ни одного, в 1965 г. — один. Причем во всех этих случаях мужчины из припамирских народностей женились на киргизках.

Смешанных браков, в которых один из супругов относится к какой-либо припамирской народности, а второй — к другой национальности, — очень мало.

Число смешанных браков (в однонациональных районах в прошлом) зависит обычно от миграционного движения населения, ограниченного в данном случае пограничным положением ГБАО, а также и отсутствием больших промышленных строек, собирающих, как известно, многонациональные кадры работающих. Поэтому смешанных браков в ГБАО мало и играть существенную роль в этнических процессах они, естественно, не могут.

Сближение отдельных элементов национальной культуры и быта инонациональных народностей, несомненно, зависит от общего культурного уровня различных социальных слоев взаимодействующих (контактирующих) групп этих народов, что и обуславливает неравномерность развития данного процесса.

Так, естественно, у городского населения Хорога среди припамирских народностей в быту отмечается больше элементов современной таджикской и городской, общесоветской культуры, чем у сельского населения.

В сельских местностях элементы таджикской и городской культуры наиболее отчетливо прослеживаются в среде местной сельской интеллигенции: учителей, врачей, руководящих работников советских и общественных организаций, колхозов и т. п.

В области духовной культуры и семейных отношений сближение припамирских народностей (традиционная духовная культура и семейный быт которых сложились под влиянием исмаилитской идеоло-

гии) с таджиками (испытывшими глубокое влияние суннитской идеологии) в прошлом было невозможно, так как слишком велики были различия в основополагающих аспектах семейного быта (взаимоотношения между полами, положение женщины и т. п.) и национальных традиций.

В Советский период эти препятствия исчезают. Преобразование семейных отношений под влиянием социалистической культуры имеет решающее значение в процессе этнического взаимодействия, потому что именно в семье формируются и поддерживаются национальные традиции, создаются определенные моральные нормы, формы взаимоотношений между полами и поколениями и т. п. Однако сближение припамирских народностей с таджиками в области духовной культуры и семейных отношений оказалось возможным только на основе сложения новой социалистической культуры у обоих этих контактирующих народов.

В результате исследования этого вопроса на конкретном этнографическом материале мы убедились, что процесс постепенного изживания обособленности быта припамирских народностей от таджиков в настоящее время протекает на основе воздействия общесоветской социалистической культуры, влияющей в равной степени как на припамирские народности, так и на таджиков.

Следует, однако, отметить, что изменение народом своих национальных традиций в процессе естественного развития его национальной культуры, вызванное изменениями в общественном строе, экономике, широким развитием народного образования и здравоохранения, а также заимствование прогрессивных, передовых форм социалистической культуры более развитых народов, активно влияют, но все же не определяют процесс этнического развития. В процессе этнического взаимодействия с таджиками припамирские народности усваивают лучшие черты современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами общесреднеазиатской и общесоветской культуры.

Степень развития процессов ассимиляции и консолидации в этногенезе определенной народности или отдельных этнографических групп в составе наций или народностей, или групп народностей, зависит главным образом от изменения этнического самосознания народности или этнографической группы.

Рассмотрим некоторые процессы этнического развития припамирцев [см. также 23].

До упрочения Советской власти и начала социалистического преобразования хозяйства, общественной, семейной и культурной жизни естественное хозяйственное, культурное и этническое сближение припамирских народностей с таджиками и даже с наиболее близкими им по историческим судьбам и экономическому развитию таджиками Дарваза в силу упомянутых выше причин протекало медленно. Однако нельзя говорить о полном отсутствии этнических взаимовлияний между ними.

В прошлом из припамирских народностей наиболее тесно соприкасались с горными таджиками ванчцы (правильнее ванджи), коренное население долины р. Ванч (Вандж), входившей в Бухарский эмират. Духовенство эмирата проводило насильственное обращение в суннизм всех, исповадовавших другую религию. Под влиянием суннитской идеологии у ванцев изменились общественные и семейные взаимоотношения, моральные нормы, бытовой уклад в целом. Постепенное экономическое и культурное сближение ванцев с таджиками привело к утрате ванцами своего родного языка, замене его таджикским (ванчским или

ванджским говором таджикского языка), а в конечном итоге к слиянию ванццев с таджиками. Население остальных районов республики считает ванццев таджиками. «Судя по некоторым признакам, „ванджский язык“, входя в северную подгруппу памирских языков, наиболее тесно примыкал к язгулемскому языку» [32, 131].

Язгулемцы [22] — южные соседи ванццев — жители Язгулемской долины, войдя лишь в конце XIX в. в состав Бухарского эмирата, вынуждены были, как ранее это произошло с ванццами, официально принять суннизм. Однако в настоящее время, в отличие от ванццев, они полностью сохранили свой родной язык.

Вместе с тем воздействие таджикской культуры на язгулемцев привело к сочетанию в их культуре и быту элементов, характерных для припамирских народностей, с таджикскими в их хозяйстве, семейной и общественной жизни. Например, как и у таджиков-суннитов, у язгулемцев на народных праздниках и увеселениях женщины угощались и развлекались отдельно от мужчин. Жена главы семьи, если во время сельского схода сам глава отсутствовал, никогда не приглашалась на собрание сельской общины. В отличие от других припамирских народностей у язгулемцев оскорбленный муж имел право убить жену и ее любовника. С принятием суннизма и более тесном общении с таджиками Дарваза и других районов Таджикистана, утвердился обычай калыма и, вероятно, как сопутствующий ему и обычай публичного удостоверения девственности невесты. «Самым верховным местом наличия этого обычая (установление невинности невесты. — Л. М.) по течению р. Пяндж является долина Язгулема, куда он проник вместе с суннизмом и где старики еще вспоминают рассказы о времени, когда этого обычая у них не было» [4, вып. 1, 175—176].

Однако нам еще в 40-х годах удалось отметить сохранение обычая траурного танца матери, жены или сестры покойника перед выносом его тела из дома [22, 78].

Сами язгулемцы считают себя таджиками и отделяют себя от «памирцев» — других припамирских народностей, но язгулемцев «настоящими таджиками» ни ванццы, ни таджики других районов республики до сих пор еще не считают, хотя некоторые говорят, что язгулемцев все же можно считать таджиками, потому что у них обычаи общие с таджиками (имеется в виду религиозная общность в прошлом), только язык другой; остальные же припамирские народности, по их утверждению, — не таджики, а «памирцы», так как у них другие языки и обычаи.

Остальные припамирские народности до сих пор отделяют себя от таджиков. Так, бартангцы говорят «мы бартанги и язык наш бартанги»; некоторые из них подчеркивают: «мы таджики, но язык наш — бартанги». Шугнанцы считают себя таджиками, но «панджтани», и предпочитают поэтому, чтобы их называли «памирскими таджиками». Ваханцы из кишлака Вранг отличая памирцев от ванццев и язгулемцев, говорят: «В Шугнани, Рушани и Вахани — один народ живет, только обычаи немного разные, а в Язгулеме и Вандже — другой народ». Заслуживают внимания высказывания ваханцев из кишлака Лянгар: «Сами себя мы называем хик, или вахи; таджик — наша национальность по республике, по своим же обычаям мы — вахи (ваханцы)».

Каковы же объективные показатели происходящих в среде припамирских народностей этнических процессов, в частности данные о языке?

Как показывает анализ наших материалов, утвердившееся в лите-

ратуре мнение о широком распространении в прошлом таджикского языка как второго языка на Западном Памире вызывает сомнение. Действительно, издавна таджикский язык, называемый припамирцами «форси» («фарси»), служил языком общения как между припамирскими народностями, так и между ними и таджиками соседних местностей, но нет достаточных оснований считать всех припамирцев XIX и начала XX в. двуязычными.

Дело в том, что до установления Советской власти на Западном Памире школ не существовало и подавляющая масса населения была неграмотна. Местные же памирские языки — бесписьменные. Немногие грамотные люди обучали грамоте на «форси» мальчиков из зажиточных семей. Как правило, таджикским языком владели в основном только те мужчины, которые уходили на заработки в Восточную Бухару, Афганистан, Читрал и т. д., а также представители больших патриархальных семей, вступавшие в контакт с иноземными властями (это не всегда был глава семьи, в такой роли часто выступал один из его сыновей, наиболее развитый, предприимчивый). Женщины в прошлом почти все не знали таджикского языка.

Наши личные, непосредственные наблюдения подтверждают сведения информаторов. В настоящее время многие старики и пожилые люди (старше 60 лет, в особенности женщины) практически не владеют таджикским языком.

Люди примерно от 40 до 60 лет — и мужчины и женщины — знают в равной степени таджикский язык и немного — русский. Дети до семи лет не знают таджикского языка. Лучше всего владеет таджикским языком среднее поколение и молодежь. Эта же возрастная группа лучше других знает и русский язык.

В школах обучение ведется на таджикском языке. Со второго класса вводится преподавание русского языка как учебного предмета, а с пятого класса — немецкого, английского или персидского (в одной из школ г. Хорог).

Хотя родным языком, естественно, пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве, словарный запас припамирских языков пополняется все время заимствованиями из таджикского языка, который служит основным проводником культурных и общественных идей. Областная газета «Бадахшани Совети» выходит на таджикском языке (на четвертой странице печатаются материалы на русском языке), районные газеты печатаются на таджикском языке; на таджикском языке (и на русском) ведутся радиопередачи, идут кинофильмы, спектакли. На таджикском языке проходят официальные собрания, пленумы, совещания в областном масштабе.

Таким образом, только в годы социалистического строительства таджикский язык действительно становится вторым родным языком припамирских народностей. Он является одним из важных факторов в процессе изживания былой обособленности припамирцев, их постепенного сближения с таджиками, благодаря чему припамирцы приближаются к современной общесреднеазиатской и общесоветской культурам. Однако разговорный таджикский язык припамирских народностей «форси», как и в дореволюционное время, отличается от литературного таджикского языка и от разговорного языка таджиков других районов республики.

Как отмечают лингвисты, «межпамирский „форси“, кроме своей разговорной формы, засвидетельствован и в многочисленных произведениях народного творчества — рубои, песнях, сказках, стихах местных поэтов... Таджикский фольклор распространен на Памире повсеместно

среди населения, говорящего на различных памирских языках. На местных языках исполняются лирические четверостишия (шугнанско-рушанская группа) и трехстишия (среди ваханцев), а также сказки» [28, 108—109].

За последние годы как в таджикском, так и в памирских языках происходит заимствование слов из русского языка, становящегося языком межнационального общения народов СССР.

Как уже отмечено, молодые люди, получившие среднее образование, обычно довольно хорошо знают и таджикский, и русский языки. Это подтверждается анализом библиотечных формуляров наиболее активных читателей. В библиотеке Рушанского сельсовета, например, медсестра Ахунова Сафармо (1938 г. р.) прочла в 1964 г. 28 книг, из них на русском языке — 17; ученик 7-го класса Азизмамедов — 6 книг на русском языке. В школьной библиотеке одной из школ Поршневского сельсовета (Шугнан) самый активный читатель — учитель Абдуллашоев Рамзи, прочел 25 книг, из них почти половину на русском языке; в читательских формулярах учеников также много книг на русском языке. Неудивительно, что из 124 девушек, поступивших в 1964 г. в высшие учебные заведения, 22 пошли учиться на факультет русского языка и литературы. Большой интерес у молодежи вызывают также кинофильмы, идущие на русском языке.

Преобладает русский язык на торжественных праздниках, связанных с такими юбилейными датами Горно-Бадахшанской автономной области, как ее 40-летний юбилей, или торжествах по случаю награждения ГБАО за достигнутые успехи в развитии хозяйства и культуры орденом Ленина (октябрь 1967 г.), когда приглашаются гости из других союзных республик.

Среди припамирцев нами отмечено существование двух точек зрения на национальное развитие населения ГБАО. Одни считают себя таджиками, но памирскими; основное различие видят в родных языках, в некоторых нормах и обычаях семейной, а в прошлом и общественной жизни. Таджикский язык считают родным письменным языком, а вторым родным, письменным и устным, — русский. Родные памирские языки, по мнению этой группы памирцев, как бесписьменные, не имеют перспектив. Эти памирцы выражают беспокойство, что дети, говоря и дома, и в школе (на переменах) на родном языке, плохо усваивают таджикский язык. Поэтому сторонники этой точки зрения считают, что в школах надо усилить внимание к изучению таджикского языка.

Сторонники другой точки зрения считают целесообразным, поскольку семилетние дети, идущие в первый класс, не знают совсем таджикского языка, сделать языком обучения во всех школах русский язык, а таджикский преподавать со второго класса как учебный предмет. Русский язык служит средством общения между всеми народами Советского Союза (даже с киргизами Восточного Памира многие разговаривают по-русски). Сторонники этой второй точки зрения считают, что введение во всех школах ГБАО обучения на русском языке облегчит молодежи его усвоение и тем самым откроет большие возможности для лучшего применения своих сил.

Практически молодежь самостоятельно осваивает русский язык; многие студенты-припамирцы идут сдавать экзамены на русском языке.

Приведенные нами материалы свидетельствуют о наличии тенденции к ассимиляции таджиками припамирских народностей, но, учитывая взгляды другой части местной интеллигенции, стоящей за обучение во всех школах на русском языке, тенденцию ассимиляции этих народностей таджиками не следует преувеличивать.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., как отмечалось выше, все припамирские народности по национальности были записаны таджиками, но при этом свыше 42 тыс. человек назвали родным один из припамирских языков. Даже и малочисленные ишкашимцы, живущие в ГБАО в одном кишлаке Рын (их там свыше 400 человек, а всего в 1955 г. — свыше 500 человек, по данным Т. Н. Пахалиной), назвали своим родным языком ишкашимский. Т. Н. Пахалина пишет, что этот язык «...Как и все памирские языки, бесписьменный. В настоящее время пользование родным языком у советских ишкашимцев ограничено пределами повседневного обихода. Школа, делопроизводство, печать, радио — на таджикском языке, который все ишкашимцы, кроме детей дошкольного возраста достаточно хорошо знают. С помощью таджикского языка они общаются с находящимися с ними по соседству ваханцами и приезжающими иногда в Ишкашим шугнанцами. Между собой же в обиходе они говорят только по-ишкашимски. Таким образом, хотя сфера употребления ишкашимского языка весьма ограничена, но в ней он сохраняется довольно прочно» [25, 3].

У более многочисленных народностей, таких как шугнанцы, рушанцы, ваханцы, естественно, родной язык сохраняется еще прочнее. Родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве.

Анализируя данные переписи населения 1959 г., С. И. Брук и В. И. Козлов подчеркнули, «что же касается талышей и припамирских народов (ваханцев, шугнанцев, рушанцев и др.), то объяснить их исчезновение в переписных листах нельзя ни консолидацией (они включены в состав народа, отличающегося от них по языку и культуре), ни ассимиляцией, для столь сильного и быстрого развития которой не было достаточных объективных причин. Ассимиляция обычно начинается с перемены языка, а между тем припамирские народы и значительная часть талышей даже по данным переписи 1959 г. сохранили свои родные языки» [10, 8]. В примечании авторы обратили внимание на то, что «в переписи 1959 г. оказалось, что 42,4 тыс. таджиков говорит на рушанском, шугнанском, ишкашимском и других языках. Результатами переписи ставится под сомнение правомерность дальнейшего существования Горно-Бадахшанской автономной области» [10, 8].

Между тем анализ наших материалов показывает, что, несмотря на социалистические преобразования в хозяйстве и культуре припамирских народностей, современный уровень их этнического развития оправдывает сохранение автономии Горно-Бадахшанской автономной области в пределах Таджикской ССР.

В связи с этим следует отметить еще одно интересное явление. Параллельно с основным этническим процессом сближения припамир-

Рис. 8. Мальчик из Язгулема

ских народностей с таджиками наблюдается и другой, самостоятельный процесс консолидации припамирских народностей (рушанцев, шугнанцев, ваханцев и др.).

Издавна экономическое и культурное развитие припамирских народностей протекало неоднородно, причем в зависимости от степени географической изоляции одни группы находились на более высокой ступени развития, чем другие. У шугнанцев, да и среди других припамирских народностей, по свидетельству наших информаторов, в экономическом и культурном отношении выделялась группа кишлаков современного Поршневого сельсовета. Эта местность, расположенная в 18 км от столицы ГБАО — г. Хорог, всегда была центром культурной и хозяйственной жизни не только шугнанцев, но и других припамирских народностей. В то же время жители, особенно верхнего Бартанга, Хуфа и долины Язгулема, испытывали величайшие трудности из-за своего высокогорного изолированного положения.

В настоящее время Шугнанский район является самым многонациональным в Горно-Бадахшанской автономной области. «Занимая лишь 15% ее территории, он сосредоточивает около трети всего населения области. Шугнанскому району принадлежит ведущее место в экономике Горного Бадахшана — первое место по размерам пашни и поголовью крупного рогатого скота. Это также промышленно наиболее развитая часть Памира, быстро урбанизирующаяся. Ныне 43% населения района является городским. Число сельских поселений Шугнана с 1926 по 1965 г. выросло более чем в два раза. В Шугнанском районе находится в настоящее время около половины всех постоянных населенных пунктов автономной области» [11, 174].

А. К. Писарчик отмечает, что «равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев „помири“ — памирцы или иногда шугни — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы» [26, 658]. Этот внутренний процесс консолидации припамирских народностей в одну этническую общность вряд ли имеет перспективы дальнейшего развития. Можно предполагать, что этнические процессы среди припамирских народностей пойдут по пути ассимиляции их таджиками, с которыми они все более сближаются. Самосознание припамирских народностей, по материалам непосредственного наблюдения и распросным сведениям, претерпело значительные изменения по сравнению с периодом начала социалистических преобразований.

Если раньше на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: «згамик» (язгулемцы), «хик, вахи» (ваханцы), «ишкошуми» (ишкашимцы), «хунуни», «хугни» (шугнанцы), «рыхен» (рушанцы), «бартангидж» (бартангцы), «хуфидж» (хуфцы) «баджувадж» (баджуйцы), то в настоящее время говорят «тоджик» (таджик), но прибавляя «памирский», выделяя этим себя в основной массе таджиков республики. Часто национальное самосознание памирцев проявляется и в их самоназвании «памирец». Термин «памирец», употреблявшийся в прошлом больше как понятие, обозначающее географическое место жительства, в настоящее время приобрел и этническое значение.

Таким образом, припамирские народности, сохраняющие свои родные памирские языки, этнографические особенности семейного быта, некоторые элементы материальной и духовной культуры с национальным самосознанием как памирских таджиков, на данном этапе их этнического развития представляют собой этнографические группы таджиков, возможно консолидирующиеся в одну этнографическую группу таджиков — памирских таджиков. Сближение памирцев с таджиками за годы социалистического строительства происходит на осно-

ве преодоления их былой изолированности, социалистических преобразований в области экономики, материальной и духовной культуры, развития разносторонних межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев, так и у таджиков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева А. Г., Очерки истории Бадахшана, Ташкент, 1964.
2. Абрамзон С. М., Киргизы,— «Народы Средней Азии», т. II, М., 1963.
3. Андреев М. С. и Половцев А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», СПб., 1911, вып. IX.
4. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. I, 1953, вып. II, 1958.
5. Аристов Н. А., Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям,— «Русский антропологический журнал», 1902, II, № 3.
6. Атлас Таджикской ССР, Душанбе—М., 1968.
7. Бернштам А. Н., Археологические памятники Памира,— «Краткие сообщения ИИМК», т. XXVI, 1949.
8. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— «МИА», т. XXVI, М.—Л., 1952.
9. Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа, М., 1908.
10. Брук С. И. и Козлов В. М., Этнографическая наука и перепись населения 1970 года,— «Советская этнография», 1967, № 6, стр. 8.
11. Гинзбург Н. С., Особенности расселения на Памире,— Сб. «География населения и населенных пунктов СССР», Л., 1967.
12. Зелинский А. Н., Древние крепости на Памире,— «Страны и народы Востока», М., 1964, вып. III.
13. Зелинский А. Н., Древние пути Памира,— «Страны и народы Востока», М., 1964.
14. Зелинский А. Н., Древние памятники в Вахане,— «Географическое общество СССР. Доклады по этнографии», вып. I (4), Л., 1966.
15. Итоги Всесоюзной переписи населения Таджикской ССР, М., 1963.
16. Кисляков Н. А., К вопросу об этногенезе таджиков,— Сб. «Советская этнография», 1947, вып. VI—VII.
17. Кисляков Н. А., Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М., 1960, вып. 80.
18. Козлов В. И., Типы этнических процессов и особенности их исторического развития,— «Вопросы истории», М., 1968, № 9.
19. Лившиц В. А., Иранские языки народов Средней Азии,— «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
20. Маанаев Э., Памирские киргизы, Фрунзе, 1963 г.
21. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.),— «Труды АН ТаджССР», т. 25, Сталинабад, 1957.
22. Моногарова Л. Ф., Материалы по этнографии язгулемцев,— «Среднеазиатский сборник», т. II, М., 1959.
23. Моногарова Л. Ф., Современные этнические процессы на Западном Памире,— «Советская этнография», 1965, № 6.
24. Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957.
25. Пахалина Т. Н., Ишканимский язык, М., 1959.
26. Писарчик А. К., Припамирские таджики,— «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
27. Розенфельд А. З., Таджикоязычное население Советского Бадахшана,— «Советская этнография», М., 1963, № 1.
28. Розенфельд А. З., Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире,— «Вестник Ленинградского Университета», № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1963.
29. Шибеева Ю. А., Материалы по жилищу мургабских киргизов,— «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея», Сталинабад, 1955, вып. II, История и этнография.
30. Шибеева Ю. А., Материалы по одежде мургабских киргизов,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. XXV, М.—Л., 1956.
31. Эдельман Д. И., Язгулемский язык, М., 1966.
32. Эдельман Д. И., Современное состояние изучения памирских языков,— «Вопросы языкознания», М., 1964, № 1.

И. М. Стеблин-Каменский

ПОВСЕДНЕВНАЯ И РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА ВАХАНЦЕВ

Ваханцы — народность, населяющая Сархад — долину р. Вахан-дары и Вахан — верховья р. Пяндж до того места, где Пяндж круто поворачивает на север в районе Ишкашима. Правобережная часть Вахана входит в состав Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Некоторое число ваханских поселений находится также в долинах Ярхун, верхняя Хунза, Ишкоман и Читрале (Западный Пакистан) и в Синьцзяне (верховья реки Яркенд, Сарыкол). Читральские и синьцзянские ваханцы выселились из собственно Вахана в исторически недавнее время [19, 435].

В пределах СССР насчитывается 27 селений¹, в которых проживает около 5 тыс. ваханцев. Общая численность ваханцев не превышает, вероятно, 20 тыс. человек.

Вахан, в прошлом тесно связанный караванными путями с Индией и Афганистаном [1, 61], никогда не был отрезан от остального мира и не может в такой мере считаться «этнографическим заповедником», как, например, описанная М. С. Андреевым и А. К. Писарчик долина Хуф [3; 4]. Поэтому многие черты быта ваханцев, орудия труда и предметы домашнего обихода характерны и для остальных народностей, населяющих Бадахшан.

Публикуемые в этой статье материалы были собраны во время посещения Вахана в 1966—68 гг.²

Усусеи социалистического строительства на Памире приводят к коренным изменениям как в сознании объединенного в колхозы крестьянства, так и в технике сельского хозяйства. Древние земледельческие обряды, приметы и поверья постепенно забываются и отходят в область преданий. Естественно, материал, собранный автором, отражает не только пережитки старых обрядов и воспоминания об исчезающих обычаях, но и некоторые черты современного ваханского быта, характерные в большей или меньшей степени для всех ваханцев.

Основное занятие населения Вахана — земледелие и скотоводство. Способы подготовки земли, пахоты и сева, устройство системы

---

¹ Полный список всех селений Вахана (правобережного и левобережного) в неточной транскрипции дает Кушкеки [12, 155 и сл.].

² Значительная часть материалов была сообщена автору следующими лицами (в скобках указаны год и место рождения): Акбаршо Султоновым (1917, Змудг), Алифшо Султоновым (1915, Змудг), Гульбегим Давлятбековой (1925, Лянгар), Шобеком Каримовым (1932, Змудг), Маликмамадом Комроновым (1900, Ямг) — ко всем им автор испытывает чувство глубокой благодарности.

орошения и полива, уборки урожая и обмолота только в некоторых частностях отличаются от приемов земледелия у других народов этого региона, известных по имеющимся описаниям [4, 21 и сл.; 8, 171 и сл.; 11; 18, 108 и сл. и другие работы]. Ваханская разновидность плуга, система устройства водяной мельницы и другие сельскохозяйственные орудия принадлежат к общему среднеазиатскому типу.

Ваханцы возделывают следующие зерновые культуры (общее название žaw т. ɣallá)³: пшеницу — ýdim, т. gandúm; просо — yirzn, т. arzán; ячмень — yirk, т. jaw. Основные бобовые культуры (общее название — средн. mixtá, нижн. yorí): бобы — bæqlá, т. boqló (Vicia faba)⁴; чина — kroš, т. patək (Lathyrus sativus); горох — šax, т. məžək (Pisum sativum); французская чечевица — ɣomýw, т. ɣomúk (Ervum ervilia).

Из зерновых и бобовых культур мелют муку (yumj, т. ord), из которой пекут хлеб и готовят некоторые другие блюда. Из пшеничной муки (ýdim yumj, т. órđi gandúm), смешанной с маслом, готовят *ритуальное благовоние* (vul, т. buy), которое бросают прямо в очаг или же возжигают в передней части очага на священном месте (čmənpɢ, т. langár)⁵ по пятницам, в начале каждого месяца, в Новый год, во время помолвки и во многих других случаях. Смесь из пшеничной муки и масла в специальной баночке хранится в каждом доме позади очага. Иногда в эту смесь добавляют зерна растения spándɢ, т. sipánd (Peganum harmala), называемые sipanddoná. Этот обычай носит название vul kəɟák, т. buy doxtán.

Мука бобовых культур (преимущественно бобовая) также может использоваться в ритуальных целях. В канун праздника весеннего равноденствия (*шогу* — šoɟún, pawrúz) ею посыпают стены, деревянные колонны и потолок дома. Такой же мукой посыпают жениха, невесту и гостей во время свадьбы, новорожденных, священное место впереди очага, животных (при начале пахоты), и называется она в этом случае по-вахански rtyk, а сам обряд посыпания носит название rtyk dingák, т. ord zadán.

Бобовая мука хорошо прилипает к тому месту, на которое ее посыпают, в то время как мука зерновых культур легко осыпается. В каждом доме имеется целый мешок муки, предназначенной только для ритуальных целей, и использовать ее в пищу можно лишь в крайнем случае. В таких случаях говорят: «сə rtyk ýmɟəp oš gox» — 'Приготовь похлебку из муки-птык'. Во время шогуна расходуется около

³ В транскрипции ваханского языка автор следует В. С. Соколовой [17, 209—229]. По сведениям, полученным из расспросов, и наблюдениям за лексикой и грамматикой записанных текстов в правобережном Вахане можно выделить три группы селений, между языком населения которых есть незначительные отличия (в основном в лексике). Слова, более употребительные в верхнем Вахане (вверх по течению Пянджа от селения Ширгин), обозначены пометкой — *верхн.* Слова, более употребительные в нижнем Вахане (вниз по течению Пянджа от селения Шитхарв) и в среднем Вахане (по течению Пянджа между селениями Змудг и Дридж), обозначены соответственно пометками — *нижн.* и *средн.*

Население Вахана двуязычно и использует также таджикский язык в форме *вахано-таджикского* диалекта, который впервые был выделен А. З. Розенфельд, предложившей для него два названия: «вахано-таджикский» и «таджикско-заханский» [15, 110]. *Вахано-таджикский* представляется более приемлемым как термин. Отдельные слова этого диалекта обозначаются пометкой — *т.* — и даются в общепринятой в иранистических работах транскрипции.

⁴ За помощь при определении растений автор благодарен сотруднику Ботанического института им. акад. В. Л. Комарова кандидату биологических наук С. С. Иконникову.

⁵ См. в данном сборнике статью А. З. Розенфельд.

30—40 кг этой муки. Людям посыпают ею обычно правое плечо, а животным голову.

Рис (bəgəŋj) в Вахане только привозной.

Садоводство и овощеводство слабо развиты в суровом высокогорном Вахане, расположенном на высоте более 2500 м над уровнем моря. Важным продуктом питания являются абрикосы. Из плодов и косточек абрикосового дерева — čwan (Armenaca vulgaris) — готовят различные блюда. Висящие на дереве плоды абрикоса носят название рəpčək, т. ɣurək, а осыпавшиеся на землю — bodrizək.

Плоды тутовника (tət — Morus alba) ваханцы употребляют в пищу в гораздо меньшей степени, чем остальные народности Бадахшана, которых Д. Д. Букинич справедливо называет «тутоедцами» [8, 191], так как тутовник в Вахане почти не встречается.

Яблонь и грушевых деревьев в Вахане также очень мало. Больше всего ценятся яблоки из селения Ямг и груши из Ямчуна. Происхождение грушевой рощицы у селения Ямчун связывается местным населением с известной легендой о битве обожествляемого исмаилитами-ваханцами зятя пророка Мухаммеда — Али с царем сияхпушей-кафиров Какхаха [5, 4; 7, 16]. Эта рощица считается священной, а сами груши (amrud) будто бы обладают целительными свойствами.

В селении Ямг имеется несколько деревьев лəa (джида, дикая маслина) — səŋjət (Elaeagnus angustifolia), плоды которых можно есть.

Из овощей в Вахане сажают картофель (kartuška), который, несмотря на то что его начали возделывать всего четверть века тому назад, получил широкое распространение и охотно употребляется в пищу местным населением. Чаще всего картофель кладут в суп, жарят или же пекут в золе⁶. Сажают также огурцы (bodring), лук (piy-öz), морковь (zardək), тыкву (kədyw), репу (šolm), свеклу (lablabú), капусту (ka.ám), чеснок (sir), но пока все же еще недостаточно, так что свои овощи Вахану пока не ватает даже до зимы.

В большом количестве в Вахане возделывается табак — tətoku (Nicotiana rustica), идущий в основном на приготовление *наса* (noswóg — род жевательного табака, закладываемого под язык). Нас получают путем растирания круглыми камнями (dəšpnyg) сухих листьев табака и золы хвойника — (y)imyk т. modráɣ (Ephedra).

Значительную роль в жизни ваханцев играют различные дикие растения и травы. Раньше, как и повсюду в Бадахшане [13, 419], они составляли основное пропитание беднейшей части населения весной, когда запасы муки подходили к концу. Ваханцы прекрасно знают свойства многих трав и растений и степень пригодности их в пищу. Некоторые растения используются как приправа к различным блюдам или в качестве лекарства.

В пищу употребляются плоды двух сортов дикой смородины (смородины Янчевского — верхн. čərsəs, средн. yortí — Ribes janczewskii и смородины волосистой — člažm, т. táwdak, šidírm /горонское/ — Ribes villosum).

В хозяйстве ваханцев содержатся коровы, овцы (бескурдючные), козы, ослы и яки. Раньше были также верблюды и лошади. Как и в других горных районах Средней Азии, годовой цикл ухода за скотом делится на два основных периода: зимнее нахождение скота в селении и летнее на летовке (aylóc). Многие обряды и обычаи, связанные с этим циклом, способы обработки молока, организация мо-

⁶ Способ приготовления пищи в золе называется рəxərlíc.

лочных артелей, описанные Е. М. Пещеревой [14] и другими исследователями [4, 114 и сл.; 9; 18, 151 и сл.], характерны и для Вахана.

В чистом виде молоко почти не употребляется, так как оно считается слишком большим лакомством. В среднем корова дает около двух литров молока в день. Когда накопится много молока (коровьего, овечьего и козьего), его фильтруют, сливают в котел и кипятят. Кипяченое молоко помещают в какой-нибудь сосуд и добавляют в него закваску. Закваской может служить пахтање, процеженный настой толченого молочана — (əʃk т. šiká (Lactuca tatarica) или конско-го щавеля — šəlχá (Rumex patricus). Молоко, скисшее само по себе (простокваша — хотəкі), как и повсеместно в Средней Азии, считается поганым и в пищу не употребляется.

Створожившееся в результате добавления закваски молоко — *джургот* (paу, т. jurǰót) сливается в большой глиняный сосуд — маслобоїку (pə nəs, т. хəmbəк) и сивается при помощи мутовки (pədāg, т. paǰák), имеющей четыре деревянные лопасти — paг. Сбивание продолжается около двух часов. Если на поверхности джургота образуется пена, то в него добавляют теплой воды. Если же пены не образуется, то это значит, что джургот слишком согрелся, и тогда в него добавляют холодной воды. В конце концов масло (ruṇ, т. raw-ṭan) всплывает наверх, а пахтање (d̄ ṭ т. duṭ) остается внизу. Масло выбирают уполовником (kəfčlíz, т. kawlız) и перетапливают в котле. Неперетопленное масло (məská) в пищу употребляется редко. Перетопленное масло (zait ruṇ, т. rouṭáni zaid) может сохраняться долгое время.

Из пахтања готовят различные продукты. Если пахтање сварить, то оно загустеет. Из сгущенного пахтања лепят шарики и раскладывают их на солнце, чтобы они просохли. Так готовят *курут* (qə ʔit, т. qəṭút), который разбавляют горячей водой и добавляют в пошлебку — *курутов* (см. ниже) или же просто берут с собой в качестве дорожного припаса.

Иногда пахтање сливают в матерчатый мешочек (xəltá) и процеживают. В мешочке остается откинутое пахтање — *чака* (čka, т. čakká), которое разбавляют водой и едят с хлебом. Если же из откинутого пахтања слепить шарики и высушить на солнце так же, как *курут*, то получится *чакакурут* (čkaqəʔit, т. čakkaqəʔút), который употребляют точно так же, как и *курут*.

Кроме того, из молока делают еще различные творогообразные продукты. Свежее молоко, на котором еще не появились сливки, сливают в котел и кипятят на медленном огне так, чтобы оно не пригорало, до тех пор пока оно не загустеет. Загустевшее молоко вынимают и, дав остыть, лепят из него маленькие лепешки, которые сушат в тени. Получается густая желтоватая масса, которая называется *ləndič*.

Если же в кипящее молоко добавить пахтање или чаку, а когда оно загустеет, положить его в марлю и спрессовать, чтобы вытекла вся остающаяся жидкость, и затем, слепив лепешки, высушить их на солнце, то получится *панир* (pəniṭ). Приготавливаемый точно так же, как панир, — *иджгей* (iǰǰəu) отличается тем, что в него добавляют немного муки и сушат в мисках. Он получается немного слаще, чем панир.

Другим продуктом животноводства, употребляющимся в пищу, является мясо. Порядок умерщвления домашних животных с целью употребления их в пищу и способы хранения мяса в основном такие же, как и у других мусульман-исмаилитов [4, 389]. Зарезать животное

может только мужчина, причем обязательно следует перерезать горло и выпустить часть крови. Это называется *alól sǎgák*, т. *alól kar-dáp* — ‘сделать дозволенным (к употреблению в пищу)’. Если животное только что сдохло, то ему следует немедленно перерезать горло и тогда его мясо тоже можно есть.

В Вахане существует обычай во время помолвки, свадьбы и по истечении года после свадьбы (при посещении выданной замуж дочери) преподносить освежаванную тушу барана, которая называется *sǎfgá*, средн. *uǎpí*, нижн. *uaxpí*⁷. Порядок приготовления яхни таков: барану связывают ноги и ножом перерезают на бревне горло. Надрезав кожу на задних ногах, водят ладонью под шкурой. Затем отрезают копыта и голову и подвешивают всю тушу на перекладину между столбами внутри дома. Эта перекладина (*buzovíz*, *buzkǎš*) украшена орнаментальной резьбой. Шкуру, не разрезанную по линии брюха, стягивают с подвешенной туши и вешают под потолок, чтобы она просохла. Потом вспарывают брюхо и вынимают кишки, трубуху и все внутренности, которые складывают в таз. При этом желающие съедают кусочек сырой печени, потому что она будто бы улучшает зрение. Затем, вырезав грудину, надрезают хребет изнутри ножом и перегибают тушу. Тушу, принявшую плоскую форму, распинают на плетеном из тростника щите (*zǎmbár*, т. *šaragák*) с помощью двух палочек, воткнутых по краям с двух сторон распоротого брюха. Яхни относят обычно прямо на этом щите, который ставят на голову, либо снимают со щита и кладут в мешок. Вместе с яхни всегда преподносят и маленькие ритуальные хлебцы — *птжк* (см. ниже).

Мясо яков употребляется в пищу очень редко. Кур в Вахане немного. Куриные яйца едят обычно в вареном виде, либо же делают из желтков нечто вроде дрочены (замешивают мукой, варят и подают на хлебе).

Охота в настоящее время не играет в жизни ваханцев большой роли и носит в общем спортивный характер. Все животные и птицы делятся на *alól* — ‘дозволенные (к употреблению в пищу)’ и *agóm* — ‘недозволенные (к употреблению в пищу)’. Нельзя употреблять в пищу мясо следующих животных и птиц: вороны, галки, сороки, барса, волка, лисицы, медведя, сурка, кошки, осла, собаки, свиньи и лошади. Птицы и животные, мясо которых дозволено в пищу: голубь, вяхирь, перепелка, куропатка, гималайский улар, воробей, заяц, горный козел (киик — *Sarpa sibirica*), горный баран (архар — *Ovis ammon*), верблюд, як. Вытопленный жир (*zǎŭ*, т. *zamróp*) ишака, медведя, лошади, сурка употребляется иногда во врачебных и в технических целях.

Охотятся на диких животных и птиц с ружьем. Охота на горных козлов ведется как отдельными охотниками (*palawón*), так и группами (облава — *qǎbál škor*). Убив козла, ему отрезают голову и сдирают с него шкуру. Потроха и голову оставляют на месте охоты. Затем тушу делят на две половины: переднюю (*prǎtná*) и заднюю (*sǎbasná*). Переднюю часть заворачивают в шкуру, а заднюю прячут под камни, если охотник охотится в одиночку. Сердце, печень и почки поджаривают на месте охоты на плоском камне (*šot*, т. *saŭóš*), разведя под ним огонь. Сверху их прикрывают еще одним плоским камнем. Это кушанье называется *šot kǎbób*, т. *kǎbóbi saŭóší*. Когда оно испечется, то охотник часть съедает, а часть приносит домой. За задней частью убитого животного посылают кого-нибудь из членов семьи.

⁷ Слово *uaxpí* в персидском языке имеет значение ‘холодное мясо’ и, очевидно, связано со словом *uax* — ‘лед’.

Вечером мясо варят в котле и, разложив по мискам, разносят по всему селению.

Горные козлы и бараны почитаются священными животными — горными духами (*farištá*), потому что они бродят только по чистым местам, какими считаются горы. Их рога нельзя бросать на землю. Рога оставляются на священных местах — мазарах (*ostón*). Во всех обрядах и обычаях, связанных с охотой, несомненно, видны пережитки культа горного козла, очевидно, общего для всех жителей Бадахшана [10, 117].

На зайцев иногда охотятся с помощью специальной охотничьей палки — *svand* — длиной около полутора метров. На такую охоту отправляется обычно не менее десяти человек с собаками. Собаки выгоняют зайца на охотников, и те кидают в него палки. За охоту один человек может убить трех-четыре зайцев. Тем же, кто не убьет ни одного, товарищи отдают часть добычи. С помощью такой же палки охотятся и на куропаток.

Набожные люди избегают есть заячье мясо, потому что считают, что у него уши осла и ноги собаки (недозволенных в пищу животных).

В отличие от своих соседей-горонцев ваханцы не ловят и не едят рыбы.

Ваханская семья, проживающая в одном доме, состоит обычно не более чем из 15 человек. Мужчины занимаются земледелием, выпасом скота, различными домашними промыслами и ремеслами (обработкой шерсти, ткачеством). Дети помогают старшим пасти скот и собирают хворост и помет скота, который в высушенном виде идет на топливо. Дойкой скота и обработкой молока занимаются женщины. Приготовление пищи также составляет обязанность женщин. Если в семье есть несколько трудоспособных молодых женщин, например жены братьев, живущих совместно с родителями, то они готовят пищу и ведут молочное хозяйство в определенной очередности [5, 21]. Лишь во время свадеб и других празднеств, когда готовится сразу большое количество пищи, мужчина руководит приготовлением плова или *шавли* (рисовой каши с мясом, см. ниже), определяет степень их готовности и распределяет между гостями.

Пищу готовят на *нарах*, находящихся позади очага (*dildúng*, т. *digdón*), которые возвышаются над полом на полтора метра. Эти *нары* называются *dildúng lav*, т. *sári digdón*. В правом или левом углу от входа в дом и готовят обычно всю еду. Там находят один-два примуса и несложная кухонная утварь. Раньше вместо примусов там был расположен небольшой очажок, так как в большом очаге обычно только пекут хлеб, а готовят на нем лишь во время различных празднеств. Этот угол называется по-вахански *čk.š* или *хэсōš čkiš*, а на вахано-таджикском диалекте *kəpji popōš*, т. е. 'угол хлеба и похлебки'. Сюда, как и вообще на поверхность очага, мужчинам подниматься не следует, так как это является дурной приметой⁸.

В обычные дни женщины едят также на этих *нарах*, примыкающих к очагу. На свадьбах часть женщин усаживается на *нары*, расположенные сбоку от очага. На этих *нарах* (*puřáž*, т. *dukóni šašin*) сидит жених с невестой.

Мужчины едят на *нарах*, расположенных по другую сторону от

⁸ На эти *нары* за очагом запрещается подниматься рожавшим женщинам до истечения 40 дней после родов. В этом, несомненно, виден пережиток отношения к очагу как к чистому и священному месту — обиталищу огня (ср. сорокадневный запрет посещения женщинами церкви после родов у христиан).

очага. Они называются *lurgáǰ*, т. *dukóni kalón* — ‘большие нары’. Часть этих нар, прилегающая к очагу, считается наиболее почетной.

Распорядок дня в ваханской семье строится так: утренняя еда — *rizván* — *ширчай* с маслом и хлебом — около 8 часов. Около полудня пьют черный чай (реже ширчай) с хлебом — *čošt*. Около 6 часов обычно едят горячую поклебку из бобовой лапши. В более зажиточных семьях часов в 8 подается еще какое-нибудь блюдо — мясной суп, *курутэв*, *шндэтк*. После такой вечерней еды, называемой *šot*, иногда пьют черный чай.

Ниже следуют описания способов приготовления и употребления наиболее распространенных повседневных блюд.

Хлеб — *хэс*, т. *поп*⁹. Женщины пекут хлеб два раза в день — рано утром и под вечер. Ячменную, просяную или пшеничную муку просеивают сквозь сито (*prəgwizán*), сделанное из конского волоса. Оставшиеся в сите крупные частицы и мусор, называемые *safk*, выбрасывают скоту. Из просеянной муки делают закваску (*xəmir*, *xəmir-tó*), смешав ее в глиняной мисочке (*xəmirmodún*) с горячей или с нагретой до температуры парного молока водой и поставив на одни сутки, чтобы она скисла. Закваску смешивают с просеянной мукой и получается тесто (*ǰys*, *xəmir*, т. *xəmir*), которое оставляют на один-два часа, чтобы оно поднялось. Тесто замешивают в тазу или в большом деревянном корыте (*pitxógm*, т. *powá*). Когда тесто поднимется, то его выбирают металлическим крючком (*azdál*) и лепят на плетеном из тростника щите лепешки диаметром около 35 см. Лепешки обычно пекут из смеси муки различных злаков, а иногда добавляют в них еще бобовой или гороховой муки. Для аромата в тесто добавляют различные травы, чаще всего зернышки или толченые листики душистой лебеды — *siwg*, т. *bomodók* (*Chenopodium botrys*). Заранее в очаге разводят огонь из хвороста. Самым распространенным топливом является облепиха — *zax*, т. хог (*Hipporhae rhamnoides*). Когда очаг как следует раскалится, то огонь убавляют и через верхнее круглое отверстие прикрепляют лепешки к внутренним стенкам (*ǰǰf*) очага с помощью обшитой материей войлочной подушечки (*nonbandák*) сантиметров 25—30 в диаметре. Перед тем как прилепить лепешки к стенкам очага их лицевую поверхность смачивают водой, па станьем или даже молоком, чтобы они получились посветлее. Когда лепешки в очаге испекутся, то их вытаскивают, поддевая тем же металлическим крючком, которым выбирают тесто из корыта. Затем лепешки кладут лицевой поверхностью вниз на тлеющие в очаге уголья, чтобы они подрумянились. Готовые лепешки складывают горкой в плетеную корзину (*sapt*, т. *sabád*). Весь процесс выпечки хлеба носит название *хэс вэндák*, т. *non bastán* — ‘прилепление хлеба’.

При выпечке хлеба иногда часть лепешки или же вся она отваливается от стенки очага и падает в тлеющие уголья. Эти упавшие куски, называемые *wašk*, т. *aftidá*, считаются священными, и говорят, что это случается тогда, когда во время вылечки хлеба в дверь незримо входит святой Хизр, и хлеб склоняет перед ним голову. Эти куски нельзя бросать скоту, но теперь этот обычай мало кем соблюдается и едят такие лепешки редко, так как они выпачканы в золе.

Другой обычай, связанный с выпечкой хлеба, обязывает выносить первую испеченную утром лепешку и отдавать ее первому встречно-

⁹ Слова *хэс*, т. *поп* обозначают, кроме того, всякую еду вообще, а в сочетании с глаголом ‘есть, кушать’ — *хэс уав*-. *yit*-, т. *поп хиг*-. *xugd*- — могут обозначать просто ‘есть’ (не обязательно только хлеб).

му. Обычай этот называется *póni gaḡm* — ‘теплый хлеб’. В некоторых домах так делают каждый день, в других же только по пятницам.

Случается, что во время выпечки хлеба какой-нибудь мужчина, один из членов семьи, садится перед открытой дверцей очага и следит за тем, чтобы лепешки не пригорали. Потом женщина вынимает хлеб из очага, а мужчина его подрумянивает. Когда весь хлеб испечен, то последнюю лепешку женщина отдает мужчине. Он должен разделить ее между семерыми людьми. Эта лепешка называется *ṭək-baḡi* — ‘дверная’. Про нее есть такая загадка: «*kla ṭə kəndá ṣapt yaw xigá*» — ‘овца на склоне, а волк на нее косится’ (овца — лепешка, волк — мужчина, склон — внутренние стенки очага).

Поскольку раньше в Вахане соли было мало, то хлеб совсем не солили. В некоторых семьях до сих пор сохраняется привычка выпекать хлеб без соли.

Почтительное отношение к хлебу свойственно ваханцам так же, как и всему оседлому населению Средней Азии [4, 386].

Хлеб редко едят всухомятку, обычно лепешку крошат в чай, молоко, *чаку* или хотя бы в воду.

Чай — *ṣou*. В Вахане, как и повсюду на Памире, пьют только черный чай (*ṣywxóu*, т. *siyaóu*). Зеленый чай заваривают только специально для гостей — непамирцев. *Заварка черного чая называется *lamsá*, зеленого — *kabutək*. Черный чай пьют в полдень и по вечерам после еды. Гостям подают к чаю сахар или конфеты.

Ширчай — *yigxóu*, т. *šigóu*. Ширчай варят в кастрюльках с ручкой (*ṣoujújš*) или в металлических чайниках. Обычно на один чайник заваривают целую пачку (50 г) чая. Особенно ваханцы любят индийский чай и вообще стараются покупать чай как можно более высокого качества. К людям, которые экономят на чае, относятся с презрением, потому что считается, что хороший крепкий чай благотворно влияет на здоровье и душевное состояние человека.

Кинув заварку в кипящую воду, ей дают некоторое время повариться, а потом снимают кастрюлю с огня. Затем добавляют соль¹⁰ и подмешивают молока или сливок¹¹. Ширчай разливают по пиалам (*čini*) и кладут в каждую пиалу кусок масла или бараньего жира. В пиалу крошат кусочки лепешки и едят эти размоченные куски, вынимая их из пиалы пальцами. Как правило, утром выпивают две пиалы ширчая, причём вторую уже без масла.

У некоторых людей есть привычка, выпив чая, взять в рот вываренную гущу (*šəma*). Ее жуют до следующего чая. О вываренной чайной гуще известны такие таджикские стихи:

«*Sad čini čoy yak təráf-u šəmá yak təráf,*
Sad xiš-u qawm yak təráf-u amá yak təráf.»

‘Сто пиал чая не могут сравниться с вываренной гущей,
Так же как сто родственников не могут сравниться
с тетей по отцу’.

В случае отсутствия заварки или ее недостаточного количества заваривают или иногда добавляют в чай листья яблони (*тыг paič*) или различные травы: *ṣouwxýš*, верхн. *rəḡčodwxýš*, т. *sawsanbəl* (эс-

¹⁰ Соль так же, как и повсюду в верховьях Пянджа, сначала заливают водой, а затем уже в виде раствора добавляют в пищу [3, 56].

¹¹ Добавление молока, сливок, разбавленного *курута* в чай или в похлебку называется *yigx*. *Yigx* — это смесь, в которую входит что-нибудь белое. Белесоватые стебли пшеницы называются *yigxwxýš* (*wxýš* — ‘травя’).

хольция густая — *Escholzia densa*); *mayməndričk*, т. *šikastabāndi meš* (*Kudrjaschovia allotricha*); *jambilák* (зизифора — *Ziziphora pamiroalaica*); *bozilánj* (котовник — *Nepeta pamiriensis*) и некоторые другие.

Похлебка — *oš*. Горячую похлебку готовят из двух сортов муки: из бобовых растений или из пшеничной. Похлебка бывает двух видов: из лапши и из блинчиков. Похлебку из блинчиков (*óši lapák*) готовят чаще в Верхнем Вахане. Замешивают пресное тесто и раскатывают его на блинчики скалкой (*nəʔəlvóč*, т. *ʔaltək*). В котле кипятят воду, а затем бросают эти блинчики в кипящую воду и варят, помешивая мешалкой (*oškáw*), сделанной из ветки с тремя-четырьмя отростками на конце. Отличие похлебки из лапши (*óši bərridá*) от похлебки из блинчиков заключается в том, что раскатанное тесто режут на лапшу специальным ножом (*šəlkí*, т. *ošbər*), а затем точно так же варят в воде. В похлебку подмешивают соль, доливают разбавленного в горячей воде *курута* или пахтанья, которое так же, как и при приготовлении *ширчая*, называется *yigx* (см. сноску 11).

Похлебку едят из большой деревянной миски (*kəbún*) или из эмалированного таза (*tos*) деревянной ложкой (*kapč*, т. *kəfčá*), вырезанной из абрикосового дерева. Ложку во время еды передают друг другу в направлении, обратном направлению вращения мельничного жернова (т. е. против часовой стрелки). Считается, что раз мука обрывается при вращении в одну сторону, то есть ее нужно, передавая ложку в противоположную сторону. Хорошим тоном считается съесть сразу две ложки похлебки, а затем передать ложку соседу направо.

Похлебка из бобовой муки, по представлениям ваханцев, является очень полезной для здоровья и способствует правильному пищеварению¹².

Похлебку из пшеничной муки (*óši ʔdim*) готовят точно так же, но, кроме того, в нее добавляют еще масло, перец (*тыгч*), лук и другую имеющуюся в хозяйстве зелень. Такая похлебка готовится для больных или ослабевших людей.

Курутов — *qəgýtóv*. *Курут* разбавляют в горячей воде. В эту смесь кладут горячее масло и крошат в нее кусочки хлеба (обычно только что испеченного). Иногда в это кушанье добавляют сахар, а также лук или дикий горный лук *ləndərk* (лук многолистный — *Allium polyphyllum*).

Мясной суп — *šərvó*. Мясной суп варят из бараньего мяса или из куриного. Часто его варят также из мяса перепелов, куропаток, вяхирей и воробьев. В суп кладут картофель и различные приправы. Старики обычно едят суп руками, накрошив в него хлеба.

Газг — *ʔazg*. Весной, когда подходили к концу запасы муки, часто варили кушанье из травы — *gazg*. В настоящее время в газг кладут всевозможные овощи: тыкву, репу, капусту, каперсы (*kapg*, т. *kavár*) — и корни или стебли различных трав: *šəlxá* (конский щавель), дикий горный лук, *maukrír* (бодяк желтый — *Heteracia schovitsii*), *siwg*, т. *botodók* (душистая лебеда — *Chenopodium botrys*), *paps*, т. *qəlanda-gək* (одуванчик — *Taraxacum leucanthum*), *čəgʔuyš*, т. *čəgʔká* (крестовник Крашенинникова — *Senecio krascheninnikovii*) и многие другие. Сначала все составные части хорошенько варят, а затем крошат ножом

¹² Привыкнув употреблять похлебку ежедневно, ваханцы с трудом могут обходиться без нес. Кушкеки [12, 157] пишет, что от похлебки можно охрометь, если поспать после еды в теплом месте. Сами ваханцы говорят, что это случается лишь тогда, когда лапша приготовлена из муки чины. Теперь чина идет больше на корм скоту.

для резки лапши. Потом, смешав с маслом и мукой, добавляют немного воды и снова варят. Сверху газг еще раз поливают маслом и подают с хлебом.

Шиндэтк — šindət̪k, нижн. širəndək, т. понгу́ап. Шиндэтк — это растертый и размятый с горячим маслом хлеб. Иногда к этой массе, напоминающей тюрю, добавляют сахар.

Кроме перечисленных блюд, повседневно употребляются также различные молочные продукты — *чака*, *чакакурут*, *курут* (сухой или разбавленный водой).

Все блюда, кроме похлебки, которую хлебают ложками, раньше ели только руками. Поэтому перед любой едой (кроме похлебки) обязательно моют руки. Один из младших членов семьи поливает всем по очереди на руки подогретую воду из металлического кувшина (fətqánd, т. обхорá). Под руки ставится специальный тазик (čilabčí), куда стекает вода. Можно мыть руки и прямо над земляным полом, но ни в коем случае не над ямой для золы, расположенной перед очагом, так как в ней живет дух — хранитель огня (farištá). Только пирам (pír — духовный наставник исмаилитов) разрешалось мыть руки над этой ямой (tək), что считалось проявлением особого почтения. Еда для пира всегда ставилась на священное место в передней части очага (čmənđg, т. langár), туда же, где зажигается ритуальное благовоние. После мытья рук всем по очереди дается полотенце. Халифа (xalifá — исмаилитский священнослужитель, доверенное лицо пира) полотенцем не пользуется, а вытирает руки о подол или подмышки.

Когда все вымоют руки, то самый старший или же наиболее почетный из гостей приступает к еде, произнося стандартную формулу начала всякого дела — «bismilló...» — ‘во имя аллаха (милостивого, милосердного)’ — остальные следуют его примеру. Жадность и прожорливость являются предметом насмешек и издевательств¹³. Ваканцы говорят: «сəатгóуи badtəbáqəп хəдó амón гапд» — ‘избави бог от прожорливого спутника’. Часто за едой вспоминают таджикскую поговорку:

«yak čumčá kam,
du čumčá kam,
nabini dardi šikám».

‘[Если съешь] на одну ложку меньше,
на две ложки меньше,
то не испытаешь боли в животе’.

Мужчины, закончив еду, все одновременно кладут руки на колени ладонями вверх и со словами ulló akbár — ‘аллах велик’ — проводят ими по лицу. После этого еда считается оконченной. В более набожных семьях после еды читают короткие молитвы, особые для различных кушаний. Все эти молитвы — на таджикском языке (вернее, на его бадахшанской разновидности — *межнамирском форси*) [15, 107].

Молитва, читаемая после похлебки:

«óši gármí qabúl ulló,
rad kunandáyi baló.
Fayz az nabí.
Qarám az xəđó.
Ulló akbár».

¹³ О поведении памирцев за едой хорошо пишет А. А. Бобринский [7, 49].

‘Горячая похлебка, одобренная аллахом,
отстраняющая несчастья.
Благо для пророка.
Милость для господа
Аллах велик’.

☞ Молитва, читаемая после кушаний, содержащих масло, которое считается сокровищем — ganj [14, 5]:

«Ganj arzón.
Hoǵáyi Xizr məymón.
Ina zúrdim dáyi digár birasón.
bar soǵibi tan ič balóyi parasón.
Ulló akbár».

‘Сокровище дешевое.
Святой Хизр — [наш] гость.
Столько мы съели, дай нам в десять раз больше.
Не пошли никакого несчастья хозяину тела
(т. е. читающему молитву).

Аллах велик’. (Ср. [14, 13]).

Молитва, читаемая после сладкого:

«Širini nabót
maazuríyi ayót.
Xəđóro šukr,
Məhəmmádro salawót.
Ulló akbár».

‘Сладости и леденцы —
извинение жизни.
Благодарность господу,
благословление Мухаммеду.
Аллах велик’.

Молитва, читаемая после мясных блюд:

«Sayd rawón,
šikór gardón.
Az botini Sóyi Mardón.
Məddát az imómi zamón.
Ulló akbár».

‘Дичь убегает,
охота повторяется.
По помыслу Шахи Мардана ¹⁴.
Срок [определяется] имамом времени ¹⁵.
Аллах велик’.

Если есть гости, то читает эти молитвы не хозяин дома, а кто-нибудь из гостей.

После еды женщины моют всю посуду и котлы при помощи мочалки из коры растения čendrik, т. čandruk (ломонос восточный — Clematis orientalis).

Повседневная жизнь ваханцев, сопровождающаяся употреблением в общем достаточно однообразной пищи, скрашивается всевозможными праздничными обрядами и обычаями, по случаю которых приготавливается более богатое угощение, содержащее большое количество мяса и масла. Многие ритуальные блюда, описания кото

¹⁴ Шахи Мардан — ‘царь мужей’ — так исмаилиты Бадахшана называют Али. Из текста молитвы видно, что первоначально она читалась только после употребления мяса, добытого путем охоты.

¹⁵ Имам времени (imómi zamón) — глава секты исмаилитов (Ага-хан).

рых приводятся ниже, в некоторых домах готовят, конечно, и в обычные дни, но это можно считать исключением из общепринятых обычаев.

Шогун — šogún, pawgúz (праздник дня весеннего равноденствия)¹⁶. В *шогун* пекут большие хлеба — *кумоч* (qətóč). Кумоч печется из пресного теста в очаге прямо на углях. Муку замешивают сразу в таком количестве, какое считают нужным для выпечки одного кумоча. В одном замесе может быть от пяти до двадцати килограммов муки. По размеру одного замеса и выпекают кумоч. По форме кумоч напоминает большой кулич¹⁷.

Вместо кумоча иногда выпекают *кумочдуни* (qətočduní). Кумочдуни пекут также из пшеничной муки, но не прямо на углях, а между двумя большими сковородками (qətočdún), которые ставят в очаг на уголья. Готовность кумочдуни определяют по запаху. Кумочдуни хорош тем, что он гораздо чище кумоча, так как на нем нет следов золы.

Во время шогуна в кумоч обычно кладут солод — молотые просшие и высушенные зерна пшеницы, называемые səmn, т. samapakín. Мука с солодом получается очень сладкой. Из нее пекут как просто лепешки — sənpħəč, так и кумочи — sənpqətóč. Считается, что после хлеба с солодом не следует пить сырой воды, так как может заболеть живот.

Специфически новогодним блюдом является *шушп* — šušp верхн. xušgmál, нижн. xušgbát, т. šošp. Шушп получается из смеси солода со льдом, которую греют пять-шесть часов на медленном огне. Когда шушп сварится, то сверху его поливают молоком и маслом.

Макыт (макыт) делают из толченых и молотых ядрышек абрикосовых косточек, которые замешивают с мукой и пекут на медленном огне. Ядрышки абрикосовых косточек и солод мелют на ручной мельнице — dəsdós, т. dəlyasáng.

Кроме перечисленных выше кушаний в шогун готовят также другие блюда из мяса, риса и муки: *шавлю*, рисовую кашу, *алвошир*, *бат*, *шагк*, но все они более характерны для других празднеств.

Пахота и сев. После празднования шогуна начинается пахота и сев. Во время сева пшеницы делают *кочи* — kočí, верхн. šywmál, ato-lá. *Кочи* — это густая каша, сваренная на воде из поджаренной муки. Если есть молоко, то кочи варят на молоке, тогда получается žaž-kočí — 'кочи на молоке'. Иногда во время сева пшеницы варят *хэшпай* (xəšpáyu), который отличается от кочи тем, что он более жидкий. Хэштай часто делают на масле — ru'pħəšpáyu. Реже во время сева пшеницы жарят пшеничные зерна (см. ниже).

Во время сева бобов варят бобовый *боч*¹⁸ (bəqlabóč). Бобы разваривают в воде так, что они становятся вязкими, как тесто. В них добавляют соленую воду. Считается, что бобовый боч помогает от солитеров. Если же из этого кушанья выварить всю жидкость, то получится рахтík — кушанье, которое подают на лепешках.

Во время сева гороха варят боч из гороха — šaxbóč.

Перед началом пахоты волам дают бобовой муки, замешанной на воде, и смазывают им рога маслом.

¹⁶ Обряды празднования Нового года, рождения ребенка, обрезания, свадебные, похоронные и другие обычаи в основных чертах известны по имеющимся описаниям [3; 4; 5; 7].

¹⁷ *Кумочем* ваханцы называют также заводской хлеб, выпекающийся в Ишкашине [ср. 4, 387].

¹⁸ Боч (boč) — похлебка из толченых зерен (см. ниже).

Уборка урожая. Во время празднования начала уборки урожая (ǰəǰdí, т. paví) — пшеницы или ячменя — делают *чнир* (čnir). Колосья ячменя или пшеницы связывают и ставят в тлеющие уголья. Когда их зерна размягчатся, то колосья растирают между ладонями, очищают и едят зерна.

Когда начинают убирать бобы, то готовят *kalklók*. Бобы в стручках кладут в тлеющие уголья. Когда они испекутся, то их едят. Вареный горох (*sbac*) готовят во время уборки урожая гороха.

Подъем на летовку — *aylóc səpák*. Накануне подъема на летовку варят *бат* (пшеничный кисель) — *bat*. Сначала разводят огонь и растапливают в котле масло. Затем понемногу подсыпают пшеничную муку и помешивают, чтобы мука не пригорала к котлу. Затем подливают в это варево подогретой воды, чтобы не было слишком густо. Масло должно само отделиться от муки, а если оно не отделится, то по вкусу это будет больше напоминать кочи. Бат, который варят во время подъема или возвращения с летовки, называется *zičbat*.

Если вместо воды подливать в котел молоко, то получится *алвошир* — *alwošir*, который также варят во время подъема на летовку или спуска с летовки, или же во время шогуна и пахоты и сева. Иногда бат варят с поджаренными кусочками мяса (*qəlyá*), что называется — *qəlyabát*. Бат, сваренный с кусочками поджаренного бараньего жира, называется *tarbát*. Две последние разновидности бата готовят часто для гостей. Реже бат варят на чистых сливках — *mríkbát*. Батом очень легко и быстро насытиться, поэтому в Вахане существует пословица: «*bas faqát sə bātəp*» — ‘Достаточно [говорят] только после бата’.

Пребывание на летовке. Когда женщины из селения переселяются со скотом на летовку, то при подходе к летовке они высылают вперед женщину, у которой есть молоко (кормящую ребенка). Эта женщина первой приходит на летовку и возжигает ритуальное благовоение. Затем она идет за водой. В это время на священном месте — мазаре (*ostón*), имеющемся на каждой летовке, режут овцу и поливают мазар ее кровью. Потом женщины готовят бат, а мужчины в это время занимаются починкой загонов для скота. Когда бат готов, то его едят совместно, и мужчины и женщины, около мазара. Наутро мужчины спускаются в селение, и в течение семи дней им разрешается посещать летовку [9, 41; 14, 9].

На третий день женщины снова готовят бат, зажигают ритуальное благовоение и ставят на мазар небольшой светильник с фитилем из ваты, пропитанным маслом (*piltá*).

На седьмой день вечером происходит *zaǰgardón*, т. *zaǰardoń* — размахивание над головой горящими кустами колючек *заǰ*, т. *zaǰ* (высокогорные подушечники — *Asantolimon* [колючие виды]). Из селения на летовку поднимаются люди, женщины готовят бат, который опять едят все вместе около мазара. С этого дня мужчинам разрешается посещать летовку в любое время.

На летовке часто едят толокно (*talqón*) из зерен ячменя или пшеницы. Жареные зерна мелют на ручной мельнице. Если приходит гость из селения, то для него из толокна делают *пэст* (*pəst*) — толокно с водой или с молоком. Если же смешать толокно с маслом и добавить в него сахар, то получится *кэпач* (*kəpáč*).

На летовке и во время шогуна пекут нечто вроде блинов — *шаник* (*šarik*, верхн. *gšiwj*, т. *ǰaršót*)¹⁹. Сперва замешивают тесто, инот-

¹⁹ На языке кховар (чатрори) и на бурушаски слово *šarik* значит ‘хлеб’.

да в него добавляют молотого с мукой лука. Затем разводят в очаге огонь и ставят на очаг плоский камень. Когда камень раскалится, его мажут маслом и раскатывают на нем поднявшееся тесто. Потом блины переворачивают, а когда они испекутся, их мажут маслом и едят. Подают такие блины, сложив их горкой [5, 31].

Спуск с летовки — *ayloq xətāk*. В Среднем Вахане с летовок обычно спускаются в начале октября. В день спуска в селении угощают друг друга *паниром* и другими молочными продуктами. Вечером готовят *алвэшир*, блины или рисовую кашу. Рисовую кашу (*šir-bəgəŋj*) варят на молоке и поливают ее растопленным маслом. Едят ее на лепешке руками.

Рождение ребенка. Первая стрижка — *sarsawzi*. Обрезание — *šo səgāk*, т. *xatmakəni*. По случаю рождения, первой стрижки и обрезания устраивают пиршество (*tuu*), на которое созывают соседей и родственников. Для гостей готовят плов (*rəlow*), который делают обычным среднеазиатским способом, но часто без моркови и лука. Иногда вместе с рисом запаривают (*dam səgāk*) размоченные сухие абрикосы (*čimbir*). Сухие абрикосы часто кладут и в *хэшлай* (*čimbirxəšpəy*). Плов, очевидно, недавно проник в Вахан, так как во многих домах его еще не научились варить. По случаю рождения девочки никакого угощения обычно не устраивается.

Чаще плова готовят *шавлю* (*šulá*) — рисовую кашу с мясом, сваренную на мясном бульоне. Шавлю раскладывают и подают на лепешках, а плов на подносах.

Первый вынос ребенка на двор — *za tər bar niǰvāk*. Весной, когда начинают спать на улице, для детей, которых первый раз выносят на двор, поджаривают зерна пшеницы — *дып*, т. *bəyoni*. Едят жареные зерна взрослые, а детям просто посыпают ими голову. Зерна жарят на сковороде (*čəydār*) до тех пор, пока они не растрескаются. Иногда жарящиеся зерна обрызгивают соленой водой. Без соли зерна получаются мягкими, а с солью — жесткими. Жареные зерна пшеницы нельзя есть по одному, их можно класть в рот только попарно. Поэтому и жарят, как правило, не одну, а две или четыре сковородки зерен. Зерна пшеницы поджаривают также для людей, заболевших цингой. Раскаленные зерна заворачивают в платок и прикладывают к голове больного.

Во время еды на жареных зернах иногда гадают. Зажав в ладони горсть зерен, загадывают, окажется ли их четное или нечетное количество. Затем едят зерна по два. Если зерен окажется то количество, какое было загадано, то тогда будто бы исполнится какое-нибудь желание загадавшего.

Зерна пшеницы в некоторых домах жарят еще по случаю первого выноса на двор ягненка или же во время сева пшеницы.

Свадьба — *tuu*. После сватовства (*xišitaláb*)²⁰ происходит помолвка (*foṭtaxoni*), во время которой отец жениха приносит в дом невесты *яхни* (см. выше) и маленькие ритуальные хлебцы — *пток* (*ptok*, т. *kəlcá*). Пток пекут из чистой пшеничной муки, замешанной с маслом. Из неподнявшегося теста лепят маленькие круглые лепешки диаметром около 15 см, на которых накалывают дырочки веничком из перьев (*rəgčúk*). Пток пекут точно так же, как и обычный хлеб, прилепляя их к внутренним стенкам раскаленного очага, причем войлоч-

²⁰ В имеющихся описаниях сватовства [5, 12; 7, 89] отсутствует важная деталь: стандартной формулой, с которой сватающиеся обращаются к отцу предполагаемой невесты, является такая фраза: «Мы пришли к вам попросить у вас омывальницу мертвецов (*məgdašú*)». Считается, что жена сына будет мыть тела его умерших родителей.

ной подушки (nonbandák) не употребляют. Пток полагается считать девятками, так же, как и многие другие свадебные предметы у горных таджиков. Во время помолвки выпекают девять девяток (т. е. 81) пток. Во время праздника курбан и при отправлении в гости к родственникам также пекут пток.

Вечером накануне дня совершения обряда бракосочетания и в доме жениха, и в доме невесты совершается обряд «сросания сковороды» — sup keták, т. towá doxtán. Для этого обряда выпекают из пшеничной муки тонкие лепешки из пресного пшеничного теста — *дэрахтов* (də:axtów, т. taraxtów). Обряд «бросания сковороды» совершается следующим образом: на плоский камень кладут три дэрахтова, а поверх них сахар, бусы, масло, кусок материи. Один из стариков, обычно тот, у которого больше всего потомства, поднимает этот камень с помощью двух палочек и три раза подносит его попеременно то к основанию, то к верху очага. Затем бусы, сахар и масло заворачивают в дэрахтов и выбрасывают на крышу через отверстие (ricn, т. rouzán), расположенное над очагом, где все это подсырают дети. После совершения этого обряда режут овцу и варят плов или шавлю, которую раздают гостям. Если женщина выходит замуж вторично, то этого обряда не совершают. Вместо него через отверстие в потолке поднимают на крышу ведро с пловом или шавлей перед тем, как раздать угощение гостям.

Обряд бракосочетания (nikó) происходит на следующий день. Когда гости соберутся, им подаются гихртэк, т. safidtabaq — кусочки масла и размельченный сахар на поверхности лепешки или дэрахтова и черный чай. Затем халифа совершает обряд бракосочетания, прочитав молитву над пиалой с водой (óbi nikó) и дав ее выпить жениху и невесте. Жениха сажает рядом с невестой и раздают всем угощение — плов или шавлю. За совершение обряда халифа получает миску с мясным бульоном (səivó), который называется óši qozí — ‘похлебка судьи’. Иногда во время бракосочетания подают гостям и жениху с невестой šigučan, т. šigučan (горячее молоко с маслом).

В Верхнем Вахане жених перед тем, как увести невесту из родного дома, заходит вместе с ней в кладовую (čanɜ, т. gančíná), где им подают размятый с горячим маслом хлеб — шиндэтк.

На седьмой день после переселения в дом жениха молодой жене смазывают руки маслом и она печет пток.

По ороны — gur oəgák. В случае смерти в доме умершего (таага-ча хип) три дня не разводят огня, а всю еду для многочисленных гостей готовят в домах соседей и родственников. На третий день вечером режут одного-двух баранов и готовят боч (boč). Этой ночью, которая называется šábi čigóč — ‘ночь светильника’, зажигают светильник (čigóč) и халифа читает коран. Боч варят в продолжение всей ночи и раздают утром. Такой способ варки называется šyvdiǵi. Боч — это похлебка из растолченных в каменной ступе (juwózg) зерен пшеницы и мяса. Едят боч, как и похлебку из бобовой лапши, деревянными ложками. В Вахане существует известная и в других местах Бадахшана [4, 384] бранная поговорка: «ti boč ɜnət» — ‘Чтоб я похлебал боча по тебе’ (т. е. ‘Чтоб ты сдох’).

После боча подают рисовую кашу, плов или бат. Затем следует черный чай, после чего гости расходятся.

Худойи — хэдоуи (ритуальное угощение). *Худойи* устраивается во избежание всевозможных несчастий и болезней. Когда рождается какой-нибудь ягненок, то хозяин сразу же предназначает его для худойи. Это животное уже нельзя зарезать по какому-нибудь другому

случаю. Когда решают устроить худойи, то в четверг размачивают одно ведро пшеничного зерна и толкут его в каменной ступе. Вечером режут животное, предназначенное для худойи, и варят его вместе со всеми потрохами с растолченной пшеницей точно так же, как при приготовлении поминального боча. Ночью в доме, где устраивается худойи, собираются люди, разговаривают на различные религиозные темы или же поют гимны духовного содержания (qəsoyid). Когда светает, то созывают соседей и раздают сваренный боч. Многие относят некоторое количество боча к себе домой для отсутствия вавших домочадцев. Кости от боча нельзя бросать собакам, так как над ними была прочтена молитва. Кости оставляют на крыше, и их растаскивают птицы.

Курбан — qərbón. Курбан празднуется на десятый день последнего месяца (курбан) мусульманского лунного года. За двадцать дней до наступления курбана не полагается веселиться, устраивать празднества, надевать новую одежду, стричься. Накануне десятого дня курбана пекут ритуальные хлебцы — пток. Из года в год в одном из хозяйств селения обязательно резали в курбан барана. Все жители разбирали себе кровь этого животного, а дети делали ею на лице отметины в виде птичьих лапок. Мясо же варили и раздавали жителям. Сходный обычай наблюдался и в Хуфе [4, 240].

Рождение скота. Только что окотившейся овце дают в миске горячий хэшпай (xəšpáý). Козе обычно ничего не дают. Отелившей корове через сутки после отела также дают хэшпай. Когда теленка отнимают от коровы, то, чтобы она продолжала доиться, ей иногда подсовывают чучело (nərizm, т. nəgəsək), сделанное из шкуры теленка. Ягнят и телят в первые дни после рождения зимой содержат в доме. По случаю первого выхода их на двор поджаривают зерна пшеницы (так же, как и при первом выносе на двор ребенка).

Постройка дома — šəʔd xup šak. Для закладки фундамента и постройки стен дома созывают родственников и соседей. Им подают угощение — guxnptək, т. safidtabáq (см. выше). В это время одна из старух приносит огонь из старого дома и возжигает ритуальное благовоние на плоском камне. Затем один из стариков читает молитву (на таджикском языке): «muborakatíyi xonáyi naw ba šumó šogun šawád. bənyódi sawz əmri daróz ba soíbi xoná birasad. ulló akbár» — 'Да будет благословенным для вас новый дом. Цветущая основа, долгая жизнь пусть достанется хозяйну дома. Аллах велик'.

Постройку стен в основном заканчивают в тот же день. Вечером всем обычно подают пшеничный кисель — бат или же алвошир.

Во время укладки основной балки потолка (was, т. tir) тоже созывают народ. Когда балка уложена, то приводят барана и отрезают ему голову, положив животное на эту балку с той стороны, где предполагают сделать очаг. Затем укладывают остальные балки, а вечером из зарезанного барана готовится какое-нибудь угощение.

Когда постройка дома полностью закончена, хозяин переносит из старого дома в новый всю домашнюю утварь. Одна из женщин посыпает столбы и потолок мукой. Из старого дома в мисочке приносят горящие уголья. С их помощью зажигают ритуальное благовоние и огонь в очаге. В новом доме пекут хлеб, созывают гостей и угощают всех батом. Иногда режут барана и подают плов или шавлю.

Прием гостей. Ваханцы так же, как и соседние народности, отличаются большим гостеприимством. Гости стараются угостить каким-нибудь мясным блюдом, а если мяса нет, то готовят бат, рисовую кашу, алвошир. Если гостей поят ширчаем, то масло к нему по-

дается обязательно в отдельном сосуде, чтобы гость мог положить столько, сколько захочет. Считается неприличным подавать гостю нецелую лепешку. Гостей обычно уговаривают остаться переночевать, предоставляя им в таком случае специальные комнаты для гостей (qəḫopá), которые имеются в каждом доме.

Отъезд из дома. В дорогу ваханцы часто берут с собой кумоч или же кумочдуни (см. выше). Иногда пекут также печенье (arzíq, bursóq) из теста, жарящегося в масле.

Если кто-нибудь из членов семьи уезжает, то после его отъезда до наступления утра следующего дня нельзя выносить из дому воду, чай и другие жидкости, так как с уехавшим будто бы может случиться какое-нибудь несчастье.

С пищей у ваханцев связано много различных примет и суеверий. Многие из этих примет, такие как, например, чайнка, вертикально плавающая в чае, означающая прибытие гостя, известны и в других районах Средней Азии [2, 26]. Приметы и суеверия у народов, находящихся в постоянном контакте, часто бывают общими. Многочисленные суеверия, связанные с костями животных, имеют, возможно, киргизское происхождение. Ниже следуют описания некоторых из этих суеверий.

Коленную чашечку (midʻanzuáuč, т. oguskušák) можно дать кому-нибудь во время еды. Этот человек в том случае, если он возьмет ее в руку, обязан ее проглотить. Если он не проглотит этой косточки, то должен повсюду носить ее с собой. В любое время давший эту кость может потребовать ее обратно. Если же в этот момент у человека, взявшего эту кость, ее при себе не окажется, то он должен отдать тому человеку, который дал ему эту кость, все, что тот ни потребует. Считается, что в этом случае можно потребовать отдать даже жену или невесту, поэтому кость и называется midʻanzuáuč — 'кость невесты'.

Большую берцовую кость (šaləng) ломают во время еды, чтобы вынуть из нее костный мозг. Кость предплечья, состоящую из двух косточек, может ломать только тот, у кого нет братьев и дяди по материнской или отцовской линии, так как считается, что, если сломать эту кость, один из них обязательно умрет. Кость предплечья называется vgytuáuč, т. ustuxóni biyorák — 'кость брата'.

Лопатку (fyak, т. šopá) с мясом обычно дают самому почетному из гостей. Если по случаю рождения ребенка режут барана, то мать его берет обглоданную лопатку и на узком ее конце, имеющем небольшое углубление, подносит ко рту своего ребенка немного масла. Ребенок подрастет, ему дают поиграть с лопаткой, а затем мать смотрит ее на свет и будто бы читает по ней судьбу своего ребенка.

Очень плохой приметой считается видеть во сне сырое мясо, испеченный хлеб, кровь. Печеный хлеб, вареное мясо, молоко, пахтанье, масло сулят увидевшему их во сне достаток и богатство. Большинство примет, связанных со снами, совпадают с опубликованными М. С. Андреевым толкованиями снов у каратегинцев и шуганцев [2, 10—16]. Интересно, что увидеть во сне простую муку по представлению ваханцев — плохая примета а увидеть во сне муку в ее ритуальном назначении (ptyk) — хорошее предзнаменование.

В ваханских сказках часто упоминаются различные повседневные и ритуальные блюда — похлебка из бобовой муки, бат, боч, кэшпай. Когда герой хочет заставить мать признаться в чем-нибудь, то он просит поджарить зерна пшеницы (дып) и дать ему горсть эги: раскаленных зерен. Мать протягивает ему эти зерна, а герой сжимает

ей руку и вынуждает признаться²¹. Изнемогающим от голода путникам в сказке обычно предлагается *паргхэшпай* (*parǵxəššráy*) — подогретая смесь воды с золой, излечивающая от голода и холода.

Пища ваханцев, как и многие другие черты их повседневной жизни, имеет много общего с пищей соседнего населения Западного Памира (Ишкашим, Горон, Шугнан, Хуф, Рушан). Способы приготовления многих блюд (боч, похлебка, курутов и др.), обычаи и поверья, связанные с употреблением пищи, в основных чертах общи для всех исмаилитов Бадахшана. При отрывочности имеющихся сведений о пище населения этого региона трудно решить вопрос, что следует считать собственно ваханским, а что общепамирским или даже среднеазиатским. Можно предположить, что некоторые блюда (по крайней мере их названия) имеют, очевидно, читральское происхождение (например, *šarík*). Близость Вахана к Читралу и постоянные связи в недалеком прошлом ваханцев и читральцев²² способствовали тому, что в пище, как, вероятно, в некоторых обрядах и обычаях населения этих областей, наблюдается относительно больше сходных черт, чем у других народностей Бадахшана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Т. Г., Очерки истории Бадахшана, Ташкент, 1964.
2. Андреев М. С., Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-Ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии, — «Известия Главного среднеазиатского музея», вып. 2, Материалы по этнографии, Ташкент, 1923.
3. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. 1, Сталинабад, 1953.
4. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958.
5. Андреев М. С. и Половцов А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, — «Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук», IX, СПб., 1911.
6. Афсонахой халки точик (Таджикские народные сказки), Такмил ва тахрири Р. Амонов (Составил и обработал Р. Амонов), Душанбе, 1963.
7. Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа, М., 1908.
8. Вавилов Н. И. и Букин Д. Д., Земледельческий Афганистан, — Избранные труды в пяти томах, т. I, М.—Л., 1959.
9. Кисляков Н. А., Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу, — «Известия Таджикского филиала АН СССР», № 15, 1949.
10. Кисляков Н. А., Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и в фольклоре, — «Советская этнография», 1937, № 4.
11. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу, — «Советская этнография», 1949, № 1.
12. Кушкеки Бурхан-уд-Дин-хан, Каттаган и Бадахшан, пер. персидского под ред. А. А. Семенова, Ташкент, 1926.
13. Мухитдинов И., Съедобные дикие растения Дарваза, — «Ботанический журнал», т. XVIII, М.—Л., 1963.
14. Пещерева Е. М., Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи, Ташкент, 1927.
15. Розенфельд А. З., Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире, — «Вестник ЛГУ», № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1963, стр. 107—112.
16. Розенфельд А. З., Таджикоязычное население Советского Бадахшана, — «Советская этнография», 1963, № 1.
17. Соколова В. С., Очерки по фонетике иранских языков, т. II, М.—Л., 1953.
18. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. I, Душанбе, 1966.
19. Morgenstierne G., Indo-Iranian Frontier languages, vol. II, Oslo, 1938.

²¹ Сходный сюжет встречается во многих таджикских сказках, см., [6, 54].

²² Еще в недавнее время жители правобережного Вахана часто посещали Читрал. Читральских женщин, взятых ваханцами в жены, можно еще и сейчас встретить в некоторых селениях Вахана [16, 122].

А. З. Розенфельд

**МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ**

**ЛЕКСИКА БАДАХШАНСКИХ ГОВОРОВ
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА**

Среди юго-восточных говоров таджикского языка бадахшанские говоры составляют самостоятельную группу. Носители этих говоров живут в тесных отношениях с другими народностями советского Бадахшана [Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) Таджикской ССР], говорящими на различных памирских языках, относящихся к восточно-иранской языковой группе. В пределах ГБАО к бадахшанским относятся четыре говора с разным числом говорящих на них лиц: горонский говор (местность Горон, от кишлака Хасхараг до кишлака Баршор на Пяндже), таджикско-ишкашимский (кишлаки Мульводж, Яхшволь, Нюд — Ишкашим), таджикско-ваханский (кишлаки Удит, Ямг, Чильток, Нижгар и два дома в Даршае — Вахан) и таджикско-мунджанский (по несколько домов в Андарстезе на окраине Хорога и в кишлаке Тавдем, кишлак Цордж — на Шахдаре, среди шугнаноязычного населения) [19]. К этим же говорам примыкают рогские говоры таджикского языка (бывшая Кулябская область Таджикской ССР), а за пределами СССР из числа описанных — бадахшанский (Афганистан) и мадаглаштский (Читрал). Можно предположить, что много общих черт имеется и в других таджикских говорах Афганистана и в особенности в пограничных районах, например в верхнем Гороне.

Наряду с указанными говорами в ГБАО распространен и так называемый фарси (порси, фарси) — местная форма таджикского языка, служащая для межязыкового общения между всеми народностями, населяющими ГБАО. На «межпамирском фарси» исполняется большое число фольклорных произведений, написаны стихи местных поэтов, существует множество наскальных надписей и эпитафий. Этот «межпамирский фарси» от таджикского литературного и разговорного языка отличается главным образом фонетическими и лексическими особенностями [19; 21].

Лексика бадахшанских говоров (включая и «межпамирский фарси») содержит большое число местных слов, одна часть которых распространена лишь в одном из говоров, а другая — повсеместно, например *мала* 'постройка'. Диалектная лексика охватывает все сферы жизни таджикоязычного населения Бадахшана, она прослеживается в терминах родства, связана с занятиями населения — земледелием и скотоводством, с ремеслами, с материальной культурой (предметы одежды, утварь, детали постройки и т. п.), с местной флорой и фауной, также свя-

зана с религией, обрядностью, народными праздниками, мифологией и т. п. Особый лексический слой составляет топонимика, в данном случае мы имеем в виду топонимы, относящиеся к таджикоязычным кишлакам.

Лексикку бадахшанских говоров можно разбить на две части: 1) собственно таджикская лексика, являющаяся основой словарного состава и общая для всего таджикского языка; 2) диалектная лексика. В диалектной лексике выделяется несколько пластов: а) слова, заимствованные из соседних памирских языков (из шугнано-рушанской языковой группы, преимущественно в горонском говоре, в таджикско-мунджанском и таджикско-ишкашимском, из ваханского языка — в таджикско-ваханском говоре). Часть диалектной лексики одинаково свойственна бадахшанским говорам и памирским языкам; б) слова, заимствованные из афганского (пушту) языка; в) тюркские заимствования, главным образом в киргизской форме; г) слова арабского происхождения; д) заимствования из русского или через русский язык; е) местные слова, в том числе общие и для других юго-восточных говоров таджикского языка.

В изданном нами словаре бадахшанских говоров [17] содержится свыше 1795 слов и их фонетических вариантов. Из этого числа около 450 слов, т. е. приблизительно 25%, составляют слова, общие всем памирским языкам или какому-либо одному из них и зарегистрированные в изданных работах [8; 9; 10; 11; 20; 21].

К афганским заимствованиям относятся слова, связанные с военным делом: *чавни* 'застава', афг. 'казарма'¹, *колтус* 'патрон', *чеп* 'пост', *пайра* 'караульный', 'сторож'; некоторые предметы одежды, также из английского через афганский: *бут* 'ботинки', *воскат* 'жилет', *патлун* 'штаны', *чапли* 'рваная обувь'. Из тюркских заимствований отметим ряд терминов родства, часть которых является общей и таджикскому языку, как литературному, так и его различным говорам: *ака* 'старший брат', *ана* 'старшая сестра' (оба эти термина употребляются редко и заменяются описательными), *таға* 'дядя', 'брат матери', *яна* 'сестра мужа' (возможно из *янга*), *қайсангыл* 'сестра жены', 'свояченица', *янга* 'жена брата'; ряд терминов животноводства, связанных с названием животных по полу и возрасту: *ғуначин* 'телка 2-х—3-х лет', *буқа* 'бык-производитель', *чапыш* 'овца-ярка', *шишак* 'баран', *қысыр* 'яловая (корова)' [7]. К чисто местным заимствованиям из тюркских языков относится слово *турғ* 'убежище в горах', 'глухое место в горах, куда пряталось население при набегах врагов' (тюркское *туруғ* — [7, 588]). Синонимом для *турғ* является таджикское *гурезга*².

Из арабских заимствований отметим общетаджикские термины родства: *амук* 'дядя', 'брат отца' (лит. *амак*), *амма* 'тетка', 'сестра отца', *хола* 'тетка', 'сестра матери', *холак* 'дядя', 'брат матери'. Выше говорилось, что для последнего термина заимствовано тюркское *таға*, наряду с ним в бадахшанских говорах, в памирских языках [8; 9; 10; 11] и в ягнобском [4, 360] употребляется *холак*, *хольк*; также *орус* 'невеста' (в юго-восточных говорах — *арус*). К собственно бадахшанским заимствованиям из арабского следует отнести вторую часть словосочетания *зани қамои* 'незаконная жена' (*қамои* арабское 'наложница').

¹ Здесь и в дальнейшем для упрощения при передаче местных диалектных выражений принят современный таджикский алфавит.

² Именно такое место сохранилось до настоящего времени в горах и скалах вблизи кишлака Ямг в Вахане. Здесь имеются остатки каменных хижин, покрытых вместо крыши каменными плитами, остатки загонов для скота. По словам местных жителей, здесь скрывалось население Ямга лет 200—300 тому назад.

До революции и некоторое время после нее представители духовного сословия *сеид* и *хуча* относились к привилегированной части населения и браки между ними заключались только в пределах этих двух замкнутых групп. Однако в наложницы брали и девушек из простого сословия. Родившиеся от такого брака дети считались незаконнорожденными и назывались *аргунд* 'метис', такие дети не наследовали духовную принадлежность отца.

Русские и интернациональные слова, вошедшие в бадахшанские говоры через русский язык, в настоящее время составляют значительный процент в словаре и относятся к различным областям жизни, быта и культуры.

Далее, среди диалектной лексики можно выделить такие слова, которые вследствие фонетических причин имеют отличную от литературного языка форму: *аво* 'воздух' (лит. *хаво* — наиболее многочисленная группа слов, так как нижнефарингальное *χ* в бадахшанских говорах почти не употребляется), *чинчал* 'ссора' (лит. *чанчол*), *галболи* 'вишня', (лит. *олуболу*), *меймон* 'гость' (лит. *меҳмон*), *гирейбон* 'воротник' (лит. *гиребон*) и многие другие. Отмечены слова, общие с литературным языком, но имеющие в бадахшанских говорах местное значение: *ганч* 'молоко' (лит. 'сокровище'), *линг* 'чалма' (лит. 'передник'), *пахлавон* 'охотник' (лит. 'богатырь'), *панча* 'палец' (лит. 'пятерня') и т. п.

Одна часть бадахшанской лексики, отсутствующая в литературном языке, является общей и другим юго-восточным говорам, другая же часть употребляется только в бадахшанских говорах, при этом в эту же группу входят и рассмотренные выше заимствования из других языков. К первой группе относятся такие слова, как *сипор* 'деревянная соха' (бадахшанск. *сипор/сипырд*), *алғоу* 'супруга', *бича/буча* 'козленок', *бына* 'дом', 'хозяйство', *кутал* 'подъем', 'перевал', *изо* 'стыд', *фирча* 'свободное время' и другие. Особо остановимся на диалектных терминах родства (свойства): *евар* 'брат мужа' и *синор/синҳор* 'невестка', 'сноха', распространенных в юго-восточных говорах. В литературном языке и других таджикских говорах им соответствуют описательные *бародаршуй* 'брат мужа' и *келин* 'невестка' (тюркское заимствование). Оба эти термина (*евар* и *синҳор*), по-видимому, имеют индоевропейское происхождение, о чем свидетельствует оформление суффиксом -р (ср. *падар* 'отец', *модар* 'мать', *бародар*, *додар* 'брат', *хоҳар* 'сестра'). Как нам представляется, диалектное *евар* можно сблизить с русским 'деверь', на что до сих пор не обращалось внимания. Широкое распространение лексемы 'деверь' во многих индоевропейских языках в близких фонетических вариантах в указанном значении подкрепляет наше предположение [15, 176; 22, 491; 12, 177—178]. Так же точно и термин *синор/синҳор* 'невестка', по-видимому, того же индоевропейского происхождения, что и русское 'сноха' [16, 345—346]. В юго-восточных говорах наряду с термином *бародар* 'брат' употребляется *биёр* в том же значении, образовавшееся вследствие неустойчивости «д» и стяжения гласных: *бародар/биёр*.

Собственно бадахшанская диалектная лексика, кроме рассмотренной выше, относится к самым различным областям жизни: *бачги* 'детеныш', *чавра* 'плетень', *чия* 'мать', *ранг* 'горный козел', *кырич/кытич/кылич* 'хижина на летовке', *машкад* 'корова, перестающая доиться', *плых* 'тлеющая навозная лепешка', *пышк* 'овечий навоз', *шунг* 'раковина'. Среди терминов животноводства выделим употребительное в бадахшанских говорах *фарғонч/фырғумч* 'телка 2-х—3-х лет', то же, что и *ғуночин*. В различных фонетических вариантах это слово засвидетель-

ствовано в памирских языках в значении 'телка', 'коза' (шугн. руш. мундж. вах. язг., также и в ягнобском), в дарвазских говорах тадж. языка с этим же словом можно сблизить *гови фар* 'нетельная корова' [1, 422, 499; 8; 9; 10; 11; 14; 20; 21].

Мы не останавливались на лексических отличиях каждого говора, а рассматривали бадахшанскую лексику в целом, хотя в каждом говоре можно выделить определенный слой, характерный и для данного говора. В целом же бадахшанская лексика содержит ряд особенностей, которые наряду с грамматической и фонетической системами позволяют выделить эти говоры в самостоятельную группу в составе юго-восточных говоров таджикского языка [19; 22].

ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНИХ ОБЫЧАЕВ У ТАДЖИКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАДАХШАНА И СВЯЗАННАЯ С НИМИ ЛЕКСИКА

Среди некоторых сохранившихся до наших дней древних воззрений обращают на себя внимание пережитки, связанные с почитанием огня, и в частности домашнего очага. Очаг, обогревая дом, служит и для приготовления пищи, выпечки лепешек и т. д. Он представляет собой глубокую выемку в стенках окружающих его дуконов — глинобитных нар примерно в полметра вышиной, располагающихся по трем сторонам комнаты, где семья проводит время зимой. Прежде очаг топился по-черному, котел ставился сверху, отверстие впереди не закрывалось. Теперь очаг во многих домах реконструирован: устраивается дымоход, прилаживается труба, топка закрывается железной дверцей, а отверстие в потолке служившее для вентиляции, освещения и выхода дыма, застекляется. Очаг и сейчас почитается, об этом свидетельствует обряд «курения». По бокам отверстия очага, т. е. топки, как бы на «плечиках» очага, в чашке или миске ставят *буи* 'благовоние', 'курение'. Это заранее приготовленная смесь муки с коровьим маслом, куда также добавляется ароматное растение *сепандр* или *сетрахм*, сверху кладется горячий уголь. В таджикоязычном кишлаке Нижгар (верхний Вахан) хозяйка дома, разжигая утром огонь в очаге, умывшись, прежде всего ставит *буи* и горсть муки с маслом бросает в огонь.

Место, предназначенное для *буи*, в различных бадахшанских говорах называется: *пузики* (горонский говор), *пира*, *пирахона* (тадж.-ишк.), *лангар*, *лангархона* (тадж.-ваханск.). Вот несколько примеров на употребление этого слова: *бийо, сари пира бышин!* 'иди, садись возле очага' (подразумевается часть дукона, где расположен очаг); *чои ки оташ месузад, лангари мардон* 'место, где горит огонь в очаге — лангар (святилище) людей'; *қасам ба лангари пир!* 'клянусь святилищем (местопребыванием) пира!'

Слово *пир* в таджикском языке (также и в персидском) имеет значение 'старый', 'старик', 'старец'; 'духовный руководитель', 'духовный наставник' — последние два у суфиев и исмаилитов, к которым принадлежат бадахшанские таджики. У них же Бомбей называется *пирхона*. Наряду с перечисленными значениями слова *пир*, в бадахшанских говорах выявляется еще одно, а именно метафорическое 'огонь', 'огонь в очаге'. Это можно подкрепить еще и таким употреблением этого слова как *пири пухта* 'зола', 'горячая зола' (букв. 'поспевший, готовый пир') и *пирахона* 'поддувало в очаге' (последнее записано в кишлаке Ямг, верхний Вахан). Таким образом, в бадахшанских говорах *пир* — 'священный огонь', 'огонь в очаге'. Интересно отметить, что также и в

азербайджанском языке *пир* значит 'священное место' (например, 'след» ноги Али' и т. п. [2, 268]).

Такую же трансформацию значения можно наблюдать и в слове *лангар*. Это индоевропейское по своему происхождению слово в различной фонетической форме распространено во многих языках мира. В таджикском и персидском языках оно имеет ряд общих и диалектных, локальных значений: 1) 'якорь', 2) 'баланс' (у канатоходцев), 3) 'маятник', 4) 'почтовая станция' (Иран, Восточный Туркестан)³, 5) 'стоянка', 6) 'дервишская обитель', 7) близкое к предыдущему 'богадельня', 'пристанище (у пиров и шейхов)', 8) более старое значение 'мазар', 'священное место', 'могила святого' (горный Таджикистан), откуда и многочисленные топонимы по всему Ближнему Востоку. В горном Таджикистане почти всегда в кишлаке с названием Лангар имеется почитаемый мазар [18]. К указанным значениям можно прибавить и бадахшанское метафорическое 'очаг', 'место священного огня' (ср. *лангархона* в том же значении).

До сих пор в Бадахшане сохранился обычай зажигать масляные светильники на мазарах в специально устроенных очагах. Очажок представляет собой прямоугольную нишу в ограде мазара или просто в камнях, внутри она выложена плоскими камнями. Светильник зажигают под Новый год — *навруз, шогун*, в праздник *қурбон (иди қурбон)* или по другим случаям. В светильник подливают коровье масло, этим же маслом прежде поливали и камни при входе в мазар или вообще камни-валуны (шугн. вах. *остон*).

Пережитки почитания огня сохранились и в свадебных обрядах. Когда новобрачную уводят из дома отца в дом мужа, перед уходом она берет из очага горсть золы и бросает себе за голенище сапог, потом рукой дотрагивается до *лангара (пузикӣ, пирӣ)*, проводит благоговейно по лицу и целует руку. То же проделывает и человек, уезжающий из дома в дальние края. Перед приходом невесты в дом жениха здесь кто-либо из женщин ставит на *лангар* 'благовоние' *буи* [3, 171—172]. *Буи* ставят на *лангар* и зажигают и по другим поводам в навруз, весной при выгоне в первый раз скота на пастбище. На *лангаре* ставится угощение для *халифы* — священника исмаилитов при посещении им дома прихожан.

Почитание огня отразилось и в погребальных обрядах. В доме умершего в течение трех дней нельзя зажигать огонь в очаге, еду приносят родственники или соседи, которые готовят ее у себя дома. В долине реки Хуф, по словам М. С. Андреева, халифа после похорон читает «Чирогнома». При этом зажигают свитый халифом фитиль, который ставят в светильник, наполненный маслом. Халифа читает книгу при свете светильника и деревянной ложкой время от времени подливает масло в светильник. После чтения, которое длится очень долго, «каждый (и мужчина и женщина) три раза протягивает руки к светильнику, проводя всякий раз вслед за этим по лицу, как бы желая привлечь к себе или почтить пламя светильника» [3, 196—197].

По-видимому, пережитки культа огня можно видеть и в старом обычае «загардон» [21, 206—207].

³ «За Кагарльком дорога вскоре пошла пустынной местностью. По всей дороге рассеяны „лянгары“ (постоялые дворы), где путешественник находит свежую колодезную воду и удобное помещение как для себя, так и для лошади» [6, 226]; «Пройдя в первый день 23 версты, мы остановились на ночлег в лянгаре Егантограк. Лянгары на этом пути построены и содержатся исключительно для богомольцев, останавливающихся в них на отдых или на ночлег» [16, 153].

Термины родства и свойства

Русский	Бадахшанские говоры				Рогские	Дарвазские	Банджск.	Кульбск.	Каратегинский правобережн.	Каратегинский левобережн.	Таджикский
	горонский	тадж.-ишк.	тадж.-в.х.	тадж.-мундж.							
папа (звательное)	дады, адо, додо	дади	дады, тат, доды	тата, тат	да, дыда	быво, аво	боба	ота, ага, она	бобо	аво, во	дада, дадо
мама (звательное)	ция	нани	нан, нана	нан, нана	ция, ма, нына	оча	оча, мума, ма, ума	оча, ма	оча	оча	она, оча
дед	бобо	бобо	боб	боби	боби, во	боби	боби	бобо	боби	боби	бобо
бабка	момо	момо	момо	момо	би, ми, биви	очаи калу	муман калу	мома, она калон	быни	ви, ави	биби, она калон
внук, внучка	навоса, набера	набера	набера	набоса, нувоса	наваса, нашера, ныбера	наваса, наваса	наваса	наваса, наваса	нувера	наваса	набера
брат	бародар, биёр, лол (зватель.)	биёр, додар, лол (зватель.)	бародар	биёр, бародар	биёр	додар, биёр	додар, биёр		биёр	биёр	бародар
брат старший		биёри калу, ака	бародар, биёр, ака (редко)	бародар, ака		ака	ака	ака	ака	ака	ака
брат младший	биёри хырди	биёри хырди	биёри хырди, биёри майда		нык, ныник, анник (до 5 лет)	биёрак	биёрак	додар, биёр	додар, ука	додар	додар, ука, уко
сестра	хуар	хуар	хуар	хохар	хэр	хуар	хуар,	хуар хохар	хувар, хохар	хуар	хохар

Русский	Блэкшанские говоры					Рогские	Дарвазские	Вапджск.	Куляск.	Картегинский правобережн.	Картегинский левобережн.	Таджикский
	горонский	тадж.—ишк.	тадж.—вх.	тадж.—мундж.								
сестра старшая	хуари калу	хуари калу, апа (редко)	хуари калон		апа	апа	апа	апа	апа	апа	апа	апа
сестра младшая	хуари хырд	хуари хырд	хуари хырд		ник, наник, аник (до 5 лет)	хорак	хорак	хорак	хохар	хохар	хохар	хохар
дядя (брат отца)	амук	бычи, амук	амык	амык	амак	амак	амак	амак	амак	амак	амак	амак
дядя (брат матери)	модархолик таға, холык	таға	холык, таға	таға	таға	тағои	тағои	таға, тағои	таға, тағои	тағои	тағои	тағои, тағой
тетка (сестра отца)	амма	амма	амма	хамма		хамма, ама	хамма, ама	амма	амма	амма	амма	амма
тетка (сестра матери)	хола	хола	хола	хола		хола	хола	хола	хола	хола	хола	хола
брат мужа (деверь)	евар	евар	евар	евар	евар	евар	евар	евар	евар	евар	евар	бародар-шуй
сестра мужа (золовка)	яна	яна	яна	янга	ана	яна	яна	яна				хохар-шуй
брат жены (шурин)		хысырбыра	хысырбыра	хысырбыра								поччо
сестра жены (свояченица)	қайсангул	қайсангул	қайсангул	қайсангул		қайсангул	хышду-ман			қайсангул	қайсангул	хохарарус қайсангул, хохарзан

Русский	Бадахшанские говоры				Рогские	Дарвазские	Ванджск.	Кудябск.	Каратегинский правобережн.	Каратегинский левобережн.	Таджикский
	горонский	тадж.—инш.	тадж.—вх.	тадж.—мундж.							
жена брата	янга	янга	янга	янга, анга	янга/анга, зани евар, евархоту	янга/анга	янга	янга	янга	янга	янга
муж сестры		думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод
зять		думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод	думод
невестка (сноха)	синор	синор	синор	синор	синор сунор	синор	синор	келин	келин	синхор	келин
жених	шомар	шамар, шохмард	шамар	шомар	ша	ша (х), шэ, шомар, шоунчи	ша, кынгол	ша, кынгол	ша, кынгол	ша, кынгол	домод
невеста	орус	орус	орус	арус	арус	арус	арус	келин	арус	арус	келин
вторая жена	амбоғ	амбоғ	амбоғ	амбоғ	амбоғ	боғчун	боғчун	боғчун	боғчун	боғчун	кундош, палонч
мачеха	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	моиндар	молари угай
отчим	падрандар, пияндар	падрандар, пияндар			шуй мума	падран-пияндар, вон угахи	падран-пияндар, вон угахи	падран-пияндар, вон угахи	падран-пияндар, вон угахи	падран-пияндар, вон угахи	падари угай
пасынок		писарандар	писарандар		бачандар, писандара	писандара	писандара	бачаи угахи	бачаи угахи	бачаи угахи	писари угай
падчерица		духтарандар	духтарандар					духтари угахи	духтари угахи	духтари угахи	духтари угай

Термины животноводства

Русский	Бадахшанские говоры				Дарвазск.	Вонджск.	Карагегинские	Таджикск. литерат.
	горонский	тадж.-ишк.	тадж.-вах.	тадж.-мундж.				
бык, вол	барзағу	барзағу	барзағу	барзағу	барзағу	барзағу	барзағу	барзағов, говии нар
бык-производитель	бықа	бықа	буқа	ғыр				говии нар
корова	модағу	модағу	модағу	модағу	модағу	модағу	модағу	модағов
теленөк	гусола	гусола	гусола	гусола	гусола	гусола, гесола	гусола	гусола
бычок 2-х — 3-х лет	чувона	чувона, бакыл	чувона, бакыл, бурдоқи	ноубанд	бықа		чувона, чуғуна	чавона, навбаст, гусолаи нар
нетель	ғынақи	фырғонч	ғынақи, фырғонч	фырғумч	ғуначин	ғуначин	ғуначин	ғуночин
яловая корова	говии қисир	говии қисир	говии қисыр	говии қисыр	говии фар	говии фар	говии қисыр	қисир
корова, перестоящая донья	машкад	машкад	машкад	машкад				
коза	быз, модабыз	быз, модабыз	быз, модабыз	буз, модабуз	быз	быз, мобыз	быз	буз, бузи мода
козел	нарбыз, така	нарбыз, така	нарбыз, така	нарбуз, така	нарбыз, така	нарбыз	нарбыз, така	бузи нар, така

Русский	Балхашские говоры						Дарвазск.	Ванджск.	Қарагегинские	Таджикск. литерат.
	горный	тадж.-ипк.	тадж.-вах.	тадж.-мундж.						
	бича, буча	буча	буча	бича	бича	бича				
козленок	бича, буча	буча	буча	бича	бича	бича	бича	бича	бича	бузича, бузгола
коза негтив-шяся	чапыш	чапыш	чапыш	чапыш	чапыш	чапыш	чапыш	чапыш	чапыш	
козел-производитель	шуг	нарбыз	нарбыз	тақа	тақа			тақа	тақа	тақа
овца	меш	меш	меш, модамеш	меш	меш	меш	меш	туқли	туқли	гуспанд мода, меш
баран	гусфанд, чондор, ранг	гусфанд, чондор	гусфанд, чондор	гусфанд, чондор, қышқор	гусфанд, чондор, қышқор	гусфанд	гусфанд	гусфанд	гусфанд	гуспанд
ягненок	барра	барра, баррык	барра	барра	барра	барра	барра	барра	барра	барра
овца-ярка	незем	верак	верак			фруғмеш		туқули	туқули	туқлай
баран-производитель	ғыр	ғыр	ғыр	шишак				қучқор	қучқор	қучқор
овца, коза (негтивш.)	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр	қысыр

В настоящее время этот обычай встречается лишь в отдельных кишлаках верхнего Вахана и скорее представляет собой детское развлечение⁴.

Объяснение к таблицам № 1, № 2

В таблицу № 1 включены лишь те термины родства, которые отличаются от литературного таджикского языка. Термины родства и свойства и термины животноводства (названия животных по полу и возрасту), приводимые в таблицах, извлечены из собственных записей автора, для сравнения привлекаются материалы других юго-восточных говоров и таджикского литературного языка: Ю. И. Богорад, Рогские говоры таджикского языка, — «Труды института языкознания», т. VI, М., 1956; Р. Л. Неменова, Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Душанбе, 1956; А. З. Розенфельд, Ванджские говоры таджикского языка, Л., 1964; А. З. Розенфельд, Говоры Каратегина, Душанбе, 1960; А. З. Розенфельд, Дарвазские говоры таджикского языка, — «Труды института языкознания», т. VI, М., 1956; Таджикско-русский словарь под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской, М., 1954.

Анализ терминов родства и системы родства у таджиков с этнографической точки зрения см.: Н. А. Қисляков, Пережитки первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Л., 1936; А. К. Писарчик, О некоторых терминах родства таджиков, — «Труды АН ТаджССР», т. XVII. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Душанбе, 1953.

В иранском языкознании пока еще нет специальных работ, посвященных лингвистическому анализу терминологии родства и животноводства в историческом аспекте, однако назрела насущная потребность в такого рода исследованиях. Подобные исследования проделаны по тюркским и славянским языкам, которые несомненно окажут помощь при исследованиях по иранской и, в частности, таджикской лексике: Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках, — сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961; А. М. Щербак, Названия домашних и диких животных в тюркских языках, — сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961. По славянским языкам: О. Н. Трубачев, История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, М., 1959; О. Н. Трубачев, Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования), М., 1960. В указанных работах содержится библиография по терминам родства и названиям животных в различных языках.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, М.—Л., 1959.
2. Азизбеков Х. А., Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1963.
3. Андреев М. С., Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья), вып. I. Душанбе, 1953.
4. Андреев М. С. и Пещерева Е. М., Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957.
5. Афганско-русский словарь (пушту), М., 1966.
6. Свен Гедин, В центре Азии, СПб., 1911.
7. Древнетюркский словарь, Л., 1969.
8. Зарубин И. И., Бартангские и рушанские тексты и словарь, М.—Л., 1937.
9. Зарубин И. И., Вершикское наречие канджутского языка, — «Записки коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927.
10. Зарубин И. И., К характеристике мунджанского языка, — «Иран», т. I, Л., 1927.
11. Зарубин И. И., Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г., — «Труды экспедиции», вып. VI, Лингвистика, М.—Л., 1929.
12. Зарубин И. И., Шугнанские тексты и словарь, Л., 1960.
13. Мурзаев Э. М., К географической терминологии туркмен, — «Известия государственного географического общества», № 6, 1939.
14. Оранский И. М., Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина), М., 1963.

⁴ Процессию с горящими пучками травы, поднимающуюся по склону горы на левую сторону на левом берегу Пянджа, мы наблюдали вечером в августе 1966 г. из районного центра ГБАО Ишкашима.

15. Пахалина Т. Н., Ишкашимский язык, М., 1959.
16. Певцов М. В., Путешествие в Кашгарию и Кунь-лунь, М., 1949.
17. Преображенский А. Г., Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1959.
18. Преображенский А. Г., Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1959.
19. Розенфельд А. З., Бадахшанские говоры таджикского языка, Л., 1971.
20. Розенфельд А. З., Название «Лангар» в топонимике Таджикистана, — «Известия ВГО», 1940, т. 72, вып. 6.
21. Розенфельд А. З., Свадебный фольклор припамирских таджиков, — сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970.
22. Розенфельд А. З., Таджикские говоры советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире, — «Вестник Ленинградского Университета», № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1963.
23. Соколова В. С., Бартангские тексты и словарь, М.—Л., 1960.
24. Соколова В. С., Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959.
25. Фасмер Макс, Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964;
26. Хромов А. Л., Говоры таджиков Матчинского района, Душанбе, 1962.

Т. Н. Пахалина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Под «памирскими языками» в лингвистической литературе принято понимать языки Припамирья, относящиеся к иранской группе индоевропейской семьи языков. Территория распространения памирских языков — верховья р. Пяндж с его притоками преимущественно в пределах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, а также в сопредельных районах Афганистана и соседних с ними районах Пакистана, частично в Северо-Западной Индии и, наконец, в памирской части Синьцзяна по границе с Советским Союзом.

К памирским языкам относятся: 1. Шугнано-рушанская языковая группа, включающая диалекты: шугнанский с баджувским поддиалектом, рушанский с хуфским поддиалектом (распространены в долине Пянджа по обеим его сторонам и в долине Хуф с правой стороны Пянджа), бартангский и орошорский (в долине р. Бартанг — правого притока Пянджа), сарыкольский (в Синьцзяне, в долине р. Ташкурган и ее притоков Вача, Тизнеф, в долинах рек Тагарма, Бурунгсоль); 2. Язгулемский язык (представлен только в Советском Союзе, в долине р. Язгулем — правого притока Пянджа); 3. Ваханский язык (в верховьях Пянджа, по обеим его сторонам, в верхнем течении р. Ярхун в Пакистане, в долине р. Хунзы в Северо-Западной Индии и в Синьцзяне, в долине р. Ташкурган, южнее мест расселения сарыкольцев); 4. Ишкашимский язык (распространен в долине Пянджа по обеим его сторонам в месте его излучины, где река меняет свое направление с западного на северное, а также в районе Санглича в Афганистане); 5. Мунджанский язык (распространен в Афганистане, в долине р. Мунджан, а также в близлежащих районах Пакистана); 6. Ванджский язык, известный в настоящее время по небольшому количеству слов, зафиксированных в 1924 г. И. И. Зарубиным [6], а позднее — А. З. Розенфельд [28; 29] (в прошлом был распространен в долине Ванджа — правого притока Пянджа); 7. Известно также предположение исследователей о существовании саргулямского языка (верховья р. Саргулям, к востоку от афганского Файзабада), также причисляемого к памирским языкам.

Памирские языки — языки малых народностей. Наиболее многочисленны из этих народностей представители шугнано-рушанской группы и ваханцы: шугнанцев (в широком понимании этого слова) насчитывается в общей сложности 40—50 тыс. человек, ваханцев — 25—30 тыс. человек. На остальных языках говорит всего около 4—4,5 тыс. человек.

Все памирские языки бесписьменны. В 30-х годах была предпринята попытка создания шугнанской и ваханской письменности, но она оказалась безуспешной. В настоящее время обучение всех памирцев

в пределах СССР осуществляется на таджикском языке. Сарыкольцы, живущие в пределах КНР, получают образование на уйгурском языке, а афганские памирцы — на фарси-кабули. Каждый из этих трех языков в своих пределах одновременно — и язык общения между разноязычными памирцами, поскольку памирские языки довольно сильно отличаются друг от друга, и взаимопонимание их носителей исключается.

История изучения памирских языков имеет уже более чем столетнюю давность. Появление первых небольших списков слов памирских языков, в частности ваханского, а затем и сарыкольского, относится к семидесятым годам прошлого столетия [44; 45; 46]. Несколько позже, в 1876 г., английский исследователь Р. Шоу опубликовал первые краткие грамматические сведения с приложением трех текстов и списка слов по сарыкольскому и ваханскому языкам [64], а в 1877 г. — небольшой материал по шугнанскому языку [65]. Материал Р. Шоу долгое время оставался единственным источником изучения памирских языков. Он использовался многими специалистами в их сравнительно-исторических и этимологических исследованиях. Так, вскоре после опубликования работы Р. Шоу его материал был использован чешским лингвистом В. Томашеком для установления им этимологических соответствий [68]. Впоследствии материал, содержащийся в трудах Р. Шоу, использовался в работах К. Г. Залемана, В. Гейгера, И. И. Зарубина, Г. Моргенштерне и других исследователей.

В 1883 г., путешествуя по Памиру, Д. Л. Иванов сделал во время своего пребывания в Шугнанае и Рушанае некоторые записи по шугнанскому языку. Поскольку сам он не был специалистом-языковедом, свою рукопись с записями он передал Географическому обществу, которое в свою очередь переслало ее в 1890 г. в Академию наук. Значение этих материалов было настолько велико, что академик К. Г. Залеман взял на себя труд их анализа, систематизации и публикации. В результате в 1895 г. появилось наиболее глубокое и наиболее полное для того времени исследование по шугнано-рушанской группе памирских языков «Шугнанский словарь Д. Л. Иванова» [3].

В конце прошлого века, когда шла подготовка к изданию известного свода по иранской филологии, В. Гейгеру было предложено составить для этого труда очерки по памирским языкам. Используя все опубликованные к тому времени работы по памирским языкам, В. Гейгер успешно справился со своей задачей, представив раздел *Die Pamir-Dialekte* [49].

В 1912 г. шугнанский и ваханский материалы были в незначительной степени пополнены А. Юлером [51], давшим краткие и не совсем точные грамматические очерки того и другого языка с приложением словарного материала.

В начале нашего столетия впервые вводится в научный обиход еще один памирский язык — язгулемский. Заслуга первых записей по язгулемскому языку принадлежит М. С. Андрееву. В 1908 г. им был представлен список 180 глаголов, опубликовать который ему удалось лишь в 1930 г. [1]. Но особое внимание М. С. Андреев уделял с самого начала обследованию долины Хуфа, в результате чего собрал большой этнографический и языковой материал, не успев, однако, до своей смерти (умер в 1948 г.) его издать.

В 1914 г. была организована русским и французским комитетами по изучению Средней Азии экспедиция на Памир в составе Р. Готье и И. И. Зарубина. В результате работы экспедиции в значительной степени были пополнены материалы по язгулемскому [147, 69], мунджанскому (известному к тому времени лишь по скудным материалам, опу-

бликованным Р. Шоу, Биддольфом и Г. Грирсоном [8; 48]) и другим памирским языкам.

Особенно большой материал по памирским языкам был собран И. И. Зарубиным во время его двухлетнего пребывания на Памире в 1915—17 гг. Им впервые были введены в научный обиход рушанский, бартанский [12] и орошорский [9, 11] языки. Ему же принадлежит заслуга первых текстовых записей по ишкашимскому языку [7]. Значительно были пополнены им материалы по шугнанскому [13] и ваханскому языкам. Все эти материалы постепенно на протяжении ряда лет И. И. Зарубиным обрабатывались и публиковались. Но, к сожалению, до сих пор осталось еще много неопубликованного из того, что было собрано им в те годы. Вклад И. И. Зарубина в памироведение неоценим. Он первым из иранистов обратил серьезное внимание на фонетику изучаемых языков, подойдя к ней фонологически. Ему была присуща тщательность в исследовании, хорошо продуманная методика сбора материала в полевых условиях. Благодаря этому лингвистические материалы, которые он публикует с 1924 г., получили общее признание как наиболее надежные и достоверные и чрезвычайно широко используются не только у нас, но и за рубежом.

В 1920 г. ишкашимский и язгулемский материалы в некоторой степени были пополнены Г. Г. Грирсоном [50].

Большой и интересный материал почти по всем памирским языкам был собран в 1928 г. шведским иранистом Х. Шёльдом [67] на территории Советского Памира. Однако он не успел опубликовать полностью эти материалы до своей смерти. Но они впоследствии широко привлекались Г. Моргенстьерне, Д. Л. Р. Лоримером и другими учеными в их исследованиях по памирским языкам.

В 1933 г. была опубликована работа В. Ленца, содержащая краткую характеристику современного состояния памирских языков [52].

Большая заслуга в изучении памирских языков принадлежит известному норвежскому иранисту проф. Г. Моргенстьерне. Начиная с 1928 г. и по сей день им публикуются работы по многим памирским языкам [54, 56—61]. Наиболее значительно его фундаментальное исследование, посвященное описанию мунджанского, ваханского и ишкашимского языков, опубликованное в 1938 г. [55]. Г. Моргенстьерне впервые исследовал эти языки в историческом плане. Ему же принадлежит и пальма первенства в исследовании и описании одного из интереснейших диалектов ишкашимского языка — сангличского, не представленного на территории Советского Союза. Большинство его работ основано на материалах, собранных им самим во время поездок в Афганистан, Пакистан и Индию. Правда, ему не всегда удавалось попасть непосредственно в район расселения тех или иных памирских народностей и поэтому приходилось иногда довольствоваться записью текстов со слов отдельных лиц, покинувших по тем или иным причинам родные края или приехавших на базар.

В 1936 г. С. И. Климчицкий опубликовал небольшую работу по ваханскому языку, содержащую, однако, довольно тонкие наблюдения в области фонетики и грамматики языка [18].

Несколько рушанских сказок были записаны (и позднее опубликованы) А. К. Писарчик во время предпринятой в годы войны экспедиции на Памир, возглавлявшейся М. С. Андреевым [27].

Большой вклад в изучение памирских языков был внесен В. С. Соколовой. Ею впервые было предпринято инструментально-экспериментальное исследование фонетики всех памирских языков, представленных на территории Советского Союза [32], установлены основные звуко-

вые соответствия по языкам шугнано-рушанской группы и язгулемскому языку. Ей принадлежат обширные публикации материалов по рушанскому, хуфскому [33] и бартангскому [34] языкам. В. С. Соколовой была уточнена также классификация шугнано-рушанской группы памирских языков [35]. Для коллективного труда «Языки народов СССР» ею подготовлен сводный грамматический очерк по всей шугнано-рушанской группе языков [36]. В 1967 г. была опубликована ее работа, в которой анализируются генетические отношения язгулемского языка и шугнано-рушанской языковой группы [37].

Начиная с 1956 г. автор настоящей статьи публикует материалы по ишкашимскому языку. В 1959 г. появилась наша монография, посвященная описанию фонетики и грамматики ишкашимского языка, с приложением текстов с переводом и сводного ишкашимского словаря [20]. Одновременно со сбором ишкашимского материала в 1953—55 гг. автор начал и сбор материала по ваханскому языку.

В 1956—1957 гг. нам довелось побывать в Сарыколе. В результате этой поездки был собран большой материал по сарыкольскому и ваханскому языкам. Сарыкольский материал лег в основу монографии, посвященной описанию фонетики и грамматики сарыкольского языка [23]. Автором подготовлен также сарыкольско-русский словарь (с обратным указателем). Так после восьмидесятилетнего перерыва (первая и последняя работа по сарыкольскому языку, принадлежащая Р. Шоу, была опубликована в 1876 г.) впервые был пополнен сарыкольский материал. Мы опубликовали также ряд отдельных статей, дополнивших нашу монографию, посвященную сарыкольскому языку [21; 22; 24; 62].

В 1969 г. мы опубликовали работу «Памирские языки», содержащую краткое описание каждого из памирских языков [26].

На основе материала, собранного в советском и зарубежном Вахане, автором настоящей статьи был написан очерк ваханского языка для коллективного труда «Языки народов СССР» [25]. В настоящее время мы готовим к печати монографию, посвященную описанию фонетики и грамматики ваханского языка (ваханского языка Советского Союза, Синьцзяна и Афганистана) со словарем и текстами.

Обстоятельное описание ваханского языка Пакистана и Индии содержится в работе английского ираниста Д. Лоримера [53]. Работа написана на основе материала, собранного автором во время его поездки в районы расселения ваханцев в 30—40-е годы. В ней содержится описание фонетики, морфологии и синтаксиса, приложены тексты с переводом и словарь. Этот труд, состоящий из двух томов, к сожалению, страдает очень существенным недостатком — отсутствием фонологического описания звуков. А это в значительной мере затрудняет анализ грамматических явлений, пользование словарем и сравнение этого диалекта ваханского языка с другими его диалектами.

В 1960 г. лексический материал по ваханскому, ишкашимскому и мунджанскому языкам был пополнен афганским исследователем Шах-Абдуллой Бадахши [66]. Им составлен небольшой словарь, где в сравнительном плане приводятся слова, помимо трех перечисленных выше памирских языков, еще и на пушту, а также на фарси. Словарь написан арабской графикой, не всегда могущей передать фонематический состав слова.

В 1963 г. Д. И. Эдельман публикует ряд статей, освещающих те или иные вопросы язгулемского языка [41]. Итогом же ее работы над язгулемским языком явилось монографическое его описание, опубликованное в 1966 г. [42]. Небольшой материал по памирским языкам привлекается ею для иллюстрации описания территориального распростра-

нения отдельных языковых явлений в работе, опубликованной в 1968 г. [43].

В последнее десятилетие исследованием памирских языков Советского Союза, в частности шугнано-рушанской языковой группы, занялись сами носители этих языков. Так, в 1962 г. появилась работа Р. Х. Додыхудоева по исторической фонетике шугнанского языка [2]. В следующем, 1963 г. вышла в свет монография Д. Карамшоева, посвященная описанию фонетики и грамматики буджувского диалекта шугнанского языка [16]. В работе подробно анализируются системы имени, глагола и служебных слов, показывается отношение буджувского диалекта к шугнанскому языку. К работе приложены разговорные и повествовательные тексты. В 1966 г. была издана монография М. Файзова, посвященная описанию фонетики и грамматики рушанского языка [39]. Н. Карамхудоев подготовил к печати работу, содержащую монографическое описание бартангского языка [15].

Такова вкратце история изучения памирских языков. Следует заметить, что некоторый языковой материал можно найти также в этнографических работах по Памиру [4; 5; 17; 19; 26; 36]. Очень ценный историко-географический материал по Памиру содержится в обстоятельной работе А. Н. Зелинского «Древние пути Памира» [14].

Итак, хотя изучение памирских языков началось почти сто лет тому назад, первые монографические исследования синхронного характера появились сравнительно недавно. В будущем предстоит большая работа по сравнительно-историческому изучению памирских языков. Выполнение такой большой и ответственной задачи в области памироведения осложняется тем, что эти языки бесписьменны. Воссоздание истории такого рода языков, по-видимому, невозможно без разностороннего и полного изучения современного состояния каждого из этих языков в отдельности, с одной стороны, и сравнительно-сопоставительного анализа их — с другой.

Цель настоящей статьи — дать сводку сходства и различий наиболее существенных структурных черт памирских языков, а также по возможности установить исторические соответствия для них. Это поможет, как нам представляется, более четко представить взаимоотношения этих языков.

Статья построена в основном на материале, собранном самим автором. Привлекается также материал из работ других исследователей.

ФОНОЛОГИЯ

§ 1. Для современного состояния вокализма памирских языков характерно сочетание качественного и количественного признаков. Сочетание это неодинаково в разных языках. Количественно-качественным оно является в языках шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского). Общими для всей этой группы (имеются в виду три основных языка: шугнанский, рушанский, бартангский) являются следующие количественные оппозиции: $\bar{a} — a$; $\bar{i}, \bar{e} — i/e$; для шугнанского и бартангского еще и $\bar{u}, \bar{o} — u/o$, только для рушанского $\bar{u} — u$, $\bar{o} — o$. Вне количественной оппозиции находятся в шугнанском долгие $\bar{e}$ (хотя в буджувском диалекте шугнанского языка, по-видимому, и эта фонема имеет краткую пару: $\bar{c}\bar{e}xt$ 'согнутый' — $c\bar{e}ft$ 'украл', так же как и пара $\bar{c}iqt$ 'чирикал' — $\bar{c}ikt$ 'запал') и $\bar{a}$, в рушанском — $\bar{a}$, в бартангском — $\bar{o}$. Помимо наличия специфических гласных фонем в каждом из языков наблюдаются также незначительные различия

в фонетической характеристике отдельных гласных, которых мы здесь касаться не будем.

Основные соответствия между гласными шугнано-рушанской языковой группы схематично представлены в работе В. С. Соколовой [32].

Качественно-количественный тип противопоставлений характерен для сарыкольского, язгулемского, ишкашимского (по крайней мере собственно ишкашимского) и, возможно, мунджанского вокализма. Для этих языков основным является качественное различие гласных. Так, например, ишкашимский вокализм характеризуется следующими гласными фонемами: *e, o, u, ɨ, i, a, ɔ*. В язгулемском же языке, помимо качественно различающихся гласных *i, e, o, ɨ, u, ə*, все еще сохраняется одна чисто количественная оппозиция $\bar{a} - a$: *χ̣d̄n*, 'корова' — *χ̣an* 'кровь'. В сарыкольском (во всяком случае в центральном говоре) различаются гласные *i, e, a, o, u, ɯ, ə* и две фонемы-дифтонга *eu, eɯ*. Другой общей чертой, отличающей эти языки от языков шугнано-рушанской группы, является наличие редуцирующегося гласного (сар. *ɯ*, язг. *ə*, ишк. *ɔ*), противостоящего по длительности всем остальным гласным. Редуцирующиеся гласные соответствуют в основном кратким гласным других памирских языков (и в большинстве случаев историческим кратким): шугн., руш., барт., язг. *vaz*, ишк. *vɔz* 'коза'; шугн., руш., барт. *kut*, сар. *kɯt*, ишк. *kɔt* 'короткий'.

Иной тип взаимоотношений гласных фонем представляет ваханский вокализм. Он сочетает оппозицию долгих и кратких с оппозицией редуцирующегося гласного нередуцирующимся. Состав вокализма ваханского языка следующий: $\bar{a}, a, i, \bar{i}$ (частично сохраняется в словах, где $\bar{i}$ соответствует др.-ир. дифтонгу * *ai*), $\bar{u}, u, \bar{o}, o, \bar{ɔ}, ɔ, ə$ (плюс к этому $\bar{e}$ для западного говора [38, 17]).

Интересной особенностью ваханского вокализма является то, что фонологическое противопоставление гласных по длительности в положении перед глухим смычным в ударенном слоге нейтрализуется. Абсолютная длительность гласных в этом положении приближается к абсолютной длительности кратких гласных тех фонетических положений, где эта оппозиция имеет место.

По типу оппозиции «долгота — краткость» ваханский сближается с языками шугнано-рушанской группы, хотя отношения долгих и кратких гласных не идентичны в них. По наличию редуцирующегося гласного ваханский сближается с сарыкольским, язгулемским, ишкашимским и мунджанским языками, хотя и тут нет полного совпадения по качеству этого гласного смешанного ряда в этих языках. По качеству гласных смешанного ряда и по их числу ваханский стоит ближе всего к сарыкольскому (*ɯ, ə*).

Говоря о современном состоянии вокализма памирских языков, следует сказать, что общей тенденцией в развитии вокализма памирских языков является переход от количественно-качественного типа оппозиции к качественно-количественным. В свете этого ваханский и шугнано-рушанский вокализм, где до сих пор сохраняются долгие и краткие гласные фонемы, отражают более древнее состояние, а ишкашимский, язгулемский и мунджанский вокализм представляет собой сравнительно новый этап.

Очень важным представляется установление синхронных и диахронных соответствий гласных памирских языков. Для языков шугнано-рушанской группы благодаря их большой близости удалось установить основные синхронные [48] и в какой-то степени диахронные соответствия. В. С. Соколовой предпринята также попытка установления звуковых соответствий между шугнано-рушанской группой и язгулемским языком

Отражение исторически долгого *ā*

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
1) <i>pōd</i> <i>wōx</i> <i>žōw</i> <i>cavōr</i> <i>ni bōs</i>	<i>peḏ</i> <i>wex</i> <i>γew</i> —	<i>pōid</i> <i>wōiṣ</i> <i>γōw</i> <i>cəbōir</i> <i>ny pōis</i>	<i>pu(d)</i> <i>wuṣ</i> <i>γu</i> <i>cəfur</i> <i>nyvōs</i>	'нога' 'трава', 'сено' 'корова' 'четыре' 'внук'	ав. <i>pād-</i> ав. <i>vāstra-</i> <i>*gāvā-</i> ав. <i>čadwār-</i> ав. <i>napāt-</i> <i>*wādi-</i>
2) <i>wēd</i> <i>-mēd</i> <i>pērnak</i> <i>pēd</i> <i>vēγzn</i> <i>čēd</i>	<i>wād</i> — <i>poχna(?)</i> <i>paḏ</i> <i>vawz</i> <i>kūg</i>	<i>wōd</i> <i>mōd</i> <i>pōšt</i> <i>pōd</i> <i>fōirz</i> <i>kāž</i>	— <i>mid</i> <i>pošna(?)</i> — <i>bōrč</i> <i>keḷ</i>	'канал' 'кислое молоко' 'пятка' 'силок' 'береза' 'нож'	ср. х. -с. <i>masta-</i> <i>*pāršni-</i> <i>*pādy-</i> <i>*bārz(ni-)</i> <i>*kārti-</i>
3) <i>p.bēn</i> <i>pisēn</i>	<i>ban</i> <i>pəsan</i>	<i>pūn</i> <i>pisūn</i>	— <i>vosin</i>	'ладонь', 'оселок'	др.-инд. <i>pāṇiḥ</i> др.-инд. <i>sāṇaḥ</i>
4) <i>dān</i>	— <i>paḏanḡ</i>	<i>ḏān</i> <i>nyḏōin</i>	<i>dān</i> —	'поджаренные зерна', 'ножны'	др.-инд. <i>dhāna-</i> др.-перс. <i>*ni-dāna-</i> ав. <i>nāman-</i>
<i>nām</i>	—	<i>nūng</i>	<i>nim</i>	'нмя'	

Отражение исторически краткого *a*

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
1) <i>xīx</i> <i>ḏīs</i> <i>xīr</i> <i>divi</i> <i>pīs-</i>	<i>xūx</i> <i>ḏūs</i> <i>xəwūr</i> <i>dəvūr</i> <i>paʃ ž-</i>	<i>χaš</i> <i>ḏas</i> <i>χar</i> <i>bār</i> <i>pac-</i>	<i>xōš</i> <i>da</i> — <i>var</i> <i>pac-</i>	'теща', 'десять', 'солнце', 'дверь', 'варить'	ав. <i>xvasru-</i> ав. <i>dasa-</i> ав. <i>xvar-</i> ав. <i>dvar-</i> ав. <i>pak-</i>
2) <i>xīγ</i> <i>xisur</i> <i>χīʃ</i> <i>xīf</i>	<i>xūγ</i> <i>xūsor</i> — <i>xufkē</i>	<i>xūžg</i> <i>χurs</i> <i>yukš</i> <i>xuf</i>	<i>xāžuk</i> <i>xōsbr</i> <i>k(ə)žúk</i> <i>xūf</i>	'сладкий', 'тесть', 'бык', 'пена'	ав. <i>xvarəz-</i> ав. <i>xvasura-</i> ав. <i>uxšan-</i> ав. <i>kafa-</i>
3) <i>dūst</i> <i>vūst</i> <i>wūs</i>	<i>ḏūst</i> <i>vūst</i> —	<i>ḏast</i> <i>vast</i> <i>was</i>	<i>dūst</i> <i>vūst</i> —	'рука', 'связал', 'балка'	ав. <i>zasta-</i> ав. <i>basta-</i> др.-инд. <i>vamśa-</i> др.-инд. <i>varti(kā)-</i>
4) <i>gōrō</i> <i>cōxt</i>	<i>g°iḏ</i> —	<i>wolč</i> <i>čōšt</i>	<i>worc</i> —	'перепел(ка)', 'обед'	др.-инд. <i>caṣati</i> 'iḅt'
<i>vēγz(?)</i> 5) <i>šānd-</i> <i>ancāv-</i> <i>wāf-</i>	— <i>xand-</i> <i>əncāv-</i> <i>waf-</i>	<i>vorzik</i> <i>kand-</i> <i>dāv-</i> <i>wf-</i>	<i>vožd(i)</i> <i>xond-</i> <i>andōrv-</i> <i>if-</i>	'подушка', 'смеяться', 'шить', 'ткать'	ав. <i>bar°ziš-</i> <i>*khand-</i> <i>*(ham)-darb v-</i> <i>wab p-</i>

Отражение исторически краткого *u*, долгого *ū* и дифтонга *au* (или сочетания *aʊ*)

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
<i>u</i> { <i>mut</i> <i>puč</i> <i>sut</i> —	{ <i>mot</i> <i>poč</i> <i>šod</i> <i>sərx</i>	{ <i>myt</i> <i>pətr</i> <i>-šət</i> <i>səkr</i>	{ <i>myt</i> — <i>sbrx</i>	'кулак', 'сын', 'идти', 'красный'	ав. <i>mušti-</i> ав. <i>pūdra</i> ав. <i>šūta-</i> ав. <i>suxra-</i>
<i>ū</i> { <i>ḏud</i> <i>puḏ</i> <i>vud</i> <i>siž</i>					
<i>au</i> { <i>γūγ</i> <i>čibād</i> <i>rūz</i> <i>ḏūz-</i> <i>xūn</i>	<i>γəvon</i> <i>kabəd</i>	<i>γiš</i> <i>kəbit</i>	<i>γūl</i> <i>kūvid</i>	'ухо', 'голубь'	ав. <i>gabša-</i> др.-инд. <i>kapō-</i> <i>ta-</i>
	<i>rəʃon</i> —	<i>ričn</i> <i>ḏic-</i>	<i>rečyn</i> <i>deš-</i>	'окно', 'донить'	ав. <i>raččana-</i> др.-инд. <i>dōg-</i>
	—	<i>šīn</i>	<i>šēn</i>	'зад'	ав. <i>sraōni-</i>

**Отражение исторически краткого *i*,
долгого *ī* и дифтонга *ai***

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
<i>i</i> { <i>ziṽ</i> <i>p. cīp</i>	{ <i>z(ə)veg</i> —	— <i>čyr</i>	{ <i>zṽyūk</i> —	‘язык’ ‘название птицы’	ав. <i>hizva-</i> др.-инд. <i>cippika-</i>
<i>ī</i> { <i>sitir</i>	{ —	<i>ryw-</i> <i>sətrəy</i>	{ <i>pyv-</i> <i>šbc</i> <i>vbrn-</i>	‘пить’ ‘самка’ ‘стричь овец’	др.-инд. <i>pibhati</i> ав. <i>strī-</i> ав. <i>brīn-</i>
<i>ai</i> { <i>xiñ</i> <i>wīn-</i> <i>mēz-</i> <i>safəd</i> <i>(par)wəz-</i>	{ <i>šin</i> <i>wīn-</i> <i>miz-</i> <i>sapid</i> <i>(par)wiz-</i>	{ <i>vrin-</i> <i>šin</i> <i>wīn-</i> <i>mīz-</i> — <i>pirvic-</i>	{ — <i>wən-</i> — <i>(e)spēd</i> <i>-bez</i>	‘синий’ ‘видеть’ ‘мочиться’ ‘белый’ ‘просенвать’	ав. <i>axšaēna-</i> ав. <i>vaēn-</i> ав. <i>maēz-</i> ав. <i>spaēta-</i> ав. <i>vaēk-</i>

[49]. Выше мы приводим основные типы соответствий гласных фонем, отмеченные В. С. Соколовой для шугнанского и язгулемского языков, распространяя эти соответствия на ваханский и ишкашимский языки.

Как следует из приведенных соответствий гласных фонем, наибольшее количество различных межязыковых и внутриязыковых трансформаций выпало на долю исторического долгого *ā* и краткого *a*. В ваханском языке, например, эти две гласные фактически могут давать любую гласную (*u, o, y, a, ə*, реже *ī*), кроме дифтонгов. Интересная картина наблюдается в соответствиях гласных переднего и заднего рядов. Во всех языках, кроме ваханского, развитие исторических *ū, u*, с одной стороны, и *ī, i* — с другой, шло по линии слияния каждой из этих пар в определенную для каждого языка гласную фонему (др.-ир. *u, ū* > шугн. *u*, язг. *o*, ишк. *o*; др.-ир. *i, ī* > шугн. *i*, язг. *ə*, ишк. *ə*). В ваханском же языке эти пары гласных фонем в процессе развития, наоборот, разошлись, а слияние произошло для др.-ир. *ū* и дифтонга *au*, которые дали в вах. *i*, и др.-ир. *ī* и дифтонга *ai*, которые также дали в вах. *i* (дифтонг *ai* — к тому же и *ī/ē*). Исторически же краткие *u* и *i* перешли в ваханском в гласные смешанного ряда *u, ə*.

§ 2. В консонантизме сходство проявляется в наличии следующих фонем: смычных *p, b, t, d, k, g, q*; аффрикат *c, ʃ, č, j*; щелевых *f, v, s, z, š, ž, x, ɣ*; сонантов *w, y, m, n, l, r*. Шугнано-рушанская группа сверх того включает пару заднеязычных щелевых *č*—*ʃ* и плюс два плоскощелевых переднеязычных *ð* и *ð̣*. В ишкашимском консонантизме нет присущих шугнано-рушанской группе *ð, ð̣, č, ʃ*, но имеется ряд церебральных согласных: *t, d, č, š, ž, l*. К ишкашимскому консонантизму близок мунджанский. Ваханский консонантизм включает все то, что имеется в шугнано-рушанской группе, и плюс к этому церебральные согласные, имеющиеся в ишкашимском, с добавлением церебрального *j*. В язгулемском, как и в шугнано-рушанской группе нет церебральных согласных, но в отличие от всех памирских языков в язгулемском имеется фонологический ряд огубленных заднеязычных и увулярных согласных: *x°, ɣ°, č°, q°, k°, g°*.

Большинство согласных фонем артикуляторно и акустически совпадают по языкам. Но есть и некоторые различия. Так, например, смычные *k* и *g* в одних языках (шугнанский, рушанский, ваханский, ишкашимский) являются заднеязычными, в других (в диалектах собственно рушанского, хуфском и мунджанском) — среднеязычными. А в язгулемском языке эти разновидности фонем *k* и *g* уже фонологически противопоставлены (*kār* ‘дело, работа’ — *kār* ‘глухой’).

Приводим некоторые примеры соответствий в области консонантизма.

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
<i>čān-</i>	<i>kan</i>	<i>kyñ-</i>	<i>kan-</i>	'копать'	ав. <i>kan-</i>
<i>čibūd</i>	<i>kabəd</i>	<i>kābit</i>	<i>kūvid</i>	'голубь'	др.-инд. <i>kapōta-</i>
<i>čēd</i>	<i>kāg čāg</i>	<i>kāž</i>	<i>keļ</i>	'нож'	* <i>kārti-</i>
<i>čavōr</i>	—	<i>čabūr</i>	<i>čəfur</i>	'четыре'	ав. * <i>čawār-</i>
<i>žōw</i>	<i>γew</i>	<i>γōiw</i>	<i>γu</i>	'корова'	* <i>gāvā-</i>
<i>žīr</i>	<i>γār</i>	<i>γār</i>	—	'камень'	ав. <i>gairi-</i>
<i>γūγ</i>	<i>γəvon</i>	<i>γiš</i>	<i>γūļ</i>	'ухо'	ав. <i>gaōša-</i>
<i>šār</i>	<i>xūr</i>	<i>xūr</i>	<i>xūr</i>	'осел'	ав. <i>xarā-</i>
<i>xīf</i>	<i>xufk</i>	<i>xuf</i>	<i>xūf</i>	'пена'	ав. <i>kafa-</i>
<i>xīj</i>	<i>x°ān(?)</i>	<i>yukš</i>	<i>k(ə)žūk</i>	'бык'	ав. <i>uxšan-</i>
<i>tēx-</i>	<i>taw-</i>	<i>təš</i>	<i>tuļ-</i>	'тесать'	ав. <i>taš-</i> , <i>θwārəs-</i>
<i>divi</i>	<i>dəvūr</i>	<i>bār</i>	<i>var</i>	'дверь'	ав- <i>dvar-</i>
<i>dīs</i>	<i>dūs</i>	<i>das</i>	<i>da</i>	'десять'	ав. <i>dasa-</i>
<i>dūst</i>	<i>dūst</i>	<i>dast</i>	<i>dust</i>	'рука'	ав. <i>zasta-</i>
<i>aray</i>	<i>cūy</i>	<i>truy</i>	<i>rūy</i>	'три'	ав. <i>θray</i>
<i>puç</i>	<i>roc</i>	<i>pətr</i>	—	'сын'	ав. <i>pūbra</i>
<i>pīs-</i>	<i>pa j ž-</i>	<i>pac-</i>	<i>pac-</i>	'варить'	ав. <i>pak-</i>
<i>pōd</i>	<i>pēd</i>	<i>pūid</i>	<i>pu(d)</i>	'нога'	ав. <i>pād-</i>
<i>vrōd</i>	<i>vrəd</i>	<i>vruūt</i>	<i>vru(d)</i>	'брат'	ав. <i>brātar-</i>
<i>vōγz</i>	<i>vəz</i>	<i>vərz</i>	<i>vəždūk</i>	'длинный'	ав. <i>barəz-</i>
<i>vēγzn</i>	<i>vawz</i>	<i>fūrz</i>	<i>bərbž</i>	'береза'	* <i>bārz(ni)</i>
<i>wōx</i>	<i>wəx</i>	<i>wiš</i>	<i>wuš</i>	'травя'	ав. <i>vāstra-</i>
<i>win-</i>	<i>win-</i>	<i>win-</i>	<i>wen-</i>	'видеть'	ав. <i>vaēn-</i>
<i>wēd</i>	<i>wād</i>	<i>wōd</i>	—	'канал'	ав. <i>vaβi-</i>
<i>nām</i>	—	<i>nūng</i>	<i>nim</i>	'имя'	ав. <i>nāman</i>
<i>mez-</i>	<i>miz-</i>	<i>mīz-</i>	—	'мочиться'	ав. <i>maēz-</i>
<i>sītir</i>	—	<i>sətrəy</i>	<i>šbc</i>	'самка'	ав. <i>strī-</i>
<i>sīz</i>	—	<i>sic</i>	—	'иголка'	ав. <i>sūkā-, sūci</i>
<i>xūn</i>	—	<i>šin</i>	<i>šen</i>	'зад'	ав. <i>sraōni-</i>
<i>sūt</i>	<i>šod</i>	—	<i>šbd</i>	'идти'	ав. <i>šāta-</i>
<i>pi sūn</i>	<i>pəšən</i>	<i>p(ə)šin,</i>	—	'заплата'	* <i>upa-š(y)awna-</i>
<i>si pin</i>	—	<i>išn</i>	<i>špən</i>	'железо'	* <i>spana-</i>
<i>xītēr z</i>	<i>x(ə)tarag</i>	<i>sətr</i>	<i>strūk</i>	'звезда'	ав. <i>star-</i>
<i>xīr</i>	<i>xəwūr</i>	<i>xar</i>	—	'солнце'	ав. <i>xvar-</i>
<i>xīx</i>	<i>xūx</i>	<i>xəš</i>	<i>xəš</i>	'теща'	ав. <i>xvasru-</i>
<i>yax</i>	<i>x°arg</i>	<i>xby</i>	<i>ixo</i>	'сестра'	ав. <i>xvanhar-</i>
<i>a-sīd</i>	<i>a-sūd</i>	<i>a-sərd</i>	<i>a-sol</i>	'этот год'	ав. <i>sarəd-</i>
<i>gōrō</i>	<i>g°iō</i>	<i>wolč</i>	<i>worc</i>	'перепел(ка)'	др.-инд. <i>vartī(kā)-</i>

Как видно из приведенного списка слов, наибольшее число архаических черт присуще ваханскому языку. Ваханский язык более последовательно сохраняет исторические начальные, конечные и интервокальные *p*, *t*, *k*, консонантную группу *tr*, в ряде случаев — древние группы *rd*, *rt*, а также более последовательно сохраняет группы *rs*, *rz*.

МОРФОЛОГИЯ

Имена существительные и прилагательные

§ 1. В системе имени существительного общим для всех памирских языков является наличие категории числа. Форма единственного числа имени совпадает с основной: шугн. *pic*, язг. *roc*, ишк. *zas*, вах. *pətr*, мундж. *pūr* — сын. Множественное число образуется прибавлением к основе следующих наиболее употребительных суффиксов: 1) шугн. *-en* (иногда к тому же с перегласовкой основы) — *pacen* сыновья; 2) язг. *-en* употребляется только при лицах: *pacen* 'сыновья',

а суффиксом более широкого употребления является *-aḍ*: *kalxozčīaḍ* 'колхозники', *vəzaḍ* 'козы'; 3) ишк. *-ɸn* также употребляется главным образом при лицах (*zasɸn* 'сыновья'), а универсальным суффиксом множественного числа является *-o*: *kalxozčīo* 'колхозники', *vəzo* 'козы'; 4) вах. *-iṣ(t)*: *pātriṣt* 'сыновья', *būčiṣt* козы; 5) мундж. *-ī*: *pūrī* 'сыновья', *vəzī* 'козы'.

Различно вокализованный суффикс множественного числа *-n* (в шугнано-рушанской группе, кроме сарыкольского, в язгулемском и ишкашимском языках) восходит к древнему родительному на *-ānām*. Язгулемский же суффикс *-aḍ*, как известно, возводится исследователями к древнеиранскому суффиксу собирательной множественности *-θwa* (др.-инд. *-tva*, ср. др.-инд. *bhrātrtvam* братство).

Что касается ваханского суффикса множественного числа *-iṣ(t)*, то, насколько нам известно, до сих пор в специальной литературе не встречалось никаких гипотез относительно его происхождения. Р. Готью и П. Тедеско сопоставляли его с согдийским *-yšt*, не углубляясь в его историю. Анализ ваханского материала дает возможность возводить его к древнеиранскому суффиксу собирательной множественности **-spa* с суффиксальным наращением *-ta* (последний, по-видимому, из *-θwa*, но может быть, и из **-ta*), где элемент *-sp* = др.-инд. *śv* = и.-е. *ḱʷ* (ср. вах. *yaṣ* 'лошадь', *šač* 'собака'). Гласный ваханского суффикса закономерно продолжает тематическую гласную *-ā* (ср. вах. *iṣn* 'железо'). Элемент *-spa* как показатель собирательной множественности можно усматривать в др.-ир. *vīspa* 'весь, все'. Это слово, как нам представляется, можно расчленить на *vāya* 'оба' и *-spa*, т. е. 'оба' (во множественном числе). Такая интерпретация др.-ир. *vīspa* приводится и Ю. Покорным (см.). Любопытно отметить, что вариант древнеиранского суффикса собирательной множественности **-spa* представлен в одном из неиранских языков в виде *-kpa* (очевидно, в языке группы *centum*). И. И. Зарубин в своей работе «Вершикское наречие канджутского языка» (Л., 1927) на стр. 280 пишет: «...арийское население Драса... известно у своих соседей под именем *brusa* или *brokpa*.... Эти наименования представляют одно и то же племенное имя *ver* или *bur*...».

В большинстве диалектов шугнано-рушанской группы и в язгулемском языке ряд слов (чаще термины родства) имеют особые суффиксы множественного числа: шугн. *-ērj*, руш. *-ērj*, барт. *-ārj*, *-ērj*, *-ōrj*, *-ōrj*, язг. *-ežg*, например: шугн. *dōdērj*, руш. *pidērj*, барт. *pidārj* — 'отцы', руш., барт. *nanērj*, язг. *nanežg* — 'матери', руш. *ma-ḱōrj* 'смесь гороха со злаковыми', язг. *zətmēžg* 'поля', а также суффикс *-ār*: шугн., руш., барт. *vīrōdār* (барт. *vīrōdārj*) 'братья', руш. *karyār* 'рабочие-поденщики', язг. *dərdar* 'дочери' (ср. также ишк. *vrudar-ɸn* 'братья').

Что касается язгулемского суффикса *-ežg*, то он, вполне возможно, имеет генетическую связь с ваханским *-išt*. Древнеиранская группа *sp*, отразившаяся в ваханском как *š*, в язгулемском могла давать *š* (из более раннего* *s*). Но если в ваханском этот суффикс получил наращение в виде *-t*, то в язгулемском — *-g* (**-ka*).

Гласный элемент язгулемского суффикса *-ežg* закономерно продолжает тематическую гласную *-ā* (ср. язг. *peḍ* 'нога', *weḱ* 'трава', *ṭew* 'бык').

Есть и другая возможность в объяснении язгулемского суффикса *-ežg*, а именно: из **-ā-saka*, где элемент **-sa* < др.-инд. *-śa* (ср. др.-инд. *palāśa* 'листва').

Что касается шугнано-рушанского суффикса *-ār* и суффикса «глас-

ны $\dot{a}+rj/j$ », то нам представляется, что они одного происхождения, только первый из них представлен в неосложненном виде, а второй — с наращением $-z/j$, также выражавшим множественность (ср. б. $\dot{y}an\bar{e}z$ 'жены'). Исторически первый компонент этого суффикса, возможно, продолжает древнеиранский показатель собирательной множественности $-\bar{d}ra$ (ср. руш. $ar\bar{d}\bar{o}n < *\bar{a}tra-d\bar{a}na$, $aray < av. \bar{d}ray$). Таким образом, если бы мы попытались спроецировать на древнеиранскую почву слово $vir\bar{o}dar$ (шугн., руш., барт.) 'братья', то оно, по-видимому, должно было бы иметь следующий вид $*bratr-\bar{d}ra$ (ср. ав. $r\bar{c}uru-br\bar{a}d\bar{r}a-$, $br\bar{a}tra-vant-$). Предположение некоторых исследователей о происхождении формы множественного числа слова «брат» в языках шугнано-рушанской группы и в сангличском [55, 338; 37, 34] от древней формы множественного числа именительного падежа $*br\bar{a}tarah$ не дает ответа на вопрос, откуда появилась долгота в гласном a в слове $vir\bar{o}dar$ 'братья'. А хуфский и бартанский варианты этого слова — $vir\bar{o}darz$ 'братья' — делает это предположение еще более сомнительным. Немаловажным фактом, идущим в противоречие с этим же предположением, является и то, что для памирских языков, сравнительно, например, с персидским языком, не было характерно сохранение основ на $-ar$ (ср. шугн., руш., барт. pid 'отец'; шугн., руш., барт. $vir\bar{o}d$, вах. $vryt$, ишк. $vru(d)$, язг. ved , м. $v\bar{e}roy$ 'брат'; вах. $\bar{d}\bar{e}\dot{d}$, язг. $\bar{d}\bar{o}rd$, ишк. $w\bar{u}d\bar{u}rd$ 'дочь'; шугн., руш., барт. uax , вах. $\dot{x}yu$, ишк. $\dot{ix}$ 'сестра'). Наконец, есть еще одно соображение, опровергающее приведенную гипотезу о происхождении суффикса $-\bar{a}r$. Если принять предположение о составе др.-ир. слова $v\bar{i}spa$ 'весь, все' ($< va\bar{a}a-$ 'оба' + показатель собирательной множественности $*-spa$), то, следовательно, можно полагать, что и шугн. $var\bar{d}$, сар. $ver\bar{d}/t$ 'оба' (и, очевидно, шугн. $f\bar{u}k(a\bar{d})/b\bar{u}q(a\bar{d})$ 'весь, все') состоит из $*va+r\bar{d}$, где $va-$ $< av. va-$ 'оба', а $-r\bar{d} < *-\bar{d}ra-\bar{d}wa$, где $-\bar{d}ra$ и $-\bar{d}wa$ — суффиксы собирательной множественности. Такое же нанизывание суффиксов мы видели и в вах. $-i\dot{s}(t) < *-a-spa-ta$, и в язг. $-e\dot{z}g < *-\bar{a}spa-ka//*-\bar{a}sa-ka$, и в шугн.-руш. 'гласны $\dot{a}+rj/j$ ' $< *-\bar{a}-\bar{d}ra-k\bar{a}$; или ср., например, руш. $rast-ay-\bar{e}n\bar{z}$ 'правда' (два суффикса абстрактности). Таким образом, если действительно в шугн. $var\bar{d}$ содержится тот же суффиксальный компонент $-r-$, что и в шугн.-руш. суффиксе $-\bar{a}r$ и в суффиксе 'гласны $\dot{a}+rj/j$ ', то тогда тем более нет необходимости прибегать к увязыванию суффикса $-\bar{a}r$ с формантом древнего именительного падежа $-ah$ от основ на $-ar$.

Как уже было сказано выше, неосложненный вариант этого суффикса множественного числа ($-\bar{a}r < *-\bar{a}dra$) отмечен в языках шугнано-рушанской группы в слове $vir\bar{o}dar$ 'братья', возможно, также в руш. $kary\bar{a}r$ 'рабочие-поденщики' (и, может быть, в шугн. $var\bar{d}$ оба). Но зато очень широко представлен этот суффикс в ряде диалектов Ирана в виде $-al:\bar{a}damal$ 'люди', $xarfal$ 'слова' (в диалектах Фарса). Остаточный он сохраняется и в тадж. $\bar{c}angol$ 'когти' ($\bar{c}ang$ 'коготь').

Осложненный же вариант суффикса $-\bar{a}r$ (т. е. 'гласны $\dot{a}+rj/j$ ') отмечен для большего количества слов в языках шугнано-рушанской группы: шугн. $d\bar{o}d\bar{e}r\bar{z}$, руш. $pid\bar{e}r\bar{z}$ (наряду с $pi\bar{d}\bar{e}n$), барт. $pid\bar{a}r\bar{z}$ 'отцы', руш., хуф. $pa\bar{c}\bar{e}r\bar{z}$ (наряду с руш. $pac\bar{e}n$), барт. $pa\bar{c}\bar{a}r\bar{z}$ 'сыновья', руш. $\dot{y}an\bar{e}r\bar{z}$ (наряду с $\dot{y}an\bar{e}n$), барт. $\dot{y}an\bar{a}r\bar{z}$, $\dot{y}an\bar{o}rj/j$ 'жены', руш. $ma\dot{x}\bar{o}rj$ 'смесь гороха со злаковыми' (ед. ч. $ma\dot{x}$), но ср. руш., барт. $uax\bar{z}\bar{e}n$, барт. $uax\bar{z}\bar{o}n$ 'сестры'.

Вариант шугнано-рушанского суффикса «гласны $\dot{a}+rj/j$ », возможно, точно сохраняется в вах. $\dot{y}\bar{a}d\bar{u}rg$ 'стадо яков' и в язг. $\dot{x}\bar{a}ter\dot{g}$ 'персиковое дерево'.

В сарыкольском, ваханском и мунджанском языках, где различаются две падежные формы в имени существительном — прямая и косвенная, имеются особые показатели множественного числа и для косвенной формы: вах. *-əv*, сар. *-əf*, мундж. *-af*. Все эти суффиксы восходят, как это уже установлено, к др.-ир. форманту дательного падежа множественного числа *-byā*, *-byō*.

§ 2. Если категория числа свойственна всем без исключения памирским языкам, то категория падежной формы в системе имени существительного присуща более узкому кругу этих языков: она сохраняется до сих пор только в ваханском, мунджанском и в одном из языков шугнано-рушанской группы — сарыкольском. В этих трех языках в настоящее время различаются две падежные формы: прямая и косвенная, причем в ваханском и сарыкольском языках это различие выражено формально только во множественном числе (вах. показатель *-əv*, сар. *-əf*), в единственном числе имя ни в том ни в другом языке никак не оформлено. В мунджанском же языке и в единственном и во множественном числе для каждой из двух падежных форм имеются свои показатели: *-əy*, *-a* (ед. ч. пр. ф.), *-an*, *-in* (ед. ч. косв. ф.) и *-i* (мн. ч. пр. ф.), *-af* (мн. ч. косв. ф.). Форманты множественного числа во всех этих языках (вах. *-əv*, сар. *-əf* и мундж. *-af*), как уже отмечалось, имеют общее происхождение. Мунджанское окончание множественного числа прямой формы *-i*, возможно, общего происхождения с таким же окончанием в пушту (на это указывает и И. И. Зарубин [8]). Что же касается мунджанских окончаний *-an*, *-in*, то происхождение их объясняется по-разному [8].

В отношении употребления падежных форм памирские языки полностью совпадают: прямая падежная форма употребляется в прямых синтаксических позициях (подлежащее, именное сказуемое), а косвенная форма — в косвенных синтаксических позициях (а в тех языках, где различается спряжение переходных и непереходных глаголов в прошедших временах, косвенная форма употребляется также в функции подлежащего при переходном глаголе).

Помимо предлогов и послелогов, широко используемых во всех памирских языках (см. стр.) при имени в косвенной форме, в ряде памирских языков употребляются аффиксальные уточнители (или конкретизаторы) косвенной позиции имени во фразе. Так, в ваханском, ишкашимском и сарыкольском языках употребительны показатели прямого дополнения: вах. *-i//əy* [*pātr-i* (*pātrəv-i*)*wīnəm*], ишк. *-i* [*zās-i* (*zāsín-i*) *wépnəm*], и сар. префикс *a-* [*a-pýc* (*a-pýcéf*) *wéynəm* 'вижу сына (сыновей)']. Ваханский и ишкашимский показатели прямого дополнения, очевидно, имеют одно происхождение. Сарыкольский же показатель *a* ≠ не только не связан с ними генетически (вероятно, из *az*, др.-перс. <*hača-*>), но и типологически несколько отличается от соответствующих служебных элементов в ваханском и ишкашимском языках. Сарыкольский показатель *a* ≠ (как и вообще любой препозитивный служебный элемент) в случае его употребления при именном словосочетании оформляет не словосочетание в целом, а только имя — определяемое. Так, выражение 'я вижу своего сына' будет: сар. *waz xy a-pýc wéynəm*, вах. *wuz xy pātr-i wīnəm*, ишк. *azí xí zās-i wépnəm*. Таким образом, в данном случае сарыкольский имеет довольно существенное отличие не только сравнительно с ваханским и ишкашимским, но и со всеми остальными памирскими языками.

Другим уточнителем косвенной позиции имени является показатель определения (по принадлежности), отмеченный для ваханского (*-i*) и язгулемского (*-i*) языков. Так, например, выражение 'дом сына'

(сыновей)' передается так: в вах. *pətr(i)* [*pətrəv(i)*] *xūn*, в язг. *pəc-i* (*pacēn-i*) *kūd*. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем не только типологическое, но и генетическое сходство (*ǝ* < **-hya*). Следует, однако, заметить, что в ваханском языке так же, как в языках шугнано-рушанской группы и ишкашимском языке, связь определения по принадлежности (как и любого другого) с определяемым чаще все же осуществляется простой препозицией определения: вах. *pətr* (*pətrəv*)*xūn*, шугн. *puc* (*pacēn*) *čīd*, ишк. *zas* (*zasəv*) *xur* 'дом сына (сыновей)'. В этих же языках употребителен и другой (аналитический) способ связи принадлежностного определения с определяемым: вах. *pətr-an* *uaw xūn*, сар. *pəc-an wī čed*, ишк. *zas-noy*, (*zas-no+i*) *xur* 'дом сына' (букв. 'сына, его дом'). В данном случае мы имеем типологическое и генетическое ваханско-шугнано-ишкашимское сходство. Мунджанский язык в этом отношении стоит особняком. Имя в функции принадлежностного определения в нем употребляется в косвенной падежной форме, но постпозитивно (хотя другие типы определений — препозитивно) и снабжено к тому же предлогом *ža* (< *ha-ča): *k'au ža pūgan* 'дом сына'.

§ 3. Категория рода свойственна еще более узкому кругу памирских языков: шугнано-рушанской группе (кроме сарыкольского) и мунджанскому. Но общность эта, по-видимому, только типологическая. В языках шугнано-рушанской группы род (имеется в виду морфологический аспект) выражается преимущественно изменением корневой гласной (руш. *nabūs* 'внук' — *nabēs* 'внучка', *čix* 'петух' — *čax* 'курица', *šur* 'осел' — *šar* 'ослица'), а в мунджанском — в основном окончаниями, хотя встречается и способ перегласовки (*nawəs* 'внук', — *nawəs-a* 'внучка', *kəvəu* 'петух' — *kəvəu-a* 'курица', но *xara* 'осел' — *xəra* 'ослица'). Другое отличие состоит в том, что в шугнано-рушанской группе языков имена, не связанные с различием пола, вне фразы в отношении рода нейтральны (а во фразе могут относиться либо к мужскому, либо к женскому роду в зависимости от родовой принадлежности относящегося к имени глагола (см. в разделе «Глагол») или указательного местоимения, в мунджанском же языке и эта группа слов вне фразы разделена на роды [*šxiy* (м. р.) 'шея', *šična* (ж. р.) 'иголка' и др.]. В мунджанском разделение имен на роды отражается и на падежной флексии единственного числа (пр. пад. м. р. -əy, -a, ж. р. -a, косв. пад. м. р. -an, ж. р. -in). Таким образом, по степени развитости категории рода мунджанский не может быть сравнен ни с одним из памирских языков. В этом отношении он сближается с пушту.

В других памирских языках в настоящее время встречаются только остатки родовых различий (вах. *xəvūn* 'племянник' — *xəvūn* 'племянница', ишк. *wūrək* 'ягненок' — *werək* 'ярка', язг. *nabes* 'внук' — *nabās* внучка).

§ 4. Имя прилагательное в функции определения во всех памирских языках препозитивно, причем оно не изменяется ни по числам [вах. *baf pətr* (*pətrišt*), шугн. *bašənd puc* (*pacēn*), язг. *xasəyi pəc* (*pacēn*), мундж. *γasəy pūr* (*pūri*), ишк. *fri zas* (*zasəv*) 'хороший сын (сыновья)'], ни по падежным формам (вах. *baf pətrəv-ərk*, сар. *čarj pəcəf-ir*, мундж. *na γasəy pūraf* 'хорошим сыновьям'), ни по родам (шугн. *bašənd puc*, мундж. *γasəy pūr* 'хороший сын' — шугн. *bašənd riziŋ*, мундж. *γasəy lūrdā* 'хорошая дочь'), за исключением нескольких слов в языках шугнано-рушанской группы (см. ниже).

Общим для всех памирских языков является также образование сравнительной степени от качественных прилагательных прибавлени-

ем суффиксов: вах. *-tār*, шугн., руш. *-di* (барт. *-dōr*. сар. *-dér*), язг. *-dūr*, ишк. *-tār*, мундж. *-dār* < **-tara*, например: вах. *vəzrtār*, шугн. *vō|ū|ǰdi*, язг. *vəzdūr*, ишк. *vəždūktar*, мундж. *vaŋgdəg* 'длиннее'.

Расхождения между языками в области прилагательного наблюдаются в следующем. В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) часть прилагательных изменяется по родам: руш. *rāšt* (ж. р.) *cil* 'красный платок' — *rōšt* (м. р.) *wāwɒn* 'красная шерсть'. В мунджанском языке, где тоже имеется категория рода, родовое различие в прилагательных наблюдается только в случае употребления прилагательного в функции именного сказуемого: *wā pūr ǰašəu* 'этот сын — хороший', *wā lūǰdā ǰáškā* 'эта дочь — хорошая'. В язгулемском языке прилагательное-определение имеет показатель атрибутивности *-i*: *rúšt-i cil* 'красный платок'. Сарыкольское прилагательное-определение при имени, снабженном препозитивным служебным элементом, отделяется им от имени: *carǰ a-pýc* 'хорошего сына', *ləwr ar ǰor* 'в большом городе'.

Числительные

§ 1. Количественные числительные до десяти являются общими для всех памирских языков. Фонетические различия, наблюдающиеся в них, исторически закономерны.

Числительные после десяти в язгулемском, ишкашимском и обычно в языках шугнано-рушанской группы — таджикские (в сарыкольском языке, начиная с пятидесяти — уйгурские), а в ваханском, мунд-

Шугн.	Язг.	Ишк.	Вах.	Мундж.	Перевод	Ав.
<i>yī(w)</i>	<i>wū(ɟ)</i>	<i>ū uk g</i>	<i>yī(w)</i>	<i>yū</i>	'один'	<i>aēva-</i>
<i>du</i>	<i>doɞ</i>	<i>dь(w)</i>	<i>bū(y)</i>	<i>lu</i>	'два'	<i>dva-</i>
<i>aray</i>	<i>cūy</i>	<i>rū(y)</i>	<i>tru(y)</i>	<i>ǰiray</i>	'три'	<i>ðray</i>
<i>cavōr</i>	<i>čer</i>	<i>čьfur</i>	<i>cəbūr</i>	<i>čifūr</i>	'четыре'	<i>čadwār-</i>
<i>pīnz</i>	<i>penǰ</i>	<i>pānǰ</i>	<i>pānǰ</i>	<i>pānǰ č</i>	'пять'	<i>pañca</i>
<i>xōǰ</i>	<i>ǰu(w)</i>	<i>ǰū ǰ </i>	<i>šād</i>	<i>ōxša</i>	'шесть'	<i>xšvaš</i>
<i>(w)ūvd</i>	<i>uvd</i>	<i>uvd</i>	<i>yb</i>	<i>ōvda</i>	'семь'	<i>hapta</i>
<i>waxt</i>	<i>ixt</i>	<i>ot</i>	<i>at</i>	<i>ōškya</i>	'восемь'	<i>ašta</i>
<i>nōw</i>	<i>nu(w)</i>	<i>naw</i>	<i>naw</i>	<i>nāw</i>	'девять'	<i>nava</i>
<i>diš</i>	<i>dūs</i>	<i>da</i>	<i>das</i>	<i>los</i>	'десять'	<i>dasa</i>

жанском, остаточны в некоторых диалектах шугнано-рушанской группы и в меньшей степени в язгулемском (наряду с таджикскими) — свои собственные, причем до двадцати их тип образования в этих языках одинаков: вах. *ǰās-(at) yīw*, мундж. *los-yū*, руш. *ǰos-at yīw*, язг. *dūs-a wūg* — 11. Начиная с двадцати в ваханском, мунджанском и язгулемском языках употребляется двадцатиричная система счисления (вах. *bist-ət yīw*, мундж. *wisto-yū*, язг. *wāst-a wūg* — 21; вах. *bū bist-ə(t) ǰas-ə(t) .pānǰ*, мундж. *lu wisto los-pānǰ|č*, язг. *doɞ wāst-a dūs-a penǰ* — 55), а в некоторых диалектах шугнано-рушанской группы — более древняя, десятиричная система (руш. *ǰaw ǰos-at yīw* — 21, *pīnz ǰos-at pīnz* — 55).

В качестве порядковых в язгулемском и ишкашимском языках используются таджикские числительные, а в остальных языках — обычно свои, образованные от количественных числительных различным вокализированным суффиксом *-m*: руш. *-cavūrum*, вах. *cəbūrəm* 'четвертый'. В некоторых диалектах ваханского количественные числительные образуются суффиксом *-ung*: *cəbūrung* 'четвертый'.

Местоимения

§ 1. Система личных местоимений по языкам различна, хотя отдельные местоимения имеют общее происхождение. В каждом из языков различаются два числа и два лица. В качестве местоимений 3-го лица употребляются указательные местоимения (субстантивные), за исключением язгулемского языка, где произошел почти полный переход указательных местоимений в личные.

Количество местоименных падежных форм в разных языках различно. Наиболее богат местоименными формами ишкашимский язык. В этом языке в каждом лице единственного и множественного числа имеются по три местоименные формы (прямая, объектная, посессивная). Ваханский язык имеет четыре падежные формы для 1-го лица ед. ч. (прямая, две объектные и посессивная), три формы для 2-го лица ед. ч. (прямая, объектная, посессивная) и по две формы для 1-го и 2-го лица мн. ч. В язгулемском языке в единственном числе в каждом лице различается по три формы (прямая, объектная и посессивная), а во множественном — по одной.

Что касается языков шугнано-рушанской группы и мунджанского, но в них в каждом лице единственного и множественного числа (за исключением 1-го л. ед. ч.) представлено по одной форме, а в 1-м лице единственного числа — две.

Язгулемская трехпадежная система личных местоимений имеет тенденцию к переходу на двухпадежную за счет посессивных форм. Это выражается, во-первых, в более узком сравнительно с ваханским и ишкашимским языками круге употребления посессивных форм и, во-вторых, в возможности употребления вместо них местоимений косвенно-объектной формы. Что касается системы личных местоимений ваханского и ишкашимского языков, то обе эти системы типологически очень близки, хотя имеют и небольшие различия (например, в ишкашимском объектная форма местоимений употребляется только после предлогов и изафета, а в ваханском — еще и при некоторых послелогох; в ишкашимском посессивная форма местоимений употребляется при любом послелого, а в ваханском — в основном при именных). Приводим парадигму личных местоимений по языкам (см. табл. 1).

Исторически местоимения прямой падежной формы (вах. *wuz'* ишк. *azí*, шугн. *wuz*, р. *az*, барт. *āz*, сар. *waz*, язг. *az*) закономерно соответствуют авестийской местоименной форме 1-го лица единственного числа именительного падежа *azəm* 'я'.

В основе косвенных форм местоимений 1-го лица единственного числа лежит элемент *ta-*. Ишкашимская посессивная форма *tān*, ваханская объектная *ta-* и язгулемская объектная форма *to/ūn* продолжают древнеиранскую форму местоимения 1-го лица единственного числа родительного падежа *mana*. С этой формой, возможно, связано и язгулемское местоимение *ní* 'мой' (<*manāu-<*manāka; ср. хот.-сакс. притяжательные местоимения 1-го лица ед. числа *mānai*, *matānai*, *māmakā*).

Ишкашимская объектная форма *tak* и ваханская объектная *taž*, по-видимому, продолжают древнеиранскую форму 1-го лица единственного числа винительного падежа *māt* с различным для каждого из этих языков суффиксальным наращением. Ишкашимская форма *tak*, возможно, получилась из *mātak или *mātka (ср. согд. *s'm'k*, *s'm'kh* 'от меня', что полностью соответствует ишк. *сь tak* 'от меня'), а ваханская форма *taž* — из *mātag или *mātga.

Производная от ваханской формы *taž* посессивная форма *žə/ы*

Число	Лицо	Форма	Шугн.	Мундж.	Язг.	Ишк.	Вах.	Перевод	
Единственное	1-е	пр.	<i>wuz</i>	<i>zā ə</i>	<i>az</i>	<i>az(i)</i>	<i>wuz</i>	'я'	
		объект.	<i>mi</i>	<i>mən</i>	<i>mūn,</i> <i>mo-</i>	<i>mak</i>	<i>maž</i>	'меня'	
		посес.					<i>ma-</i>	'мне' и др.	
	2-е	пр.	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tow</i>	<i>t̄</i>	<i>tu</i>	'ты'	
		объект.	<i>tu</i>	<i>tā ə</i>	<i>tu</i>	<i>(tə)ʔak</i>	<i>taw,</i> <i>ta-</i>	'тебя', 'тебе'	
		посес.					<i>ti</i>	<i>ti</i>	<i>ti</i>
Множественное	1-е	пр.	<i>māš</i>	<i>mōx</i>	<i>tox</i>	<i>m̄x(o)</i>	<i>sak</i>	'мы'	
		объект.				<i>m̄č̄v(o)</i>		'нас', 'нам'	
		посес.				<i>m̄š</i>		<i>səpo</i>	'наш'
	2-е	пр.	<i>tama</i>	<i>mōf</i>	<i>tətox</i>	<i>t̄m̄x̄v</i>	<i>sáyīš(t)</i>	<i>sav</i>	'вы'
		объект.					'вас', 'вам'		
		посес.					<i>a-mōf</i>		<i>tətox-i</i>

'мой' (при субстантивном употреблении *žən-*, ср. *žən-ən* 'мое', 'у меня') могла развиться из **mažān(i)* (>**məžən* > *žə*). т. е. из сочетания местоимения *maž* с элементом, указывающим на притяжательность (ср. хот.-сакс. элемент *-nai* в притяжательных местоимениях 1-го лица ед. числа *tatānai*, *mānai*).

Но ваханскую форму *maž* можно было бы считать и заимствованной из индоарийских языков; ср; соответствующие местоимения в хинди *mi*, *mi*, в маратхи *maž*.

Прямая падежная форма местоимений 2-го лица единственного числа всех памирских языков (вах. *tu* ишк. *t̄* шугн., руш., хуф. *tu*, барт. *tū*, сар. *təw*, язг. *tow*) закономерно соответствует авестийской форме местоимения 2-го лица единственного числа именительного падежа *tvəm*, *tūm* (др.-инд. *tuvm*).

Объектная форма местоимений вах. *taw*, *ta-*, ишк. *t̄-*, язг. *tu-*, а также косвенная форма местоимений в языках шугнано-рушанской группы руш., хуф., барт. *tā*, хуф. *taw*, сар. *ty*, *ta* также закономерно соответствуют авестийской форме местоимения 2-го лица единственного числа родительного падежа *tava*.

Посессивная форма местоимений вах. *tī*, ишк. *tī* и язг. *ti*, возможно, продолжает авестийское энклитическое местоимение 2-го лица единственного числа родительного падежа *tōi*, *tē*.

Что касается ишкашимского местоимения объектной формы *fak*, то оно, очевидно, по аналогии с ишкашимским местоимением объектной формы 1-го лица единственного числа *tak* продолжает авестийское местоимение 2-го лица единственного числа винительного падежа *θwāt* (др.-инд. *tvām*). Соответствие древнеиранской группы *θw* ишкашимскому *f* закономерно; ср., например, ав. *čadwārō* > ишк. *čəfur* 'четыре'. Конечный смычный *-k* является суффиксальным наращением (ср. ишк. *ū/uk* 'один'). Но не исключен и другой путь развития ишк. *fak*, а именно: **t(ə)fak* < **tavak* (ср. ав. форму 2-го лица единственного числа родительного падежа *tava*).

Местоимения 1-го лица множественного числа прямой падежной формы ишк. *тəх*, язг. *тох* и шугн.-руш. *māš* закономерно соответствуют авестийской форме личного местоимения множественного числа родительного падежа *ahmākəm*. Что касается соответствующего ваханского местоимения *sak*, то оно, вероятно как и соответствующие местоимения в ряде индоарийских языков, продолжает древнеиндийскую форму личного местоимения множественного числа родительного падежа *asmākam*.

Индоарийский тип представлен и в ваханском посессивном местоимении *s(ə)po* 'наш' (ср. ховарское *ispa* 'мы, наш'). Это местоимение также продолжает древнеиндийскую форму родительного падежа множественного числа, но неосложненную суффиксальным элементом *-k*, т. е. *asma-*, засвидетельствованную в буддийском санскрите. Что же касается несколько своеобразного фонетического развития древнеиндийского сочетания *-sm-*, то оно отмечено также и для сингалезского языка, где оно дало *-p-*, а также для языка орья, где оно дало *-mbh-*. Таким образом, местоименные формы 1-го лица множественного числа *sak* 'мы', 'нас' и *s(ə)po* 'наш' выделяют ваханский из всех памирских языков. Здесь налицо влияние индоарийских языков.

Из местоимений 1-го лица множественного числа нерассмотренными остались две ишкашимские формы: объектная *тəčəv* и посессивная *тə/iš*. Основу этих форм составляет элемент *тə-*, *тi-*, закономерно продолжающий древнеиранскую основу для косвенных форм местоимений 1-го лица множественного числа **ahmā-*. Конечный неударенный слог *-əv* в местоимении *тəčəv* является именным показателем косвенной падежной формы, не употребляющимся теперь при именах (ср. вах. *dəḡd-əv* от *dəḡd* 'дочь'). Его согласный элемент исторически соответствует именной флексии дательного падежа множественного числа *-buā*, а предшествующий ему гласный продолжает гласный основы *-a*. Аффриката *-č-* появилась из *-k-* в положении между гласными передне-смешанного ряда *ь* (ср. ишк. *pyčīn* 'пуля' < **pakān* < **patkān*). Форма же **тək-* имеет, очевидно, то же происхождение, что и ишк. *тəх* 'мы' (см. выше).

В основе ишкашимской посессивной формы *тə/iš*, как уже было сказано выше, лежит древнеиранская основа *ahmā-*. В конечном шипящем *-š* можно было бы видеть либо древнеиранское окончание множественного числа родительного падежа для указательных местоимений (ср. ав. *avaēšəm* 'тех'), либо древнеиранскую именную флексию множественного числа местного падежа *-(i)šū* (ср. ав. *aspaēšu*).

Общей характерной особенностью местоименных форм 2-го лица множественного числа является образование их от корневого элемента единственного числа *ta-* (в ваханском, возможно, **tu-*). Как известно, в древнеиранских языках этот элемент как компонент местоименных форм 2-го лица множественного числа не засвидетельствован. Но он широко представлен в этих формах в среднеиндийских языках (ср. форму родительного падежа множественного числа в северо-западном пракрите

tusmakam) и в новоиндийских (ср. хинди, урду *tum*, раджастан *tam*, пахари *tusse*). Аналогичная форма засвидетельствована и в санскрите для родительного падежа *tuṣme*. Основообразующий элемент для местоименных форм 2-го лица множественного числа так же, как и для ваханских местоименных форм 1-го лица множественного числа, восходит к древнеиндийскому *-sma*. Причем в ваханских формах он представлен в виде *-sa-*, а в остальных памирских языках — в виде *-ma-*.

Конечный согласный местоименных форм 2-го лица множественного числа шугн.-руш. *tamā(š)*, язг. *tətox*, ишк. *тьмъх* указывает на происхождение их от формы родительного падежа (по аналогии с шугн.-руш. *māš*, язг. *tox*, ишк. *тмъх* < ав. *ahmākəm*). Таким образом, если бы мы попытались чисто гипотетически восстановить древнеиранскую праформу местоимений шугн.-руш. *tamā(š)*, язг. *tətox* и ишк. *тьмъх*, то она имела бы следующий вид **tahmākəm*.

Что касается ишкашимской объектной формы *тьмъхъв*, то она, в отличие от прямой падежной формы *тьмъх* 'вы', имеет дополнительный суффиксальный элемент *-ъв*, который исторически продолжает именную флексию дательного падежа множественного числа ав. *-byā/ō*.

То же самое можно сказать и относительно язгулемской поссивной формы *tətoxi* 'ваш'. Суффиксальный элемент *-i* — это общий для язгулемского показатель определения по принадлежности (ср. *ded-i kūd* 'дом отца', *cəldūr-i vred* 'младший брат').

Конечный согласный местоименных форм 2-го лица множественного числа вах. *sav* и мундж. *mōf* отражает именную флексию дательного падежа множественного числа. Таким образом, на индоиранской почве эти местоимения имели бы вид **tasmābyā*. Элемент *-(y)iš(t)* в ваханской форме *sāyiš(t)* 'вы', в которой основа *sa-* также образовалась из **tasma-*, представляет собой показатель множественного числа прямой падежной формы, широко употребляющийся в языке.

§ 2. Указательные местоимения во всех памирских языках делятся на три ряда (два ряда местоимений в язгулемском языке — явление сравнительно позднее) в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний (характеризуется элементом *-w/-v-*, ср. ав. *hauv*, *ava-*), средний (характеризуется элементом *-t/d*, ср. ав. *aēta-*, *idā*) и ближний (характеризуется элементом *-m-*, ср. ав. *iyam*, *aēm*, *ima-*). Различно вокализованные и различно преобразованные в каждом из языков в зависимости от числа, падежной формы, рода (для тех языков, где эта категория имеется) и субстантивного или адъективного их употребления, эти элементы создают особую для каждого из языков систему указательных местоимений.

Почти во всех памирских языках имеется различие между субстантивными и адъективными указательными местоимениями (за исключением некоторых диалектов шугнано-рушанской группы). В большинстве языков адъективные указательные местоимения — это неизменяемые формы, совпадающие внешне с формами единственного числа субстантивных местоимений (вах. *ya*, сар. *uy*, *wi*, мундж. *wā/ə*, язг. *yi*, ишк. *a(w)*, *wa* — для дальнего ряда; вах. *yət*, сар. *yad*, *di*, мундж. *yā/ə*, язг. *du*, ишк. *ad*, *da* — для среднего ряда; вах. *yəm*, сар. *yam*, *mi*, мундж. *ma/ə*, ишк. *am*, *ma* — для ближнего ряда). В ишкашимском и сарыкольском языках для адъективных местоимений различаются две падежные формы: прямая (ишк. *am*, *ad*, *aw*; сар. *uy*) и косвенная (ишк. *ma*, *da*, *wa*; сар. *wi*, *di*, *mi*).

Указательные местоимения в языках шугнано-рушанской группы, ваханские, язгулемские и мунджанские субстантивные указательные

местоимения имеют две падежные формы (прямую и косвенную), различающиеся в языках шугнано-рушанской группы и в мунджанском языке как в единственном [шугн. *yu—wi* (м. р.), *yā—wam* (ж. р.), м. *wā/ə—wan* (м. р.), *wip* (ж. р.)], так и во множественном числе (шугн. *wāḍ—wev*, мундж. *wau—waf*), в ваханском языке — только во множественном числе (пр. ф. ед. ч. *ya/ow*, пр. ф. мн. ч. *ya(w)išt* — косв. ф. *yav*), а в язгулемском, наоборот, — только в единственном числе [пр. ф. *u* — косв. ф. *wau* (м. р.), *im* (ж. р.)]. В ишкашимском языке субстантивные указательные местоимения имеют три падежные формы (прямую, объектную и посессивную), различающиеся как в единственном [*awí, wɔn, (y)í*], так и во множественном числе [*awónd(on), wánpvo, (y)iv*].

В языках шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского), в язгулемском и мунджанском языках местоимения в косвенной падежной форме единственного числа изменяются по родам: мужскому и женскому (шугн. *wi-* — *wam*, язг. *wau* — *im*, мундж. *wan* — *win*). В шугнанском языке это различие поддерживается и в прямой форме единственного числа, но только для местоимений дальнего ряда (м. р. *yu* — ж. р. *yā*).

Таким образом, наиболее богата формами система указательных местоимений ишкашимского языка (два числа и три падежные формы для субстантивных местоимений и две падежные формы для адъективных местоимений, и все это для каждого из трех рядов местоимений). Наименее богата формами система указательных местоимений (точнее, личных 3-го лица) язгулемского языка, поскольку в ней утрачен ближний ряд местоимений. Правда, в язгулемском имеются еще два субстантивных указательных местоимения: *yuk* 'этот', *duk* 'тот'. Отсутствие категории рода в ваханском языке ставит его по количеству форм указательных местоимений на второе место после язгулемского.

§ 3. Возвратно-определятельное местоимение во всех памирских языках, кроме ишкашимского и мунджанского, представлено двумя падежными формами: прямой (шугн. *xúbaḍ*, вах. *ḫat*, язг. *xūd* 'сам') и косвенной (шугн. *xi*, вах. *ḫy*, язг. *xi* 'свой'). В ишкашимском языке различаются три падежные формы: прямая [*xá(d)ak*], объектная [*xɔ(f)sar*] и посессивная (*xi/e*). В мунджанском языке имеется одна форма *xəu*.

Генетическая общность форм возвратно-определятельного местоимения во всех памирских языках очевидна: все они восходят к древнеиранской основе *x^va-* 'свой', *x^vata-* 'сам'.

§ 4. Почти все вопросительные местоимения в памирских языках имеют общее происхождение. Местоимение 'кто' в шугнано-рушанской группе (за исключением бартангского и орошорского) и в ваханском языке представлено двумя падежными формами: шугн. *čāu—čī*, вах. *kūy—kī*. В остальных языках имеется только одна форма: ишк. *kūy*, язг. *kī*, мундж. *kəu*.

Функциональное распределение падежных форм вопросительного местоимения 'кто' в языках шугнано-рушанской группы и в ваханском языке не совпадает. Шугнанское *čāu* употребляется только в прямых синтаксических позициях (*čāu yaḍč?* 'кто приехал?'), а ваханское *kūy* — и при выражении объекта (*kūy wəzɡ?* 'кто приехал?'; *kūy q'aw sarəm?* 'кого мне позвать?'). Шугнанское *čī* употребляется во всех косвенных позициях (*čī q'awum?* 'кого мне позвать?'; *yam čī čid?* 'это чей дом?'). Ваханское *kī* употребляется посессивно (*yəm kī xūn?* 'это чей дом?').

Местоимения 'что' (шугн. *čiz*, вах. *čiz/ciz*, ишк. *čiz*, язг. *čig*,

мундж. *cis*) и 'какой' (шугн. *čidūm*, вах. *kūt*, ишк. *kydyt*, язг. *ka-dim*) во всех языках представлены одной формой.

§ 5. Остальные местоимения, имеющиеся в памирских языках, представлены одной формой. Приведем в качестве примера обобщительное местоимение 'весь', 'все': шугн. *fūk(aḥ)*, язг. *wūgaḥ*, ишк. *jьk*, мундж. *rōwi*, вах. *ky(xt)* (редко *rəndg*; ср. *pak* 'каждый').

Глагол

§ 1. В глаголе имеется много общего для всех памирских языков, как в типологическом, так и в генетическом отношениях. Глаголу свойственны категории времени, наклонения (слабо выражена). Категория залога не характерна для памирских языков. Пассивность действия выражается описательно. Категории вида в памирских языках нет вообще. Для выражения некоторых видовых оттенков используются частицы.

Всем памирским языкам свойственны категории лица и числа, а языкам шугнано-рушанской группы и в меньшей степени мунджанскому языку, — и категория рода.

§ 2. Ядро глагольной системы всех памирских языков составляют две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Внешним признаком основы прошедшего времени большинства глаголов сравнительно с основой настоящего времени являются конечные *-t* (в основном после глухих согласных) или *-d* (после звонких) <*-*ta*, реже — *-g* (<*-*rt*) в языках шугнано-рушанской группы и в язгулемском, *-n* (<*-*na*) — в ваханском и *-k* в мунджанском (в группе *-šk*, соответствующей шугнанской *-xt*): шугн. *wāf-*: *wift*, язг. *waf-*: *waft*, мундж. *wōf-*: *wēft*, ишк. *if-*: *ift*, вах. *yf-*: *oft* 'ткать', 'плести'; шугн. *ancāv-*: *ancūvd*, язг. *əncāv-*: *əncūvd*, ишк. *andrv-*: *andrvd*, вах. *dərav-*: *dəravd*, мундж. *žīy-*: *žīy* 'шить'; шугн. *vār-*: *vūd* (ср. *vor-*: *vəwg*), язг. *var-*: *vəg*, мундж. *āvər-*: *āvər*, ишк. *ižym-*: *oḡad*, вах. *wyzyt-*: *wozomd* 'приносить', шугн. *ris-*: *rēd*, шик. *fris-*: *frinol*, язг. *raxs-*: *raḡd*, вах. *wəḡāč-*: *wəḡāḡn* 'оставаться'.

Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая причастная форма, которая в современных памирских языках уже почти не воспринимается как причастие (для причастия выработаны языками другие формы) и является по существу своего рода основой для образования ряда глагольных форм. Эту основу мы будем называть в дальнейшем перфектной.

Перфектная основа образуется у большинства глаголов в языках шугнано-рушанской группы заменой исходных *-t*, *-d*, *-g* соответствующими аффрикатами *č*, *ʃ*, в язгулемском языке — прибавлением суффикса *-a(g)*, в ишкашимском — *-u/ūk*, в ваханском — *-k* (после звонких — *g*), в мунджанском — *əy/əḡ* (<*-*ka*): шугн. *wifč*, язг. *wafta(g)*, м. *wēftəy*, ишк. *iftuk*, вах. *yfətk* 'сотканый', 'сплетенный'.

От этих трех основ, рассмотренных выше, образуются во всех памирских языках все личные глагольные формы.

§ 3. От основы настоящего времени образуется форма настоящего будущего времени прибавлением личных окончаний. Приводим парадигму спряжения глагола «ткать» по языкам. (см. стр. 274).

В большинстве личных окончаний достаточно хорошо видна их преемственность от древнеиранских личных окончаний. Язгулемское окончание 1-го лица единственного числа *-in* является либо инновацией, либо продолжает древнее окончание конъюнктива **-āni*. В ишкашимском и

Настояще-будущее время

Число	Лицо	Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Мундж.
Единствен- ное	1-е	<i>wāfum</i>	<i>wɔfin</i>	<i>ɣfəm</i>	<i>ifəm</i>	<i>wɔfəm</i>
	2-е	<i>wāfi</i>	<i>wafay</i>	<i>ɣf(i)</i>	<i>ifi</i>	<i>wɔfəy</i>
	3-е	<i>wɔft</i>	<i>waft</i>	<i>ɣft</i>	<i>ifu</i>	<i>wɔfti// wɔfəy</i>
Множест- венное	1-е	<i>wāfām</i> (барт., ор., сар. -an)	<i>wafəm</i>	<i>ɣfən</i>	<i>ifən</i>	<i>wɔfəm</i>
	2-е	<i>wāfēt</i> (руш., барт. -at/t)	<i>wafit</i>	<i>ɣfəv//ɣfit</i>	<i>ifv</i>	<i>wɔfaf</i>
	3-е	<i>wafen</i>	<i>wafən</i>	<i>ɣfən</i>	<i>ifən</i>	<i>wɔfat</i>

частично мунджанском в 3-м лице единственного числа отпал смычный *-t*. Варьирование по языкам окончаний 2-го лица множественного числа (*-t*, *-v*) может быть объяснено различным преобразованием древнего медиального окончания **-dvai* (в ваханском языке до сих пор существуют оба варианта) так же, как и окончания 3-го лица множественного числа *-n*, *-t < *(a)nti*).

Функционирование формы настоящего-будущего времени одинаково во всех памирских языках. Она выражает всякое непрошедшее действие. Настоящий момент совершения действия может подчеркиваться подвижной энклитической частицей: шугн. *-ta*, язг. *-t/da*, ишк. *-bs*, мундж. *-əstə* (< **√stā* 'стоять'; ср. сочетания с глаголом *istodan* в тадж. языке), сар. *-ik*, вах. *-əʃ(k)//-ʃə(k)*. Будущее время может подчеркиваться энклитической частицей *-bi*, ишк. вах. *-əp//-pə*.

§ 4. От основы прошедшего времени при помощи сочетания с подвижными энклитическими показателями лица, присоединяющимися к любому (чаще — к первому) члену предложения, образуется форма прошедшего времени (претерит). В мунджанском языке в отличие от всех памирских языков в претерите (как и в других прошедших временах) употребляются личные окончания.

В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) некоторые глаголы (неправильные) различают род: шугн. м. р. *sut* — ж. р. (и мн. ч.) *sat* от глагола *sit(t)ow* 'уходить', 'отправляться'.

В ряде памирских языков (за исключением шугнанского, сарыкольского и ишкашимского) в претерите (как и в других прошедших временах) различается спряжение переходных и непереходных глаголов. Приводим парадигму спряжения того же глагола «ткать» по языкам в этой форме.

При наличии местоименного подлежащего при переходном глаголе в претерите (как и в других прошедших временах) оно ставится в косвенной падежной форме (а в ваханском языке — в объектной), при этом в рушанском (с его хуфским поддиалектом) и в язгулямском в этом случае глагол не спрягается, т. е. личные показатели отсутствуют (руш. *tu wəft*, язг. *mūr wəft* 'я ткал', 'плел'; руш. *tā wəft*, язг. *tu wəft* 'ты ткал' и т. д.), а в бартангском, наоборот, глагол спрягается (*mūr-um wəft* 'я ткал', *tū-t wəft* 'ты ткал' и т. д.). В ва-

Прошедшее время

Число	Лицо	Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Мундж.
Единственное	1-е	<i>wīft-um</i>	<i>waft-əm</i>	<i>ыft-əm</i>	<i>ift-ьm</i>	<i>wēft-əm</i> (при непер. гл. <i>-am</i>)
	2-е	<i>wīft-at</i>	<i>waft-at</i>	<i>ыft-at</i>	<i>ift-ьt</i>	<i>wēft-at</i> (при непер. гл. <i>-a/əy</i>)
	3-е	<i>wīft-(i)</i>	<i>waft-ay</i>	<i>ыft-(i)</i>	<i>ift-(i)</i>	<i>wēft-(ə/ā)</i>
Множественное	1-е	<i>wīft-ām</i> (барт., ор., сар. <i>-an</i>)	<i>waft-an</i>	<i>ыft-ən</i>	<i>ift-on</i>	<i>wēft-am</i>
	2-е	<i>wīft-ət</i> (ост. <i>-af</i>)	<i>waft-əf</i>	<i>ыft-əv</i>	<i>ift-ьv</i>	<i>wēft-af</i>
	3-е	<i>wīft-ən</i> (руш., барт. <i>-an</i> , ор., сар. <i>-af</i> ; при непер. гл. в барт. <i>-an</i>)	<i>waft-əf</i> (при непер. гл. <i>-an</i>)	<i>ыft-əv</i>	<i>ift-on</i>	<i>wēft-at</i>

ханском же возможен и тот и другой тип, т. е.: *māž-(əm) ыft(əy)* 'я ткал', *taw-(ət) ыft(əy)* и т. д.

В рушанском и бартангском диалектах допускается и прямая конструкция фразы с прямым падежом подлежащего, причем переходный глагол спрягается, и к тому же по типу непереходного: руш. *az-um wēft*, барт. *āz-um wēft*; руш., барт. *wād-an wēft* (см. парадигму).

Функционально форма претерита совпадает во всех языках. Она употребляется: а) для выражения действия, имевшего место в прошлом, независимо от его длительности и кратности: шугн. *wūz-um wīft*, язг. *mūn waft*, вах. *wūz-əm ыft(əy)*, ишк. *azi-m ift*, мундж. *məl wiftəm* 'я ткал'; б) для выражения будущего совершенного действия в придаточных предложениях: шугн. *wūz-um di wīft*, *vārum*; язг. *mūn ki waft*, *vərin*; вах. *wūz-əm ki ыft(əy)*, *wūz(ы)məm*; ишк. *azi-m se ift*, *ižьmьt* 'как только я сотку, так принесу'.

§ 5. От перфектной основы сочетанием ее с теми же самыми подвижными показателями лица и числа образуется форма перфекта: 1-е л. ед. ч. шугн. *wuz-um wīfč*, язг. *-əm wafta (g)*, вах. *wūz-əm ыfətk*, ишк. *azi-m iftuk*, мундж. *wēftəy/γəm* 'я соткал'; 2-е л. ед. ч. шугн. *tu-(a)t wīfč*, язг. *-at wafta(g)*, вах. *tu-t ыfətk*, ишк. *tə-t iftuk*, мундж. *wēftəy/γət* 'ты соткал' и т. д.

Значение формы перфекта в общем совпадает во всех языках. Обычно она употребляется для выражения результата прошлого действия, при передаче чужих слов или логического заключения о действии. В бартангском языке эта форма употребляется сверх того при выражении ирреального условия, а в шугнанском — при выражении желания.

Перфектная основа является составной частью и формы давно прошедшего времени. В большинстве языков шугнано-рушанской группы (шугн., руш., сар.) и в ваханском, где эта форма является синтетической, она образуется сочетанием перфектной основы, осложненной суффиксальным элементом *-at* (шугн., хуф.) *-it* (руш., сар.) в языках шугнано-рушанской группы и *-tyw* или *-tu* в ваханском языке,

с теми же подвижными показателями лица и числа. В ваханском языке при этом конечный смычный перфектной основы *-k* или *-g* выпадает. Приводим в качестве примера спряжение глагола «ткать» в шугнанском и в ваханском языках в первых двух лицах единственного числа: 1-е л. шугн. *wiz-um wifčat*, вах. *wiz-əm ɣfət(t)ɣw* (или *ɣfət(t)u*); 2-е л. шугн. *tu-(a)t wifčat*, вах. *tū-t ɣfət(t)ɣw* (или *ɣfət(t)u*) и т. д.

Несмотря на внешнее расхождение в образовании формы давнопрошедшего времени между шугнанским, рушанским, сарыкольским и ваханским языками, все же можно установить нечто общее в их происхождении. Несомненно, что шугнанский элемент *-at* и сарыкольский *-it* исторически представляют собой какое-то реликтовое глагольное образование. С фонетической точки зрения здесь возможны следующие предположения: 1) из **asta-*, т. е. из причастной формы от др.-ир. глагола *ah-* 'быть' (ср. модель формы давнопрошедшего времени в таджикском языке *bofta budam* 'я давно соткала'); 2) из **asti*, т. е. из формы 3 л. ед. ч. настоящего времени того же глагола *ah-* 'быть' (ср. таджикский перфект *boftastam* 'я соткала'); 3) из **ast*, т. е. из формы имперфекта 3 л. ед. ч. того же глагола. Однако с логической точки зрения более подходящим, очевидно, было бы первое толкование. В его пользу говорит и предполагаемый состав соответствующего ваханского элемента *-tyw//tu*, который, как нам представляется, получился из **astav-*, что, в свою очередь, из **asta-vut-*, т. е. из сочетания причастия на **-ta-* от др.-ир. глагола *ah-* 'быть' и того же причастия от др.-ир. глагола *bav- bū* 'становиться, делаться' (ср. модель давнопрошедшего времени II в таджикских говорах *bofta buda budam* 'я давно соткала').

В бартагском, язгулемском, ишкашимском и мунджанском языках форма давнопрошедшего времени является аналитической: она образуется сочетанием перфектной основы (в язг. без конечного *-g*) с вспомогательным глаголом «быть» в форме прошедшего времени: 1-е л. ед. ч. барт. *m̄n-un wēfč vud*, язг. *m̄n wafta vad* (или *-əm wafta vad*), ишк. *azi-m iftuk v̄vd*, мундж. *m̄n wēftəy/γ-əm v̄vōlā* 'я давно соткала'; 2-е л. ед. ч. барт. *tā-at wēfč vud*, язг. *tu wafta vad* (или *-at wafta vad*), ишк. *t̄-t iftuk v̄vd*, мундж. *m̄n wēftəy/γ-ət v̄vōlā* 'ты давно соткала' и т. д.

[- В речи ваханцев старшего поколения наряду с синтетической формой типа *kartu//kartyw* 'сделал' можно слышать и ее аналитический вариант типа *niyəng tu(//tyw)* 'сидел' (т. е. аналогично барт. *n̄šč vud*, язг. *n̄yūsta vad*, ишк. *n̄lūstūk v̄vd* 'сидел').

§ 6. Помимо перечисленных выше четырех общих для всех памирских языков глагольных форм, в ваханском, ишкашимском, язгулемском, а из языков шугнано-рушанской группы — сарыкольском имеются еще две — уже сложные — глагольные формы: прошедшее предположительное время и преждепрошедший перфект. Принцип образования этих форм и их употребление почти полностью совпадают в этих языках.

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием перфектной основы (исторически причастие) со вспомогательным глаголом в форме настояще-будущего времени: ишк. *v̄v̄n: v̄vd*, сар. *v̄v̄w: v̄vd*, вах. *ɣm(ɣy):-tu* 'быть', язг. *m:-mad* 'становиться'. Следует заметить, что в язгулемском языке в отличие от перечисленных выше языков вспомогательный глагол стоит всегда в форме 3-го лица единственного числа (*mit*), а лицо и число выражается теми же подвижными энклитическими показателями, которые употребляются и в прошедших временах (с учетом различия в спряжении

переходных и непереходных глаголов). Думается, что это обстоятельство указывает на процесс исчезновения этой глагольной формы в язгулемском языке, чему в немалой степени способствует также и то, что значения, присущие ей, могут передаваться в язгулемском и формами изъявительного наклонения.

Приводим в качестве примера спряжение глагола «ткать» в 1-м и 3-м лице единственного числа для каждого из этих языков в форме прошедшего предположительного времени: 1-е л. ишк. *iftuk vūnʔm*, сар. *wifč vεwam*, вах. *ɣfətk ɣm(ɣ)uəm*, язг., *-əm wafta(g) mit* (вместо ожидаемого *wafta(g) min*) 'чтобы я соткала'; 3-е л. ишк. *iftuk vūni*, сар. *wifč vid*, вах. *ɣfətk ɣmɣt*, язг. *wafta(g)mit* 'она, должно быть, соткала' и т. д.

Форма преждепрошедшего перфекта образуется сочетанием перфектной основы (в язгулемском без конечного смычного *-g*) с вспомогательным глаголом: сар. *vεw:vud*, язг. *v:vud*, ишк. *vun:vud*, вах. *ɣmɣu:tu* 'быть' в форме перфекта: 3-е л. ед. ч. сар. *wifč vedʃ*, язг. *-au wafta vada*, ишк. *iftuk vɔdɣk*, вах. *ɣfətk tɣwətk* 'она, оказывается, уже соткала'.

§ 7. Из частиц отрицания, употребляющихся при глаголе, во всех памирских языках, кроме мунджанского, представлена частица *na*. Употребление ее в разных языках различно. В язгулемском языке частица *na* употребляется при всех глагольных формах, в ишкашимском — за исключением формы прошедшего времени (претерита), где употребляется частица *nɔst* (*nɔst-ɣm ift* 'не соткала'). В языках шугнано-рушанской группы и в ваханском частица *na* (вах. вариант *nə*) употребляется только при глагольных формах изъявительного наклонения (шугн. *na wāfum*, вах. *nə ɣfət* 'не буду ткать'; шугн. *na wifč*, вах. *nəwifətk* 'не соткала' и т. д.), в остальных случаях употребляется модальная частица отрицания *mā* (шугн.), *mo* (сар.), *mə* (вах.) <*mā: шугн. *mā wāf!*, вах. *mə ɣf!* 'не тки!'; шугн. *mā wāfum*, вах. *mə ɣfət* 'пусть я не сотку'; шугн. *mā wifč*, вах. *mə ɣfətk* 'лучше бы я не соткала!'

В мунджанском языке представлена одна частица *čə/i* (<*mā-ča?): *čə wōfət* 'не (со)тку', *čə wēftət* 'не ткал(а)' и т. д.

§ 8. Что касается категории наклонения, то помимо рассмотренных выше форм изъявительного наклонения (за исключением формы прошедшего предположительного времени) во всех памирских языках выделяется форма повелительного наклонения, а в тех языках, где имеется противопоставление приглагольного отрицания (шугн. *na—mā*, вах. *nə—mə*), — еще и сослагательное наклонение (термин чисто условный, поскольку круг значений форм этого наклонения шире, чем, например, в русском сослагательном наклонении).

Повелительное наклонение во всех памирских языках, кроме мунджанского и некоторых диалектов шугнано-рушанской группы, грамматически выделяется только для 2-го лица единственного числа, где форма равна основе настоящего времени, без личного окончания: шугн. *wāf!* (2-е л. н.-б. вр. *wāfi*), язг. *waf!* (2-е л. н.-б. вр. *wafay*), ишк. *if!* (2-е л. н.-б. вр. *ifi*) 'тки!'

В сарыкольском и некоторых говорах ваханского языка, где во 2-м лице единственного числа в форме настояще-будущего времени отсутствует личное окончание, т. е. где морфологически форма повелительного наклонения не выделяется, различие в формах этих наклонений наблюдается только при отрицании, причем зависит от места частицы отрицания: сар. *na wof*, вах. *nə ɣf* 'не (со)ткешь' — сар. *mo wof*, вах. *mə ɣf* 'не тки!' — сар. *mo ... wof!*

wof mo, вах. *mā ... ʉf//ʉf māu* 'как бы ты не соткала'. Так же различаются форма повелительного наклонения и форма настояще-будущего времени для этих двух языков и во 2-м лице множественного числа.

В мунджанском языке повелительное наклонение имеет особые окончания: 2-е л. ед. ч. *wōf(-a)!* (2-е л. ед. ч. н.-б. вр. *wōfəu*) '(со)тки!' ('ткешь'), 2-е л. мн. ч. *wōfi* (2-е л. мн. ч. н.-б. вр. *wōfaf*) '(со)тите!' ('соткете').

Признаком форм сослагательного наклонения служит только приглагольное отрицание (в положительных формах различия нет): шугн. частица *mā* (сар. *mo*), вах. *mā* указывает на модальность действия, а частица шугн. *na*, вах. *nə* — на изъявительный характер действия: шугн. *na wāfɪm*, вах. *nə ɪfəm* 'не (со)тку' — шугн. *mā wāfɪm*, вах. *mā ɪfəm* 'не соткала бы я', 'чтобы я не соткала', 'пусть я не сотку'; или: шугн. *na wɪfɕ*, вах. *nə ɪfətk* '(оказывается) не соткала' — шугн. *mā wɪfɕ*, вах. *mā ɪfətk* '(лучше бы) я не (со)ткала'; или: шугн. *na wɪfɕat*, вах. *nə ɪfəttɪ* 'не ткала' — шугн. *mā(//ia) wɪfɕat*, вах. *mā(//nə)ɪfəttu* ('чуть было) не соткала'.

В систему сослагательного наклонения входит также форма прошедшего предположительного времени для тех языков, где она имеется (см. выше). Поскольку эта форма имеет особое образование, то при ней может употребляться и частица отрицания *na* (в сар. и язг. языках) и частица *mā* (в вах. языке наряду, однако, с *nə*).

§ 9. Инфинитив (полная форма) образуется по-разному в разных языках. В шугнано-рушанской группе и в мунджанском языке — от основы прошедшего времени, восходящей к образованиям на <*-*ta* (иногда с изменением корневого гласного), суффиксом шугн. *-ōw*, мундж. *-ā(n)*: шугн. *wɪftōw*, мундж. *wɪftā(n)* 'ткать'. В остальных памирских языках инфинитив образуется от основы настоящего времени: в язгулемском — присоединением суффикса *-aj* (*wafaj* 'плести', 'ткать'), в ишкашимском — суффикса *-u/ük* (*ɪfuk* 'ткать'), в ваханском для большинства глаголов — суффикса *-ak* (в восточном говоре *-yk*), реже *-n* или *-g* (*ɪfak//ɪfn* 'ткать', *kətəun* 'желать', 'хотеть', *dɪŋ* 'бить'). Остаточно сохраняется в ваханском образование от прошедшей основы присоединением суффиксов — *-ōw* (*r/ləd/ḏōw* 'давать', *-ōr* (*šitōr* 'убивать' от *šāy:šit*) и *-n* (*pitn* 'пить' от *puw:pit*, (*y)itn* 'есть' от *yāw*: (*y)it*).

Во всех памирских языках инфинитив является одновременно и именем действия.

§ 10. Из причастий в языках различаются причастия настоящего времени (перешедшие в некоторых языках в разряд имен деятеля) и причастия прошедшего времени.

Причастия настоящего времени по типу образования можно разделить на две группы: 1) причастия, образующиеся от основы настоящего времени, и 2) причастия, образующиеся от основы (или краткой формы) инфинитива. К первой группе причастий настоящего времени относятся: а) шугнанское причастие на *-ij*, рушанские на *-oč//-āj/č* (м. р.) <*-*aka* и *-ēc/z* (ж. р.) <*-*ačī*, бартангское причастие на *-ōč* (м. р.), *-ēc* (ж. р.), язгулемские причастия на *-ek*, *-ag*, ваханское на *-ūj* (редко) <*-*ākā*: шугн. *wāfij*, руш. *wafūj*, барт. *wafōč*, язг. *wafek* 'ткач'; руш. *yiboč*, шугн. *wēbij*, язг. *wibek* 'бык-молотильщик на току'; руш. *ḏuzēz* 'доярка'; язг. *pəxsag* 'желающий спать'; вах. *kasūj* 'бык, находящийся с краю в упряжи на току'; б) шугнанское причастие на *-in* (ж. р. *-ān*), рушанское на *-on* (ж. р. *-ān*), бартангское на *-ɔn* (ж. р. *-ān*) <*-*ana* (ж. р. **-ānā*), язгулемское

на *-on* < **-āna*: шугн. *waʕin* (ж. р. *waʕān*), язг. *waʕon* 'крикун(ья)'; руш. *naʕon* (ж. р. *naʕōi*), барт. *naʕōn* (ж. р. *naʕān*) 'плакса'.

К причастиям настоящего времени (или именам деятеля), образующимся от основы инфинитива, относятся: а) сарыкольское причастие на *-(i)čuz*, ишкашимское причастие на *-kьz*, ваханское причастие на *-kьzg* и остаточное сохранившееся шугнанское причастие на *-čōz* < **-kāzɡ* (ср. согд. причастие на *-cyk*): сар. *ḍawdičuz*, ишк. *dešukьz* (из *dešuk-kьz*), вах. *ḍicakьzg* (из *ḍicak-kьzg*)/*ḍicnkьzg* 'доярка'; сар. *wazondičuz*, шугн. *wizēnčōz* (из *wizēntičōz, ср. основы глагола *wizēn*: *wizēnt* 'знать') 'знаток'; сар. *wiftičuz*, ишк. *ifukьz*, вах. *ɣfa-kьzg/ɣfnkьzg* 'ткач'; б) шугнанское причастие на *-mēj*, рушанское на *-mīj*, сарыкольское на *-mauj*, ваханское на *-mīj* < **-maɣaka* (ср. ав. *maɣa-* 'мерить'); руш. *-manīj* < **mainɣaka-* (ср. ав. *mainɣa-*, *man-* 'думать'); шугн. *tidmēj*, руш. *taumīj* (из *taudmīj*), *taumanīj*, сар. *tidmauj*, вах. *tuk(n)mīj* 'намеревающийся идти'.

Причастие прошедшего времени во всех памирских языках образуется от перфектной основы (исторически-вторичное причастие) присоединением суффикса шугн., руш. *-in*, барт. *-in, ka*; сар. *-enj*, язг. *-in*, вах. *-in/-ɣng* — < **-ara(ka)*. Примеры: шугн. *wfčin*, руш. *wefčin*, барт. *wefčin*, сар. *wifčenj*, язг. *wəftagin*, ишк. *iftuki*, вах. *ɣfətkin/ɣfətkɣng* 'сотканный, сотказший'.

Круг употребления собственно причастий совпадает во всех языках.

В некоторых языках сохраняется деепричастная форма: вах. *na-wazdōj/g* 'не умывшись', руш., ор. *naɣarāj* 'не поевши', язг. *ɣazarm* 'бегом', ор. *zuluqurt(?)* 'торчком', шугн. *'sir-wūrm* 'выбирая'.

Служебные слова

§ 1. В отношении предлогов наиболее богат ваханский язык. Он включает все предлоги шугнано-рушанской группы языков [шугн. *pi, ar, tar, pis, as, par*, сар., шугн. *či*], все ишкашимские [*рь* (шугн. *pi, tar* (шугн. *tar*), *сь* (шугн. *as*), *кь* (сар. *či*), *рьs* (шугн. *pis*)], кроме предлога *far* (указывает на предел), все мунджанские [*də, sək* (ишк. *кь*, сар. *či*), *pə* (шугн. *pi*, ишк. *рь*), *žə* (шугн. *as*, ишк. *сə*)], кроме предлога *nə* (указывает на исход), соответствующий язгулемскому *na*.

Что касается язгулемских предлогов, то частично они сближаются с мунджанским [язг. *na* — мундж. *nə*; язг. *ən, dər* — мундж. *tro* < *ав. *antarə* (соответствующий шугнанский послелог *-andir*)], а частично с языками шугнано-рушанской группы (язг. *pəša* — шугн. *pis*, язг. *ma* — сар. *ta* (ср. лексикализованный шугн. *mi*, например: *mi-nūl* 'в клюве'). Особенностью язгулемского языка является наличие предлога *i*.

В сарыкольском, в отличие от всех памирских языков, место предлога подвижно: при имени (или именном сочетании), имеющем при себе определенный артикль, предлог помещается перед артиклем (*ar mi qydyγ* 'в этом колодце'), при именном сочетании без артикля — непосредственно перед именем, к которому относится (*karc ar qydyγ* 'в глубоком колодце').

Основные послелоги (неименные) имеют следующие соответствия в памирских языках: а) шугн. *-ard* (варианты по диалектам *-rad, -ari-ri*), язг. *-ra* вах. *-rə(k)*; б) шугн. *-and* (диалектные варианты *-an, -a*), вах. *-ən*, ишк. *-no*; в) ишк. *-bo*, язг. *-be*; г) хуф. *-ōw*, сюда, воз-

можно, и язг. *-me* (чередование *m//w* наблюдается в памирских языках, ср. вах. *m/wingas* 'воробей').

§ 2. Хорошо прослеживаются по языкам и соответствия союзов. Основные из них: а) шугн. (-) *at(ā)*, язг. (-) *ata*, вах. *-ət*, ишк. *-ət* 'и'; б) шугн. *xu/o*, вах. *xy*, ишк. *xo* 'и'; в) сар. *ki*, вах. *ki*, язг. *ki*, мундж. *kə/e* — подчинительный союз с широким кругом употребления; г) шугн. *ca*, вах. *cə*, ишк. *ce*, язг. *čə* — подчинительный, в основном в определенных предложениях; д) шугн. *didi* (барт. *di*), возможно, сюда же ишк. *ʒ'za* — подчинительный, соответствующий по употреблению союзу *ki* остальных памирских языков.

* * *

Как явствует из изложенного, даже фрагментарное сравнение памирских языков обнаруживает довольно сложную картину. Наибольшим своеобразием отличается ваханский язык. Это проявляется и в том, что ваханский чаще, чем другие памирские языки, отражает более древнее языковое состояние, и в том, что ваханский имеет ряд общих черт с индоарийскими языками, и, наконец, в своеобразном развитии ряда явлений, не связанных ни с его архаическими чертами, ни с индоарийским влиянием. Шугнано-рушанская языковая группа, имеющая ряд параллелей с ваханским языком, в то же время отличается от него рядом весьма существенных черт. Язгулемский примыкает к языкам шугнано-рушанской группы, а ишкашимский, тяготея к ваханскому, в то же время имеет ряд особенностей, сближающих его с язгулемским и в какой-то степени с мунджанским. Что же касается мунджанского языка, то он, по-видимому, примыкая к языкам шугнано-рушанской группы, язгулемскому и ишкашимскому, имеет ряд черт, сближающих его с пушту.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Язгулемский язык. Таблица глаголов, Л., 1930.
2. Додыхудоев Р. X., Материалы по исторической фонетике шугнанского языка, Душанбе, 1962.
3. Залеман К. Г., Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, — «Восточные заметки». Сборник факультета восточных языков, СПб., 1895.
4. Зарубин И. И., Обувь горных таджиков долины Бартанга, Пг., 1915.
5. Зарубин И. И., Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга, Пг., 1917.
6. Зарубин И. И., К списку памирских языков, — «Доклады Российской Академии наук», серия В, 1924.
7. Зарубин И. И., Два образца припамирской народной поэзии, — «Доклады Российской Академии наук», серия В, 1924.
8. Зарубин И. И., К характеристике мунджанского языка, — Сб. «Иран», т. I, Л., 1927.
9. Зарубин И. И., Одна орошорская сказка, — «Восточные записки», т. I, Л., 1927.
10. Зарубин И. И., Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги, — «Сборник в честь В. В. Бартольда», Ташкент, 1927.
11. Зарубин И. И., Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 года, вып. 6, Л., 1930.
12. Зарубин И. И., Бартангские и рушанские тексты и словарь, Л., 1937.
13. Зарубин И. И., Шугнанские тексты и словарь, М.—Л., 1960.
14. Зелинский А. Н., Древние пути Памира, — «Страны и народы Востока», вып. 3, М., 1964.
15. Карамхудоев Н., Бартангский язык, Душанбе, 1973.
16. Карамшоев Д., Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963.
17. Кисляков Н. А., Язгулямцы (этнографический очерк), — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 80, вып. 4, 1948.

18. Қлимчицкий С. И., Ваханские тексты,— «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. 3, Лингвистика, Душанбе, 1936.
19. Моногарова Л. Ф., Язгулямы Западного Памира,— «Советская этнография», № 3, 1949.
20. Пахалина Т. Н., Ишкашимский язык, М., 1959.
21. Пахалина Т. Н., Сарыкольский диалект и его отношение к другим диалектам шугнано-рушанской языковой группы,— «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960.
22. Пахалина Т. Н., Образцы сарыкольской народной поэзии (с переводом и грамматическим комментарием),— «Краткие сообщения Института народов Азии», № 67, Иранская филология, М., 1963.
23. Пахалина Т. Н., Сарыкольский язык, М., 1966.
24. Пахалина Т. Н., Особенности употребления препозитивных служебных элементов при определяемом имени в сарыкольском языке,— «Acta Orientalia», vol. XXX, 1966.
25. Пахалина Т. Н., Ваханский язык,— сб. «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
26. Пахалина Т. Н., Памирские языки, М., 1969.
27. Писарчик А. К., Термины обращения *ло* и *ро* в шугнано-рушанской группе языков в верховьях Пянджа,— «Известия ТФАН», № 5, 1949.
28. Писарчик А. К., Рушанские тексты, Душанбе, 1954.
29. Розенфельд А. З., К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях (на материале ванджских говоров),— «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, М., 1956.
30. Розенфельд А. З., Ванджские говоры таджикского языка, Л., 1964.
31. Семенов А. А., Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов,— «Мир ислама», 1912.
32. Соколова В. С., Очерки по фонетике иранских языков, вып. 2, М.—Л., 1953.
33. Соколова В. С., Рушанские и хуфские тексты и словарь, М., 1959.
34. Соколова В. С., Бартанские тексты и словарь, М., 1960.
35. Соколова В. С., К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков,— «Иранский сборник», М., 1963.
36. Соколова В. С., Шугнано-рушанская языковая группа,— сб. «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
37. Соколова В. С., Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, Л., 1967.
38. Соколов С. Н., Авестийский язык, М., 1961.
39. Файзов М., Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966.
40. Эдельман Д. И., Язгулямская легенда об Александре (с приложением грамматических сведений),— «Краткие сообщения Института народов Азии», № 67, Иранская филология, М., 1963.
41. Эдельман Д. И., Глагольная система язгулямского языка — «Иранский сборник (к 75-летию проф. И. И. Зарубина)», М., 1963.
42. Эдельман Д. И., Язгулямский язык, М., 1966.
43. Эдельман Д. И., Основные вопросы лингвистической географии, М., 1968.
44. Abdul-Rahim, A Dictionary of the Wakhani language, Simla, 1866.
45. Bellew H. W., Report of a Mission to Yarkand in 1873, Calcutta, 1876.
46. Bidduf J., Tribes of the Hindoo-koosh, Calcutta, 1880.
47. Gauthiot R., Notes sur le Yazgoulami,— «Journal Asiatique», t. VII, № 2, Paris 1916.
48. Gauthiot R., Quelques observations sur le minjâni,— «Memoires de la Société de linguistique de Paris», 1915.
49. Geiger W., Die Pamir-Dialekte,— «Grundriss der iranischen Philologie», Bd I, Strassburg, 1895—1901.
50. Grierson G., Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami, London, 1920.
51. Hjulær A., The Languages of the Western Pamir (Shughnan and Vakhan), Kopenhagen, 1912.
52. Lentz W., Pamir-Dialekte, I,— Materialien zur Kenntniss der Schugni-Gruppe, Göttingen, 1933.
53. Lorimer D. J. R., The Wakhi language, London, 1958.
54. Morgenstierne G., Notes on Shughni,— «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», vol. I, Oslo, 1928.
55. Morgenstierne G., Indo-iranian frontier languages, vol. 2, Oslo, 1938.
56. Morgenstierne G., The Demonstrative Pronouns in Shughni,— «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», vol. 12, Oslo, 1942.
57. Morgenstierne G., The development of r+sibilant in some Eastern Iranian languages,— «Transactions of the Philological Society», 1948.
58. Morgenstierne G., Neu-iranische Sprachen,— «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, vol. IV, Leiden — Köln, 1958.

59. Morgenstierne G., Feminine nouns in=*a* in Western Iranian dialects,— «A Locust's leg», London, 1962.
60. Morgenstierne G., Iranian feminines in *čī*,— «Indological Studies», New Haven, 1962.
61. Morgenstierne G., Notes on the Pashto Tolana Vocabulary of Munji,— «Acta Orientalia», XXX, 1966.
62. Pakhalina T. N., Colloquial texts on Sarikoli,— «Acta Orientalia», XXIX, 1—2, 1965.
63. Pokorny J., Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern, 1951.
64. Shaw R., On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli),— «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. 45, 1876.
65. Shaw R., On the Shughni (Ghalchah) Dialekt,— «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. 46, 1877.
66. Shah Abdullah Badakhshi, A Dictionary of some languages and dialects of Afghanistan, Kabul, 1960.
67. Sköld H., Materialen zu den iranischen Pamirsprachen, Lund, 1936.
68. Tomaschek W., «Centralasiatische Studien», II, Die Pamir-Dialekte, Wien, 1880.
69. Zarubin J. J., Two Yazghulami texts,— «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. 8, London, 1936.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ав.	— авестийский
барт.	— бартангский
бадж.	— баджувский
бел.	— белуджский
вандж.	— ванджский
вах.	— ваханский
др.-инд.	— древнеиндийский
др.-ир.	— древнеиранский
др.-перс.	— древнеперсидский
и.-е.	— индоевропейский
ишк.	— ишкашимский
мундж.	— мунджанский
ор.	— орошорский
руш.	— рушанский
сар.	— сарыкольский
согд.	— согдийский
ср.-инд.	— среднеиндийский
хуф.	— хуфский
шугн.	— шугнанский
язг.	— язгулемский

Б. А. Литвинский

ПАМИРСКАЯ КОСМОЛОГИЯ (опыт реконструкции)

1. АНТРОПОМОРФИЗИРОВАННОЕ СОЛНЦЕ

Обозначения «солнца» в некоторых современных припамирских языках: в ишкашимском — *remūzd*, *remūz*, в сангличи — *ōrmōzd*; в йидга и мунджи — *ormōzd*. Но и в хотано-сакском языке «солнце» обычно называется *irmaysrde* (сакское отражение древнеиранского *Ahura Mazda*) [25, 12; 26, 134].¹

Царица массагетов Томирис, по Геродоту [1, 212], говорит: «Клянусь Солнцем, владыкой массагетов». Отзвуки таких представлений и ритуала до сих пор сохранились у некоторых памирских народностей. М. С. Андреев пишет про ишкашимцев и ваханцев: «солнце называется великим, *زرز*. Им клянутся, говоря в Ишкашине *sāri remūzd*, в Вахане: *sār īr*. У таджикоязычных жителей Горона говорят *سر آفتاب*. Клятва эта считается очень сильной, и народ верит, что нарушивший клятву или давший ее ложно будет наказан Солнцем». Эта клятва «головой Солнца», по мнению М. С. Андреева, указывает, возможно, на антропоморфное представление о светиле [6, 135]¹.

Действительно, клятва, при которой в качестве свидетеля призывается Солнце, основывается на антропоморфизированном представлении об этом светиле, которое должно знать все, что случается на Земле, так как глядит на это с Неба. В «Илиаде» и «Одиссее» такие клятвы встречаются неоднократно. Еврипид вкладывает в уста Медеи требование к царю Афин поклясться Землей и Солнцем, что он будет защищать ее («Медея», 445—453). Иногда клялись «светом Солнца». Солнце входило в число тех божеств, которые называли херсонесцы, принося присягу в верности своему городу. Клятва Солнцем, наряду с другими божествами, входила в формулу договоров между греческими эллинистическими государствами [39, 325, 327, 463]. Но не только у греков солнце рассматривалось как громадный глаз божества, глядящий на землю. Так было и у германцев (глаз Одина) и у других индоевропейских народов [60, 545—546; 63, 288—289]. Характерен параллелизм древнеиндийских и древнегреческих представлений относительно «солнца, смотрящего на мир»: *sūryam... spāṣam* (RV 4.13.3) — *Ἡέλιον... σκοπὸν* (Hom. h. 2.62).

Клятвы солнцем распространены и среди неиндоевропейских народов, например, в Африке и Индонезии [39, 101, 665]. В японской мифо-

¹ На параллелизм клятвы памирцев и клятвы Томирис обратил внимание уже М. С. Андреев [6, прим. 21 на стр. 35].

логии из левого глаза бога Izangi появляется солнечная богиня Ameterasu Omikami, из правого — лунная богиня Tsukiyomi по Kami [48, 80, 84].

В этой связи еще более существенно, что современные индусы, как это отразилось в фольклоре Бомбея, называют солнце Survasakshi — «Наблюдатель всех вещей» и Jagatchakshu «Глаз Мироздания». В договорах у индусов существует формула, в которой упоминается Солнце и считается, что это обеспечивает полную уверенность в выполнении обязательств сторонами. Клятва Солнцем предполагает абсолютную правдивость лица, принесшего клятву ([39, 608] — со ссылкой на недоступную нам работу R. E. Enthoven, *The folklore of Bombay*, Oxford, 1924, стр. 30)².

Таким образом, саки северо-западной части Средней Азии (саки-тиграхауда, они же массагеты) поклонялись солнцу. В связанном с диалектами восточных среднеазиатских саков (саков-хаумаварга) хотано-сакском языке солнце называется именем Ахура-Мазды; это название сохранилось и в некоторых памирских языках, также генетически связанных с сакскими диалектами.

Объяснение тождества Ахура-Мазды и «солнца», а также вышеприведенной клятве памирцев следует искать в дозораострийских верованиях древних иранцев. Уже задолго до распространения учения Зороастра бытовавший у иранцев культ божеств (ахур) имел тенденцию «к слиянию в монотеистический культ верховного Ахура с эпитетом „мудрый“ — (Мазда)»³. Божество Ахура-Мазда, как полагают некоторые историки зороастризма, не было рождено всоображением Заратуштры, оно существовало и до проповеди пророка [43, 47—58]. Древнейшие представления о связи Ахура-Мазды с солнцем (светом) прослеживаются в Авесте. В Ясна Ахура-Мазда многократно и вполне определенно ассоциируется со светом, про него говорится, что он «сотворен из света». В Ясна Семиглав солнце и свет дня описываются как зрительно воспринимаемая форма Ахура-Мазды, а в более поздних Ясна солнце называется его «глазом» [42, 306; 45, 41—48; 73, 64, 68]⁴. Солнце считалось ребенком Ормузда и матери этого божества, огонь также рассматривался как сын Ахура-Мазды и идентифицировался с его священным духом [73, 74—75; 74, 63, 147, 151 154, 157, 429, 435].

Но и в Ригведе бог Варуна приготавливает широкую тропу для солнца [Ригведа, 1, 24, 8; 7, 87, 1], причем солнце — «глаз» этого божества [Ригведа, 1, 50, 6 и др.]. Ряд исследователей, в частности Р. Цэнер, делают отсюда вывод, что Варуна Ригведы и Ахура-Мазда ранних частей Авесты являются соответственно индийскими и иранскими дериватами одного и того же божества [58, 53, 93, 105, 108, 119, 160; 73, 68; также 53, 18—19]⁵. «Представляется вероятным, что первоначальный Ахура-Мазда должен был иметь солярные связи, но природа примитивных божеств так сложна, что было бы фактически неправильно сводить ее лишь к отождествлению с определенным явлением природы — дозораострийский Ахура был, несомненно, также связан и с концепцией истины или представлением о некоей „упорядоченности космоса“, равно как и с водами, и со светом или с солнцем» [73, 75].

² Обращение к солнцу как к богу или как к живому существу сохранилось и в восточнославянском фольклоре [12, 134, прим. 207].

³ В. А. Лившиц — ИТН, I, стр. 169.

⁴ См. также [32, 99] (там же об этом образе в культе Митры).

⁵ Сопоставление сведений о «солнечной сущности» Варуны и Ахура-Мазды было сделано уже и В. Гейгером — см. [42, 306—307].

Материалы такого рода истолковываются лингвистами по-разному [1, 116—117; 24, 137—139; 25, 12; 27, 52; 41, 245—246; 54, 220—222].

Мы во многом не можем согласиться с трактовкой этого вопроса Стен Коновым, Я. Асмуссеном и В. И. Абаевым. Контакты между саками и зороастрийцами существовали, как вытекает из Гат, уже во времена Заратуштры, а не только в послеахеменидское время. Вместе с тем было бы рискованным утверждать, что «солнечный бог» массагетов — это именно Ахура-Мазда. Не исключено, что это Митра или же иное комплексное божество, в котором слились черты, характерные для Ахура-Мазды и Митры [13, 38—40; 56а, 260—263].

Среди таджикских народностей сохранились отголоски еще более древних, матриархальных, представлений о солнце. Бухарские, самаркандские и сурхандарьинские таджики, обращаясь к солнцу с просьбой отвести непогоду, именовали его «Госпожа Солнце (хуршед хоним)» [14]. И это находит довольно широкий круг параллелей.

Хотя у индусов Бенгалии Солнце — мужское божество, но оно имеет и женскую ипостась *Chhatamátá*, которая почитается главным образом женщинами [39, 610]. Женское солнечное божество *Surya* известно у ведических индусов. Об этом же свидетельствуют женские божества солнца: латышско-литовская *Saule*, *Saulu'ze*, *Saulyte*, германские *Söl*, *Sunnā*, шведская *Fru Söle*, немецкая *Frau Sonne* [58, 283—284, 293, 664; 67, II, 64].

В славянском фольклоре Солнце очень часто выступает в качестве жены Месяца. В русской народной песне девица поет: «Мне матушка-красна Солнушка, а батюшка — светёл Месяц» [7, 79, также 71—80]; то же самое — в колыбельных [18, 72, также 151—160], в загадках [11, 73] и в других жанрах фольклора [12, 136; 22, 42]. У литовцев Солнце — дочь бога [59, 92—93].

В Ригведе [X, 85] имеется известный свадебный гимн (10), где Сурья (Солнце — невеста), а Сома (Месяц) — жених.

Амбивалентность представлений о солнце, свойственных индуизму, где солнцу сообщены как «положительные», так и «отрицательные» характеристики, прослеживаются и в древнегреческой религии, а также в религиях многих других народов [10; 19, 20—27].

Одна из сторон этой, когда-то универсальной, амбивалентности — бисексуальность представлений о Солнце.

2. НЕБО — ЗЕМЛЯ, ЗИМА — ЛЕТО

В Язгулеме небо и земля называются соответственно «дед» (т. е. по-русски — «отец») и — «нан» (т. е. «мать»). При этом времена года разделяются: 1) на мужские — осень и зима, так как в это время идут оплодотворяющие землю дожди и снег; и 2) на женские — весна и лето, когда все плодоносит. М. С. Андреев сопоставил это с индоевропейскими, в частности с ведическими представлениями. Вторичным, но вытекающим из этого, является деление вод на женские (подземная вода из источников, колодезь, родников) и мужские — дождевая вода, вода, берущая начало из ледников на высоких горах [2, 77; 3, 29—30]⁶.

Легенды и сказания о лежащих друг на друге Небе и Земле, как брачной паре, распространены в Африке, Полинезии, Индонезии, среди североамериканских индейцев и т. д. [40, 337—338]. Такие идеи зафиксированы в космологии Древнего Египта, Шумера, Китая, Мексики —

⁶ В средневековом иранском эпосе небо персонифицировалось и наделялось большим могуществом [65, 49, след.].

идея Himmel — Erde — Trennungsmotiv [см. подробный обзор: 28, 256—267 и карта № 4]. Очень широко они отражены в религиозных верованиях индоевропейских народов, в том числе индо-иранских, так что памирские представления — реликт более древних. Геродот [1, 131] сообщает о почитании персами, в частности, Земли и Воды⁷. Аналогичные сведения мы получаем и из других источников: Strabon, XV, 13, 13; Diogenes Laertis [Prooem., 2, 6]; Xenophon [Курор, 8, 3, 24].

Авеста сохранила имя женского божества Aramatī (ведическая Arāmatī). Это было божество Земли, олицетворение плодородия и обиталище мертвых [52, 222; 62, 110—112, 122; 71, 61—76; 72, 124]⁸. По Гатам [45, 4], она и ее брат Воху Монах — дети Ахура-Мазды. Воху Монах, символом которого, кстати, является крупный рогатый скот, помещался на небе [72, 37—38], вместе с тем верования сохранили следы персонифицированного божества неба [52, 40, 204].

В греческой религии параллельно Aramatī была Themis, также ассоциировавшаяся с землей. Aramatī и Vohu Monah были женским и мужским близнецами и, вероятно, мужем и женой. Небо и Земля были супругами и в архаическом сознании греков, об этом свидетельствует брак Персефоны и Зевса.

Сама идея о том, что небо — отец, а земля — мать, восходит к общим принципам индоевропейской космологии [32, 153—156; 67, I, 582]⁹. В древней Индии божества Небо и Земля (Dyāvā — Pṛthivī) обычно выступают как тесно соединенная пара, в персонифицированном плане как Отец и Мать (например, AV, 12, 1) [16—17, 13; 44, 95, 99; 64, 240].

«Я — Небо, — говорит жених невесте в Brhadāganyaka Upanishad [VI, 4, 20], — ты — Земля». В «Атхарваведе» [XIV, 2, 71] жених и невеста уподобляются Небу и Земле [см. также AV, XIV, I]. Это представление было и у древних греков, например, стоиков, [Plut., Epit., 1, 6, 11] и римлян. Следы его сохранились и у русских, у которых в фольклоре небо обозначается «отцом», «батюшкой», а земля — «матушкой», «кормилицей» [7, 129].

Этот бисексуальный принцип привел в поздней зороастрийской догматике к отождествлению Ормузда одновременно с матерью и с отцом всего сущего (Бундахишн, I, 38—39) [32, 156—157].

Мы, конечно, не можем согласиться с утверждением М. Элиаде: «Также свадебные обычаи имели божественный прообраз — человеческая свадьба воспроизводила божественную, точнее — соединение Неба с Землей» [37, 27]. Здесь все перевернуто с ног на голову. На самом деле идея брачного соединения божеств, Неба и Земли, отражала в религиозном сознании вполне земную, человеческую практику. Но заслуживает внимания глубокое наблюдение М. Элиаде, что это объединение — не просто космогоническая структурная модель свадебных обычаев, но, главное, — модель сотворения мира [37, 26].

Переходя к членению времен года по сексуальному принципу, следует отметить, что существовали и иные, чем на Памире, ассоциации. Так, в китайской таоистской философии существовало представление, что весной и летом — господствует мужской принцип, осенью и зимой — женский [28, 106, 111]. В символике митранизма весна и лето ассоцииру-

⁷ Э. Бенвенист, анализируя этот отрывок из Геродота, в части почитания воды — водных потоков — делает следующее заключение: «Так как почитание потоков известно для большинства граничащих с Ираном стран, трудно решить, было ли здесь заимствование или переживание, последнее представляется более вероятным» [29, 32].

⁸ Не исключено, что и эти представления восходят ко временам индоевропейской общности — см. [67, I, 583].

⁹ В Авесте, пишет Нюберг, сохранились следы представления о свадьбе между Араматии и Воху Монах [62, 153, 159—160].

ются с мужским началом; зима и осень — с женским, что совпадает и с пифагорийской дуальностью. Это соответствует типичным аграрным божествам двух главных частей года [28, 186—187]. Как пишет Бауманн, «противоположность между умирающей и воскресающей на протяжении года растительностью, которая в культе Адониса — Аттиса — Таммуза проявляется в смерти и воскрешении бога, здесь „yöllig aufgehoben durch das bisexuell Prinzip „Zweiheit in der Einheit“» [28, 187].

Деление вод на женские и мужские также необходимо рассматривать в связи с упомянутым выше бисексуальным принципом. В древнеиранских верованиях (Ясна, 38) воды называются женами Ахура-Мазды. Согласно этим же представлениям, Мазда, подобно греческому Посейдону или индийскому Варуне, считается создателем вод [32, 152, 157].

Главнейшей покровительницей вод являлась Anāhitā. Чрезвычайно существенно, что она называлась и отцом и матерью вод (Бундахишн, 3, 14—15) [32, 157; 65]. Покровительницей вод была и женская по своему существу Naivvatāt. Двойственность представлений о существе вод особенно ярко проявлялось в представлениях о «внуке воды» Arām Napāt — мужском начале, которое существовало внутри вод [32, 151—152, 202, 249; 49].

В древнеиндийской религии почитание воды, речных потоков занимало значительное место (об иконографии речных божеств в древнем индийском искусстве см. [70]). В современной Индии широко распространено почитание рек, ручьев, озер. Сохранились и переживания обычая принесения жертв потоку [34, 54—58] и иных жертв [34, 61], имеются и божества воды [34, 62; 35, 1, 35—48]. Не только в Средней Азии, но и в Индии встречается в виде пережитка представление о том, что вода колодцев и родников — женского рода. Это проявляется в вере в то, что водный источник нужно сначала выдать замуж за дерево, растущее на его берегу, лишь потом вода из него годится для пищи и ирригации. В Бенгалии с этой целью воздвигается у края источника деревянное изображение мужчины. Чаше, впрочем, устраивается символическая свадьба «представителей» источника и бога Вишну [34, 64—65; 35, 1, 48—51; 35, II, 121]. Отголосок этого обычая можно видеть в обычае западнобенгальских Когас, где два члена клана, обязательно мужчина и женщина, до того, как приступили к устройству водоема, совместно роют рядом с ним небольшое углубление, в которое вливают два полных сосуда воды, зачерпнутой в водоеме; лишь после этого водоем считается освященным, а его вода — пригодной для употребления [36, 55].

И на Памире, и в Индии бисексуальный принцип членения вод выражен более четко и непосредственно, чем у многих других народов, где он выявляется по-другому. Так, у народов акан, к которым, в частности, принадлежат ашанти, отец всего сущего — Ntogo, семя которого сопоставляется с рекой, оплодотворяющей землю [28, 94].

3. МАТЬ — ЗЕМЛЯ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТОЛП И ЧЛЕНЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

В Хуфе, при захоронении покойника в могиле, саван развязывали и разрезали таким образом, чтобы тело умершего прикасалось к земле. Только тело грешника долго сохраняется — считали хуфцы и говорили: «даже земля отказывается его принимать». Вообще смысл погребения — вручение тела земле. В могилу в Хуфе кладут несколько комков земли (три или шесть), а в Вахане же комки земли кладутся под саван.

В Хуфе над каждым комком трижды произносится заклинание: «вручаю земле!» [4, 191; 6, 17].

Земля выступает как одушевленное существо и в других случаях. После окончания запашки и посева хуфец говорил, обращаясь к полю: «О Земля, от меня была работа, а от тебя (должен быть) урожаем» [5, 64].

Для сопоставления с древнеиранскими верованиями следует иметь в виду, что Видевдат знает три способа захоронения: выставление трупов на открытом воздухе, погребение в земле и погребение в так называемых дахма. О погребениях в земле сообщается, что через пятнадцать лет помещенные там трупы превращаются в прах [51, 99]. О погребениях в земле сообщается и в Яштах (см., в частности, Яшт 13) [49, II, 747]. Однако собственно зороастризм категорически осуждает трупоположение. Труп считается нечистым. Поэтому приведенное выше хуфское представление не может быть связано с зороастризмом, а лишь с дозороастрийскими иранскими верованиями. Обратимся к древнеиндийским верованиям. Один из гимнов Ригведы описывает кремацию, часть другого — трупоположение [10, 18, 10—13]. В столкновении этих текстов между санскритологами нет единодушия [31, 165 и след.; 33, 9—10; 44, 130—135; 50, 87; 58, 165; 61, стр. XVIII—XIX; 64, 570—571; 68, 9—10]. Для нас в данной связи интересны лишь отраженные в Ригведе представления о связи погребяемого с Землей. Ведический гимн адресуется к Земле, призывая ее успокоить погребенного так, как мать укутывает сына в свои одежды [RV, 10, 18, 11]. Тут же [RV, 10, 18, 10] говорится покойнику: «Приближу тебя к Матери-Земле».

Итак, полное совпадение с хуфскими представлениями (последние, конечно, сохранились лишь фрагментарно). Отсюда следует, что в хуфских народных верованиях пережиточно дожили до нового времени восходящие к эпохе индо-иранской общности представления о Матери-Земле, прародительнице всего сущего, в том числе и человека. В ее лоно он возвращается после смерти.

А. Д. Бабаев при раскопках раннесредневековых могильников на Западном Памире обнаружил уникальное устройство: внутри каменных оградок (с коллективными захоронениями) по периметру шли деревянные колы и массивный кол — в центре. Публикуя этот материал, он задавался вопросом: «Может быть, эти оградки следует рассматривать как какое-то подражание (или даже имитацию) жилища — шатра и юрты?» [8, 14—15]. Это предположение кажется нам достаточно обоснованным.

Но, как известно, оппозиция дом (крыша дома) — погребальное сооружение, урна (перекрытие могилы) отражает космическую бинарность [47, 113]. «Появление (в мифологии.— Б. Л.) оппозиции земля — небо (и земля—подземное царство) имело своим результатом, во-первых, установление некоторого изоморфизма между структурой небесного царства (верхнего мира) и земного (срединного мира), проявляющегося прежде всего в создании небесной топография sacra по образцу земной и, во-вторых, необходимость решения задачи установления связи между небом и землей (или землей и преисподней). Подобная ситуация, связанная с выделением трех космических зон и отведением центральной зоне посредствующей роли... как раз и характерна для комплекса шаманских представлений. Связь между этими зонами (прежде всего в верхней), воспроизводящая акт сотворения мира и обозначающая снятие некоторых оппозиций, устанавливается благодаря самым разным объектам — дерево (мировое, шаманское, жизни, познания и т. д.), столп, сооружение сакрального назначения, гора, антропоморфное существо

(шаман в соответствующих культурах, Инда, Ушас, Будда в разных индийских традициях, Богоматерь в ранней европейской живописи, человек в концепциях Ренессанса и других антропоцентрических построениях и т. д.), абстрактные понятия» (логос, дхарма, мана и т. д.) [21, 226—227].

В «Ведах» есть мифологический персонаж — Аю,— и в этом качестве он выступает как двойник Агни. Как и Агни, этот персонаж может быть небесным и земным.

«...Столб Аю стоит в обители высшего (бога) там, где кончаются пути, на твердом основании» [X, 5, 6]. Другие божественные персонажи «стремятся к смертным (они) на помощь благочестивому второму Аю» [IV, 2, 18] [15, 195].

Как известно, в древнеиндийских космогонических представлениях вообще особое место занимает жертвенный столп (космический столп), гора, ось, колонна, царский трон, космическое дерево (дерево жизни). Жертвенный столп обеспечивал связь между миром людей и миром богов, тем самым приобретая космический смысл. С помощью космической колонны боги укрепили небо. Вместе с тем микрокосмос, имеющий одинаковую структуру с макрокосмом — Вселенной, также снабжен центральным столбом или колонной. Подобно Вселенной, жилище человека содержит этот элемент. Одинаковую структуру имеет и место обитания человека после смерти, его загробное жилище — могила: «Я укрепляю землю (над) тобой, кладу сверху (этот) пласт, да не будет мне ущерба. Да удержат эту колонну (подпирающую свод) отцы. Да установит Яма это твое жилище» [RV, X, 18, 13]. При этом, согласно Ригведе [X, 15, 1], знание космического порядка — прерогатива не только богов, но и блаженных покойников [55, 127]. Конечно, здесь были тесные корелляции между микро- и макрокосмом и в другом отношении: ведь под землей — царство мертвых. Когда копаешь землю, нельзя идти глубже, чем корни травы, ибо дальше «живут Отцы» [57, 494].

И последнее. Инвентарь, положенный в могилы, жертвенная пища обычно рассматриваются как связанные с покойником. Но если правильна развиваемая интерпретация, то и смысл могильных жертв, как и намогильной тризны, мог быть значительно шире (и отнюдь не только в древних памирских погребениях). Дерево (в данном случае — центральный столп, в других — намогильное сооружение — миниатюрная гора-дольмен, примыкающая скала) направляет жертву (или возлияние) богам [13а, 136]. Как сказано в [RV, V, 5, 10], «О дерево, ты знаешь тайные имена (природу) богов, туда направь жертву (возлияния)».

«Восшествие» к богам или осуществление «связи» с ними, конечно, могло нагляднее всего производиться через дерево, растущее у могилы. Именно об универсальности этого круга верований свидетельствует и то, что в подавляющем большинстве случаев у самых разных племен и народов дерево (или камни, т. е. часть столпа, колонны; в связи с этим, кстати, следует, по-видимому, проанализировать и происхождение намогильных сооружений, как горы в миниатюре или основания жертвенного столпа) рассматривается как воплощение души умершего. Так, у австралийцев «каждый соплеменник имеет дерево или скалу на участке, где их старый предок оставил часть своей души, когда он ушел под землю... Эта скала или дерево и ближайшая окрестность — священные, и никакие растения или животные, находящиеся здесь, не могут быть сорваны, убиты, съедены человеком, который ассоциирует себя с этим участком». Разумеется, все это имеет и сильную тотемистическую окраску [46, 158—167].

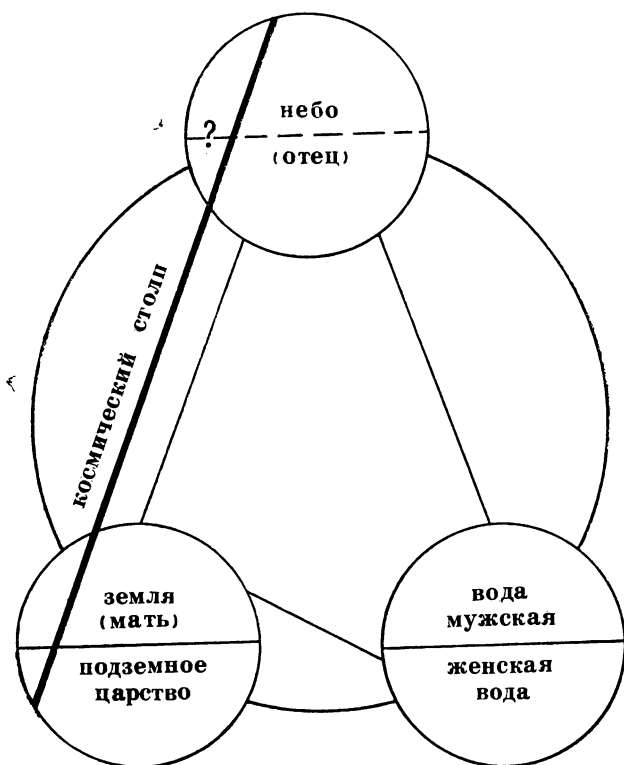

Рис. 1. Схема памирской космологии

Более древний (и полный) комплекс верований восстановлен М. Элиаде: «1) в мифические времена сообщение с небом было легким делом благодаря веревке (или дереву, горе и т. д.), соединяющим небо и землю; 2) боги спускались на землю, а цари — также небесного происхождения, — завершив свою миссию на земле, восходили на небо вдоль этой веревки; 3) вслед за неким катастрофическим событием, веревка была перерезана, и в результате коммуникация с небом стала невозможной; 4) катастрофа модифицировала и структуру космоса (определенное отделение небес от земли) и человеческого существования — человек стал смертным, другими словами, с этого времени он познал отделение души от тела; 5) с этой первобытной катастрофы лишь душа может восходить на небеса; 6) но некоторые (благочестивые люди, шаманы) даже сейчас могут восходить на небеса с помощью священной веревки» (дерева, скалы и т. д.), причем комплекс представлений о космической веревке был очень развитым в древней Индии [38, 227—232].

В этой связи особый смысл обретают некоторые бенгальские обычаи. Так, у западнобенгальского племени Рапгс покойники погребаются (а не сжигаются). После помещения покойника в могилу его старший сын зажигает нить и опускает ее в рот мертвого отца [36, 63]. Не являлось ли горение нити своего рода экстатическим средством, способствующим переходу души в мир богов? И еще. Практика сжигания погребальных сооружений (в частности, в Тагискене — см. [20; 9, 234, 236]), возжигания огненного кольца могла отражать поливалентные представления, одно из направлений которых охарактеризовано выше.

Следовательно, в древней Средней Азии существовало представление о тричном членении мироздания и мировом дереве¹⁰ (столпе) подобное тому, что и у современных кафилов [66, 206].

Таким образом, мы встречаемся в современных памирских верованиях с двумя парами связанных оппозиций: земля — небо (муж и жена) и вода небесная — вода земная (вода мужская — вода женская). Наряду с бинарной структурой и, как бы перекрещиваясь с ней, в древности существовала и трихотомия: подземный мир — земля (мир людей) — небеса (мир богов), связанных жертвенным столпом. По-видимому, как предположил К. Леви-Стросс, бинарные структуры (дуализм) являются пограничной формой выявления более сложных триадных структур [56, 147]. Тогда эту систему можно, по его методу, представить следующей диаграммой (см. рис. 1). Но является ли эта структура памирской космологии древнейшей или же она — вариант того членения мироздания, который свойствен древним индусам, где Небо, Земля и Воздух имеют трехчастное членение [53, 3—5], — это представляет специальную проблему.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И., Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса, — «ВДИ», 1963, № 3.
2. Андреев М. С., Из материалов по мифологии таджиков, — В кн.: «По Таджикистану», Ташкент, 1927.
3. Андреев М. С., Ирано-египетские параллели, объяснение изображения третьего лица египетской триады бога Нила, на почве восточноиранских материалов, — «Известия Таджикского филиала АН», № 12, Сталинабад, 1946.
4. Андреев М. С., Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), вып. I. Сталинабад, 1953.
5. Андреев М. С., Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), вып. II, Сталинабад, 1958.
6. Андреев М. С. и Половцев А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан, — «Сборник Музея по антропологии и этнографии», т. IX, СПб., 1911.
7. Афанасьев А., Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865.
8. Бабаев А. Д., Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана (Ишкашимский район ГБАО), Душанбе, 1965.
9. Грязнов М. П., Восточное Приуралье, — «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966.
10. Елизаренкова Т. Я., Сыркин А. Я., К анализу индийского свадебного гимна, — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 182, Тарту, 1965.
11. Зарубин Л. А., Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян, — «Советское славяноведение», 1971, № 6.
12. Иванов В. В., Топоров В. Н., Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период), М., 1965.
13. Литвинский Б. А., Кангуйско-сарматский Фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии), Душанбе, 1968.
14. Литвинский Б. А., Древние кочевники «Крыши мира», М., 1972.
15. Мухитдинов Х. Ю., Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура, — «Советская этнография», 1972.
16. Соколов М., Старорусские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование, Симбирск, 1887.
17. Сыркин А. Я., «Черное солнце», — «КСИА», вып. 80, М., 1965.

¹⁰ О последнем, помимо анализируемых памирских захоронений, свидетельствует также изображение на одной золотой бляшке из Иссыкского кургана, раскопанного К. А. Акишевым, где имеется растущее на горах дерево с птицей на вершине (доклад К. А. Акишева в Секторе скифосарматской археологии Института археологии АН СССР в феврале 1972 г.) (об этом сюжете см., в частности, [23, 86—88; 69, 114]). Объем статьи не позволяет нам рассмотреть здесь вопрос о месте «строительного (центрального)» столба памирского жилища в верованиях памирцев.

20. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., Работы Хорезмской археологотнографической экспедиции АН СССР в 1958—1960 гг.,— «МХЭ», вып. 6, М., 1963.
21. Топоров В. Н., Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений.— «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 181, Тарту, 1965.
22. Топоров В. Н., К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров),— «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 236, Тарту, 1969.
23. Топоров В. Н., К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок),— «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 198, Тарту, 1967.
- 23а. Топоров В. Н., О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева»,— «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 284, Тарту, 1971.
24. Åsmussen J. P., *Hjästvännift. Studies in Manichaeism*, «Acta Theologica Danica», vol. VII, Copenhagen, 1965.
25. Bailey H. W., *Indo-Scythian studies being Khotanese texts*, vol. IV, Cambridge, 1961.
26. Bailey H. W., *Languages of the Saka*,— In: «Handbuch der Orientalistik», 1, 4, 1. Linguistik. Leiden—Köln, 1958.
27. Bailey H. W., *Zoroastrian problems in the ninth century books*, Ratanbai Katrak lectures, Oxford, 1943.
28. Baumann H., *Das doppelte Geschlecht. Ethnologische Studien zur Bisexualität in Ritus und Mythos*, Berlin, 1955.
29. Benveniste E., *The Persian religion according to the chief Greek texts*, Paris, 1929.
30. Budruss G., *Zur Mithologie der Prasun-Kafiren*,— «Paideuma», 1960, Bd. VII, H. 4/6.
31. Caland W., *Die altindischen Todten und Bestattungsgebräuche*, Amsterdam, 1896.
32. Campbell L. A., *Mithraic iconography and ideology*, Leiden, 1968.
33. Chandra R., *The Indus valley in the Vedic period*,— «MASI», № 31, Calcutta, 1926.
34. Crooke W., *Religion and folklore of Northern India*, London, 1926.
35. Crooke W., *The popular religion and folk-lore of Northern India*, vol. I—II, Westminster, 1896.
36. Das A. K., *The Korās and some little known communities of West Bengal*,— «Bulletin of the Cultural Research Institute», special series, № 5, Calcutta, 1964.
37. Eliade M., *Kosmos und Geschichte. Der Mythos der ewigen Wiederkehr*, Rowohlt, 1966.
38. Eliade M., *Spiritual thread, sūtrātman, catena aurea*,— «Paideuma», 1960, Bd. VII/4—6.
39. Frazer J. G., *The worship of nature*, vol. I, London, 1926.
40. Frobenius L., *Das Zeitalter des Sonnengottes*, Bd I, Berlin, 1904.
41. Frye R. N., *Kushans and other Iranians in Central Asia*,— In: «Reşid Rahmet Arat için», Ankara, 1966.
42. Geiger W., *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882.
43. Gershevitch I., *The Avestan Hymn to Mithra*,— «University of Cambridge Oriental publications», № 4, Cambridge, 1959.
44. Gonda J., *Die Religionen Indiens. I. Veda und älterer Hinduismus*,— «Die Religionen der Menschheit», Bd 11, Stuttgart, 1960.
45. Gonda J., *Eye and gaze in the Veda*,— «Verhandlungen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen», Afd. Letterkunde. Nieuwe reeksdeel LXXV, № 1, Amsterdam—London, 1969.
46. Hartland E. S., *Primitive paternity*, vol. I, London, 1909.
47. Hentze C., *Das Haus als Weltort der Seele*, Stuttgart, 1961.
48. Hermann F., *Symbolik in den Religionen der Naturvölker*, Stuttgart, 1961.
49. Herzfeld E., *Zoroaster and his world*, vol. I—II, Princeton, 1947.
50. Hillebrandt A., *Ritualliteratur. Vedische Opfer und Zauber*,— «Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde», Bd. III, H. 2. Strassburg, 1897.
51. Humbach H., *Bestattungsformen in Vidēvdāt*,— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd 77, H. 1/2, Göttingen, 1961.
52. Jackson A. V. W., *Zoroastrian studies*,— «The Iranian religion and various monographs». Sec. imp., Columbia University Indo-Iranian series, vol. XII, New York, 1965.
53. Kirfel W., *Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt*, Bonn—Leipzig, 1920.

54. Konow St., A note on the Sakas and Zoroastrianism,— In: «Oriental studies in honour of C. E. Pavry», London, 1933.
55. Kuiper F. B. J., The bliss of Aša,— «Indo-Iranian journal», 1964, vol. VIII, № 2.
56. Lévi-Strauss C., Structural anthropology, New York, 1967.
- 56a. Litvinsky B. A., Das K'ang-chüsarmatische Jarnah,— CAJ, XVI, № 4.
57. Lommel H., Bausymbolik beim altindischen Opfer,— «Paideuma», 1958, Bd. VI/8.
58. Macdonnell A. A., Vedic mythology. Strassburg, 1897 (Encyclopaedie of Indo-Aryan research, vol. III/1-a).
59. Mannhardt W., Die lettischen Sonnenmythen,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1875.
60. Mannhardt W., Germanische Mythen. Forschungen, Berlin, 1858.
61. Müller M., Die Todtbestattung bei den Brahmanen,— ZDMG, Bd IX, Leipzig, 1855.
62. Nyberg H. S., Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938.
63. Olcott W. T., Myths of the Sun, New York, 1967.
64. Oldenberg H., Die Religionen des Veda, Berlin, 1894.
65. Ringbom L., I Zur Ikonographie der Göttin Ardivi Sura Anahita,— «Acta Academiae Aboensis», Humaniora, XXIII, 2, Abo, 1957.
- 65a. Ringgren H., Fatalism in Persian epics, Uppsala — Wiesbaden, 1962 (Acta Universitatis Uppsaliensis, 1952 : 13).
66. Robertson G., The Kafirs of the Hindu-Kush, London, 1896.
67. Schroeder L., Arische Religion, Bd. I. Leipzig, 1923; Bd. II, Leipzig, 1916.
68. Shastri D. R., Origin and development of the rituals of ancestor worship in India, Calcutta, Allahabad, Patna, 1963.
69. Toporov V. N., Parallels to ancient Indo-Iranian social and mythological concepts,— In: «Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper», Monton, 1968.
70. Viennot O., Les divinités fluviales Gaṅgā et Vamunā aux portes des sanctuaires de l'Inde. Essai d'évolution d'un theme decoratif,— «Publications du Musée Guimet. Recherches et documents d'art et d'archéologie», t. X, Paris, 1964.
71. Wesendonk O. G., Arjmati — als arische Erdgottheit,— «Archiv für Religions-—Wissenschaft», 1927, Bd. XXVII/1—2.
72. Widengren G., Die Religionen Iran,— «Die Religionen der Menschheit», Bd. 14, Stuttgart, 1965.
73. Zaehner R. S., The dawn and twilight of Zoroastrianism, New York, 1961.
74. Zaehner R. C., Zurvan. A Zoroastrian dilemma, Oxford, 1955.

Т. Г. Абаева

ИССЛЕДОВАНИЯ А. В. СТАНИШЕВСКОГО (АЗИЗА НИАЛЛО) О ПАМИРЕ

Имя Андрея Владимировича Станишевского хорошо известно советским афгановедам. Из Москвы и Ленинграда часто приезжают к нему востоковеды познакомиться с его великолепными материалами, собранными в течение не одного десятка лет, по различным вопросам востоковедения или познакомиться и побеседовать с ним. Часто такие беседы не укладываются в «рабочее время», а продолжаются несколько дней. Удивительный интерес, жадность к новым людям, к их замыслам, исканиям — характерная черта Андрея Владимировича. Особенно щедро ученый делится своими знаниями с молодежью. У него всегда можно получить самую высокую и квалифицированную консультацию по многим вопросам, связанным с историей Средней Азии и зарубежным Востоком. Станишевский является для нас, ташкентских востоковедов, «духовным отцом». Его питомцы — Узбек Рустамов, Азат Шамансурова, Тамара Абаева по праву считают себя его учениками. Много от А. Станишевского получил и видный востоковед Н. А. Халфин.

Всех друзей ученого — старых и новых — поражает А. В. Станишевский своей памятью, а хранит она многое — события первых лет установления Советской власти в Туркестане, встречи с учеными-востоковедами — А. Крымским, С. Ольденбургом, А. Семеновым и др.

Одной из центральных тем, к которой Станишевский с перерывами обращался в течение всей жизни, была тема Памира.

1922 г. в Ферганской долине выдался тревожный. Повсюду бродили басмаческие банды, но басмачество уже переживало пору разложения. Вожаки ссорились между собой, претендуя на главенство, и между отдельными бандами то и дело происходили столкновения. Упорная борьба разгорелась между двумя главарями — Исламкулом и Муэддином. Грызня ослабила обе банды, и 10 июня командование Ферганской группы советских войск начало операцию против шайки Муэддина в районе Оша. В субботу 17 июня передовые советские части настигли в горных ущельях банду, и в течение недели продолжались изматывавшие басмачей стычки. Муэддин отошел в Алайскую долину, думая там пополнить свою потрепанную банду людьми.

Еще шли бои, когда в Ташкент были вызваны два работника вновь организовавшихся Экономических совещаний (ЭКОСО) — Абдумалик Ардабьев и Андрей Станишевский. Оба они прибыли в Туркестан незадолго перед этим из Киевского Военного округа¹.

¹ 18 мая 1922 г. Центральный Комитет РКП(б) принял по докладу И. В. Сталина постановление о положении дел в Туркестане и Бухаре, где басмачество еще представ-

Прибывших командиров принял заместитель председателя Туркестанского Совнаркома Николай Антонович Паскуцкий, один из героев гражданской войны в Туркестане, возглавлявший в свое время Реввоенсовет Закаспийского фронта, и предложил им работу в системе организовавшихся тогда Экономических совещаний.

В дневниках А. Станишевского сохранилась запись беседы с Н. Паскуцким, дающая ключ к тому, какими методами проводилась борьба с басмачеством.

«Я сам, было, свылся с мыслью о том, что стал военным человеком,— сказал, улыбаясь своим удивленным собеседникам, Николай Антонович Паскуцкий.— А вот партия поставила меня на новый боевой пост: председателем Экономического совета Туркестанской республики. У военных большой организационный опыт, да и по примеру Украины вы сами знаете, что налаживание хозяйства помогло ликвидировать политический бандитизм еще в большей мере, чем действия вооруженных сил. Поэтому я и предлагаю всем подумать насчет работы в Экономических совещаниях...»

Так Ардабьев и Станишевский оказались на работе в органах ЭКОСО. Им поручено было собрать материалы об экономическом положении Алайской долины и Восточного Памира, охваченных басмачеством. Напутствуя Станишевского, Н. А. Паскуцкий знал о том, что его собеседник — востоковед, совмещавший военную службу с учебой в институте внешних сношений, где одним из руководителей был в то время известный ученый А. Е. Крымский.

«Коль у вас есть такая подготовка, — обрадовался Паскуцкий, — соберите материалы о пережитках родового деления у киргизов, а заодно поинтересуйтесь религиозными воззрениями киргизов и выходцев с Западного Памира, живущих в Оше. Говорят, что там пустила корни секта исмаилитов, глава которых в большом почете у английских политических органов в Индии».

Задание было очень интересным. Из лекций по суфийской литературе, прочитанных А. Крымским в Киеве, А. Станишевский был немного знаком с историей дервишеских мусульманских орденов. Именно они насаждали религиозный фанатизм среди киргизов, ранее весьма равнодушно относившихся к вопросам веры.

Киргизы считались мусульманами, но по статистике еще во времена царской администрации на всю Южную Киргизию почти до начала XX в. не было ни одной мечети. Потом в горах появились ишаны дервишеских орденов Кадырия и Накшабандия. Пугая простодушных чабанов муками ада, уготовленных тем, кто не выполняет пяти священных заповедей ислама, ишаны привлекали мюридов, становившихся на путь дервишеского послушания. Правда, большинство из этих новообращенных учеников свою преданность вере предпочитали доказать тем, что жертвовали своим духовным учителям барашка или объемистый чувал шерсти. «Ишан молитвы все знает, а мне, неграмотному чабану, легче вырастить барашка, чем приобщиться к мудрости писания» — так рассуждало большинство киргизских мюридов, и это вполне устраивало их духовных наставников. Но для того, чтобы вера держалась, надо было

ляло собой заметную силу. Вскоре по решению Реввоенсовета Киевского военного округа группа командиров разных специальностей была направлена в Туркестан. В этой группе были Ардабьев и Станишевский. Ардабьев командовал Военно-дорожным отрядом на Украине, и в этом отряде начал военную службу шестнадцатилетний юноша Андрей Станишевский.

Ардабьев, по происхождению касимовский татарин, хорошо владел киргизским и узбекским языками.

насаждать и мечети. Так шел процесс завоевания исламом горных ущелий Южной Киргизии.

А в Оше и прилегающих к городу кишлаках оказалось немало исмаилитов. Западный Памир был нищим краем. Ежегодно десятки людей шли на отходные работы в Ферганскую долину, где развивавшееся хлопководство требовало много рабочих рук. Было два маршрута, по которым текли толпы ищущих заработка. Многие шли из Рушана, Язгулема и Ванча через Каратегин, пересекая горный хребет по пути в Фергану перевалом Гадай-джулы. В переводе это название значило «Тропа нищих». И это действительно было так. Второй маршрут из Шугнана, Ишкашима и Вахана пролегал возвышенными нагорьями Восточного Памира.

В предгорьях, на подступах к Памиру, располагался старинный город Ош, и там оседала первая волна выходцев из Западного Памира, который был еще известен и под названием Горный Бадахшан. Были в ошской колонии бадахшанцев выходцы из Западного Бадахшана, оказавшегося с 80-х годов XIX в. под властью афганцев. Среди этой прослойки попадались люди зажиточные. Последний бадахшанский мир (правитель) Джахандар-Шо бежал в годы смут, предшествовавших завоеванию Бадахшана афганцами, в Ферганскую долину. С ним бежали приближенные, слуги, джигиты, состоявшие у него на службе. Все они осели — кто в Оше, кто в Уч-Кургане или Исфаре, в местах, напоминавших по своей природе их родину. Они поддерживали связи с Бадахшаном; те, кто хорошо устроился, выписывали даже родню, переезжавшую со всем скарбом и оседавшую на постоянное жительство в Оше. Среди них попадались грамотные, оставившие записи о своей родине. Живший в Оше Мирза Фазль Али-бек составил даже историческую хронику, дополнившую «Историю Бадахшана» Муллы Мухаммад Санг Бадахши, бадахшанского историка конца XVIII — начала XIX в.

О хронике Фазль Али-бека рассказывали все выходцы из Бадахшана, но найти ее тогда не удалось. Оказалось, что рукопись была увезена в Шугнан к исмаилитскому ишану Сеид Юсуф Али-Шо, который приходился родней наследникам последнего бадахшанского правителя.

В киргизских кочевьях поиски Станишевского оказались удачнее. Ему удалось познакомиться с внуками знаменитой Алайской царицы, последней независимой правительницы южных киргизов Курманджан додхо. Ее внуки Джемшид-бек и Кыдыр-бек были известны Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Кадыр-бек за свои боевые подвиги в борьбе с басмачами был награжден боевым оружием и орденом Красного Знамени. Джемшид-бек по своему характеру был менее склонен к боевым подвигам, но зато славился грамотностью и начитанностью, пользуясь благодаря этому влиянием не меньшим, чем его доблестный брат. Джемшид-бек любил вечерами, когда кончалась дневная страда, рассказывать предания киргизских племен, и здесь впервые Станишевский услышал о грандиозной эпической поэме киргизов — «Манас».

Прежде господствовало мнение, что «Манас» бытует только в виде поэмы, исполняемой певцами-манасчи. Однако, по словам Джемшид-бека, среди киргизов-пастухов Припамирья и Южной Кашгарии сохранились прозаические варианты «Манаса», принявшие форму сказок. Эти сказки нанизывались одна на другую в такое же бесконечное повествование, как и грандиозная поэма. Один из пастухов Джемшид-бека происходил из Канджута, маленького княжества в Северо-Западной Индии. Канджут и соседние горные области южного склона Гиндукуша населял загадочный небольшой народ — буришки, язык которых не имел

родства ни с одним из известных современных языков мира. Соседство с киргизами привело к некоторым лингвистическим заимствованиям. Одно из этих заимствований, сообщенное пастухом Джемшид-бека, оказалось очень любопытным. Слово 'манас' вошло и в канджутский язык. Означает оно 'длинное повествование', подчеркивая, что среди киргизов, живших по соседству с буришками, 'манас' встречается не в форме поэмы, исполняемой певцами, а в форме прозаического повествования. В долгие зимние вечера чабаны, не наделенные талантом исполнения сложных поэм «Манаса», рассказывали эти сказки, в которых отражалось мирозерцание простых пастухов.

На Восточном Памире А. В. Станишевскому удалось записать сведения не только о «Манасе», но и получить информацию о деятельности английского консула в Кашгаре Эсертон, который в то время частенько наведывался на Восточный Памир. Английский консул созывал басмаческих курбашей и родовых старшин, раздавал им оружие, призвал создавать новые банды и уговаривал совершать грабительские набеги даже на Ферганскую долину. Южнее, на озере Сасык-куль, караульщик почтовой юрты Супи рассказал А. В. Станишевскому и о других гостях. В 1918 г. от английского полковника Смита из форта Гильгит приезжал офицер, неплохо говоривший по-киргизски. Он расспрашивал о маршрутах через Памир в Фергану, обещал, что англичане этим путем будут снабжать оружием басмачей Ферганской долины.

То, что рассказал караульщик Супи на озере Сасык-куль и крупный родовой старшина каракульских киргизов Джутанкибай, не уместилось в толстой общей тетради. Запись эта была скорбной: сколько людей погибло от рук басмачей, вооруженных подполковником Эсертоном, сколько было ограблено кочевников, сколько банд прошло по тропам Восточного Памира и Алая, неся смерть в кишлаки Ферганской долины.

Джутанкибай рассказал о том, что когда его юрта осенью 1919 г. стояла в Алайской долине, у него останавливались гонцы эмира бухарского, отправлявшего тревожные письма подполковнику Эсертону с просьбой принять на хранение эмирские сокровища. Предчувствуя скорое падение, эмир тайком хотел переправить свои сокровища английским друзьям и покровителям.

Эсертон сам приезжал к Джутанкибаю, интересуясь, сколько можно найти верблюдов и выючных лошадей на Восточном Памире и у алайских киргизов. Оказывается, подполковник намеревался в конце 1918 или в начале 1919 г. начать вывоз запасов хлопка, скопившегося в Ферганской долине.

Джутанкибай хорошо знал край. Из Кашгарии, отделенной от Индии мощными хребтами, хлопок вывезти нельзя. Многие вершины Каракорумских гор превышают 7500 м. Почти на всех перевалах лежат вечные снега, и верблюды одолеть их не могут. Караваны косматых горных лошадей привозят только такие товары из Кашмира, которые можно уложить в небольшой выюк. Еще чаще кашмирцы переправляли товары так, как не перевозят нигде в мире. Рослого кашмирского барана завьючивали выюком в полпуда весом. Это в двенадцать раз меньше лошадиного выюка и в тридцать раз меньше верблюжьего. Стадо таких завьюченных баранов перегоняли через самые высокие перевалы. Много товара, однако, так не перевезешь, и Джутанкибай спросил английского консула, зачем он хочет вести хлопок в Кашгар, если дальше оттуда в Индию его отправить нельзя. Эсертон на это ответил, что ему отпустили много денег для скупки хлопка, только бы этот хлопок не достался большевикам.

Рассказав об этой встрече с Эсертоном, Джутанкибай добавил:

«Я потом понял, почему басмачи поджигали в Ферганской долине хлопкоочистительные заводы и бунты собранного хлопка: англичане за это заплатили им золотом».

Тропическая малярия заставила Станишевского покинуть Туркестан. Он вернулся в Киев и после выздоровления в конце 1923 г. стал приводить в порядок свои полевые записи об исмаилизме, сделанные в Оше во время встреч с жившими там выходцами из Шугнана и афганского Бадахшана. В это время Станишевский заведовал губернским лекторским бюро Губполитпросвета. Бюро помещалось в здании первого в нашей стране Дома Коммунистического просвещения, в создании которого деятельное участие принимал сам Станишевский. Дом Коммунистического просвещения помещался в здании бывшего Педагогического музея на Большой Владимирской улице. Напротив находилась Украинская Академия наук, где пост неперменного секретаря занимал А. Е. Крымский, которого Станишевский считал своим первым наставником в области востоковедения. Вот что вспоминает Станишевский о киевском периоде жизни:

«Еще до поездки в Туркестан, во время лекций А. Е. Крымского по истории культуры Персии, я услышал взволнованный рассказ о замечательной средневековой энциклопедии „Ихван-ас-Сафа“ („Братство верных друзей“). А. Е. Крымский считал, что эта энциклопедия оказала огромное влияние на развитие философии в Западной Европе. Центром, где создавалась энциклопедия, был город Басра. Уже в X в. энциклопедия была привезена в Испанию. Несколько позже один из крупных философов Испании раввин Калонимос перевел отдельные трактаты на древнееврейский язык. В предисловии к своему переводу Калонимос писал: «Здесь говорится обо всех науках, какие только существуют на земле, о всех материях, про которые писано людьми; изложение идет в виде повествований, рассказов, выраженных мнений и доказательств; последних, впрочем, мало, ибо в эту энциклопедию прямо внесено то, что в течение многих веков и до наших дней признается за верное кем-нибудь из древних и новых философов по поводу вещей, бывших предметом их исследований. Составителями энциклопедии было целое общество ученых людей, славных между народами колена Исмаилова, а если их имена не известны, то это потому, что по поводу религиозных учений здесь высказываются неудобные суждения»².

Крымский считал, что «Братство верных друзей» было тайным обществом, основанным исмаилитами. В беседах А. Е. Крымский часто говорил о том, что исмаилизм является синкретической религиозной системой, пытавшейся соединить в своем учении религиозные воззрения доисламского Ирана, манихейства и переднеазиатского гностицизма. Забегая вперед, заметим, что академик С. Ф. Ольденбург видел в исмаилизме очень сильные следы буддизма, привнесенные в ту пору, когда буддизм, оказывая огромное влияние на Византию, сумел заставить христианскую церковь канонизировать Будду в качестве христианского святого. Рассказ о Бодисатве Гаутаме превратился в «Житие царевича Иосафа».

Крымский также не исключал влияний буддизма и индуизма на исмаилизм, что наиболее рельефно проявляется в учении о переселениях душ у памирских исмаилитов.

Наибольшим было влияние на исмаилизм манихейства. Профессор Ф. И. Шмит, искусствовед по специальности, с которым А. В. Стани-

---

² Приведено по стенографической записи со слов А. Е. Крымского, ссылавшегося на французский перевод Сильвестра де Саси.

шевский часто встречался работая в Киеве, был глубоким знатоком манихейства, хотя, насколько известно, о манихействе никогда и нигде не писал. Манихейство было увлечением Ф. И. Шмита, причем он этому увлечению порой отдавал времени больше, чем прямой работе в области искусствоведения. Однажды, весной 1924 г., Федор Иванович для старшекурсников Киевского Археологического института прочел импровизированную лекцию о возникновении и развитии манихейства. Сам Мани — основатель учения — родился в начале III в. н. э. неподалеку от Ктесифона. Его настоящее имя не известно, и только в некоторых трудах христианских богословов, яростных противников манихейства, оно сохранилось в искаженной форме «Курбик». Отец Мани принадлежал к общине последователей Зердушта (Заратустры), но затем примкнул к арабской секте Мандеев. Мани смолоду проявил талант живописца, и отец отправил его в Нижний Египет, чтобы он обучился искусству портретной живописи. Там Мани познакомился с учениями гностиков и, по-видимому, примкнул к ним. Затем он, по одним преданиям, вернулся на родину и подвергся гонениям, заставившим его удалиться на Восток. По другой версии, Мани, будучи страстно преданным искусству, уехал в Китай, чтобы ознакомиться с живописью китайских мастеров. К 238 г. н. э. относится известие о начале проповеди Мани; именно тогда он принял это имя, означающее «Духовное завершение».

Известно, что Мани путешествовал по Индии, основал ряд общин в бассейне Тарима и других местностях Восточного Туркестана, а потом в эпоху Варахрана опять вернулся в сасанидский Иран. Здесь жрецы начали гонения против быстро распространившегося манихейства, и в 277 г. н. э. Мани был зверски умерщвлен.

Много времени спустя после памятной беседы в Киевском Археологическом институте выдающийся тюрколог С. Е. Малов опубликовал знаменитую «Покаянную молитву», авторство которой приписывается самому Мани. Эта молитва носит заметное влияние переднеазиатских гностических учений. Приведем маленький отрывок:

Богу Зарвану,
Богу Солнцу и Луне, сильному Богу,
И вестникам мы верим,
На них опирались, мы были их послушниками.
Мы были припечатаны в нашем сердце
Четырьмя печатями света.
Первая печать бога Зервана — любовь.
Вторая печать богов Солнца и Луны — вера.
Третья печать пяти богов — страх.
Четвертая печать Вестников — мудрое знание³.

Так «Покаянная молитва» сводит все к главной основе — Мудрому Знанию, Гнозису. Все это перекликается с учением Василида, воскрешая догму гностицизма.

А отсюда мы бросаем мостик на современный Памир. Исмаилиты говорят, что Бог трончен и первой высшей эманацией его является Акликуль — Мировой Разум, владыка абсолютного Знания. Так мы видим в пережиточной форме трансформацию учения о Гнозисе, дожившего до наших дней в суровых ущельях Памира.

Весной 1926 г. А. Станишевский был переведен в Ташкент и здесь принял непосредственное участие в работе ташкентских востоковедов. К тому времени окреп Восточный факультет Среднеазиатского Государ-

³ Перевод «Покаянной молитвы» приводим в редакции А. В. Станишевского по уйгурскому тексту книги С. Е. Малова [4, 118].

ственного Университета. В этом немалая заслуга принадлежала Уполномоченному НКВД в Узбекистане А. А. Знаменскому, одному из ярких представителей старой большевистской гвардии. Особенно плодотворной была деятельность Знаменского в те годы, когда он одновременно занимал пост ректора Среднеазиатского Государственного Университета, возглавляя тогда же созданное им Общество по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами.

В 1925 г. в издании этого общества вышел капитальный сборник статей о Таджикистане под редакцией профессора Н. Л. Корженевского. В сборнике были помещены ценные материалы по Памиру. В этом же году обществом была организована под руководством Н. Л. Корженевского научная экспедиция на Памир. Материалы этой экспедиции вышли в свет в 1926 г., а по зарубежному Востоку была выпущена такая капитальная работа, как перевод книги Бурхана-уд-Дин-хан-и Кушкеки «Каттаган и Бадахшана» под редакцией, с предисловием и примечаниями А. А. Семенова. Почти одновременно вышли две книги М. С. Андреева: «К материалу по Среднеазиатской керамике» и «Выработка железа в долине Ванча». Принял участие в работах Общества и академик В. В. Бартольд, выпустивший в 1926 г. в изданиях Общества «Исторический обзор Ирана». Огромный интерес вызвало последнее издание этого года — работа А. А. Семенова «К догматике памирского исмаилизма».

Сразу же по приезде в Ташкент А. В. Станишевский восстановил старые знакомства с Андреевым, Корженевским и Семеновым. Один из товарищей по работе А. В. Станишевского Арнольд Дуккур незадолго перед этим вернулся с Памира, где работал по охране государственной границы 1924—1925 гг.

У Дуккура сохранился богатый фотоархив, были собраны интересные этнографические материалы, которыми заинтересовались ташкентские востоковеды М. С. Андреев и А. А. Семенов. По существу, внутри Общества по изучению Таджикистана возникла секция, занимавшаяся изучением Памира. Не один раз у А. А. Знаменского собирались памироведы, к которым присоединялся и Н. Л. Корженевский, лучший знаток географии Памира. По предложению А. А. Знаменского, Станишевский занялся сбором архивных документов. Все свое свободное время проводил Андрей Владимирович в Государственном архиве, разыскивая в его богатейших, тогда еще не упорядоченных фондах документы по Памиру. Именно тогда была найдена папка материалов Дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторстве. В ней оказалось письмо Николая Федоровича Петровского, большого знатока Востока, много лет занимавшего пост Российского Генерального консула в Кашгаре. В 1883 г. по поручению Министерства иностранных дел Петровский составил сводку материалов о Шугнана, основанную главным образом на расспросах купцов, побывавших в Шугнана. Ценность этой сводки заключалась в том, что в нее были включены сведения, полученные Н. Ф. Петровским во время его бесед с последним бадахшанским миром Джехандар-Шо, который бежал из пределов Бадахшана и закончил свою жизнь в кишлаке Учкуртан в Ферганской долине.

Большой интерес представляли и документы 1888 г., поступившие от Ферганского военного губернатора. Осенью того же года к Ферганскому военному губернатору явились посланцы Акбар Али-хана, независимого правителя Шугнана. В послании Акбар Али-хан просил о русском подданстве, с тем чтобы Шугнан вошел в состав России. Во время беседы посланцы заявили буквально следующее: «Шугнанское ханство

несколько лет тому назад просило Русское правительство принять народ в русское подданство собственно с тем, чтобы избавиться от подчинения их афганцам, которые, подозревая шугнанцев в сочувствии народа к русскому правительству, жестоко преследуют народ и доводят до крайнего разорения и нищеты: убивают невинных, отнимают жен, насилуя девушек, отнимают имущество, накладывают разорительные подати, забирают в рабство, где погибают безвозвратно или возвращаются лишь опозоренные дочери к разоренным родителям» [7, 133].

Из этого документа становится ясно, что в селении Учкурган Ферганской области в то время существовала колония выходцев из Шугнана и Бадахшана. Посланцы Акбар Али-хана привезли в колонию письма с просьбой оказать содействие и ходатайствовать перед русскими властями по поводу присоединения Шугнана к России. Записи бесед с посланцами Акбар Али-хана представляют большой интерес, поскольку дают ценные сведения об экономическом и правовом положении жителей Шугнана накануне присоединения Памира к России.

К 1888 г. относилась коллекция документов, связанных с путешествием Громбчевского в Припамирье. Тогда этот смелый исследователь совершил большую и трудную поездку: побывал в почти неизвестном в ту пору науке Канджутском княжестве, упорно сопротивлявшемся агрессии английских колонизаторов.

Экспедиция Громбчевского выступила в июле 1888 г. из дарвазского селения Кали-и Хумб, где находилась резиденция дарвазских правителей, возводивших свою родословную к Александру Македонскому. Проникнуть через Шугнан к югу, в Ишкашим, Громбчевскому не удалось.

Через Каратегин и Алтын-Мазар экспедиция очень трудным маршрутом вышла на Восточный Памир, и здесь Громбчевский узнал, что Шугнан захвачен афганцами. В письме на имя Российского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского Громбчевский рассказывал о тех бедствиях, которые обрушились на население Западного Памира. «Занятие Шугнана,— писал Громбчевский,— сопровождалось страшными жестокостями, все способные носить оружие были перебиты, девушки и молодые женщины заполонены, а дети более знатных и влиятельных семейств высланы в Кабул. Население бежало к соплеменникам своим — сарыкольцам, но китайцы выслали сильный отряд под начальством Чжан-Дарина, который безжалостно прогонял беглецов обратно в Шугнан, а афганцы ловили и казнили возвращавшихся».

Документы, найденные тогда А. В. Станишевским в архивных фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, проливали свет на самый малоизученный период истории Шугнана, предшествовавший присоединению Памира к России.

Содержание этих документов вызвало большой интерес членов Общества по изучению Таджикистана. Истории Шугнана была посвящена только одна работа А. А. Семенова, опубликованная в Ташкенте в 1916 году в «Протоколах Кружка любителей археологии». Это был перевод рукописи одного из просвещенных шугнанцев Хайдар-Шо Муборак Шо-Заде, снабженный предисловием, примечаниями и заключением А. А. Семенова. В «Истории Шугнана» совершенно не затрагивалась экономика и социальная жизнь Шугнана, в то время как найденные А. В. Станишевским архивные документы довольно полно освещали именно эти вопросы.

В 1926 г. исполнилось около тридцати пяти лет со времени присоединения Шугнана к России. Предшествовавшая этому борьба шугнанцев за свою независимость против афганских завоевателей, так и

не сумевших укрепить свою власть в Шугнанах, была свежа в памяти не только стариков, но и людей зрелого возраста. Поэтому предложение А. А. Знаменского записывать рассказы стариков казалось весьма заманчивым. Проблема заключалась лишь в том, что трудно было найти среди памирских работников человека, обладавшего необходимой подготовкой для таких полевых работ.

В 1928 г. английская разведка усилила свою работу в Средней Азии, направлявшуюся с разведывательных баз на подступах к нашей стране. Важнейшие из этих баз находились в Мешхеде, где подвизались такие знатоки «русского вопроса», как Хамбер и Стевени. Восточным оплотом английской разведки было Кашгарское консульство. Очень важную роль играли две другие базы, находившиеся на территории англо-индийских владений: Гильгитское и Малакандское политические агентства. В районе Ишкашима советский Памир отделялся от территории княжества Читрал прозрачной одиннадцатиметровой полоской. Местные жители уверяли, что с вершины перевала Садиштраг в сильный полевой бинокль виден красный флаг, развевавшийся над домиком сельсовета в кишлаке Нюд. По этому маршруту английская разведка пыталась забрасывать своих людей на территорию Памира, а из Гильгита английская агентура могла проникать через Восточный Памир в горные районы Южной Киргизии и далее в Ферганскую долину. Должность Малакандского политического агента занимал в те времена полковник Томсон-Гловер, а его помощником в Читрале был капитан Базиль Вудз-Баллард.

Через Читрал шли в Индию на поклонение своему живому богу Ага-Хану верующие памирские исмаилиты, и приставленные к исмаилитскому читральскому ишану работники политического агентства вели подробнейшие опросы всех останавливавшихся на ишанском подворье богомольцев с Советского Памира.

Летом 1928 г. стала очевидной необходимость пресечь деятельность английской разведки на Памирском участке, и в Хорог для усиления работы по охране государственной границы был отправлен один из старейших чекистов, участник штурма Зимнего дворца в Октябрьские дни 1917 года — А. И. Степанов. Его заместителем был назначен А. В. Станишевский. По своим служебным обязанностям А. Станишевскому пришлось побывать чуть ли не во всех селениях Горного Бадахшана.

Ученые-востоковеды из Общества по изучению Таджикистана, занимавшиеся Памиром, М. С. Андреев, А. А. Семенов, Н. Л. Корженевский разработали обширную программу, которая легла в основу сбора А. В. Станишевским исторических, этнографических и географических материалов о Памире. Народ на Памире очень гостеприимен и приветлив. В каждом кишлаке находились люди, помнившие множество преданий об историческом прошлом Памира, встречались долгожители, державшие в своей памяти события буквально за сотню лет. В Ямчуне нашелся «собеседник из XVIII века» Гулом Наби. По его подсчетам, он родился во второй половине 1206 года хиджры, что соответствовало началу 1792 г. европейского календаря. Память он сохранил удивительную. С необычайными подробностями Гулом Наби рассказывал о событиях начала XIX в., пересыпая повествование народными поговорками. В горах около Ямчуна сохранились развалины древней крепости, и Гулом Наби в течение нескольких вечеров рассказывал предания о том, что в отдаленные времена на месте этой крепости находилась столица правителей сияхпушей.

Мимо Ямчуна шли торговые пути из бассейна Тарима в Бадахшан. Караваны, проходившие по этому пути, пользовались защитой сияхпуш-

ских правителей, но за это приходилось выплачивать немалую дань. Предания рассказывали, что в самом начале мусульманской эры на Западный Памир прибыл с воинством святейший Али, зять самого пророка Мухаммада. Сияхпуши потерпели поражение в битве и отступили через Мунджан на южные склоны Гиндукуша в страну, называемую Катвар. Где находится эта страна, Гулом Наби объяснить не мог, уверяя только, что жители этой страны так и не приняли веру ислама, за что соседние афганские племена прозвали их кафирами или неверными, а страна получила новое название — Кафиристан (страна неверных).

Вместе с младшим сыном Гулома Наби (а этому «младшему» шел девяностый год) А. В. Станишевский поднимался к развалинам Ямчунской крепости, которая господствовала над всей Ваханской долиной. К крепости примыкало обнесенное высокой стеной городище. Тут, по преданию, жили ремесленники. Все эти сооружения относились к самой глубокой древности.

Гулом Наби рассказал предание о том, что посередине городища находился храм, в котором вечно горел огонь, который сияхпуши обожествляли, за что соседние народы называли их «поклонниками огня» — «оташпарастами».

Сейчас долину Вахана населяет небольшая народность, ваханцы, сохранившие специфический язык, входящий в скифо-сакскую группу языков. Он близок к исчезнувшему ныне хотано-сакскому языку, известному по древним рукописям, найденным в районах Восточного Туркестана.

К западу от Ямчуна расположен кишлак Намангут. Об этом кишлаке Гулом Наби рассказывал, будто его жители являются соплеменниками сияхпушей, не успевших уйти со своими сородичами в Кафиристан.

В Намангуте жил большой друг А. В. Станишевского Дод Мамад, тоже хранивший в памяти бесконечное множество преданий о далеком прошлом Горного Бадахшана. Дод Мамад в 80-х годах XIX в. совсем молодым человеком совершил поездку в Кафиристан, чтобы разузнать, действительно ли там обитают народы, родственные жителям Намангута. Из Кафиристана Дод Мамад пробрался в Южный Читрал, в область, называемую Калашгум, жители которого до сих пор сохранили древнюю веру. Дод Мамад рассказывал о своих путешествиях с такой живостью, будто все происходило вчера.

Большой материал был собран А. В. Станишевским об исмаилизме, этой древней религиозной системе, сохранившейся на Памире и в прилегающих горных областях. Исмаилитов возглавлял Ага-Хан, считавшийся воплощением Мировой Души — второго лица исмаилитского пантеона. По верованиям памирских исмаилитов, частицы Мировой Души воплощены были в руководителях общин верующих — ишанах.

В 1928 г. на советской территории проживало 8 ишанов, в Афганистане, Северо-Западной Индии — 19. Не все ишаны были равны по степени влияния и числу своих последователей. Численность мюридов не всегда соответствовала степени влияния. Например, хуфский ишан Шо-Хусейн мюридов имел немного, но слыл человеком очень начитанным и благодаря этому пользовался большим почетом среди верующих.

Наибольшим влиянием пользовался поршневский ишан Сеид Юсуф Али Шо, а его брат Шо-Заде-Мамад считался глубоким знатоком исмаилитской догматики. Его учителем был самый крупный знаток арабской каллиграфии в Бадахшане, и Шо-Заде-Мамад воспринял от своего учителя это искусство. Большинство исмаилитских рукописей, собранных в свое время А. А. Бобринским, А. А. Семеновым, а позже А. В. Станишевским, были переписаны рукой Шо-Заде-Мамада. Часть

переписанных им рукописей попала в европейские книгохранилища. Шо-Заде-Мамад и ишан Сейид Юсуф Али-Шо были обладателями большой, по памирским понятиям, библиотеки. В числе уникальных рукописей, хранившихся у Сеид Юсуф Али-Шо, была «История Бадахшана» Мирзы Санг Мухаммед Бадахши, дополненная Мирзой Фазль Али-беком, бадахшанцем, эмигрировавшим в пределы Русского Туркестана и жившем в г. Ош.

По словам ишана Сеид Юсуф Али-Шо, «История Бадахшана» Санг Мухаммада Бадахши была известна в четырех или пяти списках. Один из них был в Коканде, а остальные оставались в Бадахшане, в городе Файзабаде и Джирме. Мирза Фазль Али-бек довел повествование до 1908 г. Ишан Сеид Юсуф Али-Шо во время своей поездки в Туркестан останавливался в Оше в доме Фазль Али-бека и там познакомился с уникальной рукописью «История Бадахшана». В числе ближайших родственников (по женской линии) у ишана был Абдул Гияс-хан, выступавший с претензиями на роль наследника независимых правителей Бадахшана и Шугнана. Ишан Сеид Юсуф Али-Шо поддерживал такие претензии своего родича и в 1915 или 1916 г. специально посылал своего халифа к Фазль Али-беку, согласившемуся уступить ишану свою рукопись. В 1917 г. ишан Сеид Юсуф Али-Шо попытался провозгласить Абдул Гияс-хана правителем Шугнана и в качестве аргумента, подкреплявшего претензии последнего, ссылался на «Историю Бадахшана», где сообщалось о «державных» родственниках Абдул Гияс-хана. Так рукопись «История Бадахшана» попала на Памир и играла некоторое время даже роль политического документа.

В 1928 г. ишан расстался с этой потерявшей для него значение рукописью, уступив ее с согласия Абдул Гияс-хана А. В. Станишевскому, который был знаком и с Абдул Гияс-ханом. Этот последний потомок бадахшанских и шугнанских правителей жил в старинной крепости на окраине селения Кала-и Ватар.

Держался Абдул Гияс-хан в стороне от общественной жизни, стремясь в то же время подчеркнуть свою лояльность по отношению к Советской власти. В бурные годы после свержения царизма Абдул Гияс-хан отнюдь не выглядел человеком отрешенным от житейских волнений. С первых же дней после того, как на Памир пришло известие о Февральской революции, Абдул Гияс-хан вел себя противоречиво. События на Памире складывались весьма своеобразно. В составе Памирского отряда оказались большевики, и они пользовались большим влиянием среди солдат, избравших их в состав первого комитета Солдатских депутатов. Зауряд-военный чиновник Тихон Назарович Белоз, хорошо владевший шугнанским языком, по поручению большевика-солдата Воловика, возглавлявшего Солдатский комитет, вошел в состав избранного в апреле месяце 1917 г. Шугнанского волостного комитета. Этот волостной комитет возглавил один из образованнейших шугнанцев Хайдар-Шо Мубарак-Шо-заде, уже упоминавшийся выше.

8 мая 1917 г. Шугнанский волостной Исполнительный комитет вынес решение, вызвавшее большое смятение в Бухаре.

Дело в том, что Западный Памир считался частью территории Бухарского эмирата. Февральская революция обошла стороной Бухару, и власть эмира фактически даже усилилась. Еще до революции туркестанские генерал-губернаторы шутили: «Самым послушным из уездных начальников в Туркестанском крае является эмир бухарский».

Сразу же после Февральской революции английский консул в Хоросане полковник Грей установил связи с Бухарой, послав к эмиру нарочного с предложением помнить о «добрых соседях англичанах», ес-

ли русские, свергнувшие своего царя, попытаются отстранить эмира бухарского. Получив такую, пусть не официальную, поддержку, эмир попытался вести себя далеко не как «послушный уездный начальник».

Сношение с Бухарой при царизме официально осуществлялось при посредстве бухарского императорского политического агента, который числился по штатам министерства иностранных дел, но полностью подчинялся туркестанскому генерал-губернатору. Февральская революция ликвидировала административный аппарат управления Туркестанским краем, и сношения с бухарским эмиром велись уже непосредственно Петроградом. Бывший тогда министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Миллюков посылал непосредственные директивы бухарскому резиденту, как назывался после февраля бывший императорский политический агент. В результате, казалось бы, значение суверенитета эмира должно было возрасти, и вдруг Шугнанский исполнительный комитет где-то в далекой памирской глуши выносит решение, ущемляющее «государственные права» эмира. А это решение было сформулировано предельно лаконично и ясно: «Ввиду смерти исполняющего обязанности Шугнанского бека Мирза Касир Мирахура представителя от бухарского правительства за ненадобностью, вследствие перехода на самоуправление, больше не назначать. Имеющиеся ветхие постройки и один кавш земли Комитет постановил взять в свое пользование» [7, 134].

Постановление подписали Хайдар-Шо и заместитель председателя волисполкома Т. Белов или, как его величали на шугнанский манер местные жители, Тих-Назар. Три других члена волостного исполнительного комитета поставили рядом с этими подписями свои личные печати.

В Бухаре постановление шугнанцев было воспринято как первый сигнал того, что революция не минет и Бухару. Характерно, что российский резидент Чиркин, представлявший правительство Керенского, попытался поддержать домогательства эмира, пытавшегося утвердить свою власть на Памире. В августе 1917 г. дарвазский правитель по поручению эмира вступил в переговоры с начальником Памирского отряда, стремясь добиться его согласия на посылку эмиром в Шугнан нового бека. Одновременно дарвазский правитель установил связи с памирскими феодалами, рассчитывая при их поддержке захватить в свои руки Западный Памир. В начале октября бывший волостной управитель Азиз-хан, считавшийся потомком Александра Македонского и происходивший из династии правителей Шахдары, вместе с двумя крупными исмаилитскими ишанами Сеид Мурсалом и Сеид Махмуд-Шо отправили письмо на имя правителя Дарваза и челобитную на имя бухарского эмира. Они писали эмиру: «Просьба всех молящихся, и всего народа такова: в это благополучное время, по воле божьей, народ стал свободный и склонный к республике. Поэтому, лицо свое в сторону мусульманского царя повернув, в наших несчастьях и разрухе мы надеемся и просим, чтобы Вы распростерли тень ног вашего величества на головы всех нас молящихся и всего народа» [7, 135].

Прошение, адресованное эмиру, повез бывший аксакал Паул Сана, остановившийся на ночевку у Абдул Гияс-хана. Тот, проведав о послании, сообщил о нем доверенному человеку волостного исполнительного комитета Шадманбеку. Письмо было перехвачено, когда курьер заснул. В конверт вложили чистый листок бумаги, а пакет был снова опечатан сургучем, но на этот раз свою печатку приложил Абдул Гияс-хан, и бывший аксакал спокойно повез вместо обращения к эмиру чистый листок бумаги.

Текст подлинного обращения ишанов и бывшего волостного управителя попал в руки Шугнанского исполкома. 24 октября 1917 г. в день, предшествовавший Октябрьским событиям в Петрограде, перехваченные письма были при большом стечении народа оглашены Хайдар Шо на площади в Хороге. Надо сказать, что письма такого же содержания Азиз-хан послал и афганскому хакиму, начальнику смежного пограничного округа. Постановление волостного Исполкома было принято при единодушном одобрении всех собравшихся дехкан. В этом постановлении говорилось: «Сегодня Шугнанский исполнительный комитет обсудил дело Азиз-хана по поводу отказа Азиз-хана от России и написание им писем бухарскому эмиру и в Афганистан. От жестокости этих держав все население Шугнана — и мужчины, и женщины вышли из терпения. Азиз-хан хочет из-за своих выгод предать нас опять в руки афганцев и бухарцев. Он написал от имени народа подложные письма, о которых народ не знает. Комитет постановил, чтобы Азиз-хана из этой области удалили, чтобы он никогда в этой области не жил и чтобы его за измену строгому наказанию подвергли, Комитет просит у Великого русского государства, чтобы этого человека, как изменника народа без наказания не оставили»⁴.

Обо всех этих событиях мы знаем благодаря усилиям А. В. Станишевского, так как копии всех упоминавшихся документов первых дней революции Хайдар-Шо бережно хранил у себя и в 1928 г. передал их А. В. Станишевскому, взяв обещание, что документы будут опубликованы в печати, и весь советский народ узнает о верности тружеников-дехкан заброшенного в памирских горах Шугнана, кто под стягом В. И. Ленина боролся за свободу великой страны.

Вскоре против перехода власти в руки народа выступил другой ишан — Сеид Юсуф Али-Шо, который попытался шпровозгласить в Шугнана независимое ханство, но, несмотря на большой авторитет ишана среди верующих, против него выступили дехкане, организовавшие под руководством Хайдар Шо и Тихона Назаровича Белова отряды самообороны. Ишан понял, что проиграл, и отказался от своей затеи.

Хайдар Шо обладал удивительной памятью. Он рассказывал А. В. Станишевскому об этих событиях (тогда десяти-одиннадцатилетней давности), называя даты, имена, как будто бы все это происходило вчера.

Старейший шугнанский большевик Азизбек Наврузбеков дополнял сведения Хайдар Шо своими воспоминаниями, а судьба у Азизбека сложилась очень интересно. Еще в юности в поисках куска хлеба он ушел с группой таких же бедняков, как и сам, на поиски работы в Ферганскую долину. Добрался до Ташкента и здесь стал рабочим акционерного общества «Бельгийский трамвай в Ташкенте». Глава этого предприятия де Стерк (выступивший потом в 1918 г. в качестве бельгийского консула в Ташкенте) однажды случайно узнал, что среди рабочих есть выходцы с Памира. Де Стерк попытался даже записать тексты на шугнанском языке, но затем быстро остыл и забросил свои лингвистические забавы.

Азизбек после революции сразу вернулся на Памир уже большевиком и здесь принял активное участие в установлении Советской власти. Среди памирцев оказалось вообще немало людей бывалых. Нужда гнала их на заработки, некоторые из них в 1916 г. были мобилизованы на «тыловые работы». Один из памирцев, Бахтияров, побывал даже в Румынии и, будучи человеком очень музыкальным, запомнил даже не-

---

⁴ Цит. по подлиннику письма А. А. Семенова, хранящегося у А. В. Станишевского.

которые румынские народные песни. А. В. Станишевский убеждался, что рассказы о вековой изоляции Памира сильно преувеличены. История втягивала Памир в общий круговорот событий, и беднота, познакомившаяся при помощи таких людей, как Воловик и Тих-Назар Белов, с идеями большевиков, самым активным образом участвовала в борьбе с белогвардейцами.

В то же время памирская женщина никогда не покидала пределы своих селений, а ведь женщина воспитывает детей и благодаря этому из рода в род переходили самые архаичные предания, сохранившиеся до наших дней. Так А. В. Станишевскому удалось собрать подробные записи об астральных праздниках, являвшихся пережитком далекой доисламской эпохи. Часть этих записей была опубликована в книге «По горным тропам», но в основном полевые дневники так и остались в рукописи.

Шугнан, Ишкашим и Вахан являются областью древнейшего земледелия. В 1928 г. на Памире побывала экспедиция академика Н. И. Вавилова, обнаружившая в Шугнани древнейшие виды культурных злаков. А. В. Станишевский как раз накануне приезда экспедиции Н. И. Вавилова собирал предания и материалы о возникновении и развитии земледелия. На основе этих преданий вырисовывалась картина развития орошаемого земледелия в горных районах. Отвести горный ручеек при помощи простейшей запруды по силам любому дехканину.

Уверенность в том, что орошение резко увеличивает урожай, привела к тому, что с гор искусственное орошение постепенно стало спускаться в долины. Развитие производительных сил усложняло социальные отношения, возникали зачатки государственности, и это позволяло использовать в большем масштабе рабочую силу для создания ирригационных сооружений. Так, зародившись высоко в горах, орошаемое земледелие спустилось вниз и породило здесь системы великих каналов.

Все эти предания подкрепляли точку зрения Н. И. Вавилова о том, что очаги возникновения культурного земледелия, сохранившиеся древнейшие реликтовые формы, находились также в горах. Такими очагами были, по мнению Н. И. Вавилова, Западный Памир, высокогорье Бадахшана, Кафиристан, Кашмир и горные районы южных склонов Гиндукуша, примыкающие к Памиру. По просьбе Н. И. Вавилова, А. В. Станишевский помог в сборе коллекций семенного материала из районов Северо-Западной Индии. Памир в ту пору был открыт для доступа торговых караванов, привозивших товары из Индии, Афганистана и Восточного Туркестана. Приезжавшие купцы являлись для регистрации товаров в дипломатическое агентство на Памире, а Станишевский по совместительству выполнял обязанности дипломатического агента. Купцов, приезжавших на Памир, он просил привозить крохотные мешочки с образцами семян, помечая, откуда именно взяты эти образцы. Купцам объяснили, зачем это нужно, раздали им готовые мешочки, и в течение года для Н. И. Вавилова была собрана неплохая коллекция семян культурных злаков из областей Южного Пригиндукушья.

Так постепенно расширялся круг вопросов, которыми занимался А. В. Станишевский.

Памир стал второй родиной А. В. Станишевского — здесь он был принят Хорогской городской комячейкой кандидатом в члены партии. Одной из первых общественных нагрузок было создание кружка востоковедения под руководством А. В. Станишевского. Организовать такой кружок предложил старый большевик с дореволюционным стажем, один из ярких представителей ленинской гвардии, председатель областного партбюро в Горном Бадахшане К. А. Моисеенко. При его

помощи кружок востоковедения приступил к сбору фирманов — религиозных указов Ага-хана, духовного главы исмаилитов. В результате удалось ознакомиться с содержанием фирманов и собрать уникальную коллекцию переводов исмаилитских фирманов, равной которой нет ни в одном востоковедческом хранилище во всем мире. Были собраны и редкие исмаилитские рукописи.

В 1930 г. в III томе «Записок коллегии востоковедов» была опубликована шугнанско-исмаилитская редакция «Книги Света» Насир-и Хосрова. Публикацию рукописи, приобретенной на Памире А. В. Станишевским, подготовил профессор А. А. Семенов. Остальные рукописи, с которыми был ознакомлен А. А. Семенов, оказались еще более ценными. Среди них, писал А. А. Семенов, «имеются два очень интересных, проливающих новый свет на источники памирской исмаилитской доктрины» [10, 4].

Осенью 1929 г. А. В. Станишевский уехал с Памира, но летом 1930 г. он вернулся туда, чтобы продолжать начатую работу по изучению исмаилизма. Главным источником, откуда можно было бесконечно черпать сведения о догматике исмаилизма и истории его распространения в Припамирье, были беседы с Хайдар-Шо, Шо-Заде Мамадом и тремя исмаилитскими ишанами: Сеид Юсуф Али-Шо, отошедшим от «политической жизни», Хаджи Бадалом и Шо-Хусейном. Главными помощниками Станишевского в этой работе были окончившие Ташкентский восточный факультет А. П. Востров и коллега А. В. Станишевского по работе Халык Назар Ходжиназаров. Халык Назар был бессменным спутником во время почти всех поездок Станишевского по Памиру. Халык Назар был шугнанцем, хорошо говорил по-русски, прекрасно владел забон и кабули, литературным языком Афганистана, близким к таджикскому языку. Кроме того, Халык Назар неплохо знал пушту и мог объясняться по-вахански.

А. Востров, занимаясь проблемами народного образования, отдавал все свое свободное время изучению исмаилизма. Ему, в частности, принадлежали переводы фирманов Ага-хана и, что было не менее ценным, записи диспутов о догматике исмаилизма. Один из таких диспутов происходил на квартире А. В. Станишевского. Хайдар Шо и Шо-Заде Мамад, о которых мы уже говорили, изложили основы догматики современного памирского исмаилизма, а в качестве их оппонентов выступил Акбар Али, приехавший в Хорог пешаварский купец; он представился вначале как суннитский мулла, но во время второй встречи оказалось, что он является ахмедийским проповедником, прибывшим в Горный Бадахшан по поручению руководителей ахмадийской общины для выяснения, насколько там обстановка благоприятствует ведению ахмадийских проповедей.

На Памире, давнем оплоте современного исмаилизма, вдруг оказалось возможным изучать одну из самых поздних сект ислама. Этим и занимались А. В. Станишевский и его сотрудники.

Весной 1882 г., что соответствовало середине 1300 года календаря хиджры, один из мелких клерков, состоявших на английской службе, Мирза Гулям Ахмед с благословения британских политических органов в Индии объявил о том, что он является долгожданным Мессией для христиан и иудеев, а для мусульман долгожданным Мехди, который должен прийти перед кончиной мира. В опубликованном им духовном указе говорилось: «Я получил откровение свыше и стал посвященным в божественные тайны. Я послан в начале настоящего столетия, чтобы восстановить ислам в его первоначальной чистоте и устранить те противоречия мусульманских сект, которые раздирают на части тело ис-

лама. Вооружившись оружием небесных откровений, я должен разрушить все ложные принципы и принести миру духовное перерождение» [10, 4].

Когда ахмадизм получил распространение в ряде областей Индии, Мирза Гулям Ахмед опубликовал 20 сентября 1897 г. новое обращение к верующим с изложением основных догматов ахмадизма. «Все мои советы,— писал Мирза Гулям Ахмед,— основаны на трех принципах: 1. Молитесь богу, больше всего его любите, бойтесь его, считайте его единым, избегайте грехов и ведите чистую жизнь. 2. Человеколюбие: по мере возможности всем делайте добро или, по крайней мере, проявляйте добрые намерения. 3. Будьте искренними доброжелателями европейского правительства, под покровительство которого нас поставил бог и которое является защитником нашей чести, жизни и имущества. Избегайте всех поступков, которые могут причинить зло и беспокойство Великобританскому правительству» [8а, 176].

Мусульманская секта, окрепнувшая под покровительством британских политических органов, получила четкую управленческую структуру, Назарат-и Ала — Высший Надзор распался на ряд подчиненных ему органов; среди них были управления призыва и пропаганды, просвещения и воспитания, судебное-следственное управление, издательское и даже специальное управление по устройству банкетов и приему гостей. Но самым важным было, конечно, управление общих внешних дел, куда все проповедники, находящиеся за границей, должны были присылать ежемесячные сводки о политическом и экономическом положении той страны, где они ведут проповедь. Эта мера (весьма удобная для органов британской разведки) объяснялась необходимостью принять во внимание ту среду, в которую падают семена божественного учения Мирза Гуляма Ахмеда.

После смерти Мирза Гуляма Ахмеда и распрей между его наследниками во главе ахмадийцев встал сын основателя секты Мирза Башираддин Махмуд Ахмед, принявший титул «халифат-уль Масих», или заместитель Мессии. После прихода к власти он обратился со специальным посланием к принцу Уэльскому, объявляя о тех откровениях отца, которые должны были сбыться после первой мировой войны.

«Одно из предсказаний обетованного Мессии,— писал он,— касается России и заключается в том, что правительство этой страны попадет в конце концов в руки ахмадийцев. Другое его пророчество таково: ахмадийское движение в недалеком будущем быстро распространится в Бухаре».

В 20-х годах в Бухару были посланы полномочные проповедники Зухур Хусейн и Мамад Амин-хан. Памир ахмадийцы считали также бухарской территорией и послали туда проповедника рангом ниже — муллу Акбар Али. Книги, привезенные на Памир этим проповедником и вошедшие потом в коллекцию А. В. Станишевского, показывали универсальный характер новой религиозной секты. Вот перечень названий части из них: «Руидади джелсе-и Дуа» («Отчет о молитвенном собрании. Молитва о победе в Трансваале и Доклад его святейшества»), «Тухва-и Кайсара» («Знаменитая императрица», Прославление великой императрицы Виктории и призыв ее к исламу), «Легчари Сиалкот» («Сиалкотские лекции»), в которых его святейшество доказал, что в его лице воплотился сам Кришна, «Кешт-и Нух» («Ноев ковчег») — средство избавления от чумы. В одной из книг, привезенных проповедником на Памир, было помещено достаточно красноречивое воззвание: «О мусульмане! Вставайте и подобающим образом благодарите бога за все благодеяния, отдаваясь делам так, чтобы милости-

вой Британии остался памятник вечный и чтобы она победила злополучную Россию» [8, 188].

В диспуте с Хайдар Шо ахмадийский проповедник потерпел поражение и ему вскоре пришлось покинуть пределы Советского Памира, где население отнеслось к нему в высшей степени недоброжелательно. Ахмадийские проповедники прекрасно помнили, как был встречен в Афганистане ахмадийский проповедник мулла Негматулла, пытавшийся распространять в Афганистане воззвания с призывом покориться британским империалистам, злейшим врагам афганского народа. Согласно постановлению духовного суда Афганистана, мулла Негматулла был казнен публичным побоем камнями.

Мусульманское духовенство Индии и Ирака одобрило казнь английского прислужника, и ахмадийские проповедники стали осторожнее. Видя недоброжелательное отношение простых дехкан, Мулла Акбар Али, чтобы зря не испытывать судьбу, поспешил убраться восвояси. Так безуспешно закончилась попытка ахмадийской проповеди на Памире.

В конце 1931 г. А. В. Станишевский вернулся в Ташкент. В это время начиналась подготовка к строительству Памирского автомобильного тракта, который должен был соединить южнокиргизский город Ош с Хорогом. Несколько раз А. В. Станишевскому в связи с проектами строительства приходилось выезжать в Ош, где начинался уже набор землекопов на строительство автомобильного тракта. Выходцы из бассейна Тарима считались всегда в Средней Азии лучшими землекопами, и в Оше охотно брали пришедших оттуда отходников. Среди них встречались выходцы из горных районов, где обитали племена шипху, чипан, пахпу, принадлежавшие в своем большинстве к исмаилитам. Входили эти исмаилиты в общины, руководимые главным образом гамирскими ишанами, и А. В. Станишевский со слов этих ишанов записал немало преданий, показавших древние связи Памира с бассейном Тарима.

Во время поездки в Ош Андрей Владимирович получил возможность в беседах с выходцами из бассейна Тарима уточнить сообщение памирских исмаилитских ишанов. Результаты порой получались самые неожиданные. Оказалось, что в горах к югу от Хотана и Қаргалыка встречаются предания о Сиявуше, перекликающиеся с сообщением Мухаммада Наршахи, написавшего почти тысячу лет назад «Историю Бухары». Сиявуш, по преданиям, сообщенным великим хорезмийским ученым Бируни и Мухаммадом Наршахи, был один из легендарных родоначальников династии Кейянидов, правившей, по преданиям, еще в доахеменидскую эпоху (во II тыс. до н. э.). Предания говорят о том, что Сиявуш был убит легендарным Афрасиабом и похоронен около ворот Гариан в Бухаре. «Бухарские маги,— писал Мухаммад Наршахи в своей „Истории Бухары“ — по этой причине относятся с большим уважением к этому месту; ежегодно, в день Нового года, еще до восхода солнца, каждый мужчина по обычаю закалывает здесь в память Сиявуша одного петуха. У жителей Бухары есть песни об убиении Сиявуша, известные во всех областях. Музыканты сочинили к ним мотив и поют их...»

Ученые, занимавшиеся исследованием мифов о Сиявуше, считали, что область их распространения ограничена пределами Хорасана и Бухары, охватывая также всю долину Зеравшана. И вдруг во время бесед с исмаилитскими ишанами на Памире, а позже выходцами из бассейна Тарима в Оше, А. В. Станишевский обнаружил, что предания о Сиявуше в наибольшей полноте сохранились в Припамирье и в горных районах к югу от Хотана и Қаргалыка. Эти предания называют Сиявуша правителем обширной области, охватывавшей территорию от Хотана до Кучара, а на западе доходившей до пределов Памира. Сия-

вуш, также по преданиям, был убит, и в память о его смерти у гробницы Сиявуша, находящейся невдалеке от Хотана, в день весеннего равноденствия или, иначе говоря, в день Нового Года, до сих пор горцы, приезжающие к мазару, закалывают жертвенного петуха.

Ишан Шо-Хусейн, рассказывавший это предание, добавлял, что правивший Иссорской крепостью на Памире Зангибар был родным братом Сиявуша. Третий брат, по имени Барбар, сперва правил городом рядом с Ямчунской крепостью, почему до сих пор развалины носят название «Ша'ар-и-Барбар», город Барбара. Затем Барбар женился на своей родственнице и стал царем государства, лежавшего на перепутьи от Иссык-Куля к Кашгару и Кучару. Предание о древнем городе Барбар в Вахане было опубликовано А. В. Станишевским в книге «По горным тропам», [7, 133] и позже С. Ф. Ольденбург обратил внимание А. В. Станишевского на то, что Н. Н. Пантусовым [9] в 1909 г. была опубликована легенда о мазаре вблизи Уч-Турфана в Кашгарии, возведенного в ознаменование войны зятя пророка — Алия против царя Барбара. С. Ф. Ольденбург подметил очень большое сходство памирской легенды о войне Алия против царя Ка'ахка, брата Барбара, который правил городом рядом с Ямчунской крепостью, с восточнотуркестанской легендой о войне Алия против царя Барбара, называемого правителем Уч-Турфана. В свете этих замечаний С. Ф. Ольденбурга рассказ ишана Шо-Хусейна приобретает особый интерес.

Личное знакомство А. В. Станишевского с С. Ф. Ольденбургом состоялось в Ленинграде осенью 1932 г., но оказалось, что о работах А. В. Станишевского, связанных с изучением Памира, С. Ф. Ольденбург знает из писем М. С. Андреева. Сергей Федорович, в свое время руководивший экспедицией Российской Академии наук в Восточном Туркестане, больше всего заинтересовался сообщениями Станишевского о бассейне Тарима и рассказал о том, что известный исследователь Центральной Азии М. В. Певцов также писал в отчете о путешествии в Кашгарию и Куэньлунь о гробнице Сиявуша вблизи Хотана. Это сообщение осталось незамеченным иранистами, занимавшимися легендами о Сиявуше, из-за старого предубеждения, будто бы область распространения мифов о Сиявуше не простирается восточнее долины реки Зеравшан.

С. Ф. Ольденбург вообще придавал бассейну Тарима очень большое значение в древнейшей истории восточно-иранских племен. Основываясь на показаниях античных источников, по его мнению недостаточно широко использованных В. В. Григорьевым в дополнениях к «Восточному Туркестану» Риттера, С. Ф. Ольденбург полагал, что основная масса сакских племен первоначально обитала в Восточном Туркестане, где были весьма благоприятные условия для развития кочевого скотоводства. Благоприятные предпосылки привели к быстрому росту численности населения, что порождало необходимость расселения племен. По предположениям Ольденбурга, часть из древнейших арийских племен в течение столетий освоила западную часть Тибетского нагорья, спустившись затем в Индию. Это совпало по времени с продвижением основной массы арийских племен через Афганистан в Гумалу и рекам Пенджаба. Часть кочевников-саков через Памир двинулась в Северо-Западную Индию, опустившись к территории Свата и далее к югу — в область Сулеймановых гор. Это были предки афганцев.

«Сергей Федорович говорил, что у него нет веских аргументов для подкрепления такой гипотезы, — рассказывает Андрей Владимирович, — и в то же время жаловался, что востоковеды новой школы не обладают той научной смелостью, которая была характерна, например, для

В. В. Григорьева и помогала выдвигать новые научные гипотезы для дальнейшего, как он говорил, обрастания их фактами. Памиру Сергей Федорович отводил очень большую роль в передвижениях восточно-иранских племен из бассейна Тарима на запад и на юго-запад».

Ольденбург очень заинтересовался полевыми записями А. В. Станишевского, всячески настаивал на том, чтобы они были изданы хотя бы в виде кратких путевых очерков.

Под влиянием С. Ф. Ольденбурга А. В. Станишевский приступил к работе над книгой «По горным тропам», которая была закончена год спустя, в 1933 г.

Не меньшую заинтересованность в работе по публикации памирских материалов проявил тогдашний директор библиотеки Академии наук в Ленинграде член-корреспондент АН СССР Иннокентий Иванович Яковкин. С ним А. В. Станишевского связала дружба, длившаяся многие годы. И. И. Яковкин подтолкнул А. В. Станишевского к другой работе, советуя издать набросанную еще на Памире роман-хронику «Так говорят памирские горы». Надо сказать, что в этом литературном произведении было много интересного для востоковедов, в частности описывались неизвестные до тех пор специалистам по исмаилизму тайные исмаилитские ритуалы — дават-и бако и дават-и фано. Иннокентий Иванович познакомил А. В. Станишевского с директором музея истории религии Академии наук СССР известным этнографом Владимиром Германовичем Таном-Богоразом, очень интересовавшимся истоками догматики памирских исмаилитов. По просьбе В. Г. Тана-Богоразы Станишевским был составлен для музея большой очерк о современном состоянии исмаилизма.

Весной 1933 г. А. В. Станишевский был переведен по службе в Москву. Здесь по поручению В. Р. Менжинского он принялся за работу над историей басмачества.

В ходе сбора материала стали вырисовываться основные линии связей басмачества с британскими разведывательно-политическими органами. Винтовки, которыми были вооружены басмачи, пулеметы и боеприпасы к ним поступали от щедрых британских покровителей. Центры, ведавшие установлением связи с басмачами, находились в Туркмении, Кабуле, Малаканде, Гильгите и Кашгаре. Уже упомянувшееся Мешхедское генеральное консульство организовывало снабжение басмаческих банд, действовавших на территории Туркмении. Через Туркмению осуществлялась связь с басмаческими бандами, действовавшими в низовьях Амударьи. Кроме того, Мешхедское консульство осуществляло контакты с теми басмачами, которые после поражения на советской территории бежали в Гератскую провинцию Афганистана.

В Кабуле нашли себе приют эмир бухарский и ряд потерпевших военное и политическое поражение басмаческих вожаков Ферганской долины. Все они находились под особым покровительством британского посольства в Кабуле. Англичане попытались даже объединить всех басмаческих вожаков и эмигрантов, создав специальную организацию — «Тахлисо Бухаро ва Туркистан» — «Общество спасения Бухары и Туркестана». Один из английских агентов пытался основать филиал этой организации в административном и хозяйственном центре Северного Афганистана — в городе Мазари-Шарифе.

Щупальца английского посольства тянулись также в административный центр Каттагана — г. Ханабад и областной центр Бадахшана — г. Файзабад. Сюда доставляли торговые караваны под видом необходимых товаров оружие, и басмачи, получая британскую поддержку,

периодически производили налеты на территорию советских среднеазиатских республик.

Важными центрами басмачества оказались малакандское и гильгитское политические агентства. Малакандский политический агент имел специального помощника в Читрале. Под его руководством из подданных правителя Читрала вербовали и обучали корпус читральских разведчиков. Военные топографы вели съемки пограничных перевалов и маршрутов, выясняя степень пригодности горных троп для прохождения вьючных лошадей, всадников и пешеходов. Съемки не ограничивались территорией княжества Читрал. Под видом купцов специально обученные англо-индийские топографы проводили тщательные съемки прилегающей к Памиру афганской территории, совершая в то же время рейды и на советскую сторону Пянджа. Кроме того, читральский помощник малакандского политагента непосредственно руководил деятельностью файзабадской резидентуры, снабжавшей оружием и боеприпасами басмаческие банды Фузанл Махсума и других более мелких басмаческих курбашей.

Басмаческий налет весной 1929 г. на Гарм и на Ванчский район Западного Памира был осуществлен под руководством капитана Вудабалларда, помощника малакандского политического агента по Читральскому княжеству.

Гильгитское политическое агентство охватывало огромную территорию, куда входили полунезависимые княжества южных склонов Гиндукуша, лежавшие на подступах к советскому Восточному Памиру и к Восточному Туркестану. В Гильгите также был создан корпус гильгитских разведчиков, который должен был играть роль головных отрядов британской агрессии. Гильгитское политическое агентство должно было обеспечить заброску агентуры через Восточный Памир в Алайскую долину и Фергану. Кроме того, здесь через перевал Мынтеке проходил кратчайший путь на Яркенд и Кашгар. Пользоваться этой дорогой можно было с особого разрешения гильгитского политического агента.

В годы гражданской войны Восточному Памиру отводилась особая роль в подрывной деятельности англичан. По договору, который заключил полковник Бейли с белогвардейским подпольем—«Боевым штабом», ферганские басмачи должны были получать оружие через Восточный Памир. Позже, когда Колчак накануне своего разгрома посылал к туркестанским басмачам миссию полковника Худякова, колчаковский военный министр барон Будберг вел переговоры с британским представителем при ставке Колчака генералом Альфредом Ноксом, настаивая на усилении перебросок оружия через памирские перевалы в Фергану.

Все собранные А. В. Станишевским материалы о месте Памира в английских агрессивных планах вошли в главу «Расчеты и просчеты британской секретной службы», которая должна была открывать книгу, посвященную истории басмачества.

Завершить работу по истории басмачества не удалось. Во время служебной командировки в Ленинград, связанной с поисками английской литературы по теме книги, А. В. Станишевский встретил у академика С. Ф. Ольденбурга Н. П. Горбунова, возглавлявшего тогда Таджикско-Памирскую комплексную экспедицию Академии наук СССР. С Горбуновым Станишевский был знаком с 1931 г.

Осенью 1931 г. А. В. Станишевский со своим большим другом А. И. Степановым возвращался с Памира в Ташкент. Вблизи озера Каракуль сделали дневку каравана, разбив на берегу горного ручья палатку. Под вечер показались всадники. Вперед ехал знакомый по прежним встречам, известный кинорежиссер В. А. Шнейдеров. Спешив-

шись, он огляделся вокруг и спросил разрешения разбить свою палатку по соседству. Тут подъехал второй всадник, и Шнейдеров представил его: «Управделами Совнаркома СССР и глава экспедиции, изучающей Памир, Николай Петрович Горбунов».

За чаем в палатке возникла беседа, затянувшаяся до самого утра. Горбунов расспрашивал «памирцев» — А. И. Степанова и А. В. Станишевского о Памире, рассказал сам много любопытного и особенно запомнившуюся А. В. Станишевскому историю личных встреч с крупнейшим русским художником Н. К. Рерихом. В дневниках В. А. Шнейдерова сохранилась запись об этой встрече под шутливым названием: «Ночь в Особом отделе».

Новая встреча А. В. Станишевского и Н. П. Горбунова произошла в Ленинграде в кабинете С. Ф. Ольденбурга. Горбунов пожалел, что не присутствует В. А. Шнейдеров, который сумел бы дать какой-нибудь запоминающийся заголовок описанию неожиданной встречи в доме ученого с мировым именем. Узнав, что Станишевский работает в Москве, Горбунов предложил ему включиться в деятельность Таджикско-Памирской экспедиции. Предложение Горбунова поддержали С. Ф. Ольденбург и директор библиотеки АН СССР И. И. Яковкин, который руководил составлением библиографии о Памире и систематизацией ранее собранных материалов об этом крае.

Заручившись согласием А. В. Станишевского, Горбунов по возвращении в Москву переговорил с В. Р. Менжинским. В этот же день А. В. Станишевский был прикомандирован к Таджикско-Памирской экспедиции и назначен начальником Особой партии; в ее задачи входил сбор этнографических материалов, исмаилитских рукописей, запись преданий по истории Горного Бадахшана, сбор и систематизация архивных материалов.

Для окончательной выработки плана предстоящих работ А. В. Станишевский по поручению Н. П. Горбунова подробно проконсультировался у С. Ф. Ольденбурга и И. И. Яковкина.

С. Ф. Ольденбург просил обратить особое внимание на вопросы, связанные с догматикой исмаилизма.

Судя по некоторым средневековым источникам, в Вахане и Ишкашине в средние века процветал буддизм. В смежных с Памиром районах бассейна Тарима даже в посленсламский период сохранились сильные манихейские общины. Сергей Федорович Ольденбург не допускал мысли, чтобы такие стройные идеологические системы, как буддизм и манихейство, исчезли, не оставив следа в религиозных воззрениях жителей Западного Памира. И действительно, А. В. Станишевским были собраны материалы, говорящие о том, что буддийские представления о переселении душ оказали несомненное влияние на верования памирских исмаилитов. Еще более заметны следы манихейства в исмаилитской догматике. Удачными оказались и поиски исмаилитских рукописей. Были обнаружены новые неизвестные до тех пор списки, и все они вместе с ранее приобретенными рукописями, в том числе и «Тарихи Бадахшан», были после окончания работы переданы Ленинградскому отделению Института востоковедения АН СССР.

Архивные документы и часть новых материалов об исмаилизме были объединены в общий сборник. Пятьдесят документов касались вопросов истории Памира. Среди этих материалов выделялись записи Н. Ф. Петровского о Шугнанах, протоколы Особого совещания по Памирскому вопросу весной 1892 г., отчеты о двух поездках драгомана политического агента в Бухаре барона Черкасова на Памир в 1904—1906 гг.; ценные сведения об экономике Западного Памира, собранные в начале

XX в. А. Снесаревым, и ряд документов по истории революции в Горном Бадахшане. Двадцать два документа в этом сборнике посвящено исмаилизму. Среди них уникальная коллекция переводов одиннадцати фирманов Ага-хана. Устав общины панджабаев — секты, образовавшейся внутри исмаилизма, сведения о догматике памирского исмаилизма и перечень всех исмаилитских ишанов Горного Бадахшана, Афганистана, Восточного Туркестана и Северо-Западной Индии. Общий листаж этого сборника — около 16 печатных листов. Сборник остался неизданным и хранится только в рукописном виде в Архивном отделе в Хороге, в Институте истории и археологии АН Таджикской ССР, в ЦГА УзССР и у академика Б. Г. Гафурова. К сожалению, куда-то пропал экземпляр, сданный в свое время Ленинградскому отделению Института востоковедения АН СССР. Еще более печальной оказалась участь сводного отчета о работе, проделанной во время последней служебной поездки А. В. Станишевского. Там были записи бесед с Хайдар-Шо Мубарак Заде и Додо Худо Кадам Шо-Заде по истории Шугнана и Вахана, записи преданий, сообщенных Шо-Заде Мамадом и Яфтали Мастик Заде из Ямчуна о сияхпушах на Памире и связях Горного Бадахшана с Кафиристаном, записи бесед с ишанами Шо-Хусейном и Сеид Юсуф Али-Шо о преданиях, слышанных ими в Сарыколе и Каргалыке; эти предания рассказывали о давних связях Припамирья с бассейном Тарима и проливали новый свет на такие явления, как близость языков хотано-сакского с ваханским, мунджанским и пушту.

Сводный отчет был составлен примерно на двадцати печатных листах и взят Н. П. Горбуновым для перепечатки. Трагический конец Горбунова даже не дал возможности выяснить, куда затерялась рукопись. Памятью о проведенных работах остались только полевые записи в дневниках А. В. Станишевского.

Часть этих материалов была использована позже при написании А. В. Станишевским новой повести о Северо-Западной Индии: «Страна затерянных гор», увидевшей свет в 1935 г.

Материалом для первых глав этой повести послужили сведения, сообщенные Дод Мамадом из кишлака Намангут, Яфтали из Ямчуна и Зурабеком, сыном Наврузбека, из кишлака Намангут. В 1889 г., когда афганцы после усмирения восстания Исхак-хана усилили натиск на горные районы Памира, житель Намангута Новрузбек выехал в Кафиристан, жители которого упорно боролись с афганцами за свою независимость. Жители Памира рассчитывали найти в Кафиристане союзников, и, чтобы подчеркнуть исконные связи Южного Памира с Кафиристаном, Новрузбек собрал все рукописи, в которых содержались старинные предания о том, что жители Намангута представляют собой потомков сияхпушей, будто бы владевших в древности районами Вахана и Ишкашима.

Зурабек, со слов своего отца Наврузбека, Дод Мамад и Яфтали, по собственным наблюдениям, сообщили много ценных сведений, раскрывающих религиозные представления сияхпушей накануне покорения Кафиристана афганским эмиром Абдурахман-ханом.

Яфтали и особенно Дод Мамад побывали в горных гиндукушских княжествах Северо-Западной Индии, и их рассказы легли в основу глав повести, рисующих жизнь Читрала и Ладака.

Еще ранее, в 1934 г. А. В. Станишевским была начата повесть о Памире «Подножье Солнца». Материалом для эпизодов, освещающих жизнь Шугнана накануне присоединения Памира к России, были рассказы Ходжи Назара, отца ближайшего постоянного сотрудника А. В. Станишевского во время работы на Памире Халык Назара.

Повесть «Подножье Солнца» была опубликована в конце 1934 г. в журнале «Просвещение национальностей» в Москве.

Последняя поездка по Памиру подорвала здоровье А. Станишевского, сказались и прежние ранения. В конце 1933 г. он по состоянию здоровья демобилизовался, всецело посвятив себя литературной и востоковедческой работе. Перед этим в издании САОГиз вышло две книги А. В. Станишевского (под псевдонимом Азиз Ниалло): «По горным тропам» и роман-хроника «Так говорят Памирские горы». Еще раньше в журнале «Советская литература народов Средней Азии» был опубликован ряд работ, посвященных Памиру. Как раз в тот же период (шла подготовка к созданию Союза советских писателей) А. В. Станишевский сблизился с известным поэтом А. Г. Лахути. Вернувшись в Москву на постоянное жительство, А. В. Станишевский снова встретился с Лахути, который при создании Союза советских писателей возглавил организационную работу по национальным литературам. Лахути сразу же привлек А. В. Станишевского к этой работе, и вскоре тот был избран заместителем председателя правления Дома писателей, перейдя затем в Национальный сектор Союза писателей СССР.

Активный участие по созданию новой литературной организации принимал и С. Д. Мстиславский. Советский читатель его широко знал как писателя, автора талантливых книг «Крыша мира», «Грач — птица весенняя» и других художественных произведений, но мало кто знал, что фамилия Мстиславский является псевдонимом, а до этого он носил фамилию Масловский. Как востоковед и антрополог С. Д. Масловский был хорошо известен не только в России, но и за рубежом. Его труд «Гальча (первобытное население Туркестана)», опубликованный в 1901 г. в «Русском антропологическом журнале», № 2, кн. VI, был основан на результатах пяти научных экспедиций в Среднюю Азию в 1895—1899 гг. и вызвал подлинный переворот в воззрениях на процесс этногенеза народностей Средней Азии.

Основываясь на антропологических данных, С. Д. Масловский (Мстиславский) предлагал искать осколки древних восточноиранских племен на Памире и в Ягнобе, где сохранились архаические языки, входившие в сако-скифскую группу.

Памир оказался тем магнитом, который привлекал научные и художественные интересы С. Д. Мстиславского и А. В. Станишевского. Студенты-памирцы, жившие в Москве, нашли себе своеобразных шефов, и в Воротниковском переулке, где жил тогда А. В. Станишевский, образовалось своеобразное памирское землячество во главе с почетным председателем — С. Д. Мстиславским.

Научно-исследовательская ассоциация национальных и колониальных проблем (НИАНКП) по совету Мстиславского заслушала доклад А. В. Станишевского на тему «Об истории заселения Памира». Доклад был встречен с интересом, и ассоциация предложила его автору составить капитальный труд на тему «К вопросу о населении Памира в древности».

К концу 1935 г. работа была закончена, получив в общем положительный отзыв со стороны такого знатока Востока, как А. М. Дьяков; кстати, он тоже был старым памирцем, участником одной из первых экспедиций в Горный Бадахшан, много поработав для укрепления Советской власти на Памире.

А. В. Станишевский практически объездил всю территорию автономной Горно-Бадахшанской области. Его интересовали долины, где прижились к горным подножьям селения оседлых земледельцев-шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев, язгулемцев. По едва приметным тропам он

преодолевал хребты и перевалы, выясняя пути древних миграций. Богатейшие пастбища, особенно на Восточном Памире, благоприятствовали с глубокой древности развитию скотоводства, и А. В. Станишевский побывал на пастушеских летовках богатейших альпийских пастбищ. Поэтому первая глава работы, сделанной по заданию НИАНКП, — «Географический облик Памира», — отличалась большой самобытностью. Автор подходил к описанию поверхности с одним критерием: насколько рельеф местности и природные условия благоприятствуют жизни и хозяйственной деятельности человека. Все это было основано главным образом на личных наблюдениях, вплоть до того, что автором были произведены определения высот большого количества перевалов, не нанесенных еще в то время на карту. Опровергая взгляд большинства прежних путешественников, писавших о Восточном Памире как о горной пустыне, А. В. Станишевский подчеркивал, что высокие кормовые качества травостоя на восточнопамирских лугах создавали благоприятные условия для развития кочевого скотоводства.

Глава вторая — «Сношение Востока с Западом» — вытекала из материалов первой главы. Тщательно собрав и обработав распросные сведения о маршрутах торговых караванов из Бадахшана в Восточный Туркестан, А. В. Станишевский подчеркивал, что пути через Памир для торговых караванов были более удобны, чем, например, путь через Алай и долину Вахша. Вдоль главного торгового пути, шедшего из Бадахшана мимо озера Шива, далее долиной Гунта и через Восточный Памир к верховьям Раскемдары, находились развалины древних городищ, где торговые караваны находили приют. Наиболее крупные такие перевалочные базы лежали в центре Восточного Памира и в бассейне Раскемдары, сохранив до сегодняшнего дня характерное название: Базар-дара. Предания говорят о том, что по этому направлению с глубочайшей древности совершались и значительные этнические передвижения.

Третья глава — «Население Западного Памира» — содержала разбор многочисленных преданий о сияхпушах и о связях между Шугнаном через долину Шахдары с Ваханом и Читралом. Ценность этой главы заключалась в том, что называемые в преданиях маршруты переселявшихся племен были лично пройдены либо самим Станишевским, либо его сотрудниками.

Глава четвертая — «Население Восточного Памира» — касается в основном судеб восточнопамирских киргизов. Эти материалы позже получили разработку в других трудах А. В. Станишевского. Монография «К вопросу о заселении Памира в древности» осталась в нескольких машинописных экземплярах. Издана она не была, хотя ее использовали исследователи, работающие над смежными проблемами, М. Немченко, А. Зелинский, Т. Абаева.

В 1936—1937 гг., по предложению НИАНКП, А. В. Станишевский совместно с М. А. Немченко начал разработку темы «Этногенез восточнопамирских киргизов». Работа эта переросла первоначально поставленные рамки и вылилась в исследование проблемы этногенеза киргизского народа. А. В. Станишевским были подготовлены (оставшиеся в рукописи) три капитальные работы: «Аннотированная библиография работ по истории киргизского народа и Киргизстана», «К вопросу о времени происхождения киргизского эпоса «Манас» и третья — «Хронология событий, относящихся к истории киргизского народа и Киргизстана (в источниках и документах)».

Первые две работы были обсуждены на специальном заседании бюро Национальных комиссий Союза писателей СССР и встретили под

держку таких крупных специалистов, как С. Е. Малов и К. К. Юдахин. Третья работа получила положительную оценку со стороны академика С. Г. Струмилина, координировавшего в то время научное руководство Киргизским филиалом АН СССР.

Материалы, собранные для выполнения этих работ, были систематизированы А. В. Станишевским в картотеках, посвященных вопросам этногенеза народов Памира и прилегающих областей. Этими картотеками получали возможность пользоваться авторы, работающие над смежными вопросами, например А. Н. Бернштам и др.

Война оторвала А. Станишевского от работы над памирской тематикой. Добровольно уйдя на военную службу, А. В. Станишевский вскоре возвращается снова в Туркестан и, попав в Иран, совершенно неожиданно находит очень интересные материалы, опять наталкивающие на разработку вопросов этногенеза. В свое время академик А. Е. Крымский указывал на то, что парфяне сыграли большую роль в процессах этногенеза народов Северной Индии. Парфяне и саки принадлежали к разным иранским языковым группам, но история этих народов тесно переплеталась между собой. Незадолго до начала нашей эры в политической жизни Парфии большую роль играет сакский княжеский род Суренов. Сурены, по-видимому, владели Сакастаной (Сеистаном) и долиной р. Аргандаба, которая сохранила название Заранга, трансформировавшееся в Дрангиана.

Подготавливая этнографическую карту Средней Азии и сопредельных стран, А. В. Станишевский в годы войны обратил внимание на топонимику и, пользуясь поездками в Иран, собрал в Хорасане ряд интересных преданий, которые позволили ему выдвинуть новые гипотезы. К югу от Герата обитает таджикоязычная группа сури или зури. Ее местопребывание совпадает с областью господства сакского княжеского рода Сурен, и, возможно, современные сури, или зури, являются потомками Суренов.

В начале нашей эры парфяне вместе с сакскими племенами, возглавляемые Суренами, предприняли походы в сторону Индии, основав Индо-Парфянское государство. В качестве одного из правителей нумизматические данные указывают на царя Гундофара — одного из трех легендарных волхвов христианской традиции. Армянские источники сообщают несколько другие сведения. По этим данным, парфянская царская династия распалась на два крыла: западное, сохранявшее название Аршакуни (Аршакиды), и восточное, разделившееся в свою очередь на четыре ветви: Карени-Пахлав, Сурени-Пахлав, Аспахпети-Пахлав и царствующий род Аршакидов. Ветвь Сурени-Пахлав отделилась от государства Аршакидов и, продвинувшись в Северную Индию, основала Индо-Парфянское государство. Махабхарата помещает Пахлавов-Бахликов где-то неподалеку от дардских народов. Известный норвежский лингвист Моргенстьерне считает, что парфяне имели связи и с Читралом. Таким образом, Припамирье оказывается втянутым в круг этногенетических процессов, связанных с парфянами. Потомками парфян, сохранившими языки, входящие в парфянскую группу, являются племена бараки (ормури) и парачи. Бараки обитали в районах, примыкающих к Джелалабадской долине и в Вазирастане. Парачи сохранились в долине Панджшира и, возможно, дали свое имя Парачинару в бассейне Инда.

К парфянской языковой группе в Иране принадлежит в числе прочих народность семнани, обитающая на границе Хорасана с Центральным Ираном. Характерно, что памирские предания говорят о приходе уже в мусульманский период основоположников династий, правивших

Шугнаном и оставивших наследников в лице маилитских ишанских родов. Сообщавший А. В. Станишевскому эти предания Хайдар Шо пояснил, что приход основоположников шугнанской правящей династии, возможно, следует отнести к значительно более древнему, домусульманскому периоду. Районом, откуда вышел Шои Хомуш, называют именно Семнан, населенный народностью парфянской языковой группы. И вот во время войны А. В. Станишевский находит ряд интересных шугнано-семнанских языковых сближений. 'Сердце' на персидском языке означает دل, по-таджикски 'дил', на семнанском языке 'зерд', шугнанском — 'зорд', а на парачи — 'зурд'. «Я знаю» по-персидски دانستن, по-таджикски — 'донистан', но по-шугнански — 'взонум', а на семнани — 'зонум'. Эти языковые сближения заставляют вспомнить предания о переселении кочевого племени коневодов-парнов, из среды которых вышли Аршакиды. Родиной парнов называют восточные области распространения сакских племен.

А. В. Станишевский связал это с преданиями, рассказанными на Памире ишаном Шо-Хусейном относительно областей, где правил легендарный Сиявуш.

В горах, подступающих с юга к Таримской котловине, находилась столица Сиявуша по названию Ниса, славившаяся как центр коневодческих племен, совершавших на быстрых конях походы под предводительством Сиявуша. Тут невольно, как параллель, вспоминается парфянская столица Ниса в предгорьях Копетдага и «Ниса, богатая конями» — парфянский центр уже где-то на Иранском нагорье. Но памирские предания говорят о том, что коневоды восточной Нисы прошли на запад к Копетдагу через Памир, оставив в Бадахшане память о себе известную породу бадахшанских коней.

Побывав в окрестностях Семнана, в селениях, где обитает народность семнани, А. В. Станишевский обнаружил большое сходство астральных праздников семнанцев с замечательными народными праздниками Шугнана, о которых он писал в своей книге «По горным тропам».

В 1947 г. А. Станишевский снова посетил Памир и здесь продолжил сбор материалов, которые могли подкрепить гипотезу о парфяно-шугнанских связях.

Афганские предания говорят о том, что племя барак (парфянская языковая группа) участвовало в сложении тех афганских племен, в названии которых встречается суффикс — 'ак'. Это нельзя не сопоставить с замечанием И. М. Дьяконова о характернейшем среднеиранском суффиксе 'ак' в этнонимах кочевых восточноиранских племен.

Племя барак генеалогическими преданиями связывается с афганскими племенами дильзак, орак и вардак [4, 149].

В 1947 г. А. В. Станишевский услышал от одного мунджанца предание о том, что отцом Барака был Зебак и потомки Зебака слились постепенно с мунджанцами, приняв их язык. Памятью о их происхождении остался только топоним Зебак в непосредственном соседстве с Ишкашимом на Западном Памире.

Во время работ на Памире в 1947 г. А. В. Станишевский неожиданно встретился с А. Н. Бернштамом, с которым последний раз они виделись в Киргизии еще перед войной. Два вечера они провели в Хоргоском ботаническом саду у А. В. Гурского, беседуя об истории заселения Памира в древности.

Центральное место в этих беседах занимала древнейшая история бассейна Тарима, и А. В. Станишевский с благодарностью вспоминал далекие годы общения с А. Е. Крымским.

В 1927 г. в Киеве вышла книга А. Крымского «Розвіткі, статті та замітки». Там были собраны материалы по истории бассейна Тарима, накопленные Крымским в период с 1908 по 1925 гг. Как всегда, у А. Е. Крымского исчерпывающим был библиографический обзор работ по истории тохаров и саков, но, к сожалению, выводы оказались намного сжатыми по сравнению с тем, что в свое время рассказывал А. Е. Крымский, считавший, что бассейн Тарима был одним из важнейших очагов этногенеза ряда индоевропейских народов.

Собранные А. В. Станишевским во время путешествий записи преданий дополняли услышанное, и огромное значение бассейна Тарима в древней истории народов тохарской и скифо-сакской групп казалось совершенно бесспорным. Через бассейн Тарима тохары прошли в пору глубокой древности, может быть в III тыс. до н. э. Многие европейские исследователи связывали с приходом тохаров возникновение культуры Ян-Шао. Б. В. Горнунг относил обособление северо-восточной группы индоевропейских языков, включавшей протобалто-славянско-тохарские языки, к концу III тыс. до н. э. Причины, заставившие тохаров совершить такое передвижение, пока совершенно не ясны. В бассейне Тарима тохары оставили до сегодняшнего дня след в топонимике. Название известного озера Лоб-Нор восходит к тохарской основе. На тохарском «А» языке 'тар', 'вор' означает голова (сравни рус. 'лоб'). Помимо этого заметного названия в бассейне Тарима сохранилось большое число тохарских топонимов.

Плиний, перечисляя народы, населявшие бассейн Тарима, называет аттакоров или серов (uttarakurru старых индийских источников), тохаров и касиров, которые относятся к индийцам, но живут в сторону Скифии.

А. Н. Бернштам говорил о том, что «население Кашмира также сакского происхождения, т. е. Тяньшанского и восточнотуркестанского. Эти племена не могли попасть с Тянь-Шаня в Кашмир, минуя восточные предгорья Припамирья» [3, 132].

— Остается только как следует продумать,— говорил А. В. Станишевский,— какими путями происходили передвижения населения в Припамирье? Какими маршрутами, куда и откуда двигались народности памирской и дардской языковых групп?

А. В. Станишевский находил ответ на такие вопросы легче других исследователей потому, что он сам прошел по большинству из этих горных троп. Вопросы расселения древних племен Станишевский ставил в прямую связь с природными условиями областей, через которые двигались эти племена.

Как известно, переход к кочевому скотоводству означал резкий скачок в развитии производительных сил древнейших скотоводческих племен. Этот переход к кочевому скотоводству мог, во-первых, осуществиться только после одомашнения лошади, когда облегчились условия передвижения на далекие расстояния. Во-вторых, переход к кочевому скотоводству мог осуществиться там, где в зимнее время имеются пастбища, не заваленные слоем снега. Наиболее благоприятными в этом смысле являются просторы бассейна Тарима. Осадков там выпадает чрезвычайно мало.

А. В. Станишевский собрал подробные расспросные данные у пастухов буквально всех областей бассейна Тарима. В районах Кериядарьи, в глубине песков Такла-Макан бывают периоды по два-три года, когда вообще осадков не выпадает. Бассейн Тарима удален от океанов и со всех сторон огражден гигантскими горными барьерами, перехватывающими атмосферную влагу. Располагается вся котловина бассейна Тари-

ма на высотах порядка 800—1600 м над уровнем моря. Урез воды в озере Лоб-Нор имеет отметку 780 м. Эта самая низшая отметка в бассейне Тарима. Отсюда скат постепенно повышается к западу в сторону Кашгара. Со всех сторон эту покатую равнину окружают мощные горные системы. На высотах 2500—4000 м над уровнем моря здесь повсюду развиты богатые альпийские луга.

Очень своеобразные процессы происходят в условиях высокогорья и в атмосфере. Углекислота, эта наиболее тяжелая часть воздуха, как бы стекает к подошвам горных хребтов. Повышенная концентрация углекислоты создает благоприятные условия для развития растительности у горных подошв, где, как известно, находится большинство сезонных осенне-зимних пастбищ кочевников.

Таким образом, в бассейне Тарима были все предпосылки для развития кочевого скотоводства, а наличие дикой лошади Пржевальского давало исходную форму для одомашнения лошади. Кстати, тут же находится родина и дикого верблюда, что давало возможность для его постепенного одомашнения.

Итак, если согласиться с гипотезой о том, что бассейн Тарима является одним из центров зарождения кочевого скотоводства, надо признать, что здесь были все условия для быстрого увеличения поголовья скота. А. В. Станишевский поясняет, что климат бассейна Тарима был немного более влажный и, что самое главное, гидрографическая сеть была значительно богаче. С горных склонов Куэньлуня и Тянь-Шаня сбегали многочисленные реки, получавшие ледниковое питание. Сейчас на месте этих рек зачастую остались только высохшие русла. Это вызвано постепенным сокращением площади ледников. Последний ледниковый период на Тянь-Шане закончился, по-видимому, около 20 тыс. лет тому назад, и с тех пор шло неуклонное сокращение ледников, что отнюдь не говорит о прогрессирующем усыхании Центральной Азии. Тут наблюдаются весьма парадоксальные явления: чем больше растет площадь песчаных пустынь в бассейне Тарима, тем больше происходит накапливание в погребенных толщах грунтовых вод. Впадина бассейна Тарима не имеет выхода во вне, она замкнута со всех сторон. Разрушение горных пород и снос щебня и песка горными потоками приводит к увеличению площади щебневых и песчаных пустынь. Здесь вода рек, стекающих с хребтов, уходит через легкофильтрующие слои песков и щебенки вглубь, и почти на всей площади пустыни Такла-Макан на близком расстоянии от поверхности (до 7 м) залегают прекрасные по своим питьевым качествам воды, не имеющие стока и предохраненные толщами песков от испарения. Растительность в этих пустынях молодая, еще не образовались те виды, которые при помощи мощной корневой системы извлекают воду с больших глубин. Поэтому транспирация грунтовых вод растительностью крайне невелика. Сухость атмосферы возрастает по мере того, как русла рек оказываются погребенными легкофильтрующими песками, а накапливание грунтовых вод, пригодных для использования в хозяйственной деятельности человека, возрастает все более. Такова схема климатических и гидрографических изменений в бассейне Тарима, предложенная А. В. Станишевским в его специальных географических работах.

Итак, 2000—3000 лет тому назад условия для развития кочевого скотоводства и каирного земледелия были несравненно более благоприятны. Численность стад возрастала, улучшалось питание человека, а это приводило к увеличению населения. Начался процесс расселения кочевых скотоводческих племен. Он шел в сторону Памира прежде всего, ибо в этом направлении преобладало широтное расположение хреб-

тов, что облегчало движение с востока на запад. Хребты, однако, не были непреодолимой преградой, и поток расселявшихся племен направлялся также к югу. А. В. Станишевский приводил в своих специальных работах объяснения, почему преодолевать хребты легче в направлении с севера на юг. На северных склонах дольше задерживаются снега, на них не падают прямые солнечные лучи. Нагрев горных пород солнечными лучами здесь намного меньше, чем на снежных склонах, и поэтому процесс разрушения горных пород протекает медленнее, нет подвижных каменных осей и склоны менее круты, чем на юге. Обилие влаги благоприятствует развитию растительности, которая закрепляет горные склоны. На южных склонах снега быстро стаивают, образуя потоки, размывающие под большим углом горные породы. На северных склонах, где развита травянистая, кустарниковая и древесная растительность, образуются ручьи с малым углом падения. Пологие северные склоны легче преодолеваются, и подъем на них менее заметен, а для человека, попадающего в горы, психологически подъем всегда кажется более трудным, чем спуск. Широтное расположение хребтов облегчало их преодоление в поступательном движении племен с севера на юг. Исключительно хорошие кормовые качества травостоя на альпийских лугах давали возможность для выпаса стад и создавали условия для освоения памирских высей.

В 1957 г. в Ташкенте состоялась Всесоюзная конференция востоковедов. На пленарном заседании А. В. Станишевский выступил по ряду вопросов, связанных с историей Памира и Припамирья. Укором в адрес лингвистов звучало сообщение о том, что в долине Ванча недавно умерли последние старики, владевшие ванчским языком. Такая же судьба может постигнуть и носителей весьма интересных языков пахпу, пашпу и шихпу в бассейне Тарима. Никто из ученых не записал текстов на их языках, и единственным косвенным материалом являются записи топонимов этих районов, сделанные А. В. Станишевским. Сейчас, когда клика Мао Цзэ-дуна проводит курс на физическое уничтожение малых народностей и полную китаизацию их остатков, угроза исчезновения этих реликтовых языков особенно велика. На советской территории в Вахане жили старики, знавшие эти языки. А. В. Станишевский призывал лингвистов отыскать этих стариков, зафиксировать то, что еще сохранилось.

Два остальных вопроса, поднятые А. Станишевским в выступлении, были связаны с восточнопамирскими киргизами. По-видимому, ареал распространения племен — носителей эпоса о «Манасе» был несколько шире современного. В частности, А. В. Станишевский указал, что у тюркоязычного племени в долине Хаш в Бадахшане сохранились очень интересные сказания, прямо перекликающиеся с отдельными эпизодами «Манаса».

В 1964 г. Андрей Владимирович завершил работу над созданием аннотированной библиографии трудов по истории Афганистана, о которой он упоминал на Конференции востоковедов в 1957 г.

Всего аннотированной библиографией охвачено свыше 2500 работ (к сожалению, эта библиография до сих пор не издана и хранится только у автора в картотеке). Труды по афганскому Памиру и Припамирью выделены в самостоятельный раздел. Особый интерес представляет обзор более 350 работ по вопросам этногенеза тесно связанных между собою народов Памира, Афганистана и Дардистана (и эта работа осталась в рукописи, вернее, в рукописной картотеке).

Есть две проблемы, над которыми продолжает трудиться Станишевский. Первая из них — попытка объяснить происхождение этносоци-

альной группы хайраби, имевшей особый вес в Вахане. Ученый обратил внимание на то, что название Хайраби носят теснины, контролирующие пути из долины Свата в Читрал, из Среднего Канжута в Верхний, из области расселения афридиев в Желалабадскую долину и даже на одном из старинных маршрутов в Восточном Хорасане. Для завершения работы над проблемой хайбари надо побывать в Вахане.

Вторая проблема связана с анализом топонимов древнеиндийской космогонии. Индийские источники начала нашей эры центром Джамбудвипы считали Памир. Основные материка индийской космогонии сохраняют в своих названиях имя Кушан и Комедов. Расшифровка терминологии древнеиндийской космогонии может пролить новый свет на историю древнейших этнических передвижений в районе Припамирья.

«Я остаюсь верным памирской теме и заветам моих учителей, наметившим вехи того, что сделано мною,— говорит Андрей Владимирович.— Поэтому я снова и снова возвращаюсь к Памиру и на Памир».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бируни Абурейхан, Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957.
2. Баранов П. А., Памир и его земледельческое освоение, М., 1940.
3. Бернштам А. Н., Саки Памира,— «Вестник древней истории», № 1, 1956.
4. Дьяконов И. М., История Мидии, М.—Л., 1956.
5. Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.
6. Наршахи Мухаммад, История Бухары, Ташкент, 1897.
7. Ниалло Аз., По горным тропам, Ташкент, 1933.
8. Ниалло Аз., Страна затерянных гор, М., 1935.
- 8а. Ниалло Аз.,— «Проблемы востоковедения», № 6, 1960.
9. Пантусов Н. Н., Мусульманские мазары в г. Уч-Турфане и окрестностях его.— «Записки РГО по этнографии», СПб., 1909, т. 34.
10. Станишевский А. В., Полевые дневники, тетрадь 3.
11. ЦГА УзССР, ф. II-С, оп. 3, д. 680, лл. 15—16.

И. Эрдели

АУРЕЛЬ ШТЕЙН И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМИРЕ

Аурель Штейн, один из крупнейших востоковедов-первооткрывателей XX столетия¹, был уроженцем Венгрии². Ныне ученый мир считает его англичанином [20, 291], хотя он стал гражданином Великобритании только в 1904 г.³ [12, 244]. Студенческие годы Штейна протекали в основном за границей. Начиная с 1879 г. он занимался индологией и ориенталистикой в Вене, Лейпциге и в Тюбингене. В последнем он защитил также свою докторскую диссертацию в 1883 г. Получив после этого венгерскую стипендию, Штейн продолжал свои занятия, теперь уже в английских университетах, в течение двух лет. В 1886 г. его пригласили работать в Лагор, и после этого жизнь Штейна была связана с Индией. В течение долгих лет ученый не терял надежды возвратиться на родину. Мечтал о том, чтобы преподавать санскрит в Будапеште или в Коложваре (ныне г. Клуж в Румынии), но условия того времени не были благоприятны. В 1895 г. Штейн стал почетным членом Венгерской Академии наук. В 1897 г. он прочел доклад в Будапеште по истории белых гуннов. Венгерские ученые все время считали его своим венгерским коллегой.

В 1925 г., приехав в Будапешт, Штейн прочел на венгерском языке в актовом зале Академии наук обширный, очень интересный доклад о влиянии географии Внутренней Азии в истории. Доклад имел очень большой успех [18].

Перед докладом, в своем вступительном слове президент Академии наук А. Берзевици назвал Штейна венгерским ученым.

Экспедиционная деятельность А. Штейна началась с весны 1900 г. на земле Кашмира. Во время этой первой экспедиции он уже затронул восточную окраину памирских гор, когда готовился к восхождению на пик Мустаг Ата⁴ и разбил один из своих лагерей на берегу озера Кара-Куль. Значительным успехом ученого были блестящие панорамные фотографии этой первой экспедиции А. Штейна, среди них мы на-

¹ Его фамилия имеет немецкое происхождение, соответственно нужно сохранить в русском правописании ее оригинальное, т. е. немецкое и совпадающее с ним венгерское, произношение Штейн, а не Стейн.

² Он родился 26 ноября 1862 г. в г. Будапеште, умер в 1943 г. в г. Кабуле (в Афганистане).

³ Т. е. в возрасте 42 лет.

⁴ За три года до этого совершил на этот же пик неудачное восхождение Ген Сведжин [9, 78—81].

ходим панорамы Восточного Памира [16, VIIIд; IX a-b]. В ходе всех своих экспедиций А. Штейн проявил особый интерес к топографической работе. Его труды снабжены замечательными картами, съемки которых являются результатом его личной работы и работы его товарища и коллеги, индийского топографа Райа Бахадура Лала Сингха. А. Штейн старался не только точно зафиксировать географические объекты, по которым пролегал его маршрут, но, кроме этого, пользуясь сведениями античных и раннесредневековых авторов, дать реконструированную историческую топографию данных областей. Тщательное и детальное изучение письменных источников в процессе подготовки маршрута экспедиции давало интересные результаты на месте; Штейн старался пройти по следам древних путешественников [19, XIII, II, 838—840, 847—848, 857—859, 878]. Такой прием давал наилучшие результаты, которые невозможно было получить сидя за письменным столом, тем более по несовершенным картам того времени.

Следующая экспедиция А. Штейна, посвященная собственно Памиру (он употребил это географическое название во множественном числе: Памиры), была начата летом 1915 г. Алайскую долину — «преддверие Памира» Штейн проехал, пользуясь описанием Марина Тиросского [19, 846]. В пути он занимался вопросом локализации Шелкового пути и «каменной башни» [7]. Последнюю он гипотетически локализовал у села Дараут-Кургана, у границы страны Кумедов арабских писателей [19, 849].

Во время этой экспедиции Штейну удалось посетить почти всю территорию Памира: Аличур, Вахан, Гаран, Шугнан и Дарваз. Все районы были пройдены им через труднодоступные перевалы и овринги, через опасные речные переправы. Полученные результаты впоследствии были подробно разработаны целым рядом специалистов (19 человек). Геологические образцы проанализированы в Венгрии [19, XIX].

Исключительное трудолюбие и многогранность интересов А. Штейна позволили собрать немало материалов; так, например, на территории Памира им было антропологически измерено 600 человек [17, III, 1351—1389].

Во время подготовки экспедиции и затем в ходе разработки собранных им данных Штейн всегда старался привлечь все существующие письменные источники благодаря широкому знанию западных и восточных языков. Вне его поля зрения оставались, к сожалению, работы русских исследователей, например А. Бобринского, а также фундаментальный труд А. Шульца, изданный в 1914 г. [14]. А. Штейн был знаком только с другой работой А. Шульца⁵ [15]. Но кроме этих работ ученый был глубоко знаком с результатами исследователей-путешественников XIX в. Именно в свете этих работ можно полнее понять значение памирских экспедиций А. Штейна.

Двухлетнее путешествие Дж. Вуда на Западном Памире [21] положило начало нового периода географического и исторического исследования Памира. Исследователи второй и третьей четверти прошлого столетия не располагали еще правильными и подробными картами этой области. Русский путешественник М. И. Венюков [5] имел такую карту Памира в 1859 г., на которой было больше крупных белых пятен, чем географических объектов.

Значительным вкладом в исследование Памира явились две датские экспедиции в 1898—99 гг. [11; 12]. Они служили рекогносцировкой

---

⁵ В которой издана одна из лучших карт о Памире начала XX в. и изложена история его исследования, с полной библиографической справкой.

после экспедиции Дж. Вуда и других, но давали больше наблюдений в области быта населения Памира⁶.

Топографические съемки первой экспедиции А. Штейна дополнили представление о рельефе Памира и значительно уточнили географическую карту данной высокогорной области. Они были использованы А. Шульцом при создании им карты, выпущенной в качестве приложения к работе в 1916 г. [15].

Особенно важны для исторической науки исследования А. Штейном развалин древних крепостей. Некоторые крепости Западного Памира были уже отмечены Дж. Вудом [всего пять]. О. Олуфсен и А. Бобринский [3; 4] коротко описали их, О. Олуфсеном даже были даны глазомерные планы двух крепостей Zengi-bâr близ Лянгар-Кишта и Ка'а-Ка вблизи Наматгута [11, 176—189]. А. Штейн производил топографическую съемку почти всех крупных крепостей и в своем труде дал фотографии и их подробное описание [19, III. 864—865, 871—872]. Он был первым исследователем, стремившимся археологически датировать все эти укрепления⁷. Выводы Штейна в основном до сих пор остались в силе [8, 135—137]. А. Н. Бернштам, который после второй мировой войны первым занялся исследованием археологических памятников Памира, пользовался планами А. Штейна⁸. А. Н. Бернштам указал на то, что этими крепостями отмечена собственно граница земледельческих и кочевых культур [8, 140—141]. Значительным шагом вперед в области датировки и разъяснения назначения этих крепостей была работа на месте А. Н. Зелинского, проведенная в 1957 г. Недавно группа археологов под руководством А. Бабаева, пополняя результаты А. Штейна, сняла планы пяти небольших укреплений и на многих крепостях заложила шурфы [1]. Материалы А. Н. Зелинского и А. Бабаева подтвердили общую датировку А. Штейна и более уточненную датировку А. Н. Бернштама. Роль и значение этих крепостей подробно и конкретно освещались в работе А. Н. Зелинского, который указал на то, что самые крупные из них: Каах-Ка и Ямчун были, по всей вероятности, пограничными укреплениями государства великих кушан. Окончательный ответ на эти вопросы могли бы дать раскопки более крупного масштаба этих крепостей (особенно Ямчуна). Они ждут своих исследователей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев А., Археологические разведки на Западном Памире в 1906 г.,— «Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXXIV, Археологические работы в Таджикистане, вып. VIII», Душанбе, 1962.
2. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— «МИА», т. 26, М.—Л., 1952.
3. Бобринский А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 9, 1911.

⁶ О. Олуфсен первым дал некоторые очень схематичные изображения наскальных рисунков под Лянгар-Киштом и надписи на таджикском языке (?) на валуне вблизи крепости Каах-Ка. На этом же месте он не обнаружил надпись на другом валуне у подножья крепости, написанную письменами ххарошти, которая была найдена автором данной статьи во время последней памирской экспедиции А. Н. Бернштама в 1956 г. [10].

⁷ Очень справедливо отмечает это А. М. Мандельштам [6, 19].

⁸ Например, план Ямчуна непосредственно взят у А. Штейна, но без указания источника. А. Н. Бернштам в своей книге [2] упрекает А. Штейна в том, что он не обратил внимания на более мелкие по своим масштабам археологические объекты (курганы, надписи и наскальные изображения). Ради справедливости надо отметить, что А. Штейн не был специалистом-археологом, хотя во время своих экспедиций он раскапывал археологические объекты. Он был прежде всего востоковедом, историком-географом.

4. Бобринский А. А., Горцы верховьев Пянджа, М., 1908.
5. Венюков М. И., О Памире и верховьях Амударьи, «Записки РГО», СПб., 1861, № 2.
6. Зелинский А. Н., Древние пути Памира,— «Страны и народы Востока», т. III, М., 1964.
7. Зелинский А. Н., Древние крепости на Памире,— «Страны и народы Востока», т. III, М., 1964.
8. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей,— «Труды Института ИАЭ ТаджССР», Сталинабад, 1957.
9. Сведин Г., В сердце Азии, т. I, СПб., 1899.
10. Erdélyi I., Az 1956. évi pamiri régészeti expedíció néprajzi jegyzetei. Ethnographia LXXI. Evf. Budapest, 1962.
11. Olufsen O., Through the unknown Pamirs, London, 1904.
12. Olufsen O., Gennem Pamir, Koebenhavn, 1905.
13. Rásonyi L., Sir Aurel Stein,— «Acta Orientalia Hungarica», Budapest, 1962, vol. XIV, № 3.
14. Schultz A., Die Pamirtadschik. Veröffentlichungen des Oberhessischen Museums und der Gail'schen Sammlungen zu Giessen, Bd 1. Giessen, 1914.
15. Schultz A., Landeskundliche Forschungen im Pamir, H. 33, Hamburg, 1916.
16. Stein A., Mountain Panoramas from the Pamirs and Kwen Lun, London, 1908.
17. Stein A., Serindia, Oxford, 1921.
18. Stein A., A legbelsőbb Ázsia földrajzának hatása a történetben, Budapest, 1925.
19. Stein A., Innermost Asia, Oxford, 1928.
20. Stein A., On ancient Central-Asian tracks, New York, 1964.
21. Wood J., A Journey to the source of the River Oxus, London, 1872.

А. З. Розенфельд

ЛИЧНЫЙ ФОНД ПРОФ. И. И. ЗАРУБИНА
(предварительное сообщение)

Профессор Иван Иванович Зарубин был ученым с разносторонними научными интересами. Создатель советской школы таджиковедения, выдающийся знаток живых памирских языков, вошедших благодаря его трудам в широкий научный обиход, И. И. Зарубин известен и как крупный специалист в области этнографии и фольклора таджиков и припамирских народностей [1; 3; 4]. Вся лингвистическая и этнографическая деятельность И. И. Зарубина была тесно связана с экспедиционной работой, главным образом на Памире. И. И. Зарубина интересовали и другие иранские языки, например, белуджский, и языки других систем, в частности вершикское наречие канджутского языка. Много сил отдал И. И. Зарубин составлению «Списка народностей Союза Советских Социалистических Республик» [3]. Все эти проблемы, а также и многие другие нашли отражение в личном фонде профессора И. И. Зарубина, хранящемся в Архиве Востоковедов ЛО ИВ АН СССР за № 121.

Архив профессора И. И. Зарубина (родился 10 октября (27 сентября) 1887 г., умер 3 февраля 1964 г.) поступил в ЛО ИВ АН СССР в апреле 1964 г. Работа над его описанием, которую вели В. П. Романенко и Н. Д. Путинцева, была завершена в 1968 г. В фонде сосредоточены материалы за период с 1914 по 1962 г. Личный фонд профессора И. И. Зарубина содержит 544 единицы хранения, зарегистрированных в трех описях: опись № 1 (501 единица хранения), опись № 2 — письма (30 единиц) и опись № 3 — личные документы (13 единиц), среди которых Почетная грамота Верховного Совета СССР за отличную работу в связи с 220-летием Академии наук СССР.

Опись № 1 состоит из 18 разделов. Первый раздел — научные статьи, доклады, заметки, отзывы и рецензии и т. п. материал, часть которого вошла в число опубликованных работ И. И. Зарубина. Во второй раздел включены работы других авторов, среди них имеется автограф академика К. Г. Залемана «Записи к работе „Средне-персидский язык“», (1884 г.). В этот раздел вошли тезисы диссертаций, сообщений, докладов, статьи и заметки многих авторов. В последующие разделы включены материалы по памирским языкам — шугнано-рушанской группе, по ишкашимскому, ваханскому и язгулемскому, по таджикскому языку, таджикским говорам и «межпамирскому фарси» — таджикскому языку, распространенному на Памире и служащему для общения припамирских народностей, говорящих на различных языках. Некоторая часть этих материалов была опубликована автором или вошла в публикации

его учеников [3; 4], но здесь содержатся и неопубликованные записи, статьи, заметки, словарные карточки.

Большая часть материалов фонда связана с этнографией припамирских таджиков: летовье, постройка дома, занятия, инструменты, семейно-брачные отношения, свадьба и свадебные обряды, рождение и воспитание ребенка, похоронные обряды. Среди упомянутых материалов некоторые написаны на таджикском языке корреспондентами И. И. Зарубина по его просьбе. В фонде значительное место занимают записи произведений устного народного творчества на памирских языках, главным образом на шугнанском, — сказки, стихи (даргилик), рассказы, а также поэма видного бадахшанского поэта XIX в. Лачина. В фонде хранится статья И. И. Зарубина о памирских петроглифах с фотографиями.

Белуджские материалы фонда включают записи фольклора — сказки, стихи, пословицы, загадки, песни, по этнографии белуджей, материалы по грамматике, фонетике, фразеологии и словарю.

В течение многих лет И. И. Зарубин читал лекции студентам и аспирантам ЛИФЛИ, а затем ЛГУ по таджикскому языку и таджикской диалектологии, по памирским языкам. Как пишет В. С. Расторгуева, в систематическом виде эти лекции нигде не были опубликованы. «Кое-что из этого позже с разрешения И. И. Зарубина нашло отражение в выполненных под его руководством работах его учеников» [3, 15; 4]. В фонде педагогическая деятельность профессора И. И. Зарубина нашла отражение в виде программ учебных курсов.

В фонде хранятся памирские фотографии, а также несколько коробок со стереоскопическими диапозитивами, большая часть которых связана с этнографией припамирских народностей (типы, одежда, постройки, ландшафт и т. п.). Вместе с диапозитивами хранятся и стереоскопы.

И. И. Зарубин был неумолимым путешественником. Во время своего пребывания на Памире (лето 1914 г., 1915—1917 гг.) он неоднократно посещал районы с ираноязычным населением, в том числе и труднодоступные в те времена верховья Ванджа, Бартанга, Язгулема и другие [2]¹. В фонде хранятся некоторые записные книжки, относящиеся к этому периоду, заметки, карты и другие материалы.

Несомненно, что лингвисты и этнографы, интересующиеся жизнью припамирских народностей в недавнем прошлом, найдут для себя много ценного в фонде профессора И. И. Зарубина².

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гафферберг Э. Г. и Кисляков Н. А., И. И. Зарубин — этнограф и музейный работник, — «Иранский сборник», М., 1963.
2. Зарубин И. И., Пути с р. Ванч на р. Язгулем, р. Бартанг и р. Гунт, — «Известия Туркестанского отдела Императорского русского географического общества», т. XII, вып. 2, 1916.
3. Расторгуева В. С., И. И. Зарубин — лингвист, — «Иранский сборник», М., 1963.
4. Расторгуева В. С., И. И. Зарубин (некролог), — «Народы Азии и Африки», М., 1964, № 4.

¹ В 40—60-х годах автор встречал среди ваханцев и шугнанцев бывших проводников И. И. Зарубина в его странствиях по Памиру, которые рассказывали о нем, как о неумолимом ходоке и знатоке местных языков и быта.

² Некоторые материалы из архива И. И. Зарубина использованы Л. Ф. Моногаровой в ее книге: Преобразования в быту и культуре припамирских народностей, М., 1972.

Б. И. Кузнецов

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПАМИРА С ТИБЕТОМ

Древние пути Памира связывали с давних пор Среднюю Азию и Шаншун, обширную область Северного и Северо-Западного Тибета. Согласно тибетской традиции именно этими путями шло в Тибет иранское культурное влияние в первое тысячелетие нашей эры. Этому вопросу и посвящена тема нашего краткого сообщения.

Во всех тибетских источниках по религии бон утверждается, что один из главных проповедников этой религии Шенраб (тиб. Gshen-rab, т. е. «Совершеннейший жрец») родился в Пасаргадах в стране Элам-Иран (Stag-gzigs 'Ol-mo).

Строго говоря, эта религия не имела какого-то своего названия. Термин «бон» является тибетским и значит «молитва, ритуал», приблизительно соответствуя по значению иранскому «бразман»*. О времени проникновения этой иранской религии в Тибет ничего определенного сказать нельзя, но можно допустить, что она начала там распространяться на рубеже нашей эры. С VII в. н. э. бонская религия сталкивается в Тибете с буддизмом, и между ними постепенно возникает борьба, которая, то затухая, то вспыхивая вновь, так и не привела к окончательной победе ни одной из сторон. В ходе этой борьбы обе религии сильно трансформировались, оказав друг на друга значительное влияние.

Попытаемся дать самую общую характеристику бонской религии в ее первоначальном виде и ее главному учителю — Шенрабу. Существует биография этого учителя [3], которая дошла до нас в редакции IX в. н. э. Первоначально, как утверждают тибетские издатели этого сочинения, оно было составлено в Иране и было записано финикийскими (т. е. арамейскими) буквами. Потом биография была переведена на шаншунский язык, а затем уже и на тибетский [3, 1127—1138, 1167]. Из этой биографии явствует, что Шенраб был современником создания Ахеменидской державы Киром II (VI в. до н. э.). В биографии Шенраба рассказывается о разгроме Ираном — Эламом Мидии [3, 91—150], после чего следует описание Вавилона и говорится о появлении в нем самого учителя [3, 714—796].

Из того, что говорится об учении и деятельности Шенраба в тибетских источниках, а также на основании современных европейских исследований древней иранской культуры, можно сделать вывод, что до VI в. н. э., т. е. до присоединения Мидии к Персиде, на территории Ирана существовали две самостоятельные религиозные традиции: ми-

---

* «Бон» происходит от индо-иранского «пунья» — чистота

дийская и персидская. Заслуга Шенраба состояла не только в том, что он пытался соединить эти две близкие религиозные традиции в одну систему, но и в его принципиальной концепции: все народы на земле верят в одних и тех же богов, хотя и называют их по-разному.

Религию Шенраба можно назвать традиционным маздаизмом, так как, во-первых, она была связана тесными узами с древними арийскими культурами, а во-вторых, поскольку над многочисленным пантеоном божеств возвышался центральный культ Мазды или Ахура Мазды (небесный Господь Премудрый). Следующие по значению боги после Ахура Мазды — это Митра и Астарта (Анахита). Имена Ахуры и Астарты даются в тибетских источниках всегда в транскрипции ('Bum-khri: Sa-trig), что же касается Митры, то иногда его называют «Белый (т. е. дневной) свет». Кроме того, в древних и средневековых источниках встречается как вариант Митра (Mi-tra), так и Пехар (от перс. Михр). Разумеется, при этом мы учитываем то обстоятельство, что тибетские описания всех этих богов целиком и полностью совпадают с иранскими.

Сущность учения Шенраба весьма проста: дуализм света и тьмы, добра и зла. Каждый человек должен стремиться к свету, добру, истине и бороться против лжи и обмана. Существует загробная жизнь, рай и ад, куда попадают люди по своим заслугам. Важное место в религии отводится ритуалам и обрядам, молитвам и заклинаниям.

Тибетский историк Тараната (XVII в.) сообщает в своей «Истории буддизма», что царь Ксеркс (V в. до н. э.), именуемый в этом сочинении как Шрихарша (иран. Хшайарша), устроил в один день грандиозную и поголовную резню всех жрецов, хранителей традиционных культов [1, 135]. Мы не будем здесь касаться причин, побудивших Ксеркса так поступить. Нам важно отметить, что с этого момента, начинается распространение традиционного маздаизма как на Запад, так и на Восток. В хотанских хрониках есть указания на то, что задолго до появления в этом районе буддизма, т. е. задолго до начала нашей эры, там появлялись какие-то иранские проповедники [5, 93—94].

Иранская культура начинает интенсивно распространяться к югу от Хотана, в стране Шаншун (северные районы Тибета) на рубеже нашей эры, когда часть иранских племен была отрезана гуннами от Семиречья и оттеснена к Шаншуну. С этого времени в стране начинается процесс формирования местной своеобразной цивилизации, с преобладающим влиянием иранской, сохранившейся у северных тибетских племен вплоть до нашего времени [4, 29]. В то же время единственными путями, связывающими Шаншун и Тибет с Ираном, становятся надолго пути через Памир.

В тибетско-шаншунском словаре, представляющем собой позднюю компиляцию разных бонских сочинений, в том числе и очень древних, помещена географическая карта Ирана, на которой обозначен путь учителя Шенраба из Ирана в Шаншун (Тибет) [5, 64]. Судя по этой карте, его путь пролегал юго-восточнее Согдианы, т. е. шел через Памир и далее — южнее «Пустыни страданий», очевидно, пустыни Такла-Макан. Там же на карте нарисованы горы, около которых по-тибетски написано, что там находился пограничный знак, отделявший Иран от Шаншуна. Из этой же надписи следует, что в качестве пограничного знака служило какое-то святилище бога огня в «огненной скале».

В том же самом словаре говорится о постоянных контактах, которые имели место в первое тысячелетие нашей эры между Ираном и Тибетом. В Шаншуне, а также и в Тибете постоянно появлялись иранские мудрецы, которые приносили с собой новые веяния, идеи и книги. В периоды гонений в Тибете на бон, жрецы-книгогочи бежали на запад, в

Иран, ища там спасения, а затем снова возвращались теми же путями на восток, когда идеологические страсти утихали [5, 28, 54—56].

Свидетельство о посещении Шенрабом Шаншуна, конечно, не следует понимать буквально. Это упоминание говорит только о распространении маздаизма в Центральной Азии — и не более того. В буддийских преданиях можно найти аналогичные истории о посещении Буддой Хотана, Тибета и других мест, в которых он заведомо никогда не был. Видимо, таким же образом следует понимать и неоднократно упоминаемого в тибетско-шаншунском словаре «великого учителя», «великого мудреца», «чудотворца Есе (Ye-shes)», т. е. Иисуса, который, как это следует из тибетского источника, появился из Ирана в стране Шаншун [5, 28, 51]. К сожалению, вопрос о проникновении христианства в эти районы остается загадкой. До сих пор об этом возможном проникновении нет никаких данных, хотя изображения Иисуса и сохранились в составе поздней буддийской иконографии [2, 51 (изображение № 153)].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. [Д а р а н а т а], Буддизм, его догматы, история и литература, ч. III, История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Перевод с тибетского В. Васильева, СПб., 1869.
2. Сборник изображений 300 бурханов. Издал С. Ф. Ольденбург, СПб., 1903 (Bibliotheca Buddhica. V).
3. Dus-pa rin-po-che'i rgyud gzer-mig, Delhi, 1965 (на тибетском языке).
4. Roerich G. H., The Animal style among the nomad tribes of northern Tibet. Seminarium Kondakovianum, Prague, 1930.
5. Tibetan Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan, selected and translated by F. W. Thomas, Pt II, London, 1951.
6. Tibetan-Zang-zung Dictionary, Delhi (без даты).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВДИ	— Вестник древней истории
ГБАО	— Горно-Бадахшанская автономная область
ДАН	— Доклады Академии наук
ЗИН	— Зоологический институт АН СССР
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
КАЭ	— Киргизская археологическая экспедиция
КСИА	— Краткие сообщения института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт
МГГ	— Международный географический год
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП	— Московское общество испытателей природы
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
НКТП	— Народный Комиссариат тяжелой промышленности
СОПС	— Совет по изучению производительных сил
СХИ	— Сельскохозяйственный институт
ТИИАЭ	— Труды института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР
ТПЭ	— Таджикско-Памирская экспедиция
ТФАН	— Таджикский филиал АН СССР
BMFEA	— Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies (London)
CAJ	— Central Asiatic Journal
MASI	— Memoires of the Archaeological Survey of India (Delhi)
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Ф. Сидоров.</i> Что же все-таки называть Памиром?	5
<i>О. Е. Агаханянц, А. Юсуфбеков.</i> Главные черты природы Памира	26
<i>Д. И. Эдельман.</i> Географические названия Памира	41
<i>Е. В. Максимов.</i> Масштабы новейших тектонических движений Памиро-Алая и некоторых других горных сооружений земного шара	63
<i>О. П. Сапов.</i> К палеогеографии четвертичного периода Северного Памира	94
<i>Л. Ф. Сидоров.</i> Формирование поверхности и сохранность исторических памятников на Памире	123
<i>В. А. Ранов.</i> Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века	136
<i>Т. Г. Абаева.</i> Границы древнего Болора	158
<u><i>А. М. Дьяков.</i></u> Краткая характеристика этнического состава населения Горно-Бадахшанской автономной области в первой четверти XX века	169
<i>Л. Ф. Моногарова.</i> Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР	174
<i>И. М. Стеблин-Каменский.</i> Повседневная и ритуальная пища ваханцев	192
<i>А. З. Розенфельд.</i> Материалы по языку и этнографии припамирских таджиков	210
<i>Т. Н. Пахалина.</i> Сравнительный обзор памирских языков	222
<i>Б. А. Литвинский.</i> Памирская космология	251
<i>Т. Г. Абаева.</i> Исследования А. В. Станишевского (Азиза Ниалло) о Памире	262
<i>И. Эрдели.</i> Аурель Штейн и его исследования на Памире	292
<i>А. З. Розенфельд.</i> Личный фонд проф. И. И. Зарубина	296
<i>Б. И. Кузнецов.</i> Культурные связи Памира с Тибетом	298
Список сокращений	301

CONTENTS

<i>L. F. Sidorov.</i> What Should Indeed Be Called Pamirs?	5
<i>O. E. Agahianz, A. Usoujbekov.</i> Main Characters of Nature in Pamirs	26
<i>D. I. Edelman.</i> Geographical Place-Names in Pamirs	41
<i>E. V. Maksimov.</i> Scale of the Latest Tectonic Movements in Pamirs-Altai and in Some Other Mountain Formations of the Earth Globe	63
<i>O. P. Sapov.</i> Paleography of the Quaternary Period in North Pamirs	94
<i>L. F. Sidorov.</i> Surface Formation and Preservation of Historical Monuments in Pamirs	123
<i>V. A. Ranov.</i> Pamirs and the Problem of Settlement of the Stone Age Man on Asia Highlands	136
<i>T. G. Abaeva.</i> Frontiers of Ancient Bolor	158
<u><i>A. M. Diakov.</i></u> Short Characteristic of the Ethnical Composition of the Population of the Gorno-Badahshan Region of the Tajik Autonomous S.S.R. in the first part of the XX th century	169
<i>L. F. Monogarova.</i> Ethnical Composition and Ethnical Processes in the Gorno-Ba- dahshan Region of Tajik Autonomous S.S.R.	174
<i>M. I. Steblin-Kamenski.</i> Everyday and Ritual Food of the Wakhan People	192
<i>A. Z. Rosenfeld.</i> Materials on the Ethnography of Tajiks in Regions Bordering on Pamirs	210
<i>T. N. Pahalina.</i> Comparative Revue of Pamirs Languages	222
<i>B. A. Litvinsky.</i> Pamirs Cosmology	251
<i>T. G. Abaeva, A. V. Stanishevski's</i> Investigations on Pamirs	262
<i>I. Erdelyi.</i> Aureal Stein and His Investigations on Pamirs	292
<i>A. Z. Rosenfeld.</i> Prof. Zarubin's Personal Funds	296
<i>B. I. Kusnetzov.</i> Cultural Relations Between Pamirs and Tibet	298
List of Abbreviations	301

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
253	15 св.	[14]	[15]
253	1 сн.	[65, 49, след.]	[65а, 49, след.]
257	18 сн.	[13а, 136]	[14, 136]
266	11 сн.	оказывая огромное влияние на Византию,	оказывая известное влияние на Византию.
292	2 сн.	Ген Сведин	Свен Гедин
295	10 св.	Сведин Г.	Гедин С.

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА
вып. XVI

ПАМИР

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор *В. Л. Резников*
Младший редактор *И. В. Бушуева*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *В. Н. Вагрова* и *Л. М. Кольцина*

Сдано в набор 26/VI 1974 г.
Подписано к печати 30/IV 1975 г. А-10087
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 19
Усл. п. л. 26,6. Уч.-изд. л. 24,89
Тираж 2500 экз. Изд. № 3398
Зак. № 516. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

